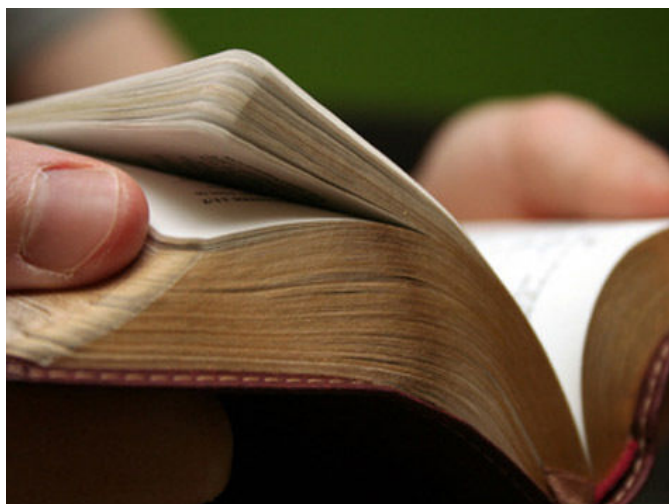

Б. Р. Мандель

Современный русский язык: история, теория, практика и культура речи

Книга I

*Иллюстрированный учебник
для студентов высших учебных заведений
гуманитарного направления
(бакалавриат)*

Москва

2014

УДК 81.24
ББК 81.2 РУС
М 23

Рецензенты:

Павленко А. И., кандидат педагогических наук
Нестерович Н. Н., кандидат педагогических наук

Мандель Б. Р.

М 23 Современный русский язык: история, теория, практика и культура речи. Книга I.
Иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат). – М.: Директ-Медиа, 2014. – 490 с.

ISBN 978-5-4458-8098-1

Настоящий учебник предназначен для студентов и преподавателей высших учебных заведений гуманитарного направления.

Учебник содержит основные сведения об истории, формировании и развитии современного русского литературного языка.

Книга включает в себя комментарии, схемы, многочисленные примеры из произведений отечественной литературы, сноски.

Кроме этого, учебник содержит темы контрольных работ и рефератов, примерный перечень вопросов для самоподготовки к экзаменам и зачетам, примерные задания для практических работ и проведения тестирования, а также обширный список дополнительной литературы.

Наш учебник будет полезным не только для студентов любых уровней образования и специалистов, но и для всех любящих русский язык и желающих узнать подробнее его историю, структуру, состав, происхождение и особенности.

УДК 81.24
ББК 81.2 РУС

Содержание

Введение.....	5
Глава I. Русский язык: версии происхождения	6
Глава II. Русский язык в Российской Федерации и среди языков мира	157
Глава III. Литературный язык и диалекты языка. Жаргоны и сленг	172
Глава IV. Русский литературный язык.....	183
Глава V. Нормы современного русского литературного языка	196
Глава VI. Культура речи и стилистика. Функциональные разновидности речи	211
Глава VII. Русская графика. Алфавит.....	234
Глава VIII. Русская фонетика. Сложные взаимоотношения русской фонетики и графики	262
Глава XI. Понятие о фонетической транскрипции	286
Глава X. Слоги и слогораздел. Ударение	302
Глава XI. Орфоэпия. Нормы произношения слов в русском языке.....	315
Глава XII. Нормативные словари и основные принципы работы с ними	346
Примерные вопросы к экзаменам и зачетам.....	403
Примерная тематика контрольных работ и рефератов.....	408
Практические работы (образцы заданий).....	409

Список дополнительной литературы для подготовки к экзаменам, зачетам и написанию рефератов и контрольных работ.....	416
СЛОВАРИ (для самостоятельной работы).....	419
Сборники упражнений (для самостоятельной работы)	421
Примечания и комментарии.....	422

Введение

Наше пособие представляет собой не просто учебник с материалами по современному русскому языку, с выделением его разделов, с материалами для практических занятий, но и книгу, содержащую сведения по лингвистике, книгу, где материалы о происхождении и истории современного русского языка будут и соседствовать, и органически вписываться в общую систему изучения современного русского языка.

Выделение отдельных разделов будет, в принципе, соответствовать традиционному, хотя несогласие автора с отдельными формулировками и дефинициями проявится довольно заметно, что, однако, никак не повлияет на общую концепцию пособия, цель которого не только научить языку, но и представить наиболее свежие, современные сведения по развитию современного русского языка с точки зрения человека XXI века.

Глава I

Русский язык: версии происхождения

Начать наш разговор о русском языке, по нашему мнению, стоит, прежде всего, с неизвестного правительственного документа.

Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принят Государственной Думой 20 мая 2005 года

Одобен Советом Федерации 25 мая 2005 года

Настоящий Федеральный закон направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры.

Статья 1. Русский язык как государственный язык Российской Федерации

1.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык.

2.

Статус русского языка как государственного языка Российской Федерации предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Законом Российской Федерации от 25 октября 1991 года N 1807-I «О языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, его защиту

и поддержку, а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации.

3.

Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.

4.

Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве.

5.

Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации.

6.

При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

7.

Обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации.

Статья 2. Законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации

Законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов, Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 года N 1807-I «О языках народов Российской Федерации» и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих проблемы языка.

Статья 3. Сферы использования государственного языка Российской Федерации

1. Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:

- о в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства;

- о в наименованиях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности;

- о при подготовке и проведении выборов и референдумов;

- о в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации;

- при официальном опубликовании международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов;
- во взаимоотношениях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений;
- при написании наименований географических объектов, нанесении надписей на дорожные знаки;
- при оформлении документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации, изготовлении бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, оформлении документов об образовании, выдаваемых имеющими государственную аккредитацию образовательными учреждениями, а также других документов, оформление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляется на государственном языке Российской Федерации, при оформлении адресов отправителей и получателей телеграмм и почтовых отправлений, пересылаемых в пределах Российской Федерации, почтовых переводов денежных средств;
- в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий, за исключением деятельности организаций телерадиовещания и редакций периодических печатных изданий, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на

государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках, а также за исключением случаев, если использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла;

- в рекламе;
- в иных определенных федеральными законами сферах.

2. В случаях использования в сферах, указанных в части 1 настоящей статьи, наряду с государственным языком Российской Федерации государственного языка республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языков народов Российской Федерации или иностранного языка тексты на русском языке и на государственном языке республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранном языке, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, должны быть идентичными по содержанию и техническому оформлению, выполнены разборчиво, звуковая информация (в том числе в аудио- и аудиовизуальных материалах, теле- и радиопрограммах) на русском языке и указанная информация на государственном языке республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранном языке, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, также должна быть идентичной по содержанию, звучанию и способам передачи.

3. Положения части 2 настоящей статьи не распространяются на фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, а также теле- и радиопро-

граммы, аудио- и аудиовизуальные материалы, печатные издания, предназначенные для обучения государственным языкам республик, находящихся в составе Российской Федерации, другим языкам народов Российской Федерации или иностранным языкам.

Статья 4. Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации

В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции:

1. обеспечивают функционирование государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации;
2. разрабатывают и принимают федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, разрабатывают и реализуют направленные на защиту и поддержку государственного языка Российской Федерации соответствующие федеральные целевые программы;
3. принимают меры, направленные на обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации;
4. принимают меры по совершенствованию системы образования и системы подготовки специалистов в области русского языка и преподавателей русского языка как иностранного языка, а также осуществляют подготовку научно-педагогических кадров для образовательных учреждений с обучением на русском языке за пределами Российской Федерации;
5. содействуют изучению русского языка за пределами Российской Федерации;
6. осуществляют государственную поддержку издания словарей и грамматик русского языка;

7. осуществляют контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации;

8. принимают иные меры по защите и поддержке государственного языка Российской Федерации.

Статья 5. Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации

1. Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации предусматривает:

- получение образования на русском языке в государственных и муниципальных образовательных учреждениях;

- получение информации на русском языке в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органах, органах местного самоуправления, организациях всех форм собственности;

- получение информации на русском языке через общероссийские, региональные и муниципальные средства массовой информации. Данное положение не распространяется на средства массовой информации, учрежденные специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках.

2. Лицам, не владеющим государственным языком Российской Федерации, при реализации и защите их прав и законных интересов на территории Российской Федерации в случаях, предусмотренных федеральными законами, обеспечивается право на пользование услугами переводчиков.

Статья 6. Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации

1. Принятие федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, направленных на ограничение использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также иные действия и нарушения, препятствующие осуществлению права граждан на пользование государственным языком Российской Федерации, влекут за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

2. Нарушение настоящего Федерального закона влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Итак, суровый и не допускающий пререканий документ, который, установив статус языка, не объясняет, естественно, ни его сущностной, феноменальной характеристики, ни слова не говорит о его развитии и происхождении, как то, собственно, и положено государственному документу...

А теперь – краткая дефиниция предмета нашей работы – **современный русский язык** – это национальный язык русского народа, форма русской национальной культуры. Он представляет собой исторически сложившуюся языковую общность и объединяет всю совокупность языковых средств русского народа, в том числе, все русские говоры и наречия, а также различные жаргоны. Высшей формой национального русского языка является русский литературный язык, который имеет ряд признаков, отличающих его от других форм существования языка: обработанность, нормированность, широта общественного функционирования,

общеобязательность для всех членов коллектива, разнообразие речевых стилей, используемых в различных сферах общения.

Русский язык входит в группу славянских языков, которые образуют отдельную ветвь в индоевропейской семье языков и делятся на три подгруппы: восточная (русский, украинский, белорусский); западная (польский, чешский, словацкий, кашубский, лужицкий); южная (болгарский, македонский, сербскохорватский [хорватско-сербский], словенский).

Восходя к одному и тому же источнику – общеславянскому языку, все славянские языки близки друг к другу, о чем свидетельствует сходство ряда слов, а также явлений фонетической системы и грамматического строя. Например: русское племя, болгарское племе, сербское племе, польское *plemię*, чешское *plemĕ*, русское глина, болгарское глина, чешское *hlina*, польское *głina*; русское лето, болгарское лято, чешское *leto*, польское *lato*; русское красный, сербское красан, чешское *krasny*; русское молоко, болгарское мяляко, сербское млеко, польское *mleko*, чешское *mleko* и т.д.

Происхождение русского языка стало предметом исследований многих известных русских ученых-лингвистов, среди которых наиболее авторитетным нам представляется мнение академика Виктора Владимировича Виноградова (1895–1969)¹. По его мнению, сам термин «русский язык» уже употребляется в четырех значениях: 1) как совокупность «всех живых языков восточнославянской ветви от выступления восточных славян на историческое поприще до образования наций: великорусской, украинской и белорусской»; 2) как обозначение письменного языка, который, сложившись на основе общеславянского литературного языка в виде церковнославянского, стал выполнять «литературные функции» в Киевской и Московской Руси вплоть до

образования самого русского или великорусского общенационального языка; 3) как обозначение совокупности всех наречий и говоров, которые используются русскими в качестве родных; 4) как общерусский национальный язык прессы, школы, государственной практики².

Виктор Владимирович. Виноградов

Первые сведения об истории русских ведут начало из «Повести временных лет», составленной в XII веке на основе первой летописи XI века. Во вступительной части составитель «Повести...» ведет речь о славянских племенах, которые сегодня совершенно научно обоснованно относятся к русским.

Название «русские» происходит от народа *русь*, по мнению составителя «Повести временных лет» – народа варяжского (скандинавского). Об этническом происхождении первых носителей этого названия до сих пор

ведутся споры: западные и многие российские ученые признают их варяжское происхождение (норманизм), но есть и другие версии: ряд ученых считают русских славянами, другие – ираноязычными кочевниками (роксаланами), третьи – германскими племенами (готами, ругами и т. д.).

Около XII века в результате слияния восточнославянских племенных союзов формируется древнерусская народность. Ее дальнейшей консолидации помешал феодальный распад Киевской Руси, а объединение княжеств под властью нескольких государств (Московское великое княжество, Великое княжество Литовское и позже Речь Посполитая) заложило основу для дальнейшего распада ее на три современных народа: русских, украинцев и белорусов. Наибольшую роль в образовании русского народа сыграли потомки племен северо-востока Руси – словене ильменские, кривичи, вятичи и др., в связи с малой миграцией в Средние века вклад остальных племен представляется гораздо менее значительным.

В XV веке русские начали распространяться в степные районы Поволжья и Северного Кавказа, в XVII веке заселили Сибирь (наибольшую роль при этом играли казаки и поморы), при этом были практически полностью ассимилированы финно-угорские племена, жившие на Русской равнине (весь, мурома и др.). На основании этого факта в XIX веке некоторые польские историки (например, Духинский) вообще отказывали русским (великороссам) в славянской принадлежности. Данная теория, с самого начала в общем признанная имеющей не научные, а политические основы, до сих пор имеет последователей. Степень преемственности тем или иным этносам Древней Руси и подверженности различным чужеродным влияниям русских, украинцев и белорусов до сих пор является вопросом дис-

куссионным и слишком политизированным, чтобы можно было надеяться на полное его разрешение.

Еще на рубеже XIX–XX веков под русскими понималась совокупность трех этнографических групп: великороссов, малороссов и белорусов (иногда сюда же включали и русинов), то есть всех восточных славян. Она составляла 86 миллионов (1897) или 72,5% населения Российской империи. Это была господствующая точка зрения, нашедшая отражение в официальных государственных и энциклопедических изданиях.

*Великорусские крестьянки. Начало XX века. Местность
на реке Шексна*

Однако уже в это время ряд исследователей считали различия между группами достаточными, чтобы признать их особыми народами. В связи с последующим углублением этих различий и национальным самоопределением малороссов (украинцев) и белорусов, этноним «русские» перестал на них распространяться и сохранился лишь для великороссов, заместив собой прежний этноним. Сейчас обычно, говоря о

дореволюционной России, под русскими понимают только великороссов – утверждая, что русские составляли 43% ее населения (порядка 56 млн.).

Название «Великая Россия» впервые встречается в послании русскому митрополиту Феогносту византийского императора (1347 год). В XV веке используется на Западе, в XVI входит в царский титул. Смысловое наполнение названия, вероятно, никогда не было единым: с одной стороны прослеживается параллель между Грецией «Малой» (собственно Греция) и «Великой» (греческие колонии), с другой – возвеличивающее значение. Однако применительно к населению этих земель этноним великороссы (великорусы) начинает использоваться лишь в XIX веке, в то время как географическое название уже выходит из употребления.

Русский язык относится к восточной группе славянских языков. Он отличался от языков других ветвей славянства целым рядом особенностей:

1) фонетических (как, например, полногласие: *молоко, борода, берег* и т. п.; звуки *ч* на месте более древних *тј, ж* – на месте *дј*: *свеча, межа* и т. д.);

2) грамматических (например, в образовании отдельных падежей имен сущ.: *йь* – первоначально носовое – в формах род. пад. ед. ч. и вин. п. мн. ч. от слов женского мягкого склонения на *я*; *йь* – в вин. пад. мн. ч. имен сущ., муж. рода типа *конь* и др. пад.; в образовании разных падежей ед. ч. местоименного или членного склонения имен прилагательных; в образовании основ разных глагольных форм, например имперфекта³, в образовании формы причастия наст. вр. и т. п.);

3) лексических (ср., например, употребление таких слов, как *глаз, ковер, плуг, волога, «жир», паволока, клюка, «хитрость», окорок, паром, копытце «обувь», горшек, тяжа, хорошав «величав», шропати* и т. п.).

Язык восточных славян еще в доисторическую пору представлял собою сложную и чрезвычайно пеструю группу племенных наречий, уже испытавших разнообразные смешения и скрещения с языками других народностей и заключающий в себе богатое наследие многовековой племенной жизни. Отношения и соприкосновение с балтийскими народностями, с германцами, с финскими племенами, с кельтами, с турецко-тюркскими племенами (гуннскими ордами, аварами, болгарами, хазарами) не могли не оставить глубоких следов в языке восточного славянства, подобно тому как славянские элементы обнаруживаются в языках литовском, немецком, финских и тюркских.

Занимая Восточно-Европейскую равнину, славяне вступали на территорию давних культур в их многовековой смене. Элементы древнегреческой культуры были занесены сюда издавна ионийцами, колонизаторами черноморского побережья. Установившиеся когда-то здесь культурно-исторические связи славян со скифами и сарматами тоже нашли отражение в качестве наслоений в языке восточных славян.

В свое время академик А. И. Соболевский⁴ указал на множество палеонтологических отложений скифской культуры и языка в названиях мест, народностей, в именах, фамилиях и в областной лексике на всем пространстве бывшего СССР. Между тем, в скифской культуре исследователями обнаружены, помимо греческих влияний, и сильные влияния народов и языков Кавказа и Средней Азии.

Таким образом, археологические данные, показания языка, ономастика⁵, топонимика⁶ и свидетельства о международных – особенно торговых – связях Южной России с древнейших времен дают основание построить историю культуры и языка нашей страны на

представлении о многовековом непрерывном преемстве ее сложной культурной жизни.

Алексей Иванович Соболевский

Культура Киевской Руси вырастает на синтезе разнообразных традиций многовековой культуры, отчасти унаследованных от славянских родичей, отчасти выработанных в условиях самостоятельной жизни восточного славянства. Киевская Русь была первой значительной попыткой разрешить задачу связи черноморской и прибалтийской культур в относительно устойчивой политической организации; все предыдущие государства Южной Руси сметены ходом исторической жизни, а восточное славянство на более широкой базе и основало своим вековым непрерывным трудом Европейскую Россию.

Сложное взаимодействие и скрещение разных языков в среде восточного славянства ярко обнаруживаются уже в смешанном составе дохристианских славянских богов. «О славянском происхождении имени Перуна, – писал академик Ф. Е. Корш⁷, – теперь не может быть речи». Известно, что киевский князь Влади-

мир — до принятия христианства — стремился установить свой пантеон, объявив военно-дружинный культ Перуна общим культом славян и объединив около Перуна целый ряд других богов: Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симарьгла и Мокошь. Это боги разноплеменного и разноязычного состава.

Федор Евгеньевич Корш

С другой стороны, в таких явлениях, как *коляда* (ср. лат. Kalendae), *русалии* (ср. rosalia) и т.п., можно видеть несомненное влияние Запада. Таким образом, язык восточных славян с самого начала своей истории выступает как носитель и объединитель разнообразных культурных традиций.

Сложность доисторических судеб восточнославянского языка обнаруживается и, как мы уже упоминали, в загадочном происхождении самого имени *Русь*, *русский*. Многие считали и считают его исконным славянизмом (представители автохтонно⁸-славянской теории). Кто выводил его из роксолан, считая их славянским племенем, смешанным с иранцами, скифо-сарматами. Кто связывал название Руси с мифическим обозначением

народа Ros у еврейского пророка Иезекииля, перенесенным затем византийцами на славян; кто искал следы этого имени в названиях разных народов, населявших до славян Южную Русь или прилегающие к ней страны. Были гипотезы, выводившие русское имя от финнов, литовцев, мадьяр, хазар, готов, грузин, евреев и от прочих нынче неизвестных народов. У **норманистов**⁹ господствует теория о связи имени *Русь* с финским термином «Ruotsi», которым финны называли шведов, а может быть, и вообще всех жителей скандинавского побережья. Некоторые лингвисты из лагеря норманистов готовы доказывать, что имя *Русь* вошло в русский язык непосредственно от скандинавов, без финской помощи. Все это, конечно, и служит основой теории о варяжском происхождении русского государства.

Николай Яковлевич Марр

В последнее время была даже выдвинута гипотеза о происхождении терминов *Россия* – *Русь* из двух разных культурных областей: имени *Русь* с севера, куда это слово принесли варяги, имени *России* с юга (ср. южнорус-

ские названия с корнем *Рос-, Рс-*). Академик Н. Я. Марр¹⁰ отрицал необходимость выводить происхождение имени *Русь* из какого-нибудь одного определенного племенного или национального языка. Он находил в нем следы яфетической стадии в развитии общечеловеческого языка. В Руси отложились «племенные слои доисторических или протоисторических эпох, не только скифский, но и ионийский, и даже этрусский, или урартский, т. е. тот же русский...» (Н. Я. Марр).

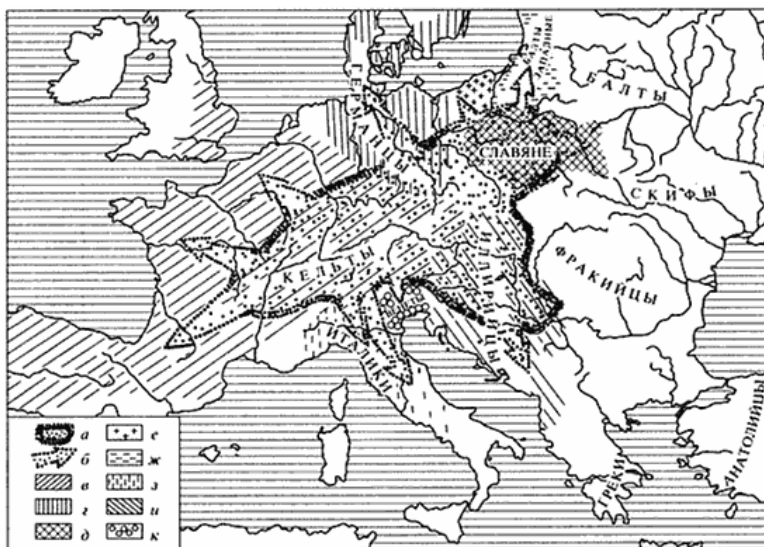

Сергей Михайлович Середонин

Развитое искусство и высокая материальная культура восточных славян, какой она открывается в раскопках, утверждали исследователей в убеждении о существовании сильной самостоятельной дописьменной культуры на Руси.

Наиболее авторитетные историки и историки-географы пришли к выводу, что славяне расселялись по Восточной Европе как большими племенными союзами, так и значительно меньшими группами, чем роды и племена. Славяне «просачиваются» в окружающую их среду других племен и народностей. «Главной особенностью славянской колонизации всегда была

«ползучесть» ее... Вследствие этого постоянно изменялась граница русской земли, распадалась прежние союзы» (С. М. Середонин¹¹). Племенные группировки славян были недолговечны, неустойчивы. Племенные имена – пестры и разнородны: в них явно преобладают термины топографического и политического происхождения. Отсутствие прочных племенных союзов, раздробленность исключали возможность общего языкового единства. Появлялись и развивались местные отличия в отдельных племенных языках.

Карта примерного расселения жителей (этносов) древней Европы

Однако нет основания признавать за древнерусскими племенами, перечисленными в летописном обзоре, сколько-нибудь коренное, ярко выраженное значение особых этнографических и языковых единств. Перед нами продукты группировки населения по определен-

ным местностям, частью вокруг определенных культурно-политических и культурно-экономических центров.

Древнерусские племена, о которых говорят летописцы, по своему географическому соседству объединялись в более или менее обширные группы, сближавшиеся в языке и в обычаях.

Следуя летописцу, историческим свидетельствам иностранных (например, арабских) писателей и опираясь на факты языка, историки русской культуры и русского языка (А. А. Шахматов¹², Е. Ф. Карский¹³, Е. Ф. Будде¹⁴, А. Е. Пресняков¹⁵ и др.) создали теорию деления русских племен на три основные этнолингвистические группы, тяготевающие к разным культурным центрам и находившиеся в сфере распространения разных культур. Первоначальная летопись (так называемая «Несторова»), которая является главным источником исторических сведений о расселении восточнославянских племен по Восточно-Европейской равнине, не дает точной и ясной картины племенного расселения восточных славян.

У подножья Карпат *сидели хорваты белые*, на юго-восток от них, в бассейне Днестра, – *уличи и тиверцы* (быть может, смешанное население днестровского побережья), они «приседаху» даже и до Черного моря; на север и запад от этих племен жили в бассейне верхнего течения Западного Буга, а также правых притоков Припяти – *бужане* (позднее называвшиеся **волянянами**); по среднему течению Днепра *сели поляне*; их соседи к северу, занимавшие лесное пространство между правобережным днепровским предстепьем и Припятью, были *древляне*. На левом берегу Днепра, по рекам Суле, Семи и Десне, располагались *северяне*, восточные поселения которых доходили до Донецкого бассейна. Большинство исследователей объединяет эти племена в южнорусскую группу, отличавшуюся

общими языковыми особенностями – при наличии частных диалектальных различий.

К севернорусской группе племен принадлежали **кривичи**, жившие на верховьях Волги, Днепра и Западной Двины и разделявшиеся на **кривичей** полоцких, смоленских и псковских, и **словене** (новгородские), селившиеся в бассейне Ильменя и Волхова.

К IX в. кривичи заняли север до Финского залива, а в начале X в. уже владели верхним течением Волги до Ярославля, Ростово-Суздальской и Муромской областями, захватив многие пункты по нижнему течению Оки и северо-западный угол Рязанской области.

Практически совершенно неясен вопрос о **восточнорусской** или **среднерусской** группе славянских племен и говоров. В летописном обзоре восточнославянских племен названы не все эти племена, а лишь главнейшие. Мелкие деления их (например: **лучане**, **семичи**, **куряне** и др.) оставлены без упоминания. Это обстоятельство, по мнению академика Шахматова, «необходимо иметь в виду, в особенности, при разрешении вопроса о юго-востоке современной России, о бассейне реки Дона», где славяне жили уже во времена хазарского владычества. Позднее, переселяясь с Дона, они смешиваются в бассейне Оки с вятичами. Их язык Шахматов определяет как восточнорусское или степное (акающее) наречие.

Таким образом, кроме славянского населения, двигавшегося из бассейна Дона, среднерусскую или восточнорусскую группу племен в собственном смысле составляли **дреговичи**, находившиеся за Припятью до самой Западной Двины, **радимичи** – по Сожу и **вятичи** – в бассейне Оки, по-видимому, по верхнему и среднему ее течению.

В X в. вятичи колонизуют оба берега Оки, от Коломны до впадения и, вероятно, даже до владений ка-

симовских кривичей. Вся же площадь их распространения включала в себя Тульскую область, Калужскую, южную часть Московской, центральную и западную части Рязанской области.

Восточные славянские племена, отличаясь друг от друга обычаями, степенью культуры и ее характером, обнаруживали большие различия и в языке. Объединяясь в политические союзы, сталкиваясь на разных путях колонизационных передвижений, племена смешивались между собою, смешивались и их наречия, говоры. Так, северяне, достигши до устьев Дона, а затем – под напором тюркских кочевников – вверх по Дону перейдя в бассейн Оки, встречаются тут с ранее пришедшими сюда кривичами. Вятичи распространяются к северу от Оки на Волгу и, отесняя кривичей, смешиваются с ними.

Однако вопрос об особенностях племенных наречий и говоров восточного славянства до сих пор остается неясным. Уже в русской письменности XI в. рельефно выступают диалектальные отличия в говорах отдельных областей.

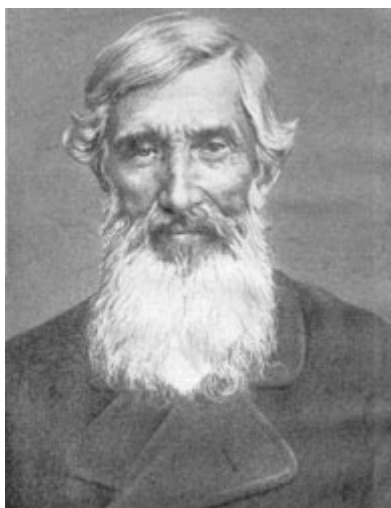
Новгородские памятники XI в. отражают смешение *ч* и *ц*, близость *йь* к *и* и некоторые другие черты севернорусской фонетики и морфологии. К новгородскому говору был близок говор полоцко-смоленский. Гораздо позже (в памятниках XIII–XIV вв.) засвидетельствованы своеобразные особенности псковского говора (смешение *ш* – *с*, *ж* – *з*, замена *ч* на *ц* и др.). Эти говоры (новгородский, псковский и полоцко-смоленско-витебский) соответствовали племенным объединениям словен и кривичей. Эта группа говоров северо-западного «утла» древней Руси явно обособлялась от остальных восточнославянских говоров особенностями фонетического и грамматического строя. Заметно своеобразие их словаря, а также некоторая близость их лексики к западнославянским языкам. Таковы, например, севернорусизмы:

прилагательное *сторовый* вместо *здоровый* (ср. *сторовье*), которое находит себе параллели в кашубско-словенских и лужицких говорах, *обрин* из *обрим* (ср. древне-польск. *obrzym*); имена *Ян*, нередкое в Новгородской Летописи, *Матей* (там же, ср. чешское *Matej*), *Домаш* и некоторые другие. Профессором Н. М. Петровским¹⁶ были отмечены «целых два разряда личных имен, свойственных в России почти исключительно новгородской области и своими суффиксами близких к таким, которые среди нерусского славянства употреблялись в подавляющем большинстве случаев на западе и сравнительно редко на юге». Эти личные имена с суффиксом *e*, *ta*, распространенные преимущественно у западных славян (например, новгородское *Петрята*, *Гюрята* и т.п.), а также имена и прозвища с не вполне привычным для русского уха сочетанием *-хн-* (например: *Смехно*, *Прохно*, *Вахно*, *Жирохно*, *Олухно* и т.п. уменьшительные и ласкательные имена).

Гораздо более спорным является вопрос о языковых особенностях других древних племенных, а позднее, в X–XI вв., государственно-областных объединений и делений восточного славянства. Академик А. И. Соболевский, обособляя северо-западную ветвь (Новгород, Псков и Полоцко-Смоленскую землю), считал прочие говоры древнейшей эпохи, то есть южной, западной и северо-восточной части древней Руси — «почти тождественными»: все их отличительные черты заключались в различной звуковой окраске очень немногих слов (*дъжжъ* и *дъжчь*) и в различных окончаниях очень немногих форм (*Юсме* и *Юсмо*). На самом же деле, отличия были резче и разнообразнее.

Однако в начале IX в. политическая жизнь восточного славянства выступает разделенной на два обособленных мира — южный и северный. Северный через «раздвинутую им финскую массу» выходит на путь непосредственных сношений со скандинавами. Южный

втянут в круг византийских и хазарских отношений и первым выходит из глуши племенного быта на новые пути боевой и торговой международной жизни. Культурная связь с хазарами находит отражение и в древнерусском языке, например в имени *Каган* или *Хакан*, применяемом к русскому князю в «Слове о законе и благодати»¹⁷ митрополита Илариона и в «Слове о полку Игореве», в названии Киева *Самбатас* (свидетельство Константина Багрянородного). Ядро Русской земли создается силами Южной Руси. Данные языка и археологических раскопок говорят о позднем и слабом проникновении византийского культурного влияния в Северную Русь и, во всяком случае, об отсутствии его в VII–X вв.

Измаил Иванович Срезневский

Это зависело, конечно, от культурно-политических своеобразий северного славянского быта, а не от норманского влияния. Влияние скандинавской культуры и

скандинавских языков на славян было невелико. Работы И. И. Срезневского¹⁸, С. Бугте, Ф. Брауна, А. Норрена, Б. Сыромятникова, Е. А. Рыдзевской¹⁹ в области языка показали, что славяне приняли весьма мало элементов скандинавской культуры и, наоборот, сами многое передали скандинавам.

В то время, как в северо-западных и южных объединениях восточных славян рано обнаруживаются резкие языковые отличия, об особенностях наречия восточнорусов приходится строить догадки, исходя из показаний современных южновеликорусских говоров. На эти догадки полагаться трудно, так как происхождение основной отличительной черты южновеликорусского наречия – аканья – остается еще не вполне ясным: время возникновения аканья не установлено. Во всяком случае, те языковые особенности, которые приписываются акад. А. А. Шахматовым восточнорусской группе, проявились в письменных памятниках очень поздно. Культура и образованность в древней Руси сосредоточивались преимущественно в областях, занятых наречием северным (центры – Новгород, Псков, Ростов, Владимир) и южным (центры – Киев, Чернигов, Переяславль и др.).

Чтобы быть на высоте тех задач, которые предъявлялись славянам условиями соседства и требованиями культурной жизни, им необходимо, было сгруппироваться в племенные союзы и создать начала государственной организации.

В борьбе с иноязычными врагами, главным образом, с тюркскими кочевниками, восточнославянские племена сплавиваются в крупные государственные объединения. Появляется новая историческая единица – область, земля, княжество. Областные объединения славян уже не совпадают с племенными. Они перекрещивают их. К XI в. политический союз русских

племен привел к образованию 13 княжеств (Киевского, Черниговского, Новгород-Северского, Переяславского, Галицкого, Волынского, Полоцкого, Смоленского, Муромо-Рязанского, Владимиро-Суздальского, Турово-Пинского, Новгородского, Тмутараканского), большая часть которых (все, кроме Галицкого, Волынского, Рязанского, Новгородского) объединила разные племенные группы и говоры.

Киевское государство стало собирателем восточнославянских племен. На далеком от Скандинавии юге варяжские выходцы быстро ассимилировались в восточнославянской этнографической среде.

В XI в. осуществилось в древней Руси коллективное единое государство киевской династии, и тогда же родилась идея единства Русской земли, идея единства русского языка. Киев стал вооруженным лагерем слагавшейся «империи Рюриковичей». Образование русского государства вовлекло отдельные племена в общую политическую жизнь. Под влиянием этого политического единения, живого общения между племенами, стирались их этнографическая и диалектная обособленности. Несмотря на широкое географическое распространение восточнославянских племен, несмотря на то, что одни из них (восточные) втягивались в сферу хазарской культуры, другие (северные) занимали районы балтийской культуры, наконец, третьи (южные) оставались в сфере культуры византийской и черноморской, — культурное единение восточнославянских земель, вовлеченных в «империю Рюриковичей», укрепило их языковые связи и определило надолго общность их языковой жизни.

Можно предполагать, что начатки восточнославянской письменности предшествовали возвышению Киева как политического и культурно-просветительного центра. Однако Киев, сделавшись самым обширным

городом Европы (по свидетельству Титмара, 1019), соперником Царьграду (по словам Адама Бременского), стал центром восточнославянской культуры и колыбелью общерусского языка. В этом международном городе вырабатывался «общий» язык восточнославянской империи, в котором стирались резкие диалектальные особенности разных восточнославянских племен. В основе языка Киева лежала речь южнорусских славян, но этот городской язык, выполнявший сложные культурно-политические и образовательные функции, подверженный международным влияниям и отражавший разнообразие культурной жизни высших классов, был отличен от речи сельских жителей земли полян не только по словарю и синтаксису, но и по звуковым особенностям. В нем было много иноязычных элементов, культурных, общественно-политических, профессиональных и торговых терминов. Он включал в себя слова разных славянских диалектов.

Язык Киева влиял на язык других городских центров. «Городские слои Новгорода, Ростова, Смоленска и других городов под влиянием прибывших с юга княжеских дружинников, княжеских тиунов, торговых людей и духовенства могли сглаживать те или иные областные особенности своей речи», усваивая общерусский язык (А. А. Шахматов). За городом должна была идти и деревня.

Объединяющая роль языка Киева сказалась в общей истории русского языка XI–XII вв. и даже начала XIII в. Академик А. А. Шахматов приписывал влиянию государственного единства значительную общность языковой жизни древней Руси XI–XIII вв., несмотря даже на развивающуюся с конца XI-начала XII в. тенденцию к феодальному обособлению отдельных политических организаций. Объединяющее влияние сложившегося в Киеве общерусского языка можно видеть в

тех общих явлениях, преимущественно лексических и морфологических, но также и звуковых, которые охватили все говоры русские в такую эпоху, когда отдельные ветви восточных славян уже значительно обособились, расселившись на огромном пространстве Восточной Европы. К числу таких общих явлений относятся: падение глухих (ъ, ь) и переход их в *o* и *e*; утрата беспредложного употребления местного падежа имен существительных; замена формы именительного падежа формой винительного в именах мужского рода (кроме названий лиц), во множественном числе и в именах женского рода; смешение твердого и мягкого склонения существительных; утрата двойственного числа; утрата в народных говорах форм имперфекта и аориста, утрата достигательного наклонения и т.п.

Образование общерусского языка создавало все необходимые условия для возникновения и древнерусского литературного языка. В эпоху средневековья письменность была тесно связана с культовым языком, который являлся в то же время языком средневековой науки. Общеславянский письменный язык начало свое получил за пределами Руси. Он формировался из славянского языкового материала при посредстве высокой греческой литературной и филологической культуры.

Организация государственной власти у европейских народов, отходивших от родового быта, обычно осуществлялась посредством прививки христианской культуры и цивилизации, вовлекавшей варварские народности в орбиту политического влияния Западной Римской или Византийской империи. Римско-германское миссионерство боролось с византийским. Восточнославянские племена оказались в сфере византийско-христианской культуры. Греческий язык не получил на Востоке того исключительного господства, какое имел на Западе латинский. На Западе никогда

место латинского языка как языка культа и науки не уступали языку варварскому. Византия же не противодействовала славянам усваивать богатства византийской культуры при посредстве своего славянского литературного языка.

Кирилл и Мефодий

Простое применение греческого алфавита, хотя бы и осложненного новыми знаками, к передаче славянского языка не могло удовлетворить славян, в то время как в Моравии созрела идея создать огромную славянскую империю. Так возникает славянский алфавит, составленный греческим миссионером и ученым филологом Кириллом²⁰ (Константином) с миссионерскими целями. Славянский язык наряду с греческим, латинским и еврейским становится литературным языком, языком христианского культа. Он начинает развиваться как язык цивилизации и литературы, обогащенный греческими и латинскими элементами.

Создание славянского литературного языка и принятие славянами христианства с богослужением на сла-

вянском языке было самым значительным культурным фактором, объединившим на время в IX–XI вв. все славянство. Выступая на арену широкой европейской жизни, славянство добивается равноправия своего литературного языка с греческим и латинским — двумя международными языками европейского средневековья.

Восприняв идеологическое богатство греческого и латинского языков, усвоив сложные формы синтаксического построения, отчасти созданные по нормам византийской риторики, старославянский язык, опиравшийся на болгарскую фонетико-морфологическую базу (ср. неполногласные формы *жд* и *шт* на месте *dj* и *tj* и т. п.), вступил в ранг культурных международных языков Восточной Европы. Этот общеславянский письменный язык становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X и в XI в. на нем пишут, читают, проповедуют и служат и в Новгороде, и в Киеве, и в Преславе, и в Охриде, и в Велеграде, и на Сазаве. Произведения на этом языке, возникшие на юге славянства, переписываются и читаются и в Чехии, и на Руси, равно как и написанные в Чехии — и на Руси, и на Балканах. Нет указаний на пользование старославянским языком как литературным у лехитских и лужицких славян. Но известны политические и культурные связи поляков и верхних лужичан с чехами в X и в XI в. и культурные связи русских и поляков в XI в. Единство литературного языка является симптомом тесного культурно-политического единения.

Только с того времени, когда немецкое духовенство с помощью князей в Паннонии, Чехии и Моравии добилось запрещения славянского богослужения и письменности в этих странах, старославянский литературный язык перестал существовать как язык общеславянский.

Старославянский книжный язык был пестр по своему составу. В нем скрещивались и сливались разные народно-языковые стихии славянского мира. Церковнославянский язык, кроме болгаризмов и вообще южнославянизмов, включал в себя моравизмы, чехизмы и даже (очень редко) полонизмы. Этот сложный, гибридный характер древнецерковнославянского языка выражался отчасти в фонетических и морфологических колебаниях и вариациях его строя, но и еще ярче – в разнообразии словаря, семантики, в богатстве синонимов, в развитой системе значений и смысловых оттенков слов.

Василий Михайлович Истин

Процесс перевода памятников византийской и западноевропейской латинской литературы на старославянский язык сопровождался творчеством – созданием новых слов для передачи новых идей и образов или приспособлением старых слов к выражению отвлеченных понятий. Переводились сочинения церковно-богослужебные, догматические, исторические, научные,

поэтические. «Славянский язык, на долю которого выпало сразу воспринять такое накопленное веками наследство чужой культуры, вышел из этого испытания с большою для себя честью. Его словарный запас оказался настолько обширным, что и труднейшие тексты не останавливали переводчиков» (В. М. Истрин²¹).

*Фрагмент древнейшего свода, содержащего «Хроники» Г. Амартола.
XIV век*

Понятно, что этот литературный язык, вступая на новую этнографическую почву, переходя в Киевскую Русь, напитывается элементами живой восточнославянской речи и, в свою очередь, оказывает сильное влияние на устную речь культурных слоев общества, на общий разговорный язык Киевской империи.

Письменность на славянском языке закрепились на Руси в X в. Но древнейшие письменные памятники русского языка датируются XI в.

Русский письменный язык древнейшего периода развивается в двух направлениях. С одной стороны, вырабатывается и эволюционирует, вбирая в себя элементы живой речи восточных славян, русская разновидность старославянского языка, славяно-русский литературный язык (так называемый церковнославянский язык). С другой стороны, старославянской системой письменного изображения, старославянской азбукой пользуется русский государственно-деловой язык, тесно связанный с живыми наречиями восточного славянства и почти свободный от церковнославянских элементов в кругу бытовой и государственной практики. Есть вполне определенные указания на то, что уже в XI в. возникло это двуязычие.

В XI–XII вв. были очень заметны различия между общеславянским литературным («церковнославянским») и живым русским языком. Так, переводчик «Хроники» Георгия Амартола иногда сопоставляет литературные славянские и русские бытовые обозначения: *«седмиць рекше недѣли нашьскѣ»*; *«общимь — нашимь гласомь повознымь»*.

Историки русской культуры отмечают в начальной истории славянорусского языка два периода: один — до половины XI в. (характеризуется тесными литературно-языковыми связями древней Руси не только с южным, но и с западнославянским миром); другой — с половины XI в. (когда произошел слом в системе христианского мировоззрения русского духовенства и правящих классов в сторону византийского ригоризма и аскетизма), отличается сильным ростом византийско-болгарского влияния.

Конец IX и первая половина X в. были временем оживленной письменности и литературной работы, происходившей в славянских землях, границы которых соприкасались в X–XII вв. с пределами Южной Руси. Отношения с этими землями не были затруднены. Через эти владения с давних пор пролегли торговые пути, сближавшие Восток с Западом. Лексика древнерусского книжного языка сохранила следы заимствований церковных и нецерковных терминов, сложившихся у западных соседей Киевской земли, правители которой уже с половины X в., начиная с детей Игоря, носили славянские, а не варяжские имена. Географические названия и названия городов в западославянских землях нередко те же, что и в Киевской Руси. Даже в самой летописи имеется ряд слов и выражений, сближающих ее с паннонскими житиями и с остатками древнейшей чешской письменности. Такие слова, как *папезь*, *оплатькъ*, *перегъбы*, *сустуги*, *кмети* и т.п., могли и не путешествовать предварительно в Болгарию. Целый ряд других слов встречающихся в древнейших памятниках русских, также может быть оправдан западославянским употреблением, например *цесарь* (а не *кесарь*), *греческий* (а не *ellenikos*), *грудень*, *вежа*, *дружина*, *заповедь*, *неприязнь* (дьявол, *inimicus*), *поганый*, *палата*, *правая вежа* и т. п.

Академик В. М. Истрин допускал возможность участия западных славян в развитии древнерусской письменности и для более позднего времени, до XI в. Отсюда и предположение, что при умной организации переводческого дела при Ярославе были вызваны для помощи южные, а может быть, и западные славяне.

(западославянизмы в русском переводе «Хроники» Амартола: *выклонитися* (в значении «высунуться»), *мукаръ* (в значении «мучитель»); *образъник* (ср. чеш. *obraznik*); *пискуп* — «епископ»; *чесновитькъ* — «чеснок»; *ячьмыкъ*; *фрижьма* и др.).

Церковно-богослужебные тексты могли перейти на Русь и до крещения всего народа. Поэтому нет достаточных исторических оснований отождествлять начало киевской письменности и культуры с приходом болгарской литературы на Русь.

Владимир Иванович Ламанский

Правда, язык и графика древнейших русских рукописей свидетельствуют о сильном культурном влиянии Болгарии на русскую письменность XI–XII вв. Перешедшая к нам из Болгарии древняя церковнославянская литература составила главный фонд русской литературы. Но в составе древнерусской письменности обнаружен целый ряд переводных памятников и с латинского языка, относящихся к трудам западославянских переводчиков. Можно предположить, что «официальному крещению русского народа предшествовал подготовительный период в истории русского просвещения и русской письменно-языковой культуры» (В. И. Ламанский²²). Иначе было бы необъяснимо и непонятно,

как из 5–7-летних ребят, крещеных со своими отцами и матерями по приказу княжескому в конце X в., мог через 30–40 лет появиться на Руси целый ряд известных и неизвестных деятелей христианской культуры, письменности и литературы (например, Упырь Лихой, дьякон Григорий и др.). За одно или два поколения писцов и книжников не могли сложиться такой русско-славянский или славянско-русский язык, стиль, правописание, какие мы видим, например, в Остромировом евангелии²³, в Служебных Минеях 1095–1097 гг. или у первых древнерусских писателей.

Остромирово Евангелие. 2 лист

Однако подавляющее большинство литературных памятников, сохранившихся от Руси киевского периода, отражает византийско-болгарское влияние.

В церковнославянском языке был широко распространен принцип калькирования, буквального перевода греческих слов. Таким путем язык обогащался множеством отвлеченных понятий и научных терминов. Например, *беззаконие* (anomia), *бездушие* (apsykhia), *богословие*

(theologia), *совість* (syneidesis), *согласіє* (symphonia), *предтеча* (prodromos), *предатель* (prodotes) и др.

Эта волна отвлеченной терминологии, передававшей религиозные, нравственные, философские, научные и прочие понятия, имела громадное значение для развития русской культуры.

Среди сложных слов, образованных по греческому образцу уже в первые века русской письменности, можно отметить множество, таких, которые живы и сегодня в современном русском языке, например: *крѣпость*, *многообразие*, *народовластие*, *плотоядь*, *рабѣльнѣ*, *самолично*, *несущьствѣ* и еще ряд подобных слов.

Миниатюра из первого (1073) Изборника Святослава

Уже в половине XI в. русские книжники могли свободно владеть общеславянским книжным литературным языком. Такие блестящие и разнообразные по языку и стилю древнерусские произведения XI в., как уже упоминавшееся «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и летопись, такие замечательные памятники каллиграфического искусства, как Остромирово евангелие и Изборник Святослава²⁴, говорят о высоте литературно-языкового развития древней Руси XI в.

Славяно-русский язык в феодальной Руси выполняет все важнейшие общественно-политические и культурные функции будущего национального русского литературного языка; но, вместе с тем, это язык не национальный, а международный и притом, в основном, только письменный, т.е. язык специального назначения.

«Это был ставший литературным язык церковнославянский, в основе которого лежал язык староболгарский в его обоих диалектах – восточном и западном, и с некоторой долей языка чехо-моравского, проникшего в него еще частью в самой Моравии в самом начале славянской письменности, а частью уже позднее, в X–XI вв., под пером учеников Кирилла и Мефодия, переселившихся в Болгарию после изгнания их из Моравии. На этом языке русские люди впервые услышали книжную славянскую речь, которая, однако, была им вполне понятна... Каждый русский книжный человек усваивал этот язык, ставший для него языком литературным» (В. М. Истрин). Русская стихия с силой врывается в этот язык.

Однако слов бытовых, обозначающих обыденные отношения повседневной жизни, в этот литературный язык проникало мало вследствие однообразного характера начальной славянской письменности, замыкавшейся в круге житий и поучений. Исторические и повествовательные сочинения, где чаще всего можно было встретить подобные слова, играли второстепенную роль. Например, в древнерусских памятниках встречаются такие народные слова, как *окорок*, *улица*, *мясник*, *мошница*, *насад*, *кочан*, *лавица*, *кадь*, *шелк*, *лохань*, *зобати* (есть), *насочити* (найти), *уранитися* (рано встать), *земець*, *корста* (гроб), *мовница*, *наговорити* (в значении (наклеветать), *обложити* (об осаде), *осада*, *пуца*, *пополошитися* (ср. *всполошиться*) и мн. др. под.

В древней Руси, наверное, можно сказать, к счастью, не возникло отчуждения книжного языка от народного. Древнерусские переводчики и писатели свободно сочтали литературно-славянские слова с русскими. Кальки греческих фраз не ломали восточно-славянской семантики, например, в летописном выражении: «*утереть много пота за русскую землю*» (ср. греч. *idrota aromattesthai*; в «Александрии»²⁵: *утерети пота*).

Лубочная картинка конца XVII-начала XVIII века, изображающая Александра Македонского

Но русский элемент мог ярко проявить себя только в бытовой, общественной, отчасти военной сферах. Таким образом, славяно-русский язык не мог целиком вовлечь в свою систему разговорную общерусскую речь. С другой стороны, общерусский язык, сложив-

пийся в Киеве, не мог резко изменить свою семантику, свой строй и образы под влиянием языка славяно-русского, так как уходил корнями в живую устную речь восточных славян. Взаимодействие этих двух языков не могло стереть фонетических, грамматических, лексических и семантических различий между ними. Поэтому Киевская Русь и пользуется обоими этими языками в своей письменности, правда, в разном объеме и в разных идеологических сферах.

Федор Иванович Буслаев

Унаследованная от языческих времен устная словесность и христианская литература в своем стилистическом развитии пошли разными путями. Словесность народная с ее песнями, сказками, пословицами, мифическими сказаниями, с целым рядом народных произведений, еще не оторвавшихся от мифической обрядности, находила лишь случайное и бледное отражение в славяно-русском языке, особенно с XIII в. Правда, связь древнерусского письменного языка XI–XII вв. с живой устной восточнославянской стихией была гораздо более крепкой и тесной. Она коренилась в самом

характере раннего древнерусского христианского мировоззрения, еще не искаженного византийским аскетизмом, и в прочности дохристианской обрядно-бытовой и народно-поэтической традиции. В эпоху художественного расцвета Киевской Руси (XI–XII вв.) развивается светская рыцарская поэзия на общерусском языке, зафиксированная в письменной форме. Она претендует на равноправие с клерикальной церковнославянской письменностью. Даже в конце XII в. простой народ в самых коренных основах своей жизни держался дохристианской старины (Ф. И. Буслаев²⁶).

Вместе с тем обычное право, юридические нормы, государственное делопроизводство, тесно связанное с традициями живой восточнославянской речи, не могли не приспособить славянской системы письменного изображения речи для своего закрепления. И тут проявляется живая струя устной русской речи, так же как и в народно-поэтических произведениях. Интересно, что в языке «Русской правды»²⁷ (по древнейшему списку 1282 года) наблюдается почти полное отсутствие церковнославянизмов. Очевидно, письменная передача лишь закрепила готовый, обработанный

Интересно, что в языке «Русской правды» (по древнейшему списку 1282 года) наблюдается почти полное отсутствие церковнославянизмов. Очевидно, письменная передача лишь закрепила готовый, обработанный устный текст: кодификация произошла в живой речи, а не на письме (А. А. Шахматов). Писцы княжеской канцелярии в то время на Руси еще не успели выработать строго стилизованного на церковнославянский лад письменно-делового языка (хотя они и учились грамоте по церковнославянским книгам).

Язык «Русской правды» позволяет обнаружить и иноязычные примеси в составе русской письменно-деловой речи древнейшей поры. Здесь в небольшом

количестве встречаются, например, скандинавизмы: *тиун, гриди, вира, вирьник, колбяг* и ряд других.

Любопытны слова, которые могут свидетельствовать о некоторой близости древнерусского языка к западнославянским языкам, например *убородок* (мера вместимости; ср. чеш. *ouborek*; впрочем есть и серб. *уборак*); *бърть* (чеш. *brt*) и др. (Е. Ф. Карский).

Фрагмент *Сокращенной «Русской правды»* (XV век)

Попадают и тюркизмы: *ногата* (ср. *pagt* «деньги»), *старица* «месячина, участок земли» — ср. тюрк. *стар, то-вар*.

Живой общерусский язык ярко проявляется и в летописном стиле XI–XIII вв. «Что на язык нашего древнего летописца должна была налечь сила книжного языка старославянского, — писал академик И. И. Срезневский, — это не удивительно: все стремления

образованности того времени этого требовали. Удивительно скорее то, что, несмотря на все требования образованности, русский летописец мог задерживать в своем языке его русские особенности; их так много...».

В языке летописей ярко отражается быт восточных славян и связанная с ним терминология. На этой основе можно составить своеобразный реально-энциклопедический словарь живой народной восточнославянской речи. Сравните такие слова, как *дым* (*печь, очаг*, откуда областное название изб *дымницами*), *рало* (плуг), *вежа* – 1) дом; 2) палатка, балаган, *одрина, баня, голубник, стреха, село, весь, погост, город* и т. п.

Таким образом, многочисленные русские летописи, в отдельных своих частях восходящие к середине XI в., но сохранившиеся в списках XIV в. и позднейших, по языку заметно выделяются из круга памятников, написанных на славяно-русском языке. Они содержат гораздо большее число русизмов, и некоторые эпизоды их изложены чисто русским бытовым языком.

Вместе с тем южный период истории русского языка сохранил отголоски стилей народной поэзии, перешедшей в светскую литературу.

Высшим художественным выражением восточнославянского народно-поэтического творчества эпохи Киевской Руси является язык «Слова о полку Игореве»²⁸ (конец XII в.). Автор «Слова о полку Игореве» широко знаком с книжными светскими и религиозными произведениями, но не чуждается родных образов восточнославянской народно-поэтической речи (близость языка «Слова о полку Игореве» к языку Ипатьевского списка летописи. Основа языка «Слова» – народно-поэтическая стихия и живая устная восточнославянская речь.

Из других стилистических пластов русской речи ярче всего отражается в языке «Слова» лексика и фра-

зеология военно-дружинного рыцарского быта, общая с летописной. *Всести на конь, ездить в стремени, пить шеломам Дон, итти на суд божий, стати на болони, изломити копье свое, добыть копьем, стоять за обиду, потоптать полки, ходить по трупу, аки по мосту, повоевать жизнь, пожечь всю жизнь* и другие подобные летописные выражения почти буквально повторяются в «Слове».

Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве». 1800 год

Кроме военной терминологии и фразеологии часто используются выражения и образы охотничьего диалекта (например: *дотечаше; Коли сокол в мытех бывает, высоко птицъ възбивает, не даетъ гнѣзда своего в обиду* и др.).

Характерно также, что третья цепь образов и выражений, соединенную в языке «Слова» с военной фразеологией, составляет терминология земледельческого быта (*На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи*

*харалужными, на тоцїѣ живот кладут, вїють душу от тїѣла. Немизїѣ кровави брезїѣ не бологом бяхуть посїяни, посїяни ко-
стїми русских сынов).*

Черты сельского народного быта, послужившие автору образами для кровавой битвы, показывают, как глубоко корни «Слова» тянутся к русской народности.

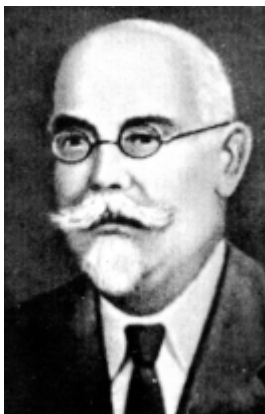
Большое число старых русизмов в дошедшем до нас тексте «Слова о полку Игореве» заставляет предполагать, что они принадлежат первоначальному тексту «Слова» и что там русизмов было значительно больше, чем в мусин-пушкинском списке XV–XVI вв., т.е. что язык «Слова о полку Игореве» не отличался резко от живой русской речи XII в. и от устной народной поэзии того времени. Даже образы, уже укрепившиеся в строе русской книжной речи той эпохи, здесь имеют народно-поэтическую форму. Например, в переводной повести Иосифа Флавия – *Стрїѣлы на нїѣ лїѣтахѡу, акы дождѣ*; в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях – *идяху стрїѣлы, акы дождѣ*; в «Слове» – *итти дождю стрїѣлами*.

Однако при всей близости языка «Слова» народной поэзии очень явственна связь его и со славяно-русским языком и с разными стилями византийской литературы.

Так, в сопоставлении: *Боян же, братие, не десять соколов на стадо лебедїѣ пущаше, нѣ своя вїѣцїа прѣсты на живая струны вьскладаше; они же сами князем славу рокоташу* – нельзя не усмотреть связи с церковнославянскими глоссариями, в которых раскрывалось образное значение выражений и символов псалтыри. Например, в Изборнике XIII в.: *струны-персти*.

К литературно-книжной фразеологии принадлежат и такие выражения, как *истягну ум крїѣпостїю своею и поостри сердце своего мужеством; храбрая мысль носит ваш ум на дїѣло; растїѣкашется мыслию по древу* и др. Самый зачин «Слова о полку Игореве» и название Бояна «пѣсно-

творцем» (греч. *odopoios*) находит параллели в одном из слов Кирилла Туровского, блестящего церковного писателя конца XII в. Сопоставление поэтического языка «Слова о полку Игореве» с лексикой и фразеологией древнего перевода библейских книг, произведенное академиком В. Н. Перетцем²⁹, обнаружило заметную зависимость «Слова» от семантики церковно-библейской речи в отдельных выражениях и образах.

Владимир Николаевич Перетц

Вместе с тем, в языке «Слова» отражается влияние византийской литературы. В Киевской дружинной Руси XII в. были уже *мужи хитры книгам и учению*, существовала уже развитая литературно-повествовательная школа, которая с ясным и непосредственным разумением относилась к «еллинской словесности» и обладала своеобразным стилем, который ярко сказывается как в летописях, так и в переводе Флавия³⁰, в «Девгеньевом деянии»³¹ и в других воинских повестях. Литературный стиль этой школы, кроме византийской письменности, обязан своим происхождением предшествовавшему

эпическому направлению дружинной литературы и источнику живого языка русского, народного.

Даже в кругу охотничьей лексики и охотничьих образов «Слова о полку Игореве» отмечены академиком В. Ф. Миллером³² следы византийского влияния.

Всеволод Федорович Миллер

Показательны и такие грецизмы «Слова»: *паполама* и *пардуже* (гнездо) в изображении сна Святослава.

Кроме того, в языке «Слова» встречаются и тюркизмы, например (по указанию профессора П. М. Мелиоранского) *бусый* (ср. половецк. *boxag* – «серо-белый»), *коган*, *кощей*, *ногата*, *халалуг*, *чага* и др.

Таким образом, в эпоху Киевской Руси русский литературный язык быстро развивается в двух направлениях: язык народный обогащается художественным опытом книжной литературы; язык славяно-русский проникается стихией живой восточнославянской речи. Промежуточное положение между этими двумя разновидностями древнерусской литературной речи занимает деловой язык, язык грамот и договоров.

Язык грамот далеко не всегда отражал непосредственно живую речь. В разных типах грамот с течением

времени вырабатывались свои застывшие формулы, далекие от живого языка. Эти формулы повторялись иногда из века в век, хотя уже давно не соответствовали современному состоянию бытовой речи.

Фрагмент «страницы» «Девгеньева деяния»

Стиль русских переводов с греческого, относящихся ко времени не позднее начала XIII в., ярко показывает, на какой высоте находилась литературная образованность Киевской Руси. На этих переводах лежит печать сознательного и самостоятельного отношения к оригиналам, далекая от тех механических переложений, какими нередко являлись юго-славянские переводы. Особенно ярок и выразителен стиль «воинских повестей». Была тщательно разработана терминология и фразеология военной техники; был создан богатый арсенал образов, символов и поэтических картин боя и воинских подвигов; сложились тонкие художественные приемы изображения доблестных рыцарских чувств и патриотических настроений. В переводах встречаются, для придания большей картинности и ясности мысли, такие фразеологические вставки, которым нет соответствий в оригинале.

Эта высокая культура русского языка, основанная на взаимодействии народных восточнославянских и книжных славяно-русских («церковнославянских») элементов, передается и последующей литературе Северо-

Восточной Руси (например, язык «Слова о погибели русской земли»³³, XIII в.).

*«Слово о погибели Русской земли». Начальный лист
рукописи XVI века*

Но, в общем, в период, предшествовавший образованию Московского царства (XI–XIV вв. – века пергамена), спрос на книжную мирскую поэзию был очень ограничен безграмотностью низших слоев общества, далеко еще не сполна приведенных к христианству. Письменность, оказываясь преимуществом христианизированных классов – духовенства (монашеского на своих верхах) и княжеско-боярской и дружинной среды, чаще всего служила орудием новой веры. Эстетику мирянина, поскольку она не удовлетворялась церковью, питало устное, песенно-сказочное творчество. Но и для эпоса, и для новеллы отсутствовала живая потребность в передаче на письмо. Литературное писание было «священно». Господствующая стихия в древ-

нерусской письменности – это публицистика на религиозной подкладке. Развитие публицистической речи было связано с ростом византийского влияния на славяно-русский язык.

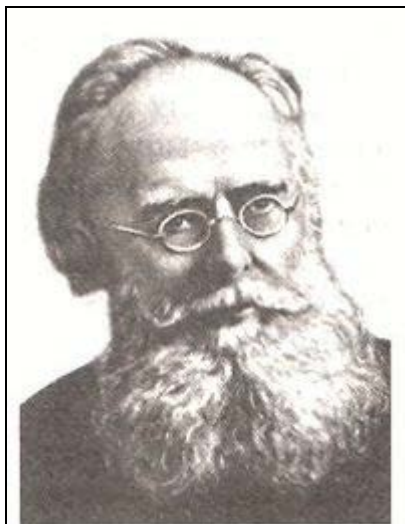
Исследователями древнерусской культуры (например, академиком Н. К. Никольским³⁴) отмечен рост византийского влияния в древнерусском литературном языке с XII в., особенно в области церковной письменности. Греческие образы, эпитеты, метафоры в русских произведениях XII в. составили необходимый результат заимствования из греко-славянских памятников, сроднившихся с русским мировоззрением и сделавшихся целью, идеалом для русских авторов (например, зависимость языка «Поучения» Владимира Мономаха³⁵ от языка «Заветов XII патриархов»³⁶).

В «Послании» русского духовного писателя XII в. Климента Смолятича Фоме пресвитеру³⁷ есть указание, что образованные русские книжники XII столетия могли свободно цитировать наизусть из византийских «схедографических» лексиконов (т.е. из орфографических и стилистических словарей) на альфу и на виту (и, конечно, на другие буквы алфавита) даже по 400 примеров подряд.

Усиление византийско-книжной струи в церковных стилях славянорусского языка было связано с вытеснением и стеснением народно-поэтической стихии в нем. Несмотря на это, славяно-русский язык служил могучей культурно-объединяющей силой в период развивавшегося в XII–XIV вв. (после упадка «империи Рюриковичей») феодального раздробления древней Руси.

Несомненна тесная преемственная связь литературно-языкового развития Северо-Восточной (Ростово-Суздальской, а затем Московской) Руси с Русью Киевской. Язык, на котором писаны древнерусские книги религиозного, повествовательного, исторического,

научного содержания, был общелитературным языком русского севера, юга и запада.

Александр Афанасьевич Потебня

Язык литературных произведений, язык славяно-русский, остается межгосударственным, общерусским языком в период феодальной раздробленности. На почве этого языка развиваются методы научного изложения, вырабатывается отвлеченная философская терминология, эволюционируют приемы поэтического выражения и риторического воздействия. Между тем распадающийся на поместно-территориальные диалекты язык деловой письменности отражает и изображает действительность для удовлетворения практическим потребностям «как план или карту, а не как картину» (А. А. Потебня³⁸).

Для эпохи раннего феодализма характерны территориальная замкнутость и разобщенность экономической и политической жизни и в связи в этом – терри-

торияльная раздробленность восточнославянских наречий и говоров. Объединяющие тенденции ослабевают. Племенные говоры и наречия восточного славянства, прошедшие сквозь сложный процесс смешения с языками дославянского населения Восточной Европы, по-новому кристаллизуются в границах феодальных территорий.

Фрагмент «Евангелия Матфея»

Не подлежит сомнению, что образовавшийся в главном культурном центре древней Руси, в Киеве, тип общего русского языка был устойчивее и определеннее в самом Киеве, чем в зависимых городах, например таких, как Новгород, Галич или Смоленск. Язык центра более крепко оберегал свои орфографические и

грамматические нормы. В областных государствах диалектальные черты выступали свободнее и резче.

До середины XII в. центростремительные тенденции в речи восточного славянства, поддержанные образованием «империи Рюриковичей» и мощным влиянием киевского политического центра, мешали резкому обособлению отдельных феодально-областных языков. Но с конца XI в. распад «империи Рюриковичей» и рост феодальной раздробленности ведут к углублению различий между южнорусскими и севернорусскими говорами. Процессом, в котором это языковое дробление восточного славянства на отдельные ветви сказалось чрезвычайно ярко, было так называемое падение глухих (*ъ* и *ь*), протекавшее со второй половины XII в. Исчезновение слабых глухих повело к переходу сильных в гласные полного образования; позднее всего произошло проявление глухих в сочетаниях с плавными. В южнорусском языке «падение глухих» завершилось во второй половине XII в. (удлинение *е* в слоге перед выпавшими *ъ* и *ь* в «Добриловом евангелии»³⁹ 1164 г.), в севернорусском – в половине XIII в. (ср. сохранение *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* в «Милятином евангелии»⁴⁰ 1215 г.). Следствия этого процесса обнаруживаются различно для южнорусского и севернорусского наречий: 1) разную судьбу сочетаний *ръ*, *рѣ*, *лѣ*, *лѣ* между согласными; 2) различную судьбу звонких согласных, за которыми исчезали глухие; 3) разную историю *о*, *е* в слоге перед выпавшим полукратким; 4) сильное развитие «второго полногласия» в севернорусском и другие последствия «падения глухих», неодинаково протекавшие на севере и юге древнерусской территории. Образование феодально-областных государственных языков привело к новой группировке восточнославянских наречий, которая затем, в зависимости от политической судьбы разных отдельных феодальных объединений, завер-

шилась возникновением трех национальных языков — великорусского, украинского и белорусского.

Игнатий Викентьевич Ягич

Феодално-областными изменениями в составе и структуре восточнославянских языков создавалась база для последующего схождения местных наречий в национальные языки.

В XII в. уже очень рельефно сказывается в памятниках это феодално-территориальное обособление восточнославянских говоров. Так, рукописи, появившиеся в Галицко-Волынском княжестве, со второй половины XII в. отражают новое правописание, явно противопоставленное киевскому и приспособленное к местным особенностям живой речи (например, своеобразное употребление *iv* на месте долгого *e*, *жч* и др.). Возникновение нового правописания в Галиче свидетельствует о том, что Галицко-Волынское княжество стремится стать независимым от киевского центра даже в таких вещах, как правописание. Эта тенденция сказывается и в своеобразии литературно-художественного стиля, развивавшегося в Галицко-Волынской области.

В Галицко-Волынской области уже в домонгольский период выработалась литературная манера, отражавшаяся с XII в. и на произведениях других областей Руси (может быть, и на «Слове о полку Игореве»). Еще академик И. В. Ягич⁴¹ высказал гипотезу, что «на юге России, где духовное просвещение поддерживало более тесные сношения с Константинополем и южными славянами, господство чистого церковного языка продолжало быть сильнее и сознательнее, чем на далеком севере, завязавшем очень рано сношения с западным иноземством».

Борис Михайлович Ляпунов

И. И. Срезневский отметил в Новгородских летописях до XV в. более разговорную, народную окраску языка и сильную примесь областных севернорусизмов.

По наблюдению академика Б. М. Ляпунова⁴², Новгородская летопись XIII–XIV вв. кишит полногласными формами. С. П. Обнорский⁴³ с этой народной окра-

ской новгородского литературного языка ставил в связь отсутствие славянизмов в языке «Русской правды».

Сергей Петрович Обнорский

Различия языка, например, Новгорода и Рязани состояли не только в фонетических и морфологических особенностях (отраженья аканья в рязанских памятниках, формы, род. пад. местоим. *мене, тебе, себе*; смешение *иь* и *и* в новгородских памятниках; в них же смешение формы род. и дат.-местн. пад. от слов женского рода на *-а*; формы местн. пад. на *и* от твердых мужских основ и т. д.), но и в своеобразиях словаря. Так, для новгородских деловых памятников характерны заимствованные из Западной Европы термины мореплавания и судоходства: *шкитер, буса, ребела* и т. п.; названия мер: *ласт, берковеск* и другие подобные слова. Кроме того, рельефно выступают и свои новгородские слова и значения: *в дернь* или *в одерень, собина, рядовичи, крам* (агх), *посад* (город), *ларец* (агса), *шелоник, голоаменный* и т. п.

Язык Псковской области характеризуется целым рядом шепелявых звуков (обнаруживающихся в смешении *ч-ц, ш-с, ж-з*, иногда *щ* вместо *шц*), своеобразными

изменениями в произношении конечных *е* и *а* после мягких согласных, севернорусским *жц*, а позднее целой группой явлений, отражающих белорусское влияние на язык древнего Пскова: твердым *р*, аканьем, заменой *у* и *в*, заменой *ф* через *х* и др. История Псковской земли объясняет все разнообразие ее говоров: здесь происходила борьба новгородского влияния с влиянием Литовско-русского государства.

Николай Михайлович Каринский

Феодално-областные диалекты, разрушившие, видоизменившие и смешавшие структуру и границы восточнославянских племенных языков, мало изучены (работы академика А. А. Шахматова о языке новгородских и двинских грамот, работы акад. А. И. Соболевского о галицко-волынском, псковском и полоцко-смоленском говорах, профессора Н. М. Каринского⁴⁴ о языке Пскова и его области и некоторые другие).

Разница в словарном составе феодално-областных языков почти не была предметом специального лингвистического изучения. Так, показательно, что автора «Хождения Арсения Селунского»⁴⁵ (XV в.) профессор А. В. Марков⁴⁶ на основании данных лексики памятника считал белорусом, акад. С. П. Обнорский – болгарин, а академик А. И. Соболевский – московским приказным.

Правда, к некоторым заключениям о составе, структуре и соотношении русских территориальных диалектов средневековья можно прийти на основании изучения различий в крестьянских диалектах позднейшей эпохи. Иногда в географических границах областных народных говоров отражаются следы феодально-государственных делений.

А. В. Марков ведет запись сказительницы Крюковой. 1909 год

Исторический анализ областных словарей помогает открыть в крестьянской лексике пережитки феодальной разобщенности. Однако, как показали диалектологические исследования (академика А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, профессора Д. К. Зеленина⁴⁷, Н. М. Каринского и др.), позднейшие колонизационные передвижения, социально-экономические факторы и политические перемены, влияние общенационального русского языка сильно изменили картину географического распределения территориальных диалектов феодальной эпохи, особенно в области южновеликорусской.

«Наибольшее стирание диалектических границ не только в области морфологии и фонетики, но и в области лексики наблюдается в так называемых переходных или в средневеликорусских говорах, больше всего подвергнутых влиянию литературного языка и являющихся продуктом относительно недавнего времени» (Ф. П. Филин⁴⁸). Именно в этой средневеликорусской полосе возникли феодальные государственные объединения, которые затем стали центрами складывающейся великорусской народности.

Федот Петрович Филин

Образование крупных феодальных государств не мало содействовало взаимному сближению и слиянию в один народ нескольких политико-экономических, этнографических и лингвистических единиц. В период роста национальной концентрации великорусов около Ростова, Суздаля, Владимира, затем Москвы по окраинам Великоруссии находились сложившиеся крупные политические организации, почти независимые от среднерусского центра: великие княжества Тверское, Рязанское, Нижегородское, а на северо-западе – «наро-

доправства» Великого Новгорода и Пскова, автономные во внутренних делах.

Колыбелью великорусской народности была Ростово-Суздальская область, из которой, собственно, и выросло Московское государство. В течение двух столетий – со второй четверти XIV, кончая первой четвертью XVI века – Москва объединила все области, занятые севернорусами, и восточную половину средне-русских княжеств.

Москва находилась в центре великорусской территории на стыке разных диалектальных групп. На юге и западе от Москвы в непосредственном соседстве с городом простирались южновеликорусские поселения, на севере и востоке – северновеликорусские. Этнографический состав самого московского населения был пестр и разнороден. При начале политического роста Москвы в ней разные слои общества говорили по-разному, одни – по севернорусски, другие – акали. Академик А. А. Шахматов высказал предположение, что высшие классы Москвы в XIV–XV вв. пользовались преимущественно северно-русским наречием. «Московская культурная жизнь преемственно была связана с северно-русскими центрами; боярство, духовенство, дьяки потянулись в Москву из Владимира, Ростова, Суздаля, Переяславля и других старших городов». Но ни в XIV, ни в XV в. Москва не могла еще выработать своего языка, создать «койнэ»⁴⁹, общегосударственный язык. Диалектные различия русского языка все еще расценивались как равноправные, несмотря на быстрый рост влияния государственного языка Москвы.

В конце XV – начале XVI в. удельные княжества одно за другим поглощаются Московским государством (в 1463 году Ярославль, в 1474 году Ростов, в 1485 году Тверь, в 1517 году Рязань). Теряют свою вольность и становятся областями Московского царства вольные

севернорусские «народоправства» (Новгород в 1478 году, Вятка в 1485 году, Псков в 1510 году). Таким образом, в начале XVI в. из феодального союза областей, в известной степени самостоятельных, образовалось Московское государство. В языке этого государства долго еще сказывались следы областного разъединения, которые сгладились только в XVII в. Например, Новгород до половины XVI в. сильно влиял на московскую культуру, поставляя Москве и литераторов, и живописцев, и ученых, а иногда и политических деятелей. Но Московское государство, естественно, должно было насаждать в присоединенных областях свой общегосударственный язык, язык правительственных учреждений, язык московской администрации, бытового общения и официальных сношений.

Феодально-областные диалектизмы не могли быть сразу нейтрализованы московским приказным языком.

В XVI в. осуществляется грамматическая нормализация московского письменного языка, который становится единым общегосударственным языком Московского царства.

В XVI в. среди областных разветвлений русского письменного языка наиболее выделялись два типа: новгородский и рязанский. Но они уже не могли выдержать конкуренции с языком московских приказов, хотя и не могли не внести некоторое своеобразие своей языковой культуры в общевеликорусский язык.

Первые переводы произведений западноевропейских литератур, сделанные, несомненно, в Московской Руси, относятся ко второй половине XV в. и принадлежат по преимуществу Новгороду. В начале второй четверти XVI в. новгородские переводы сходят со сцены. Переводная деятельность сосредоточивается в Москве, которая усваивает новгородские «европеизмы», новгородские культурные завоевания в сфере языка.

Язык Москвы не только вбирает в себя областные слова, создавая из них богатую синонимику, но с конца XV в. он постепенно европеизируется, сначала освоив старые новгородские достижения. Для московского языка предшествующего периода, по сравнению с новгородскими европеизмами, были характерны заметные следы тюрко-татарских заимствований, чуждых Новгородской области, например, *алтын*, *армяк*, *кафтан* и т. д.

В области грамматики московский письменно-деловой язык XVI в. представляется гораздо более регламентированным, чем языки Новгорода или Рязани, в которых свободно проявляются местные особенности живой речи. В связи с этим московский письменный язык кажется консервативным. Он ближе по своему грамматическому строю к славяно-русскому языку. Есть основания думать, что в связи с великодержавными притязаниями Московского царства на роль Великорусской империи, на роль «третьего Рима», московский деловой язык с конца XV – начала XVI в. подвергался сознательной арханизации и регламентации по образцу литературного славяно-русского языка (например, преобладание в XVI в. форм дательного падежа местоимений *тебѣ*, *себѣ* при господстве народных *тебѣ*, *себѣ* в XV в.).

С половины XVI в. язык Москвы подвергается (по-видимому, в связи с социальными переворотами времен Ивана IV) сильному влиянию акающих говоров и воспринимает основные черты южновеликорусского вокализма. Язык высших слоев московского общества теряет ряд особенностей, восходивших к государственному языку старых великодержавных центров Северо-Восточной Руси (Ростова, Суздаля, Владимира), например оканье, употребление именительного падежа в функции винительного при инфинитиве (ср. *шутка сказать*) и др.

В московском языке XVI в. развиваются новые фонетические и морфологические явления, которые свидетельствуют об усиливающемся влиянии южновеликорусской народной стихии на складывающийся общий язык великорусской народности. Таковы: переход имен на *-ко* и *-ло* (*Степанко, Михаило, Данило, запева-ло*) в категорию личных слов на *-а*; проникновение безударных окончаний *-ы*, *-и* в им. падеж множественного числа слов ср. рода; распространение женских окончаний дат., тв. и предл. пад. мн. ч. *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*), *-ах* (*-ях*) в других типах склонения и др.

Таким образом, московский приказный язык, почти свободный от церковнославянизмов, к началу XVII в. достиг большого развития и имел все данные для того, чтобы вступить в борьбу за литературные права с языком славяно-русским. Этот деловой язык применялся не только в государственных и юридических актах, договорах и пр., но на нем же велась и почти вся корреспонденция московского правительства и московской интеллигенции, на нем же писались статьи и книги самого разнообразного содержания: своды законов, мемуары, хозяйственные, политические, географические и исторические сочинения, лечебные, поваренные книги и т. д. Расширяя круг своих стилистических вариаций, этот язык постепенно усиливает свои притязания на литературное равноправие с языком славяно-русским. Элементы этого языка проникали в традиционный литературный и славяно-русский язык и подготавливали создание общенационального литературного русского языка.

Однако до середины XVII в. деловой язык московских приказов в сущности не был языком ни художественной, ни тем более философской и научной литературы в собственном смысле. Только со второй половины XVII в. эволюция русского литературного

языка решительно вступает на путь сближения с московским приказным языком и с живой разговорной речью образованных слоев русского общества, сокращая систему славяно-русского языка, который в Северо-Восточной Руси сам пережил сложную эволюцию.

Славяно-русский язык в Северо-Восточной Руси сначала продолжал развивать южнорусские, киевские традиции, хотя и подвергался натиску со стороны совсем иных диалектов живой восточнославянской речи.

Однако областные видоизменения славяно-русского языка не ломали ни его основного лексического состава, ни его грамматического строя. К концу XIII – началу XIV в. различия между грамматическим строем славяно-русского языка и грамматическими особенностями живых народных говоров углубились, так как грамматика живой речи эволюционировала гораздо быстрее (утрата форм имперфекта, аориста, широкое развитие видовых различий и другие явления живой речи).

Разница между литературным книжным языком, объединявшим в своем составе три главных элемента – церковнославянский, греческий и русский народный, и между живым русским разговорным языком особенно резко обозначилась с XIV в. «До тех пор, пока в народном языке сохранялись древние формы, т. е. до XIII столетия, оба они находились еще в некотором равновесии и оказывали взаимное друг на друга влияние» (И. И. Срезневский). Различие двух языков еще более усилилось под влиянием той реформы, которая происходила в славяно-русском языке с конца XIV в. в течение XV–XVI вв. и которая известна под именем «второго южнославянского влияния».

Реформа славяно-русского языка падает на время наиболее оживленных сношений Руси с Византией и ее церковно-книжными центрами – Константинополем

и Афоном – на вторую половину XIV в. После ослабления этих связей в XII–XIII вв. они возобновились с новою силою под влиянием тех перемен, которые в XIV в. происходили на русской территории (начало создания Московского государства, образование Литовско-русского, судьба Киева и т.д.). Реформа славяно-русского языка отражает идею государственного и культурного объединения русских феодальных областей в мировую славянскую державу, которая должна воспринять культурное наследство угасавших южнославянских государств и Византии.

Процесс роста и централизации Московского государства совпал со сменой техники книжного дела. Пергамен⁵⁰ уступает место бумаге, а уставное письмо – полууставу. Меняется понятие литературности и расширяется его объем. Идеи государственной централизации и национального объединения ослабляют исключительность религиозного мировоззрения. Идеальный подъем великорусского общества сказывается в необычайно быстром расширении состава письменности. «Южнославянское влияние» с конца XIV в. отвечало назревшей потребности. Размеры пришедшей со славянского юга литературной продукции были настолько велики, что исследователи «второго южнославянского влияния» (например, академик А. И. Соболевский) считают возможным говорить о расширении состава русской письменности почти вдвое.

Новая струя византийско-южнославянского влияния, несшая с собою пышную риторику, политические, религиозные и философские идеи юго-славянских государств, обнаруживается в древнерусском литературном языке конца XIV в. и расширяется в русской письменности XV–XVI вв. Укрепляется своеобразный болгарский (терновский) живописный и украшенный стиль риторического «плетения словес».

Усиливается тенденция к сближению синтаксических и фразеологических форм церковнославянского языка с греческим. Изысканно-книжная южнославянская лексика и фразеология, полная тропов и фигур, насыщенная образами церковной лирики, широким потоком вливается в славянский язык. Устанавливаются новые архаистические нормы славяно-русской графики и орфографии на основе южнославянской, которая, в свою очередь, опиралась на графику греческую. Создается особая огласовка русских слов, далекая от живой речи, создается особый полууставной почерк и особая манера иллюстрирования книг. Славяно-русский язык рукописей до половины XIV в. богат общерусскими и местными особенностями живой речи. Напротив того, церковнославянский язык многих рукописей половины XV в. как бы избегает резких орфографических русизмов, но зато не свободен от древних и поздних болгаризмов. Все это ведет к строгой унификации литературно-книжного языка, уничтожая разноречие как продукт исторических смен и феодального разобщения областных диалектов.

Из Сербии, где перекрещивались славянская, византийская и романская стихии, прививаются к русскому литературному языку идеология и стилистика европейского рыцарства.

В Россию переносится значительное количество новых переводных сочинений, под влиянием которых формируются новые стили литературного языка и появляются новые оригинальные сочинения. В период этого расцвета славянизированного языка русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое, унаследовав литературные богатства Юго-Славии и Византии, отличавшиеся разнообразием и удовлетворявшие всевозможным потребностям и вкусам культурной верхушки общества.

В новом риторическом стиле XV–XVI вв. расширялись и обогащались выразительные средства русского литературного языка. Так, по наблюдениям В. О. Ключевского⁵¹, Епифаний Премудрый⁵² в «Житии Стефана Пермского» для характеристики своего героя набрал в одном месте 20 разных эпитетов, в другом 25. Разрабатывается область синонимов и синонимических оборотов.

Василий Осипович Ключевский

Поворот к книжно-риторическому, славянизированному стилю, вызванный «вторым южнославянским влиянием» с конца XIV в., является чрезвычайно важным этапом в истории русского литературного языка. Без правильной оценки его становится непонятным то большое количество славянских элементов, слов и оборотов, которое до сих пор существует в русском литературном языке. Ведь в XI–XIII вв. влияние русской народной среды резко меняло состав и строй старославянского языка на Руси, все больше его русифицируя и демократизируя. Теперь же, с ростом московского самодержавия, с возникновением идеи «Москва – третий

Рим»⁵³, славяно-русский язык претендует на исключительное значение в сфере высокой литературной идеологии. Величие литературного диалекта, отгороженного от повседневного делового языка и живой речи простых людей, должно было символизировать высоту новой политической идеологии и культурный блеск великорусского государства, выраставшего из недр феодализма.

Максим Грек

Ученик Максима Грека⁵⁴ Зиновий Отенский⁵⁵ (XVI в.) так формулировал новые тенденции литературно-языкового развития; «Я думаю, что это лукавое умышление... людей грубых смыслом возводить в книжные речи от общих народных речей, тогда как по моему прилично книжными речами исправлять общенародные речи, а не книжные народными обещивать».

Курбский⁵⁶ в предисловии к «Новому Маргариту»⁵⁷ просит читателя внести в язык необходимые исправления: «аще гдѢ погрѣшихъ в чемъ, то-есть, не памятаючи книжныхъ пословицъ словенскихъ, лѣпотами украшенныхъ, и вмѣсто того буде простую пословицу введохъ...».

«Четы-Миней»

Боярин Василий Тучков⁵⁸, перерабатывая первичный, неприязнительный очерк «Жития Михаила Клопского» в новом книжно-риторическом стиле макарьевских «Четых-Миней»⁵⁹, заменяет, например, русское слово *ширинка* церковнославянским *убрус* и считает нужным во введении подчеркнуть свое знакомство с риторикой, философией и софистикой. В высоком книжно-риторическом стиле образуются искусственные неологизмы по арханческим моделям, куются сложные слова (типа *великозлобство*, *зверообразство*, *властодержавец*, *женочфевство* и т. п.).

Этот высокий славянизированный язык, противопоставляемый «простой речи», «просторечию», все же

считается русским. Даже южнославянские реформаторы церковнославянского языка в XIV – в начале XV в. готовы были признать конструктивной основой нового общеславянского языка именно русскую книжную его редакцию. Так, Константин Костенчский⁶⁰ в «Сказании о славянских письменах» выдвигает на первое место «тончайший и краснейший» русский язык.

Фрагмент рукописи повести о Стефаните и Ихнилате

Показательно, что сделанные в период «второго южнославянского влияния» в XIV–XV вв. переводы с греческого, безразлично кем бы они ни были сделаны и каков бы ни был их текст (наполнен болгаризмами или нет), обыкновенно называются в русских списках переводами на русский язык, на русские книги (например, повесть о Стефаните и Ихнилате⁶¹ переведена «с греческих книг на русский язык» и т. п.). Таким образом, славяно-русский язык и русская народная речь осознаются как стилистически, эстетически и

идеологически неравноценные и социально-дифференцированные стили – диалекты единого русского языка. И все-таки – при пышной риторике византийского типа – новый стиль «плетения словес» не во все чуждался народной речи и прибегал нередко к поговоркам и пословицам живого языка. Новый стиль славяно-русского языка XV–XVI вв. был продуктом глубоко самостоятельного отношения к южнославянской традиции.

Так, Нил Курлятев, ученик Максима Грека, упрекал митрополита Киприана – одного из создателей нового южнославянского стиля – в недостаточном знании славяно-русского языка: «Митрополит Киприан по-гречески гораздо не разумел и нашего языка довольно не знал же; аще с ними един наш язык, сиречь словенский, да мы говорим по своему языку чисто и шумно, а они говорят молодежavo, а в писании речи наши с ними не сходятся».

В новом риторическом стиле славяно-русского языка иногда пестрели краски живой русской бытовой речи. Так, в «Житии Стефана Пермского» (начала XV в., автор – Епифаний Премудрый) обращенные в христианство пермяки пересыпают свою церковно-книжную речь к волхву Пиму разговорно-бытовыми словами и выражениями. Это резкое «смешение высокого слога с низким, это несоответствие искусственного языка с грубым цинизмом быта» вообще характерно для стилистической манеры Епифания (академик А. С. Орлов). Местами Епифаний допускал совершенно живую речь. Так, в противовес московскому насмешливому прозвищу Стефана «Храп», т. е. добивающийся всего «нахрапом», наглым наскоком, Епифаний убеждает читателя, что Стефан «не добивался владычества, ни вертелся, ни тцался, ни наскакивал, ни накупался, ни насуливался посуль».

Точно так же в русской исторической беллетристике XVI в. создался стиль, который объединил всю пестроту предшествующих приемов книжного повествования в однородную, цветистую одежду, достойную величавых идей «третьего Рима» и пышности всероссийского самодержавства. Но сознание преимущества своей национальности, по словам А. С. Орлова, заставляло книжников не так уже сторониться своей народной песни и живого просторечия. Народно-поэтические мотивы и образы вошли в этикетную речь XVI в., например, в язык воинских повестей этого времени.

Точно так же в языке Ивана Грозного, по выражению акад. А. С. Орлова, звучит вся гамма разнообразных тонов – «от парадной славянщины до московского просторечия».

Этот изощренный риторический стиль славяно-русского языка XV–XVI вв. удовлетворял художественным вкусам и идейным запросам господствующих классов Московского государства, его социальных верхов. Демократические круги грамотеев разрабатывали даже в области религиозно-учительных сюжетов, идеологически прикрепленных к славяно-русскому языку, иные стили, близкие к живой речи, к бытовому «просторечию».

Так, в житийной литературе XV–XVI вв. «простые словеса» нередко рассматриваются как особый стиль народно-русского языка, типичный для демократической среды и резко отличный от украшенного слога. «Написать вкратцѣ простыми словесы», писать «простою речию, не украшающе речи»; «простою бесѣдою»; «просто без украшения»; «просторечием якоже поселяне» (Ф. И. Буслаев) – все эти заявления и извинения писателей XV–XVII вв. достаточно ярко характеризуют ту социальную среду, которая литературно

разрабатывала живую народную речь, простой разговорный язык с примесью приказно-делового стиля.

Так, первоначальная редакция «Жития Михаила Клопского» (по списку XVI в.), замечательная отдельными яркими узорами бытового реализма, полна народных слов и выражений: *своитинь*, т. е. «свояк»; *прате-ща* — «мать тещи»; *наземь* — «удобрение» (*а келью топиль наземомь да, коневым калом*); *пар*, т. е. «паровое поле» и др.

Преподобный Пафнутий Боровский

В синтаксисе господствует сочинение. Простые предложения кратки, предметно-глагольные. Почти нет подчинительных союзов. Часты присоединительные союзы *да*, *а*, *и*. Не раз попадаете опущение связи при сочетании предложений — «и видѢ старца сѣдѣща пишеть». Часто сливаются предложения разговорные с повествовательными без всякого отделения их — «и реч

старецъ Феодосію зови их хлѣба іасть занеже издалеча припши *да сѣли* за трапезою».

Широко вводятся в литературную речь областные диалектизмы. В «Житии Пафнутія Боровского»⁶²: «...и видит тамо в потоки бесчисленно множество рыбъ ихъ же *мѣстная рѣчь сижики* обыче нарицати».

Разновидности этого смешанного языка, сочетающего элементы славяно-русской речи с приказно-деловым языком и с живой народной, нередко областной речью, были очень разнообразны и пестры – в зависимости от социальных расслоений грамотной демократической среды.

От славяно-русского языка этими демократическими стилями был заимствован и облюбован целый ряд грамматических и лексических особенностей, которые представляли собою как бы квинтэссенцию литературности для низших слоев города, приобщившихся к книжной культуре. Это формы аориста⁶³ и имперфекта с смешением лиц и чисел (особенно часто употреблялись формы на *-ше* и *-ша* в значении всех лиц и чисел), деепричастия на *-ще* и *-ше*, *-вше*, церковнославянские формы причастий, некоторые синтаксические обороты вроде дательного самостоятельного, наиболее употребительные в церковно-книжной письменности слова и выражения: *аще, рече, свѣща, трижды* и т. п.

Эти стили литературного языка, близкие к просторечию, естественно, вступают в связь и взаимодействие с московским приказным языком, который в отдельных своих жанрах почти сливался с живой разговорной речью средних слоев общества.

Например, служащие посольского приказа в XV–XVII вв. собирали сведения о заграничных политических событиях, происшествіях, лицах, местах, о быте, нравах других народов и рассказы об этом, «сказки» вносили в свои «статейные списки». Тут

вырабатывался своеобразный повествовательный стиль на основе живой русской речи. Рассказы, почему-нибудь особенно занимательные, выходили за стены канцелярий и получали большее или меньшее распространение. Язык этих статей – почти всегда русский; изложение – самое простое, деловое, не допускающее сомнений в том, что перед нами запись устных сообщений, а не перевод написанных на иностранном языке рассказов (А. И. Соболевский). Вот запись XVI в.: «...быль в Цариградѣ трусь съ Николина дни осенного до крещеніа. Полать вельми много пало, и стѣны градныя много пало. И царь вельми устрашился, да патріарху велѣлъ молебны пѣти; да съ тѣхъ мѣсть трусь престалъ».

Фрагмент Сильвестровой редакции «Домостроя»

Не чуждались элементов устной речи и другие жанры письменного-делового языка. Так, большая часть статей «Домостроя»⁶⁴ (XVI в.) писана живым русским языком почти без влияния церковнославянской стилистики. Встречаются нередко народно-поговорочные выражения. Бытовая лексика разнообразна, конкретна и богата

реальными значениями и оттенками. Иногда в перечислении выстраивается вереница тщательно дифференцированных обозначений из одного и того же семантического ряда. Например: «и пришед да сняв платейце, высушить и вымять и вытереть и выпахать хорошенько, укласть и упрятать, где то живет». Или: «а про всяку вину ни по уху, ни по видению не бити, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ни каким железным или деревянным». Ярко выступает вещный антураж быта и связанный с ним словарь. Нередко язык принимает форму лаконических афоризмов или лозунгов (например: «со всяким управа без волокиты»; «всегда в устрое, – как в рай войти» и т.п.) или расцвечивается игрой слов, острым сопоставлением синонимов или омонимов, слов с родственными основами (например: «а двор бы был по тому же везде бы крепко горожен, или тынен, а ворота всегда приперты, а собаки бы *сторожилвы*, а слуги бы *стерегли*, а сам государь или государыня послушивают ночи»).

Таким образом, в русской письменности XVI – первой половины XVII в. бытуют и развиваются разнообразные стили, разграниченные между собою как особые социальные и жанровые диалекты и в то же время находящиеся в постоянном взаимодействии друг с другом и с живой разговорной речью разных слоев общества. Обозначается процесс национализации русского литературного языка. Он обостряется и разнообразится усилением западноевропейского влияния на русский язык.

Латинские, западноевропейские струи, просачивающиеся главным образом через Польшу, Литву и Новгород, все сильнее действуют на русский литературный язык XVI – начала XVII в. Синтаксис подвергается влиянию латинского языка.

Перелом в истории русского литературного языка с XVI в. имеет своим следствием утрату интереса к старым переводам как древнейшим (IX–X вв.), так и более поздним (XIII–XV вв.). «Но с того же времени появляются, – и чем ближе к концу XVII в., тем все в большем количестве, – новые переводы, и с греческого, и особенно с латинского, польского и немецкого языков» (А. И. Соболевский). Переводная литература усиливает процесс «обмирщения» славяно-русского языка и сближает его с приказным языком.

В XVI–XVII вв. основные кадры переводчиков состояли из двух групп: 1) из переводчиков посольского приказа и 2) из образованных монахов. Никакой специализации в кругу переводческого дела не было. И приказные и духовные лица переводят все, что им велят. Но переводчики посольского приказа пользуются преимущественно русским деловым языком, монахи – славяно-русским. В зависимости от профессионально-языковых навыков переводчика сочинения, относящиеся к военному искусству, анатомии, географии, истории или другой области науки, техники или даже к разным жанрам художественной литературы, оказываются переложенными то на церковнославянский, то на русский деловой язык. Но сосредоточение переводческой деятельности в Москве все же содействовало унификации основных стилей-диалектов переводной литературы.

Заведение книгопечатания (XVI в.) было одним из наиболее значительных культурных предприятий, направленных к объединению областных феодальных особенностей и к созданию общих литературно-языковых норм для всего Московского государства.

Процесс вытеснения письменных территориальных диалектов московским приказным языком, претендовавшим на значение общенациональной русской нормы, завершается в XVII в.

В XVII в. русский литературный язык вступает в новую фазу своего развития. В нем усиливается процесс концентрации общенациональных элементов.

Хотя в русском письменном языке в XVII в. еще очень явственны следы бывшего феодального разобщения, но особенно резкая местная, диалектальная примесь к литературной речи становится социальным признаком «словесности» низших, подчиненных общественных групп. Московский государственный язык все более упорядочивает в своей структуре смешение и столкновение севернорусских и южнорусских диалектальных особенностей.

В XVII в. со всей решительностью встает вопрос о перераспределении функций обоих письменных языков: книжного русско-славянского и более близкого к живой, разговорной речи русского – делового, административного. В государственном письменно-деловом языке к этому времени были уже устранены резкие диалектные отличия между Новгородом и Москвой.

В XVII в. устанавливаются фонологические нормы общерусского государственного языка (аканье на среднерусской основе, различение звуков *йь* и *е* под ударением, севернорусская система консонантизма⁶⁵, освобожденная, однако, от резких областных уклонений вроде новгородского смешения *ч* и *ц*, и т. д.).

Окончательно укореняется целый ряд грамматических явлений, широко распространенных в живой народной речи как севера, так и юга, например, окончания *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*), *-ах* (*-ях*) в формах склонения имен существительных мужского и среднего рода, а также женского рода типа *кость*, формы на *-ья* типа *друзья*, *князья*, *сыновья* и т. п., *деревья*, *каменья* и т. п.

В XVII же веке в русском литературном языке сформировалась и категория одушевленности, включив в себя как имена лиц мужского и женского пола, так

и названия животных (до этого выделялись в особый грамматический разряд имен существительных лишь слова, обозначающие лиц мужского пола). Семантический рост национализирующегося языка протекает стремительно.

Не лишено значения, что в XVII в. исчезает система присоединительного счета в обозначениях составных чисел, характерная для русского языка до XVII в. (например, в актах XVI в.: *на тысячу и на триста и на шестьдесят и на четыре рубли* – 1501 год; *сто тысячь и семь тысячь и шестьсот и сорок и четыре денги отоманские* – 1503 год, и т. п.).

Московский деловой язык, подвергшись фонетической, а еще больше грамматической регламентации, решительно выступает в качестве русской общенациональной формы общественно-бытового выражения. Например, в деловом языке XVII в. устраняется чередование *з* | *з*, *х* | *с* (и уже раньше вымиравшие *к* | *и*) в формах склонения (в грамотах XVI в.: *по сроцѣи на нашем челоуѣцѣи, по дензѣи, при недрузѣи, в послуех* и т.п.); выходят из живого письменно-бытового употребления энклитические формы личных местоимений: *ми, ти, мя, тя* и т. п.

Таким образом, к концу XVII в. устанавливаются многие из тех явлений, которые характеризуют грамматическую систему русского литературного языка XVIII–XIX вв.

Процесс образования русского национального языка был связан с «обмирщением» просвещения. Славяно-русский язык семантически обновляется, подвергаясь влиянию западноевропейских языков и еще теснее сближаясь с народной речью, а те его стили и разновидности, которые были проникнуты клерикальным духом, постепенно (к концу XVII – началу XVIII в.) вытесняются с командных высот культурной жизни.

Расширению живой народной струи в системе литературного языка содействовали новые демократические стили литературы, возникавшие в среде грамотной посадской массы.

В XVII в. на основе диалектов купечества, мелкого служилого дворянства, посадских людей и крестьянства создаются новые типы литературного языка, новые роды письменности. Ремесленники, торговцы, низший слой служилых людей – посадские люди до XVII в., в сущности, не имели своей литературы.

В XVII в. средние и низшие общества (низшее духовенство, городское купечество, служилые люди, грамотное крестьянство) пытаются установить свои формы литературного языка, далекие от книжной религиозно-учительской и научной литературы, свою стилистику, на основе которой реалистически перерабатывают сюжеты старой литературы (например, повести «Слово о благочестивом царе Михаиле» или «Сказание о древе златом и о златом попугае и о царе Михаиле, да о царе Левкасоре») ⁶⁶. Эти новые стили литературного языка широко пользуются изобразительными средствами и лексикой устной русской словесности, в частности сказки. Например, в повести «Слово о благочестивом царе Михаиле» можно подметить местами ритмичность речи и стремление к созвучиям – рифмам. *В конюшне стояше – повинных к нему меташе, много дивися царскому на коне сидению – и чудного коня течению* и др. В «Сказании о древе златом...», кроме созвучий, постоянны повторения слов и формул. Славянизмов книжной речи в этих стилях относительно немного, да и те почти исключительно ходячие, шаблонные. Например, в указанной выше повести «Слово о благочестивом царе Михаиле»: *аще, зело, вельми*, формы аориста от глаголов *ити* и производных от него с приставками, *реши* и некоторые другие, причем окончания

единственного и множественного числа путаются: *и никто на него не смѣяша сесть, царь на нем не ѿздиша; и вельможи много дивися царскому на коне сиденью*, и т. п.

Характерен синтаксис, почти вовсе свободный от подчинения предложений: *Извозник же поклонився царю и поиде к желѣзной конюшине, где конь стоит, и ударивъ кулакомъ по замкомъ, замки всѣ с пробоев долой спадоша* и др.

Синтаксическая перспектива подчинения и включения предложений отсутствует.

В лексике разговорные выражения причудливо сочетаются с книжными: «Василей *тяль* мечемъ и *отсѣче обѣи руцѣи*»; «Царь Василей не могъ ничем *отнята* и *сотворил ухищрение*»; «начал вельми *середитоватъ*, аки левъ ревуще» и т. п.

Из среды низших и средних классов русского грамотного общества XVII в. идут первые записи произведений устной народной словесности и близкие им подражания, пересказы (например, «Повесть о бражнике»⁶⁷, «Повесть о царе Аггее...»⁶⁸, «Сказка о некоем молодце, коне и сабле»⁶⁹, «Сказание о молодце и девице»⁷⁰, «Горе-злосчастие»⁷¹ и некоторые другие, которых роднят свободное отношение к книжной традиции, стиль, близкий к народной словесности и живой речи, реализм).

Борьба с традициями старого книжного языка ярче всего обнаруживается в пародии, которая была широко распространена в русской рукописной литературе конца XVII в. Пародировались литературные жанры, различные типы церковнославянского и делового языка. Таким образом происходило семантическое обновление старых языковых форм и намечались пути демократической реформы литературной речи. В этом отношении характерен, например, язык пародий-лечебников конца XVII – начала XVIII в., отражающих манеру народных сказок-небылиц.

Появляются пародии и на разные жанры и стили высокой церковно-книжной письменности. Таков, например, «Праздник кабацких ярыжек»⁷². В языке этой пародии-сатиры второй половины XVII в., с одной стороны, находит отражение книжная славянская терминология и фразеология церковных служб и песнопений (стихир⁷³, прокимнов⁷⁴, паремий⁷⁵, тропарей⁷⁶, псалмов⁷⁷ и канонов⁷⁸ и т. п.), подвергающаяся пародическому «выворачиванию наизнанку». В связи с этим широко представлены и морфологические славянизмы (формы аориста — *погибе*, *лишихся* и т. п.; церковнославянские формы звательного падежа: *кабаче непотребне*, *истощителю* и т. д.; падежные формы со смягчением заднеязычных: *в человеце*, *в велицеи* и др.).

Но гораздо ярче и шире в языке этой «службы кабаку» обнаруживается живая народная речь, не чуждая севернорусских диалектизмов (например: на корчме испити *лохом*; *уляпался*; с радением *бажите*, т. е. желаете, требуете; стряпаете около его, что черт у *людь*; в мошне ни *пула* и т. п.).

Много народных поговорок, нередко рифмованных, например: *был со всем, а стал ни с чем; когда сором, ты закройся перстом; было да сплыло; люди в рот, а ты глот; «крапива кто ее ни возьмет, тот руки ожжет»* и т. д.

К «Празднику кабацких ярыжек» по своей пародийной направленности примыкает «Повесть о попе Савве»⁷⁹, которая заканчивается «смешным икосом безумного попа», пародирующим стиль церковного акафиста: «Радуйся, шелной Сава, дурной поп Саво..., радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла»; «радуйся породны русак, по делам воистину так» и т. д.

Пародируются старые формы не только литературного славяно-русского, но и делового языка (ср., например, язык «Калязинской челобитной»⁸⁰). И тут

подспорьем служит язык народной поэзии, например стиль небылиц, прибауток, пословиц и пр. В литературе пробивают себе дорогу преследуемые церковью формы устного скоморошьего творчества.

Жанры старой литературы преобразуются, наполняясь реалистическим бытовым содержанием и облекаясь в стилистические формы живой народной речи. Так, «Азбука о голом и небогатом человеке»⁸¹, написанная пословичной рифмованной прозой, чрезвычайно интересна для характеристики литературных стилей посадских и младших служилых людей с их диалектизмами, с их разукрашенным, но образным просторечием, с их редкими славянизмами и частыми вульгаризмами. Например: *ерыщетца* у меня по брюху; *ерзнул* бы за волком с собаками да не на чем и т. п.

Таким образом, во второй половине XVII в., когда роль города становится особенно заметной, в традиционную книжную культуру речи врывается сильная и широкая струя живой устной речи и народно-поэтического творчества,двигающаяся из глубины социальных «низов». Обнаруживается резкое смешение и столкновение стилей и диалектов в кругу литературного выражения. Начинает коренным образом изменяться взгляд на литературный язык. Демократические слои общества несут в литературу свой живой язык с его диалектизмами, свою лексику, фразеологию, свои пословицы и поговорки. Так, старинные сборники устных пословиц составляются в среде посадских, мелких служилых людей, городских ремесленников, в среде мелкой буржуазии, близкой к крестьянским массам (например, такие пословицы: *кабалка лежит, а детинка бежит; голодный и патриарх хлеба украдет; казак донской, что кафась озерной — икрян да сален* (характеристика донской «вольницы»); *поп пьяный книги продал, да карты купил; красная нужда — дворянская служба* (насмешка над привиле-

гированным положением высших сословий); *не надейся попадья на попа, имей своего казака* и т. п.

Лишь незначительная часть пословиц, включенных в сборники XVII – начала XVIII в., носит в своем языке следы церковно-книжного происхождения. Например, «Адам сотворен и ад обнажен»; «жена злонравна мужу погибель» и др. «Огромное же большинство пословиц, даже и выражающих общие моральные наблюдения, пользуются целиком живой разговорной речью, которая стирает всякие следы книжных источников, если таковые даже в прошлом и были» (В. П. Адрианова-Перетц⁸²).

Варвара Павловна Андрианова-Перетц

Язык посадской интеллигенции – приказных служащих, плебейской, демократической части духовенства – предъявляет свои права на литературность. Рамки литературной речи широко раздвигаются. Устно-поэтическая традиция народного творчества вплотную придвигается к литературе и служит мощным источником национальной демократизации русского литературного языка.

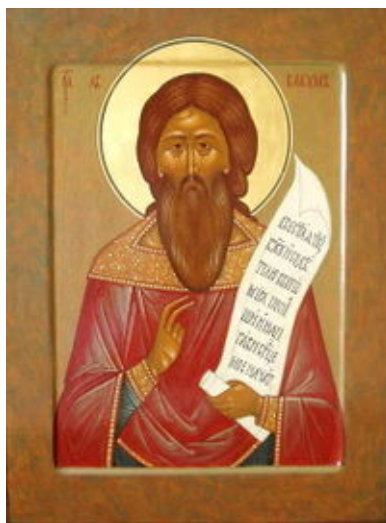
Но живая народная речь сама по себе еще не могла стать базой общерусского национального языка. Она

была полна диалектизмов, которые отражали старую феодально-областную раздробленность страны. Она была оторвана от языка науки, который формировался до сих пор на основе славяно-русского языка. Она была синтаксически однообразна и еще не освоилась со сложной логической системой книжного синтаксиса. Генрих Лудольф, автор «Русской грамматики»⁸³ (Оксфорд, 1696), так изображает значение славяно-русского языка: «Для русских знание славянского языка необходимо, так как не только священное писание и богослужebные книги у них существуют на славянском языке, но не пользуясь им, нельзя ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования». «Так у них и говорится, что *разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски*».

Отсюда понятно, что русский национальный язык в XVII и XVIII вв. образуется на основе синтеза всех жизнеспособных и ценных в идейном или экспрессивном отношении элементов русской речевой культуры, т. е. живой народной речи с ее областными диалектами устного народнопоэтического творчества, государственного письменного языка и языка старославянского с их разными стилями.

Но в XVII и даже в начале XVIII в. средневековое многоязычие еще не было преодолено, контуры национального русского языка лишь обозначились. Например, в сочинениях такого крупного писателя XVII в., как протопоп Аввакум⁸⁴, наблюдается тонкая и сложная система сцепления, сопоставления и взаимопроникновения живых народных и славяно-русских выражений. Славяно-русские образы здесь приобретают яркую народную окраску (тогдаш ограбят до нага и *сволокут* ризу святого крещения; и бес блудной *в души на шее сидит*, кудри бедной расчесывает и др.). Живая устная речь с присловьями, поговорками и пословицами, рифмованными афоризмами у Аввакума нередко со-

всем заслоняет и оттесняет церковнославянизмы. Иногда же русизмы и славянизмы синонимически сопоставляются: бысть же я ... *приалчен*, сиречь есть захотел; зело древо *уханно*, еже есть вони исполнено благой; на высоких *жрал*, сиречь на горах болванам кланялся и др. В местах же патетических и религиозно-торжественных старославянский язык выступает у Аввакума в обнаженном виде.

*Протопоп Аввакум. Современная старообрядческая икона.
Иконописец Ирина Никольская*

Сам старославянский язык в XVII в. переживает сложную эволюцию. XVII в. — это время последнего, предсмертного расцвета традиционного средневекового мировоззрения. Вступление Московского государства в круг широких международных связей и отношений обострило старинную идею о значении Москвы в истории христианского мира: Москва — третий Рим, последняя столица.

Сборник переводов Епифания Славинецкого. 1665 год

В связи с этим, а отчасти в противовес надвигающейся на русский язык волне европеизации усиливается в литературе реакционных кругов монашества и боярства риторическое «плетение словес», возрождаются традиции византийского витийства (культ греческого языка в школе Епифания Славинецкого⁸⁵, братья Лихуды⁸⁶). Эллино-славянские стили отличались «необыкновенною славянщицкою» (склонность к сложным торжественным словам: *рукохудожествовать*, *гордовысоковыйствовати* и т.п., обилие грецизмов, фраз, составленных по византийскому образцу, запутанные синтаксические конструкции и др.). Однако переводы с греческого в XVII в. вообще не имели успеха среди читателей и дошли до нас в ограниченном числе списков, часто только в автографах переводчиков. За пределами исправления славянского текста священного писания, богослужебных книг и религиозно-учительной литературы греческое влияние на литературу Московской Руси XVII в. не было сильным.

Культурно-общественное значение греческого языка, знание которого признается вовсе не обязательным

и даже не нужным для интеллигента XVIII в., падает. Эллино-славянские стили теряют всякое значение в начале XVIII в., принимая узкий, профессионально-церковный или научно-богословский характер.

Титульный лист учебника братьев Лихудов «...о грамматическом художестве»

Напротив, резко усиливается влияние на славянский язык украинского литературного языка, подвергшегося воздействию западноевропейской культуры и пестревшего латинизмами и полонизмами. Юго-Западная Русь становится во второй половине XVII в. посредницей между Московской Русью и Западной Европой.

Известно, что с развитием капитализма «прежняя местная и национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней зависимости народов как в области материального, так и в области духовного производства. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием». Главная роль в процессе языкового

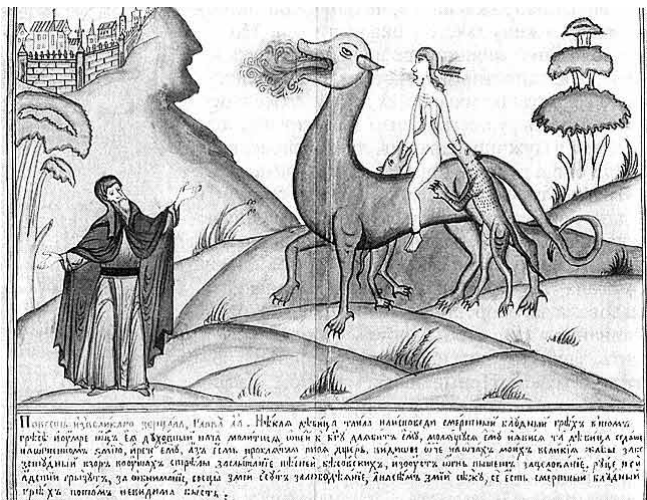
обмена переходит из одной страны к другой в соответствии с общим ходом экономического и культурного развития.

Украинский литературный язык раньше русского вступил на путь освобождения от засилья церковнославянских элементов, на путь европеизации. Там раньше развились такие литературные жанры, как виршевая поэзия, интермедии и драмы. Там, острее и напряженнее – в борьбе с насильственной колонизацией – протекал процесс национализации славяно-русского языка. Юго-западное влияние несло с собою в русскую литературную речь поток европеизмов. За счет греческого языка возрастает культурно-образовательная роль языка латинского, который был интернациональным языком средневековой европейской науки и культуры. Он подготавливает почву для сближения русского литературного языка с западноевропейскими языками (латинизмы в русском языке XVII в. – в кругу терминов математики: *вертикальный*, *нумерация*, *мультипликация*, т.е. «умножение», *фигура*, *пункт*, т.е. «точка», и т.п.; в географии: *глобус*, *градус* и др.; в астрономии: *деклинация*, *минута* и др.; в военном деле: *дистанция*, *фортеция*; в гражданских науках: *инструкция*, *сентенция*, *апелляция*, *капитулы*; в риторике и пиитике: *орация*, *конклюзия*, *аффект*, *фабула*, *конверзация* и др. под.).

Помимо лексики и семантики влияние латинского языка отразилось и на синтаксической системе русского языка – на конструкции книжного периода.

Влияние западноевропейской культуры сказывалось и в распространении знания польского языка в кругу высших слоев дворянства. Польский язык выступает в роли поставщика европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий. При его посредстве происходит секуляризация⁸⁷, «обмирщение» научного и технического

языка, а в придворном и аристократическом быту развивается «политесс с манеру польского». Через Польшу проникает занимательная светская литература.

Старообрядческий настенный лист начала XX в., иллюстрирующий рассказ из «Великого Зеркала»

Таким образом, русский язык начинает обогащаться необходимым для народа, выступившего на европейское поприще, запасом европеизмов, однако приспособляя их к традициям и смысловой системе национального выражения. Европеизмы выступают как союзники народного языка в его борьбе с церковно-книжной идеологией средневековья. Они необходимы для расширения семантической базы формирующегося национального языка. Любопытен сопутствующий явлениям заимствования процесс просеивания и отбора чужих слов. Например, церковнославянский язык XVII в. в переводе «Великого Зеркала»⁸⁸ испещрен польскими и латинскими выражениями (*кроль*, *поета*, *урина* и т. п.), которые в позднейших списках заменяются или

гlossами (*к секутором*, сиречь прикащиком; *авватися*, сиречь начальная мати...; *дробина*, сиречь лестница небесная), или русскими и славяно-русскими словами (*гай* — лес, *кокош* — петел и пр.).

Русский литературный язык экстенсивно раздвигает свои пределы. Объединяя феодальные диалекты и выработывая из них общерусский разговорный язык интеллигенции на основе столичного говора, литературный язык в то же время овладевает материалом западноевропейской языковой культуры.

В недрах Московского царства, средневекового по всему стилю царского и придворного верха, неудержимо нарастает секуляризация государственной жизни и политических воззрений. Усвоение иноземной военной и торгово-промышленной техники, ряд новшеств, как попытки кораблестроения, организации врачебного дела, устройства почтовых сообщений и т. п., реорганизация государственного управления, складывающегося в новый политический тип светской полицейской государственности, — все это производило коренной перелом в направлении и общем укладе государственной жизни, было связано с проникновением новых понятий и обычаев в быт и духовный кругозор русских людей, приучало к новым приемам мысли и создавало потребность в обновлении средств и способов ее выражения. Разоблачалась и падала старая культура средневековья. На смену ей выдвигалась национальная культура новой России.

Процесс выработки новых форм национального русского выражения происходит на основе смешения славяно-русского языка с русской народной речью, с московским государственным языком и с западноевропейскими языками. Ознакомлению с интернациональной научной терминологией и выработке русской научно-политической, гражданской, философской и

вообще отвлеченной терминологии XVIII в. содействует укрепляющееся значение латинского языка (ср. калькирование латинских слов: *искусство* – *experientia*; *вменение* – *imputatio*; *обязательство* – *obligatio*; *договоры* – *паста*; *страсть* – *affectus*; *отрицательный* – *negativus* и т. п.).

*Гравюры, латинская и греческая азбуки
на страницах букваря Федора Поликарпова 1701 года*

Языковые новшества светско-культурного типа легче могли войти в приказный язык, чем в славяно-русский. С системой государственно-делового языка свободно сочетались западноевропейские слова и выражения, относящиеся к разным областям общественно-политической жизни, административного дела, науки, техники и профессионального быта.

Язык Петровской эпохи характеризуется усилением значения государственного, приказного языка, расширением сферы его влияния. Этот процесс является симптомом растущей национализации русского

литературного языка, отделения его от церковно-книжных диалектов славянорусского языка и сближения с живой устной речью. В переводной литературе, которая составляла основной фонд книжной продукции первой половины XVIII в., господствует приказный язык. Заботы правительства о «внятном» и «хорошем стиле» переводов, о сближении их с «русским обходительным языком», с «гражданским посредственным наречием», с «простым русским языком» отражали этот процесс формирования общерусского национального языка. Славяно-русский язык вытесняется приказным языком из области науки. Симптоматичен приказ Петра I Ф. Поликарпову⁸⁹, переводившему «Географию»: «...высоких слов словенских класть не надобеть, но посольского приказу употреби слова».

В Петровское время бурно протекает процесс смешения и объединения – несколько механического – живой разговорной речи, славянизмов и европеизмов на основе государственно-делового языка. В этом кругу выражения формируются новые стили «гражданского **посредственного** наречия», литературные стили, занимающие промежуточное положение между возвышенным славянским слогом и простой разговорной речью.

Степень примеси славяно-русского витийства оценивалась как признак красоты или простоты стилей русского литературного языка. Характерно распоряжение Петра синоду: «... написать ... на двое: поселяном простое, а в городах покрасивее для сладости слышащих». Сам славяно-русский язык подвергается глубокому воздействию деловой, приказной речи. Он демократизируется и в то же время европеизируется. По словам К. С. Аксакова⁹⁰, в языке Стефана Яворского⁹¹ и Феофана Прокоповича⁹² «ярко является характер тогдашнего слога – эта смесь церковнославянского языка, про-

стонародных и тривиальных слов, тривиальных выражений и оборотов русских и слов иностранных». Например, в церковных проповедях того времени обычны такого рода слова и выражения: «фельдмаршал войска Давыдова, эксперимент, экстракт, екзерциции воинские» и т.п. В конструкции речи, конечно не всегда, но заметен латинизм. Таким образом, приказный деловой язык становится центром системы формирующегося нового национального литературного языка, его «посредственного» стиля.

Константин Сергеевич Аксаков

Однако самый этот приказный язык, отражая строительство новой культуры и старые традиции в Петровское время, представляет собой довольно пеструю картину. Одним краем он глубоко внедряется в высокие риторические стили славяно-русского языка, другим – в пеструю и кипящую стихию народной речи с ее областными диалектизмами. Феодалные областные диалекты, глубоко просочившиеся в приказный язык, образуют богатый инвентарь бытовых синонимов и синонимических выражений. Например, в «Книге

лексикон или собрание речей по алфавиту, с русского на голанский язык» (1717) выстраиваются в один ряд группы таких слов-синонимов: *пень, колода, чурбан, отсечек, хижка, шалаш* и т.п. Лексика народной речи, со своей стороны, становится в синонимический параллелизм со словарем славяно-русского языка. Происходит бурное смешение и стилистически неупорядоченное столкновение разнородных словесных элементов внутри литературного языка, пределы которого безмерно расширяются. Процесс переустройства административной системы, реорганизация военно-морского дела, развитие торговли, фабрично-заводских предприятий, освоение разных отраслей техники, рост научного образования – все эти исторические явления сопровождаются созданием или заимствованием новой терминологии, вторжением потока слов, направляющихся из западноевропейских языков: голландского, английского, немецкого, французского, польского и итальянского (ср. в сфере административной: *ранг, патент, штраф, полицмейстер, ордер, камергер, канцлер, арестовать, конфисковать* и т. п.; в военном деле: *брешь, бастион, гарнизон, пароль, лафет, юнкер, вахтер* и т. д.). Научно-технические стили деловой речи в это время с периферии перемещаются ближе к центру литературного языка. Политехнизация языка усложнила и углубила систему приказного языка. Политическая и техническая реконструкция государства отражается в реорганизации литературного языка. Профессионально-цеховые диалекты бытовой русской речи привлекаются на помощь и вливаются в систему письменного делового языка. С другой стороны, живая устная речь города, язык общежития – в связи с европеизацией быта – наполняется заимствованиями, пестрит иностранными словами. Возникает мода на европеизмы, распространяется сре-

ди высших классов поверхностное щегольство иностранными словами.

При отрыве от культуры средневековья естественно было излишнее увлечение европеизмом. Польские, французские, немецкие, голландские, итальянские слова казались тогда многим более подходящим средством выражения нового европейского склада чувств, представлений и социальных отношений. Петр I вынужден был отдать приказ, чтобы реляции «писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов», так как от злоупотребления чужими словами «самого дела выразуметь невозможно».

Стефан Яворский

Таким образом, из приказного языка постепенно вырастают новые стили научно-технического языка, новые стили публицистической и повествовательной литературы, гораздо более близкие к устной речи и более понятные, чем старые стили славяно-русского языка. Но культурное наследство славяно-русского языка, возникшая на его почве отвлеченная терминология и фразеология, его богатая семантика и его конструктив-

ные средства служили мощным источником обогащения национального русского литературного языка в течение всего XVIII в. Символом секуляризации гражданского языка, символом освобождения русского литературного языка от идеологической опеки церкви была реформа азбуки (1708).

Феофан Прокопович

Новая гражданская азбука приближалась к образцам печати европейских книг. Это был крупный шаг к созданию национального русского книжного языка. Значение этой реформы было очень велико. Славяно-русский язык терял литературные привилегии. Он низводился на роль профессионального языка религиозного культа. Отдельные его элементы вливались в систему национального русского языка. Усиливалась потребность в более четком разграничении церковнославянских и общенациональных форм и категорий русской книжной речи. За разрешение этой задачи взялся В. К. Тредиаковский⁹³, который подверг глубокой критике фонетические и морфологические осно-

вания славяно-русской речи, указав на отличия народного русского языка. Тредиаковский развивал мысль о необходимости писать и печатать книги «по звукам», т. е. в соответствии с фонетикой живого разговорного языка образованных кругов русского общества.

Василий Кириллович Тредиаковский

Потребность национально-языкового самоопределения, сознание важности общенационального языка как органического элемента самобытной русской культуры ярко звучат и в теоретических высказываниях Тредиаковского о связи литературы с народной поэзией, о языке словенском как «языке церковном», который «в нынешнем веке у нас очень темен» и «ныне жесток... слышится», о необходимости единого и общего национального («природного») русского языка. («И так всем одного и того же общества должно необходимо и богу обеты полагать, и государю в верности присягать, и сенаторов покорно просить... и на площади разговаривать, и комедию слушать, и у купца покупать... и работорных людей нанимать. ... и на слуг кричать, и детей

обучать... все сие токмо что природным языком»). В атмосфере столкновения и смешения разноречивых и разнотильных элементов в русском литературном языке первой трети XVIII в. восходят и развиваются своеобразные ростки новых национальных стилей повествования и лирического выражения. Они представляют оригинальное сочетание русской народной и западноевропейской культуры художественного слова. Углубляется связь литературы художественной речи с устной народной словесностью. Структура книжного стиха изменяет свои силлабические формы, тонизируясь по русским народно-поэтическим и западноевропейским литературным образцам. Однако язык петровской государственности еще не мог стать общенациональным языком. Он был стилистически не организован. В разных его жанрах царил пестрая смесь грамматических и лексических категорий книжно-славянского языка с разговорно-русскими. Стремительный наплыв западноевропейской, научной и технической терминологии, ломая старые методы образования научных понятий из старославянских элементов, приводил к «диким и странным слова нелепостям».

К 40–50-м годам XVIII в. потребность стилистической регламентации и нормализации нового русского литературного языка становится все более ощутимой и неотложной.

В. К. Тредиаковский одним из первых выдвинул вопрос об общенациональной норме литературного выражения, об «общем употреблении». Но где искать эту норму, и что такое общее употребление? «С умом ли общим употреблением называть, какое имеют деревенские мужики, хотя их и больше, нежели какое цветет у тех, которые лучшую силу знают в языке?» – спрашивал Тредиаковский. – «Ибо годится ли перенимать речи у сапожника, или у ямщика? А однако все сии люди тем

же говорят языком, что и знающие..., но не толь исправным способом». «Лучше полагаться в том на знающих и обходительством выпеченных людей, нежели на нестройную и безрассудную чернь».

Михаил Васильевич Ломоносов

Так Тредиаковский под влиянием французских аристократических теорий ищет нормы общенационального русского языка в речи «двора в слове наивысшего и богатством наивеликолепнейшего», в речи «благоразумнейших министров и премудрых священноначальников», в речи «знатнейшего и искуснейшего дворянства». Между тем, русский двор вовсе не имел своего оригинального стиля национального выражения. А собственный язык Тредиаковского носил явный отпечаток приказно-канцелярской и духовной среды с примесью семинарско-схоластической учености.

Новые основы нормализации русского литературного языка заложены великим русским ученым и поэтом М. В. Ломоносовым⁹⁴. Ломоносов объединяет в понятии «российского языка» все разновидности русской речи – приказный язык, живую устную речь с ее

областными вариациями, стили народной поэзии – и признает формы русского языка конструктивной основой литературного языка, по крайней мере двух (из трех) основных его стилей. Ломоносов точно и ясно ориентируется в современном ему хаосе стилистического разноязычия. Он призывает к «рассудительному употреблению чисто русского языка», обогащенному культурными ценностями и выразительными средствами языка славяно-русского и к ограничению заимствований из чужих языков. От степени участия славянизмов зависит различие стилей русского литературного языка (высокого, посредственного и низкого). Ломоносов высоко оценивает семантику славяно-русского языка и свойственные ему приемы красноречия. Кроме того, из славянского языка вошло в русскую литературную речь «множество речений и выражений разума». С ним связан язык науки. Отказ от славянизмов был бы отказом от нескольких столетий русской культуры. Однако Ломоносов предписывает «убегать старых и неупотребительных славенских речений, которых народ не понимает». Таким образом, славяно-русский язык впервые рассматривается не как особая самостоятельная система литературного выражения, а как арсенал стилистических и выразительных средств, придающих образность, величие, торжественность и глубокомыслие русскому языку.

Оценив реальное соотношение языковых сил в русской литературной речи первой половины XVIII в., Ломоносов устанавливает систему трех стилей литературы, очерчивает их границы, их лексические и грамматические нормы.

Простой или низкий стиль целиком слагается из элементов живой разговорной русской речи, даже с примесью простонародных выражений. Средний стиль состоит из слов и форм, общих славяно-русскому и

русскому языкам. В высокий слог входят славянизмы и выражения, общие русскому и славяно-русскому языкам. Каждый из трех стилей связан со строго определенными жанрами литературы.

*Титульный лист «Российской грамматики» М.В.Ломоносова.
1755 год*

Так, к высокому стилю были прикреплены героические поэмы, оды, трагедии, праздничные речи о важных материях. Остальные жанры могли свободно пользоваться чисто русским языком. Теория трех стилей ввела в узкие стилистические рамки употребление славяно-русского языка, хотя еще сохранила для него

средневековый пьедестал. Она сильно ограничила применение иностранных слов. С именем Ломоносова связано упорядочение русской технической и научной терминологии, ее русификация. Нормализация русского литературного языка предполагала грамматическую регламентацию стилей. Грамматические категории славяно-русского языка, уже вымершие в общем употреблении (например, формы аориста, имперфекта, деепричастия на *-ше*, формы со смягчением заднеязычных и т. п.), окончательно сдаются в архив. Сохраняются лишь те славяно-русские формы, которые были приняты в деловом государственном языке. Это обновило и демократизировало весь грамматический строй русского литературного языка.

«Новым словам ненадобно старых окончаний давать, которые не употребительны». Кроме того, Ломоносовым систематизированы фонетические и грамматические различия между высоким и простым стилями, причем был открыт в простой слог широкий доступ грамматическим формам живой устной речи. В «Российской грамматике» Ломоносова, хотя и в общих контурах, впервые была представлена широко и самостоятельно разработанная грамматическая система русского языка в ее стилистических вариантах. Намечался грамматический стержень национального русского языка.

Семантика народного языка стала основной движущей силой литературного развития. Но Ломоносов не разрешил всех противоречий и трудностей, которые тормозили развитие национального русского языка. Структура среднего стиля осталась не ясно очерченной. Стихия живой народной речи была стилистически не упорядочена. Нормы употребления областных диалектизмов не определены и не ограничены. Теоретически считая социальной базой литературной речи язык Москвы, сам Ломоносов допускал в своей грамматике и в

своих произведениях много севернорусских диалектизмов, отклоняющихся от московской нормы. Проблема европеизмов, как необходимого элемента русской национальной языковой культуры, за пределами научного языка также не получила всестороннего освещения в литературной деятельности Ломоносова. Вопрос о единой общенациональной норме русского языка, очевидно, еще не мог быть решен.

Александр Петрович Сумароков

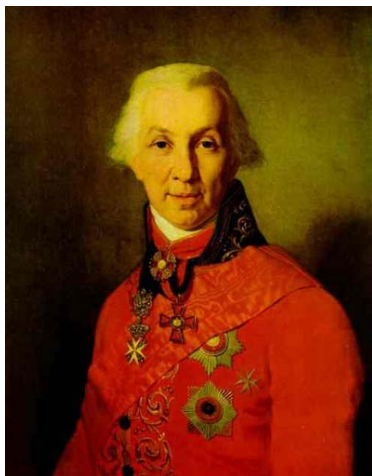
Между тем процесс европеизации высшего русского общества усиливался. Французский язык становится официальным языком придворно-аристократических кругов, языком светских дворянских салонов. Борьба за национальные основы русского литературного языка неизбежно выдвигала задачу создания «светских» стилей самого русского литературного языка. Именно в этом направлении развивалась литературная деятельность другого великого русского писателя середины XVIII в. – А. П. Сумарокова⁹⁵ – и его школы.

Сумароков и его школа не только обогащают русский язык новыми формами лирической и драматической речи, но и в значительной степени преодолевают четыре замеченные ими препятствия на пути развития общенационального русского языка.

1. Вводятся ограничения для литературного употребления областных народных слов и выражений. В качестве твердой национальной нормы выдвигается язык столичной образованной среды, московское интеллигентское (преимущественно дворянское) употребление. В связи с этим Сумароков объявляет себя противником «Российской грамматики» Ломоносова. «Грамматика Ломоносова никаким ученым собранием не утверждена, и по причине, что он московское наречие в колмогорское превратил, вошло в нее множество порчи языка». Наряду с диалектизмами запрещаются вульгаризмы. Характерно, например, заявление в предисловии к переводу «Любови Псиппи и Купидона» Лафонтена (1769): «Благородный стиль всегда привлекает меня к чтению, а низкими словами наполненный слог я так оставляю, как оставляю и не слушаю тех людей, которые говорят степною речью и произношением». Таким образом, культивируется средний литературный стиль и выдвигается лозунг олитературирования разговорной речи. Простой слог приближается к среднему.

2. Объявляется борьба «подъяческому», приказно-бюрократическому языку, его «скаредному складу». Приказный язык, уже Ломоносовым нивелированный и разнесенный по рубрикам русского и славянского языка, теряет одну за другой свои литературные позиции. Исполнив свою историческую миссию, он низводится на роль профессионально-канцелярского диалекта. Он признается противным «обычаю», т.е. лингвистическому вкусу светского образованного общества. «Подья-

чие... точек и запятых не ставят... для того, чтобы слог их темнее был, ибо в мутной воде удобнее рыбу ловить». «... подъячие... высокомерятся любимыми своими словами: понеже, точию, яко бы, имеет быть, не имеет-ся и прочими такими».

Гавриил Романович Державин

Литературный язык ориентируется на язык светского общества. Все это ведет к еще большему расширению функций среднего стиля, не регламентированного Ломоносовым.

3. Реорганизуется структура высокого слога. Распашиваются его славяно-русские основы, еще так крепко связанные у Ломоносова с «пользой книг церковных». Ломоносовский высокий стиль характеризуется как «многоречие», «многоглаголанье тяжких речей», «пухлое и высокопарное». В основу высокого слога Сумароковым и его школой кладется европейский стиль французского классицизма, однако сильно национализированный.

4. Сумароков и его школа ведут яростную борьбу с галломанией⁹⁶ придворно-аристократического круга и его дворянских подголосков, с языком светских щеголей, пересыпавших свою речь французскими (а иногда немецкими) словами. Они видят в этом макароническом жаргоне⁹⁷ опасность утраты национального своеобразия русского языка. Сумароков не был пуристом⁹⁸. Он сам вводил новые слова и значения. Он допускал необходимые иностранные заимствования, но был противником порчи языка ненужной чужеземной примесью («Об истреблении чужих слов в русском языке», «Эпистолу о русском стихотворстве»).

Денис Иванович Фонвизин

Однако Сумароков не разрушает, а лишь видоизменяет теорию трех стилей. Но и выдвинутая сумароковской школой норма литературного языка не выдержала испытания истории.

Фонвизин⁹⁹, Державин¹⁰⁰, Новиков¹⁰¹, Радищев¹⁰² с разных сторон и в разных направлениях открывают

литературе новые средства выражения и новые сокровища живого слова. Они производят сложную перегруппировку языковых элементов. Их творчество не уместается в рамки теории трех стилей. Возникает разрыв между формально-языковыми схемами литературы и живой семантикой языка народного.

Новиков Николай Иванович

Углубление национальных основ русского литературного языка особенно заметно в поэзии Державина, который, синтезируя стили ломоносовской и сумароковской школы, иногда достигал высокой степени народности реалистического мастерства. По словам выдающегося русского критика Виссариона Григорьевича Белинского, «с Державина начинается новый период русской поэзии... В его стихотворениях нередко встречаются образы и картины чисто русской природы, выраженные со всею оригинальностью русского ума и речи... Поэзия Державина была первым шагом к переходу вообще русской поэзии от риторики к жизни...». Поэзия Державина не осуществила синтеза всех живых элементов общерусской литературной речи, но

подвергла их новому смешению. И в этом брожении и смешении еще определеннее и резче выступили и схематизм теории трех стилей, и контуры уже возникающего общерусского национального языка.

Влияние Ломоносова, Фонвизина и Державина отразилось и на языке Радищева, который, вырабатывая революционный публицистический стиль материалистического направления, широко пользовался риторикой и фразеологией славяно-русского языка, но изменял их смысловую направленность. Вместе с тем Радищев многое черпает из сокровищницы живого родного слова и народной поэзии, свободно смешивая народные элементы со славяно-русскими и западноевропейскими и не придерживаясь традиционной рецептуры учения о трех стилях. Он стремится содействовать развитию в России просвещения «на языке народном, на языке общественном, на языке российском».

В XVIII в. русский язык окончательно утверждается в науке, которая, впрочем, еще очень долго — до 30–40-х годов XIX в., до прилива революционно-демократической интеллигенции, а в отдельных областях почти до эпохи Великой Октябрьской социалистической революции — сохраняла следы своего первоначального симбиоза с церковно-книжной культурой средневековья.

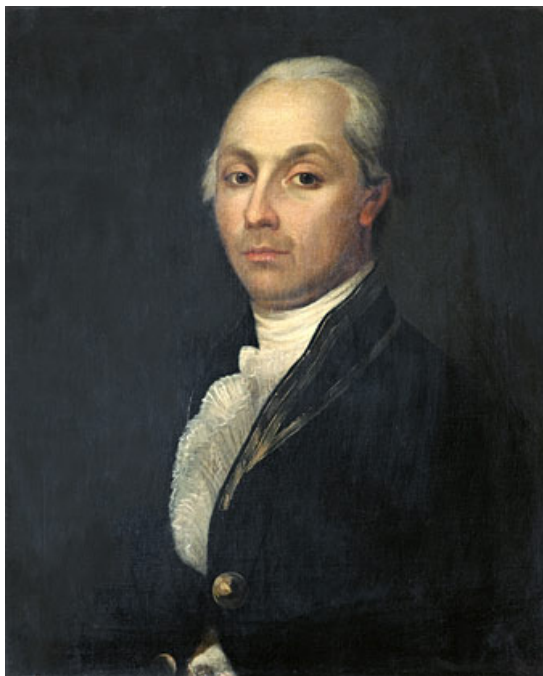
К концу XVIII в. разработка национального русского языка достигает большой глубины. Учение о трех стилях давало возможность широко вовлекать в структуру литературной речи и накопленный веками запас славяно-русизмов, и неистощимые сокровища родного слова. Воздействие западноевропейских языков, принявшее в высших дворянских и придворно-бюрократических кругах антинациональный характер галломании, для русского языка в целом послужило мощным импульсом семантического развития и обо-

гащения; ковались новые формы выражения для передачи понятий, созданных западноевропейской культурой; расширялся круг значений прежних слов (например, в сфере обозначения чувств, настроений, оттенков душевной жизни, их качественных определений, в сфере выражения социальной и психологической атмосферы общественного быта, светского этикета и т. п.; ср. значения таких слов, как *плоский, тонкий, живой, трогательный, развлечение, расположение* и т. п.): вырабатывались приемы отвлеченного научно-технического и публицистического изложения (ср., например, значения таких слов и выражений: *отвлечение* – abstractio, abstraction; *отвлеченный* – abstractus. abstraite, *предрассудок* – préjugé; *непроницаемость* – impenetrabilité; *переворот* – revolution; *подразделение* – subdivision и т. п.).

К концу XVIII в. процесс европеизации русского языка, осуществлявшийся преимущественно при посредстве французской культуры литературного слова, достиг высокой степени развития. Старокнижная языковая культура вытеснялась новоевропейской. Русский литературный язык, не покидая родной почвы, сознательно пользуется церковнославянизмами и западноевропейскими заимствованиями.

Однако – при всем богатстве и разнообразии форм литературного выражения – в общерусском национальном языке еще было твердых норм – ни грамматических (особенно синтаксических), ни словарных, тем более что высокий слог и прикрепленные к нему жанры старели или заметно эволюционировали в сторону сближения с живой разговорной речью, а простой слог с его вульгаризмами и диалектизмами уже не отвечал развитому вкусу европеизированной дворянской интеллигенции. Все острее к концу XVIII – началу XIX в. ощущалась потребность в реорганизации литературного языка, в отмене жанровых ограничений, в

создании средней литературной нормы, близкой к разговорному языку образованного общества, свободной как от архаизмов славяно-русского языка, так и от вульгаризмов простонародной речи и способной удовлетворить «благородный вкус» просвещенного русского европейца.

Александр Николаевич Радищев

Над разрешением этой задачи в разных направлениях работали многие писатели конца XVIII и начала XIX в. (Новиков, Капнист¹⁰³, Дмитриев¹⁰⁴, Карамзин¹⁰⁵ и др.). Особенное значение для истории русского языка имела литературная деятельность Н. М. Карамзина, с именем которого современники связывали создание «нового слога российского языка».

Процесс образования «нового слога российского языка» был связан с борьбой против старой книжной традиции, носившей еще слишком глубокий отпечаток церковнославянского влияния, и против специально-технических и приказно-канцелярских уклонений литературного стиля, шедших еще из Петровской эпохи. Национализация русского литературного языка обязывала к выработке языка светского общежития – по типу новоевропейских языков.

Николай Михайлович Карамзин

Не педант и не ученый, представитель узкой специальности, а светский человек провозглашается творцом и судьей языка общежития, языка цивилизации. На русскую почву пересаживаются принципы позднего французского классицизма, но приобретают здесь совершенно оригинальный характер. «В людской толпе, составленной из глупцов и пересыпанной педантами, – говорил Вольтер¹⁰⁶, – всегда имеется маленькое отдельное стадо, называемое хорошим обществом». В понятии «хорошего общества» Карамзин – в отличие от Пушкина – не объединял интеллигенции и простого

народа. Это светское хорошее общество – законодатель норм литературного выражения. Карамзин и его сторонники выдвигали задачу – образовать доступный широкому читательскому кругу один язык «для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут». Для этого необходимы: тщательный отбор наличного языкового материала и творчество новых слов и оборотов (ср. неологизмы самого Карамзина: *влюбленность, промышленность, будущность, общественность, человечность, общепользный, достижимый, усовершенствовать* и др.).

Вольтер

Язык преобразуется под влиянием «светского употребления слов» и «хорошего вкуса» европеизированных верхов общества. Изменяются синтаксис и фразеоло-

гия. Из литературного словаря исключается большая часть слов ученого языка, восходящих к церковнославянизмам. Архаические и профессиональные славянизмы и канцеляризмы запрещены (вроде: *учинить*, *изрядство* и т. п.). В литературном употреблении избегаются специальные термины школы, науки, техники, ремесла и хозяйства. Накладывается запрет на провинциализмы и на слова фамиллярно-просторечные или простонародные.

В этой реформе нельзя не видеть развития и углубления национально-объединяющих тенденций, направленных на освобождение литературного языка от пережитков феодального прошлого. Но путем соскабливания шероховатостей и демократических угловатостей язык сокращается и даже обесцвечивается. Обнажается социальный фонд «приличных» светских выражений, обобщенных и лишенных индивидуально-го колорита. Устраняются слишком резкие или слишком простые, грубые и низкие «идеи» и формы их выражения. Действительность облекается риторическим покровом «цветов слога», «полувуалем» описательных выражений и метафор. Из поэзии почти изгнаны прямые обозначения бытовых вещей и действий, их реальные имена; они заменены перифразами. Поэт имеет в своем распоряжении меньше 1/3 общерусского словаря.

Один их последователей Карамзина заявлял: «Вкус очистился; читатели не хотят, не терпят выражений, противных слуху; более двух третей русского словаря остается без употребления». «Новый слог Российского языка» постоянно находится в опасности ограничить свои материалы одними общими местами. Не давая точного, полного и глубокого отражения действительности, он риторически схематизирует и логически классифицирует общие впечатления от действительности и

основанные на них абстрактные идеи. Это отвлеченное искусство слова, лишенное живого пульса поэтического творчества.

Грамматика преобразуется одновременно в том же направлении. Сокращаются или стилистически переоцениваются старые морфологические категории высокого слога. Грамматическая свобода простого слога парализуется. Устанавливается строгий порядок слов применительно к строю «новоевропейской фразы». Отступления от него должны быть стилистически или риторически оправданы. Фраза сжимается. Она рассчитана на наименьшую затрату внимания. Регламентированы приемы построения сложных синтаксических объединений, периодов. Число употребительных союзов сокращено (ср. исключение даже таких книжных союзов, как *ибо*, *якобы*, *в силу того что*, *если* и др.). Точно определены формы синтаксической симметрии в соотношении членов периода. Интонации живой речи широко врываются в литературный язык. Карамзинский стиль создан для того, чтобы все замыкать в изящные светские формулы, объяснять и популяризировать. Научный язык приспособляется к языку повествовательной прозы.

«Новый слог Российского языка» не был достаточно демократичен. Но работа, проделанная Карамзиным в области литературной фразеологии и синтаксиса, поистине грандиозна. Карамзин, пишет В. Г. Белинский, «преобразовал русский язык, совлекая его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи». «... Карамзин старался писать, как говорится. Погрешность его в сем случае та, что он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников». Поэтому язык самого Карамзина далеко не русский: он

правилен, как всеобщая грамматика без исключений и особенностей, лишен русизмов или этих чисто русских оборотов, которые одни дают выражению и определенность, и силу, и живописность. Русский язык Карамзина относится к настоящему русскому языку, как латинский язык, на котором писали ученые средних веков, — к латинскому языку, на котором писали Цицерон¹⁰⁷, Саллюстий¹⁰⁸, Гораций¹⁰⁹ и Тацит¹¹⁰.

Школа Карамзина осознала необходимость устранить разобщенность между тремя стилями старой литературы, их жанровую обособленность. Она противопоставила диалектологически разграниченным трем стилям литературы разнообразие салонно-светских стилей, отличающихся «не словами или фразами, но содержанием, мыслями, чувствованиями, картинами, цветами поэзии».

Карамзин выдвинул проблему единства семантической системы русского языка, включенной в круг европейского просвещения.

Карамзин дал русскому языку новое направление, по которому пошли такие замечательные русские писатели, как Батюшков, Жуковский, Вяземский, Баратынский. Даже язык Пушкина многим был обязан реформе Карамзина, которая легла в основу новой грамматической нормализации литературного языка (грамматика Н. И. Греча¹¹¹). Слог Карамзина, по словам современников, «стал слогом всех» (С. П. Шевырев¹¹²). Однако это было не совсем так.

Отсутствие широкого демократизма и народности, пренебрежение к «простонародному» языку и его поэтическим краскам, слишком прямолинейное отрицание славяно-русской языковой культуры, еще продолжавшей снабжать словарным материалом язык науки и техники, а образами и фразеологией стили художественной прозы и особенно стиха, излишнее пристрастие к

европеизмам в области фразеологии и синтаксиса, наконец, надоедавшая легкость, сглаженность и манерность изложения в языке Карамзина – не удовлетворяли разные слои современного русского общества. Уже была осознана широкими кругами необходимость демократизации и всестороннего самобытного национального развития языка литературы – научной, политической и художественной – в соответствии с растущими вширь и вглубь общественными потребностями. Сам Карамзин принужден был изменить свое отношение к старорусскому и славяно-русскому языку, когда глубже понял исторические основы национального русского языка, работая над «Историей государства российского». Карамзинское разрешение проблемы народности в русском языке не могло удовлетворить передовые слои русского общества.

Вокруг «нового слога Российского языка» закипела общественная борьба. «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка (1803, 2-е изд. 1818) А. С. Шишкова¹¹³ – реакционного сторонника церковно-книжной культуры, – несмотря на примесь политических инсинуаций (намекы на связь «нового слога» с «языком и духом чудовищной французской революции») и на порочную методологию «корнесловия», все же вскрыло ряд существенных недостатков карамзинской реформы, связанных с недооценкой культурного наследия славянизмов, с непониманием исторической роли славяно-русского языка и его выразительных средств, а также с аристократическим отношением к народной речи и к народной поэзии. Благодаря работам Шишкова были глубже осознаны соответствия в строе и словаре русского и церковнославянского языков, точнее определились семантические границы между русским и западноевропейскими языками.

Еще более глубоко это несоответствие карамзинской реформы национально-демократическим основам русской литературной речи было раскрыто критиками из лагеря декабристов и примыкающей к ним передовой интеллигенции. «Из слова же русского, богатого и мощного», карамзинисты, — по словам В. К. Кюхельбекера, — «силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно-тощий, приспособленный для немногих язык... Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его... *баронами, траурами*, германизмами, галлицизмами и барбаризмами». «Да создастся для славы России поэзия истинно русская... Летописи, песни и создания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности». Итак, проблема средней стилистической нормы общенационального русского литературного языка не была разрешена Карамзиным, так же как не был решен им и вопрос о слиянии языка письменного с разговорным. Творчество таких великих писателей начала XIX в., как Грибоедов и Крылов, двигалось по другим направлениям, увеличивая стилевое разнообразие литературной речи, вовлекая в систему литературных стилей поэтические достижения живой разговорной речи и фольклора. В передовой литературе начала XIX в. вопрос о новом русском литературном языке, об общерусской норме литературного выражения тесно связывается с вопросом о народности, о национальном развитии, о роли живой народной речи в структуре общенационального языка.

Широкое вторжение в литературу устной народной стихии как основы для организации литературного языка знаменовало собою новый этап в борьбе за общий и единый литературный язык, доступный широким массам. Язык Крылова, по словам Белинского, представляет собой такое неисчерпаемое богатство

идиомов, русизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, что «сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении».

Петр Александрович Глетнев

Крылов возводит народную речь на высшую ступень литературного достоинства. В его баснях живая устная речь обнаруживает всю широту и глубину своих стилистических возможностей. Язык Крылова воспринимался как свободный поток просторечия, пробившийся из недр народного самосознания и разрушивший преграды и нормы карамзинской и европейско-аристократической культуры слова. Крылов широко вводит в строй литературного повествования синтаксис устной речи с его неправильностями и ее выразительным лаконизмом. Он с необыкновенным искусством и лукавой иронией смешивает книжные слова и выражения с разговорными. Его стиль меняется в зависимости

от темы, сюжета, экспрессии. И в этом простом слоге, растворившем в себе книжные элементы, Крылов «выразил целую сторону русского национального духа, создав художественную галерею ярких национальных портретов» (П. А. Плетнев¹¹⁴). Его афоризмы приобрели значение народных пословиц (*Ай, моська, знать она сильна, что лает на слона; как белка в колесе; слона-то я и не приметил; услужливый дурак опаснее врага* и мн. др.).

*Александр Сергеевич Пушкин. Портрет работы О. А. Кипренского.
1827 год*

Указав новые пути синтеза литературно-книжной традиции с живой русской устной речью, создав художественные образы глубокого реализма, Крылов подготовил Пушкину путь к народности. Но Крылов не разрешил вопроса о норме национального русского

литературного языка – норме, на фоне которой создавалось бы и свободно развивалось все многообразие жанровых и индивидуально-художественных стилей литературы. Поэзия Крылова была ограничена узкой сферой басни – жанра, еще Ломоносовым прикрепленного к простому слогу. Правда, Крылов сумел придать простому народному слогу басни такую смысловую глубину, силу и национально-реалистическую выразительность, перед которыми меркла безличная европейская элегантность «нового слога Российского языка». Но для создания общенациональной нормы требовались классические образцы национального русского выражения в самых разнообразных жанрах. Эта историческая задача нашла полное решение в творчестве великого русского поэта А. С. Пушкина, который по справедливости считается создателем современного русского литературного языка.

В языке Пушкина вся предшествующая культура русской литературной речи нашла решительное преобразование. Язык Пушкина, осуществив всесторонний синтез русской национально-языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова. Стремительно пройдя через школу Карамзина и его сторонников, Пушкин в сотрудничестве с декабристами намечает новые пути развития национального русского языка: «Все должно творить в этой России и в этом русском языке», творить на основе «совершенного знания свойств русского языка». Народная словесность с начала 20-х годов становится для Пушкина наиболее ярким выражением духа русского языка, его национальных свойств. Народность для Пушкина менее всего походила на простонародность речи. Народность языка, по Пушкину, определяется всем содержанием и своеобразием национальной русской культуры. Поэтому она может быть вполне

оценена «одними соотечественниками». Пушкин признает европеизм, но только оправданный «образами мыслей и чувствований» русского народа. Эти принципы были не отвлеченными правилами пушкинской стилистики, но плодом глубокой оценки современного поэту состояния русского литературного языка. Они определяли метод творческой работы великого поэта. Пушкин объявляет себя противником «искусства, ограниченного кругом языка условленного, избранного», искусства аристократического. «Зрелая словесность» должна иметь своей основой... просторечие». В этой широкой концепции народности находили свое место и славянизмы, и европеизмы, если они соответствовали «духу русского языка» и удовлетворяли его потребностям, сливаясь с национальной семантикой. «Простонародное наречие», сближенное с книжным, славяно-русским, — *«такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»*.

Продолжая по разным направлениям разрабатывать «неистощимый рудник языка славянского», Пушкин, однако, освобождал русский литературный язык от оков церковной идеологии. Например, в таких церковнославянских образах выражен поэтом призыв к революционной борьбе, к народному восстанию:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: *«Христос воскрес!»*

Пушкин сливал слова и обороты церковнославянского языка с живой русской речью. На таком соединении он создал поразительное разнообразие новых стилистических средств в пределах разных жанров. Он воскрешал старинные выражения с ярким колоритом национальной характеристики. Но Пушкин предупреждал,

«что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно...».

В пределах общенациональной языковой нормы возможно бесконечное функциональное разнообразие слов и оборотов. Но для этого необходимо «чувство соразмерности и сообразности». «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности», – писал Пушкин. Этот принцип решительно противопоставляется как учению о трех стилях – с прикрепленным к каждому из них кругом слов и оборотов, так и принципу классового отбора слов и выражений в «новом слоге Российского языка». Установив общенародную литературно-языковую норму, Пушкин разрушает все преграды для движения в литературу тех элементов русского языка, которые могли претендовать на общенациональное значение и которые могли бы содействовать развитию индивидуально-художественных композиций и стилей. Те же принципы Пушкин применяет и к европеизмам. В раннем языке Пушкина много галлицизмов (например, в области фразеологии: *воин мести, сын урюмой ночи, листы воспоминанья* и др.; в синтаксических конструкциях:

*... Грустный, охладельй,
И нынче иногда во сне,
Они смущают сердце мне...*

Пушкин от них освобождает свой язык. Он противник «калькирования» чужих выражений, перевода их слово в слово. Он борется с синтаксическими галлицизмами. Но Пушкин не отвергает «галлицизмы понятий». «Ясный, точный язык прозы, т. е. язык мыслей» в русской литературе первой четверти XIX в. еще не существовал. «...ученость, политика, философия еще по-

русски не изъяснялись». И тут было чему поучиться на материале французского языка, имевшего богатую и стройную систему выразительных средств для языка прозы – художественной, научной, публицистической. Вовлекая в русскую речь европеизмы, Пушкин исходит из семантических закономерностей самого русского языка и из его культурных потребностей.

*Но панталоны, фрак, жилет
Всех этих слов на русском нет.*

Принцип всенародной общности языка ведет к отрицанию излишних заимствований. Употребление специальных терминов в общелитературной речи тоже ограничивается Пушкиным. «Избегайте ученых терминов, – писал Пушкин И. В. Киреевскому¹¹⁵ (от 4 февраля 1832 года), – и старайтесь их переводить». Процесс образования нового демократического национально-литературного языка был связан со смысловым углублением и образно-идеологическим обогащением живой русской речи. Пушкин производит выбор живых форм словообразования, определяет новые принципы смещения разговорно-русских конструкций с книжными.

Пушкин отбирает и комбинирует наиболее характеристические и знаменательные формы народной речи, семантически сближая литературный язык с «чистым и правильным языком простого народа».

От этого чистого и правильного языка народа, от языка народной поэзии Пушкин резко обособлял жеманный язык мещанской полуинтеллигенции, «язык дурного общества». Понятно, что областные этнографические особенности народной речи, узкие провинциализмы Пушкиным лишь в редких случаях включались в литературную норму. Из областных наречий и

говоров Пушкин вводил в литературу лишь то, что было общепонятно и могло получить общенациональное признание. Пушкинский язык чужд экзотики областных выражений, избегает ненужных арготизмов. Он почти не пользуется профессиональными и сословными диалектами города, его средних и низших слоев. Пушкинскому языку чужды резкие приемы социально-групповой и профессиональной диалектизации.

Иван Васильевич Киреевский

В том же направлении смысловой емкости при предельной простоте Пушкин реформирует синтаксис литературного языка. Краткие, сжатые фразы (обычно 7–9 слов) чаще всего с глагольным центром, логическая прозрачность и в то же время экспрессивная глубина в приемах сочинения и подчинения предложений рельефно оттеняют быстрое движение острой и ясной мысли. Итак, в языке Пушкина впервые пришли в равновесие основные стихии русской речи. Конечно, детали грамматического строя, противоречивые тенден-

ции семантического развития еще не были до конца урегулированы. Но в основном вопрос о общенациональной языковой норме был разрешен. Пушкин окончательно похоронил теорию и практику трех литературных стилей. Открылась возможность бесконечного индивидуально-художественного варьирования литературных стилей. Широкая национальная демократизация литературной речи давала простор росту и свободному развитию индивидуально-творческих стилей в пределах общелитературной нормы. Со времени Пушкина русский литературный язык входит как равноправный член в семью западноевропейских языков.

Николай Иванович Надеждин

После Пушкина стала вполне ясна широким массам та истина, что «литература есть глас народа; она не может быть привилегиею одного класса, одной касты... Основание народного единства есть язык; стало, он должен быть всем понятен, всем доступен!» (Н. И. Надеждин¹¹⁶).

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего

языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство» (Н. В. Гоголь).

Доведя до высокого совершенства лирический стих, Пушкин дал классические образцы языка повествовательной и исторической прозы. Но проблема «метафизического» (т.е. отвлеченного, философско-книжного, научного и публицистического) языка, который, по словам Пушкина, находился в то время «в диком состоянии», Пушкиным была лишь намечена. Непосредственным преемником и продолжателем пушкинской языковой реформы был Лермонтов. Он пускает в широкий демократический оборот лучшие достижения романтической культуры поэтического слова и углубляет семантическую систему литературного языка. Создав новые формы сжатого и образного выражения мыслей и сложных чувств, Лермонтов осуществляет тот национальный синтез повествовательного и «метафизического», отвлеченно-книжного языка, к которому стремился Пушкин. Язык Лермонтова оказывает сильное влияние не только на последующие стили художественной литературы, но и – вместе с языком Гоголя – на язык журнально-публицистической прозы, который получает новое направление и развитие в 30–40-х годах в литературной деятельности Белинского.

К 30–40-м годам аристократическая культура литературного языка, господствовавшая во второй половине XVIII-в начале XIX в., теряет свой престиж. Образуются новые, более демократические нормы литературного выражения. Основное ядро национального русского языка сложилось. На фоне этой национально-языковой общности приобретают особую рельефность и особое значение идеологические и культурно-эстетические различия стилей и жанров. Но уже в 30–50-х годах, несмотря на все социальные различия и внутренние противоречия разных литературных стилей, обозначаются пять общих тенденций языкового развития.

1. Намечается еще большее ограничение славяно-русской языковой традиции в кругу литературной нормы. С разных сторон предлагалось «расторгнуть дружбу русского слова со славянским» в словаре и грамматике. Церковнославянизмы, не ассимилировавшиеся с интеллигентской разговорной речью, нуждались в стилистическом оправдании своего употребления.

Михаил Юрьевич Лермонтов

2. Так как общее представление о норме литературной речи в связи с творчеством Пушкина глубоко вошло в общественное сознание, то сближение литературного языка с живой устной речью протекает все более стремительно в разных направлениях. Возникает задача — переплавить разнородные элементы живой устной речи так, чтобы они влились в общенациональный фонд словесного выражения. На этой почве возникает неудовлетворенность старыми словарями русского языка («Словари Академии Российской»

1789–1794, ч. I–VI и 1806–1822, ч. I–VI), которые по преимуществу канонизировали лексику славяно-русского языка и столичной интеллигентской разговорной речи, крайне ограничивая материал из языка широких демократических масс, особенно из крестьянского языка и из профессиональных диалектов городского мещанства. «Толковый словарь» Даля был вызван к жизни этими новыми демократическими тенденциями литературно-языкового развития.

Характерно заявление Н. И. Надеждина (в статье «Европеизм и народность», 1836 год): «...никакое сословие, никакой избранный круг общества не может иметь исключительной важности образца для литературы... Основание народного единства есть язык», который должен быть всем понятен, всем доступен.

3. В связи со стремлением к установлению норм общей разговорной речи приобретает особенную остроту вопрос о значении областных (крестьянских) диалектизмов, о функциях их в литературном языке и о пределах их употребления.

Карамзинская реформа стеснила круг областных выражений в литературном языке. Но с 30–40-х годов диалектизмы, особенно южновеликорусские, начинают все сильнее и шире просачиваться в литературную речь.

Передовые писатели 30–60-х годов настойчиво развивают ту мысль, что литературно-ценными являются лишь такие диалектизмы, которые имеют шансы стать национально-общими. Произведения Гоголя с необыкновенной яркостью показали, какое богатство художественных, характеристических и вообще выразительных средств скрыто в областной народной речи – при умелом ее использовании.

Гоголь и в публицистических статьях призывал к изучению народных наречий: «...сам необыкновенный

язык наш... беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно..., выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям...» («В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Народный язык и фольклор, по словам Гоголя, – «сокровище духа и характера» русского народа. Однако в приемах литературного применения диалектизмов в русской литературе с 40-х годов было много извращений и уклонений, с которыми боролись и Белинский, и Добролюбов, и Чернышевский. Растущая демократизация литературного языка имела своим следствием постепенное внедрение необходимых или удачно примененных областных крестьянских слов и выражений в общий язык (например, *наклевываться* – о деле; *огулом*; *прикоfnуть*; *осечься*; *мямлить* и др.).

Титульный лист словаря В.И.Даля. 1841 год

4. Более тесное взаимодействие между литературным языком и устной речью приводит к расширению литературного употребления слов и оборотов из разных профессиональных диалектов и жаргонов как

городского, так и деревенского языка (например, *бить по карману* — из торгового диалекта; *втереть очки* — из шулерского аргю; *мертвая хватка* — из охотничьего языка; *спеться* — из певческого диалекта, и др.). И в этом направлении творчество Гоголя, а затем Некрасова, Достоевского и Салтыкова-Щедрина сыграло решающую роль.

Николай Васильевич Гоголь

5. С 30–40-х годов происходит перераспределение функций и влияния между разными жанрами русского литературного языка. Стих уступает свою ведущую роль прозе, а в прозе выдвигаются на первый план стили газетно-журнальной, публицистической речи. Публицистический язык формируется не на основе стилей официально-канцелярской речи, с которой он был раньше особенно тесно связан, а на основе синтеза языка художественной прозы с языком философии и науки. Вопрос о научно-философской терминологии и

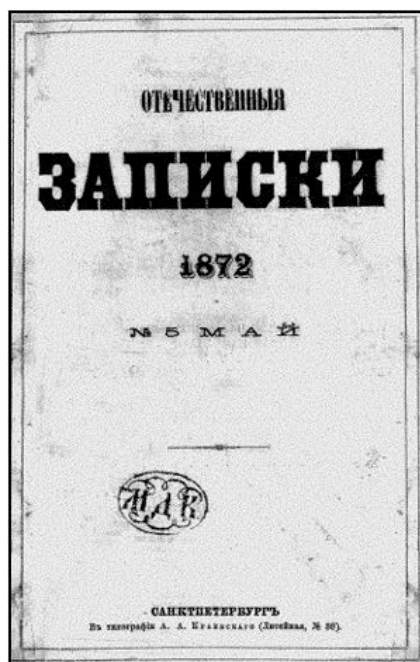
фразеологии встает со всей остротой еще в 20–30-х годах. «Мнемозина», «Московский телеграф», «Московский вестник», «Литературная газета», «Современник», «Отечественные записки» и затем снова «Современник» намечают последовательные этапы истории русской публицистической речи.

Большое значение для формирования публицистического языка имела работа над философской терминологией в кругах русской интеллигенции, увлекавшейся философией Шеллинга¹¹⁷ и Гегеля¹¹⁸ (возникновение в 20–40-х годах таких слов и терминов, представляющих собою кальки соответствующих немецких выражений: *проявление, образование, односторонний, мировоззрение, целостность, последовательный, последовательность, обособление, целесообразный, самоопределение* и др.).

Интерес к общественно-политическим и социально-экономическим наукам проявляется в широком развитии и распространении соответствующего круга понятий, выражений и терминов: *пролетариат, гуманность, пауперизм, действительность* (вместо прежнего слова *существование*) и др.

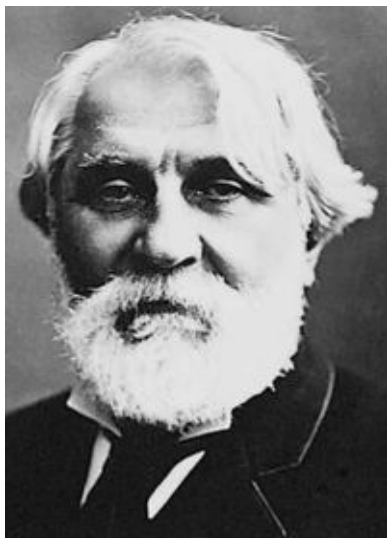
Усиливается взаимодействие между общелитературной речью и языком общественных наук. В развитии публицистической речи и в углублении семантической системы общего языка особенно велика была роль Белинского. Работа над отвлеченно-философскими, общественно-политическими или литературно-эстетическими терминами и понятиями, образование ясной и выразительной журнальной фразеологии, отбор синтаксических форм живой разговорной речи, пригодных для стиля рассуждения, стилистическая дифференциация книжных конструкций – вся эта реформаторская деятельность Белинского имела громадное значение для последующей истории русского литературного языка.

В связи с этими переменами в структуре литературной речи в 30–50-х годах становится особенно актуальным вопрос о научно-популярном языке. Симптоматично, что Гоголь, откликнувшись на этот вопрос, намечает общие контуры языка русской науки, который, по мысли Гоголя, должен строиться независимо от языка «немецкой философии». Отличительными чертами русского научного языка Гоголь признает реализм и лаконизм. Ему должна быть присуща способность не описывать, но отражать, как в зеркале, предмет. «Своим живым духом» он станет доступен всем: «и простолюдину и не простолюдину».

*Обложка одного из номеров журнала «Отечественные записки».
1872 год.*

В связи с работой русского общества над языком науки и публицистики, в связи с расширением и углублением семантической системы русского литературного языка снова встает вопрос о значении и границах заимствований из иностранных языков.

Иван Сергеевич Тургенев

В этой проблеме различаются две стороны. Одна обращена к традициям старого книжного языка, нередко чуждавшегося народности. В нем было много излишних европеизмов салонного типа (особенно в фразеологии). Происходит демократическая переоценка старых заимствований (статьи В. Г. Белинского, позднее В. И. Даля: «О русском словаре», «Напутное слово» и др.). С другой стороны, русский литературный язык продолжал расширять свой инвентарь интернациональной терминологии и фразеологии.

Развитие русского языка во второй половине XIX в. происходит в основном под знаком все расширяющегося влияния научной и газетно-публицистической прозы.

Во второй половине XIX-начале XX в. нормы литературно-интеллигентского языка определяются влиянием журнально-публицистической, газетной и научно-популярной речи. Русский язык становится способным к самостоятельному выражению сложных научных и философских понятий – без посредства иностранных заимствований. В этом отношении чрезвычайно показательны признания русского интеллигента, приписанные И. С. Тургеневым в «Дыме» Потугину (относительно самостоятельного русского «переваривания» понятий, выработанных западноевропейской культурой): «Понятия привились и освоились; чужие формы постепенно испарились, язык в собственных недрах нашел, чем их заменить, – и теперь ваш покорный слуга, стилист весьма посредственный, берется перевести любую страницу из Гегеля, – не употребив ни одного неславянского слова». Словарь русского литературного языка обогащается множеством отвлеченных выражений и понятий в соответствии с ростом общественного самосознания. Например, к середине XIX в. относится образование таких слов: *бесправие, бесправный, крепостник, крепостничество, собственник, самодеятельность, самообладание, самоуправление, направление, содержательный, бессодержательность, впечатлительный, впечатлительность, выразительный, среда* (общественная) и мн. др.

В журнально-публицистических и газетных стилях возникают и вырабатываются те оттенки словоупотребления, те различия в подборе слов и выражений, в их значениях, те экспрессивные своеобразия, которыми определялось общественно-идеологическое расслоение

разных социальных групп, партийная группировка интеллигенции. Известно, например, какое значение имела в языке революционно-демократической интеллигенции терминология и фразеология Дарвина и вообще материалистического естествознания (у Добролюбова: «Среди *выродившихся субъектов человеческой породы* замечателен был бы *экземпляр*» и т.п.; в речи Базарова в «Отцах и детях» Тургенева: «Посмотрите, к какому *разряду млекопитающих* принадлежит сия особа» и др.).

Николай Гаврилович Чернышевский

В развитии публицистических стилей и в их влиянии на дальнейшую историю литературного языка особенно велика была роль Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Через сферу газетно-публицистической речи распространялись и

укреплялись в разных слоях русского общества социально-политические термины, лозунги, афоризмы (ср. быстрое и широкое распространение крылатых слов и метких характеристик из сочинений Салтыкова-Щедрина: *административный восторг*; *чего изволите*; *головотяпы*; *карась-идеалист*; *недреманное око*; *эзоповский язык*; *благоглупости* и мн. др.).

Николай Гаврилович Чернышевский

Язык журнальной публицистики находится в тесной связи и взаимодействии с научным языком. Понятно поэтому, что в литературную речь второй половины XIX – начала XX в. входит множество слов и понятий из области разных наук и специальностей, приобретая в общем языке новые значения. Например: *аграрный*, *артикуляция*, *аберрация* (первоначально – астрономический и оптический термин), *аггломерат*, *внушение*, *предумышленный*, *причинность*, *кристаллизация*, *умственный горизонт*, *экземпляр* и мн. др. Ср. в области фразеологии: *привести к одному знаменателю*; *центр тяжести*; *отрицатель-*

ная величина; по наклонной плоскости; вступить в новый фазис; достигнуть апогея и др.

Понятно, что в результате этого влияния научной и журнально-публицистической речи на общелитературный язык в нем сильно расширяется запас интернациональной лексики и терминологии. Например, получают право гражданства такие слова: *агитировать, интеллигенция, интеллектуальный, консервативный, максимальный, минимальный, прогресс, рационализировать, коммунизм, интернационал, культура, цивилизация, реальный, индивидуальный, радикал* и мн. др.

Семантический перелом в системе русского языка сказывается и на отношении к церковнославянизмам. Пройдя через преломляющую среду научного или журнально-публицистического языка, элементы старого славяно-русского языка семантически обновлялись. Они наполнялись новым содержанием (например, значение таких слов, составленных из славяно-русских морфем: *представитель, непререкаемый, общедоступный, всесокрушающий, отождествить, мероприятия* и др.).

Те же слова и выражения, которые сохраняли свою связь с церковно-книжной традицией, приобретали разные экспрессивные оттенки – в зависимости от стиля, сюжета, а также от идеологии той или иной общественной группы. За пределами культового языка и опиравшихся на его риторику стилей церковной и официально-правительственной речи церковнославянизмы к концу XIX в. уже представляют лишенную внутреннего единства массу лексических и фразеологических осколков. В газетно-публицистическом языке революционно-демократической интеллигенции был распространен прием иронического употребления церковнославянизмов (например, в языке Помяловского, Салтыкова-Щедрина).

Таким образом, в семантической системе русского литературного языка постепенно отмирают пережитки средневековой мифологии. Общий язык в своем развитии следует за ходом науки. Углубляется и расширяется не только система значений и оттенков, но увеличивается и объем литературного словаря. Знаменательны такие соотношения цифр: в «Словаре Академии Российской» (1806–1822) содержалось 51388 слов; в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) уже было помещено 114749 слов; «Толковый словарь» В. И. Даля выходил за пределы 200 000 слов.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

В этом расширении словарного фонда сравнительно небольшая часть приходилась на долю заимствований, большая же часть была продуктом русского народного творчества. Правда, высшие классы нередко пытались отгородить литературный язык от народного стеной западноевропейских заимствований.

Наряду с этой тягой к загромождению литературного языка излишними заимствованиями, в некоторых буржуазных стилях журнально-публицистической, газетной и официально-деловой речи развивается манера искусственно-книжного, синтаксически запутанного изложения. Описательная, пышная фраза заслоняет простое название предмета, понятия. Термины отрываются от вещей. Паутина фраз облакает действительность.

Титульный лист одного из томов «Словаря Академии Российской»

Достоевский в «Дневнике писателя» дал меткую ироническую характеристику этому приему словоупотребления: «... если теперь иному критику захочется пить, то он не скажет прямо и просто: *принеси воды*, а скажет, наверное, что-нибудь в таком роде:

Привнеси то существенное начало овлажнения, которое послужит к размягчению более твердых элементов, осложнившихся в моем желудке».

Но могучим противоядием против этой искусственно-книжной фразеологии были реалистические стили русской художественной литературы, достигшей в это время – под влиянием творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя – небывалого расцвета. Тургенев, Гончаров, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Островский, Л. Толстой, Чехов – вот цепь вершин, по которым движется развитие языка русской художественной литературы.

Содействуя сближению литературного языка с народной речью, очищая литературную речь от всякого лексического и фразеологического мусора, намечая новые пути словесного творчества, художественная литература обогащает инвентарь общей литературной речи новыми образами, меткими словами, фразами, новыми выразительными средствами. В общий оборот входит множество цитат, изречений, названий разных типов и характеров (например: *обломовщина; от ликующих, праздно болтающих; жул; мякотельный интеллигент; лишние люди; кисейная барышня; мещанское счастье; человек в футляре; Пудушка; бывшие люди* и мн. др.).

Реалистические традиции художественной речи дожили до эпохи социалистической революции, несмотря на попытки символистов их разорвать. Громадную роль в развитии реалистического языка, идущего от классиков XIX в., сыграло творчество Горького. Русская художественная литература питалась соками народного творчества, народного языка и народной поэзии. В демократических стилях газетной и публицистической речи второй половины XIX – начала XX в. также продолжал развиваться процесс расширения литературного языка в сторону устной городской и деревенской речи. В произведениях Л. Толстого с 70–80-х годов крестьянская речь служила стилистической опорой его языка. Рост общественного интереса к

народной поэзии служит для Л. Толстого «залогом возрождения в народности». Симптоматично замечание Гл.Успенского о народной речи: «Оригинальность и самобытность народной речи, во многом совершенно еще не понятная для так называемой чистой публики..., делает эту речь и это народное слово совершенно свободным, не знающим никаких стеснений... Это преимущество народного разговора, важное само по себе, приобретает особенную важность и интерес ввиду того огромного материала, взятого непосредственно из жизни, который имеет в своем бесконтрольном распоряжении эта свободная народная мысль, выражающаяся в свободном слове».

Федор Михайлович Достоевский

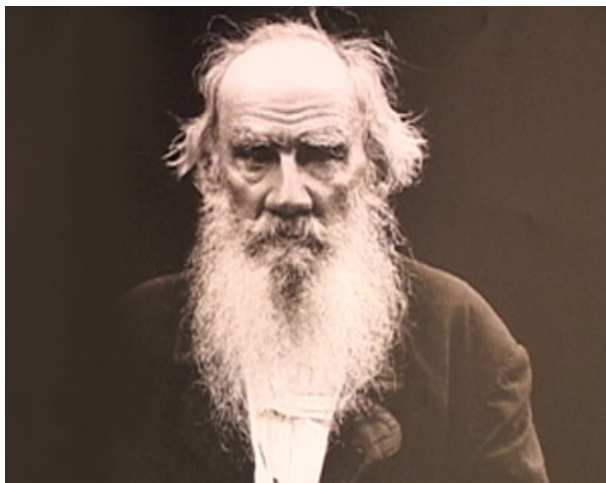
Конечно, много народных, профессиональных, нередко даже областных слов и оборотов несли с собой в

литературу и писатели – выходцы из народа, из демократических низов общества. Большое значение имел также выход в свет «Толкового словаря» В. И. Даля. Этот словарь представлял собой своеобразную энциклопедию народной жизни XIX в. Даль выдвигал задачу: «Выработать из народного языка язык образованный». Но эта задача была неосуществима в условиях капиталистического быта, в которых так глубока была пропасть между городом и деревней, между разными классами общества, между трудом физическим и умственным.

Русский литературный язык до эпохи социалистической революции находился в более тесном взаимодействии с разговорным языком города, с его разными диалектами и жаргонами, чем с языком деревни. Процесс наполнения литературной речи идиомами, фразами и словами из профессиональных диалектов и жаргонов, резко обозначившийся в 30–50-е годы, во второй половине XIX в. продолжает развиваться более напряженно и в разных направлениях. Фабрично-заводские, индустриально-технические диалекты принимают участие в этом процессе. Но преобладают жаргонно-профессиональные элементы, лежавшие ближе к бытовому обиходу и общему кругу интересов дворянства и буржуазии, интеллигенции и полуинтеллигенции. Литературная речь быстро ассимилирует и окружает новыми значениями попадающие в нее формы экспрессивно-жаргонной речи (например, из воровского арготизма: *валять дурака*, *тянуть волынку* и др.; из актерского арготизма: *этот номер не пройдет*, *задать бенедикс* и т. п.; из арготизма музыкантов: *играть первую скрипку*, *попасть в тон*, *сбавить тон* и др.; *разделать под орех* – из языка столяров и т. п.).

На почве смешения разнообразных элементов разговорной речи с книжными возникает принцип своеобразного сращивания просторечных морфем с лите-

ратурно-книжными, например: *глупистика*, *болтология*, *очковтирательство*, *злорычательство*, *пенкосниматель* и др. Вообще же для системы буржуазных стилей русского языка характерна стилистическая неупорядоченность. Идеологический разброд, расширение объема понятия литературности, столкновение архаических и революционных тенденций мешают строгой кодификации стилей.

Лев Николаевич Толстой

Однако во второй половине XIX в. осуществляется стабилизация грамматической системы русского языка. Обозначается процесс выравнивания грамматических категорий. Выходят за пределы литературной нормы диалектальные, «поместные» черты старой грамматики (вроде им. пад. мн. ч. существительных среднего рода на *ы* — *и* и т.п.). Укрепляется целый ряд общерусских явлений, демократизирующих грамматическую систему литературного языка (например, широко распространяется *-а* к формам им. пад. мн. ч. существительных

мужского рода: *профессора, инспектора, дисканта* и т. п.). Вместе с тем сильнее обозначается поворот к аналитическому строю (ср. широкое развитие предложных конструкций, рост отвлеченных значений в системе предлогов и т. п.). Общему углублению семантической системы соответствует осложнение синтаксических связей, особенно среди форм подчинения.

Алексей Максимович Горький

Резкий сдвиг в русском языке произошел в эпоху социалистической революции. Ликвидация классов приводит к постепенному отмиранию классовых и сословных диалектов. Уходят в архив истории слова, выражения и понятия, органически связанные со старым режимом. Разительны изменения в экспрессивной окраске, сопровождающей слова, относящиеся к сословным или сословно окрашенным социальным понятиям

прошлого, дореволюционного быта, например: *господин* (теперь — за пределами дипломатического языка — всегда с эмоцией враждебности и иронии), *барин*, *благотворительность*, *чернь*, *жалованье* и др.

Социалистическая реконструкция государства, рост марксистско-ленинских идей, создание единой советской культуры — все это находит отражение в языке, в изменении его семантической системы, в бурном рождении советских неологизмов.

В широкий общественный оборот входят слова, понятия, фразеология марксистской науки об обществе (ср., например: *снять противоречия*, *диалектика*, *диалектический подход*, *борьба классов*, *эксплуататорские классы*, *ликвидация паразитических классов*, *капиталистическое окружение*, *пережитки капитализма в сознании*, *производительные силы*, *коллективизация хозяйства*, *коллективный труд*, *производительность труда*, *мелкособственнические навыки* и др.).

Язык коммунистической партии, ее вождей оказывает глубокое влияние на общелитературную речь (например, вошедшие в общее употребление лозунги и афоризмы: *головокружение от успехов*; *гнилой либерализм*; *детская болезнь левизны*; *догнать и перегнать* (капиталистические страны в успехах хозяйственного строительства); *кто кого*; *лучшие меньше*, *да лучшие* и др.)

Новая, социалистическая культура меняет структуру русского языка в тех областях его, которые более других допускают приток новых элементов — в словообразовании, лексике и фразеологии. Новые формы политической организации, новый быт, социалистическая идеология — все это ведет к массовому образованию новых слов и понятий или к глубокому семантическому изменению множества прежних слов и выражений (ср., например: *совет*, *комсомол*, *ударник*, *ударничество*, *пятилетка*, *колхоз*, *колхозник*, *единоличник*, *самокритика*, *вредительство*, *чистка*, *ударные темпы*, *стахановское движение*

и мн. др.). Осуществляется принципиальная идеологическая перестройка национального русского языка на социалистических началах.

Современный литературный язык берет все лучшее из тех языковых формаций, которые и до революции служили целям культурного объединения и развития, отбрасывая все классово-чуждое, и усваивает новые (как русские, так и западноевропейские) слова и обороты, вызванные к жизни советской действительностью — строительством новой жизни на социалистических началах.

Распространение материалистических и атеистических идей, борьба с религиозными предрассудками сужает круг живых церковнославянизмов и поддерживает традицию иронического применения церковнославянской лексики и фразеологии, уже прежде нашедшую яркое выражение в публицистическом языке революционно-демократической интеллигенции (ср. образование таких слов, как *аллилуйщик*, *аллилуйский* и т. п.).

В напряженной борьбе за социалистическое строительство рождается много слов с эмоциональными суффиксами, пригодных для того, чтобы заклеить те или иные отрицательные явления, например: *учфедилка* (ср. *курилка*, *предварилка* и др.), *уравниловка*, *обезличка*, *рвач* и др.

Вместе с тем укрепляются качественно новые типы словообразования, например тип сокращенных и сложносокращенных слов (*совнарком*, *совдеп*, *замнарком*, *зам*, *зав*, *комбриг*, *помбух* и др.). Понятно, что с общим культурным подъемом страны, с ее стремительным техническим развитием растет в современном русском языке фонд интернациональной лексики. Он насчитывает больше 100 000 интернациональных слов. С ростом науки и техники связан процесс стремительного обогащения и расширения специально-технических

языков. Те элементы профессиональной лексики, которые имеют узко-технический характер, остаются, конечно, принадлежностью языка той или иной специальности. Но в условиях социалистического строительства вопросы производства перестают быть узко-техническими, специальными, они приобретают широкое общественное значение. Поэтому множество технических слов и терминов входит в литературную норму, занимая видное место в общенациональном языке, например: *трактор, комбайн, блюминг, пропеллер, кабина, врубовая машина, шарикоподшипник, диспетчер, приводной ремень, короткая волна, кинофикация* и мн. др. Вместе с тем из разговорного языка рабочих масс распространяется много профессиональных слов и выражений, получивших широкое общественно-политическое содержание, например: *спайка, смычка, увязка, зажим, чистка, звено, звеньевой* и др. под.

Социализм впервые создает предпосылки для подлинной всеобщности национального языка как национальной формы социалистической культуры. Грани между социальными диалектами постепенно стираются. Живая устная речь широких масс поднимается на более высокий культурный уровень, сближаясь с языком советской интеллигенции.

В первые годы революции низовой язык городских масс хлынул в литературную речь, прорвав запруды буржуазной «литературности». К эпохе революции основное ядро низового городского языка состояло из стилей устной речи, свойственных мелкой буржуазии, мелкому служилому люду, рядовым чинам армии и рабочим. К этому просторечию были близки разные аргы (например, аргы деклассированных), снабжавшие живой язык города экспрессивными словечками, выражениями и оборотами. Армия, моряки и рабочие явились главными проводниками этих токов низовой городской

речи в литературный язык первого периода революционной эпохи. Но культурный рост демократических масс – в процессе строительства новой, социалистической культуры – привел к коренному изменению норм их разговорной речи, к сближению их с общим разговорным языком советской интеллигенции. Правда, в области городского просторечия еще заметны резкие диалектальные различия. В современном городском языке еще рельефно выступает несколько обособленных арг. Но они уже не влияют столь решительно, как в первые годы революции, на общелитературную норму.

Общий разговорный язык впитывает и постепенно поглощает мелкие диалекты, вытесняя их. В русском языке после революции – в противоположность предыдущим этапам истории – не происходит распада, не усложняется его социально-диалектная дифференциация, не умножаются говоры. Наоборот, отчетливо выступают объединительные тенденции, происходит общенациональная концентрация русского языка. Пролетарская революция, уничтожив эксплуататорские классы, вызвала широкую демократизацию разговорного и отчасти письменного (газетного, публицистического, научно-популярного) языка.

Пристрастие к диалектизмам и арготизмам, подхваченным у люмпен-пролетариата, быстро изжило себя. Оно встретило резкий отпор со стороны А. М. Горького.

В социалистической культуре быстро исчезает пропасть между городом и деревней. Сближение местной речи с литературным языком происходит в процессе культурного развития крестьянских масс, из среды которых, так же как из рабочей среды, вырастают новые кадры советской интеллигенции. Литературная речь становится органическим элементом мышления пере-

дового крестьянства. Проблема борьбы литературного языка с местными говорами теряет свою остроту, так как основная масса крестьянства уже не противопоставляет себя в языковом отношении городу. Элементы диалектной лексики не создают резкого отчуждения областных диалектов от общенационального языка, но, вливаясь в литературную речь, постепенно ассимилируются ею.

Часть диалектизмов усваивается литературным языком и растворяется в нем. Конечно, гораздо устойчивее фонетические и морфологические различия между областными наречиями и говорами.

Но и тут картина современных отношений между говорами неясна. Почти не изучены диалектальные и этнографические перегруппировки народных говоров после революции. Процесс эволюции национального русского языка советской эпохи отражает быстрый рост советской культуры. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено, тем оно победоносней» (А. М. Горький).

В эпоху всеобщего кризиса капитализма русский язык, вооруженный новыми идеями социалистической реконструкции общества, становится наиболее активным очагом международных языковых влияний. Интернациональное значение приобрели, например, слова *совет*, *большевик*, *колхоз* и др. Множество советских терминов и выражений «калькируются», т. е. буквально передаются на разных языках мира (например, *ударник* – нем. *Slossarbeiter*, англ. *shoc-worker*, франц. *ouvrier de choc*; *социалистическое соревнование* – нем. *Sozialistischer Wettbewerb*, англ. *Socialistcompetition*, франц. *emulation socialiste* и др.

Несомненно, академик Виноградов дал наиболее точное научное определение практически всех этапов происхождения русского языка, сделав упор на совре-

менный русский язык. Однако мы уже в XXI веке, и ничуть не покрывив душой, совершенно не противореча мнению известных ученых прошлого, можем утверждать, что русский язык, как гибкая и живая конструкция, сегодня находится на совершенно новом этапе своего развития, толчок к которому ощутился в годы хрущевской оттепели и реабилитаций, продолжился в годы застоя и уже абсолютно набрал силу с приходом перестройки в 1985 году. Скучный язык политических деятелей, депутатов, руководителей всех рангов, обилие в их речи ошибок, диалектизмов, неправильных ударений, просторечных акцентов всех трех «братских» славянских народов, различного рода сленгов и жаргонов, засилие в нашем языке англицизмов, в том числе и переделанных на русский лад, компьютерного сленга, внедрение рекламы, несущей нам ошибки всех видов и родов: от грамматически до логических, причем делающих это и по каналам СМИ, и в виде плакатов, баннеров, буклетов и пр. Многие пособия и книги учебного направления содержат фактические ошибки (об орфографии и пунктуации и говорить не приходится). Страшно то, что большая часть населения уже просто не замечает этих ошибок, людям всех возрастов кажется, что так и нужно говорить, что их фамилии так и пишутся, так и произносятся, в речи актеров, журналистов, телеведущих беспрестанно встречаются ошибки, причем, достаточно заглянуть в любой словарь, чтоб их исправить навсегда, но этого не происходит... Зато наступает время еще одного феномена – в языке, в качестве норматива, начинает закрепляться неправильное употребление слова...

Что ж. Это, конечно, еще не апокалипсис – язык жив и будет жить, несмотря на наше потрясающе, порой, бездарное и бесчувственное с ним обращение. Он переживет нас...

Глава II

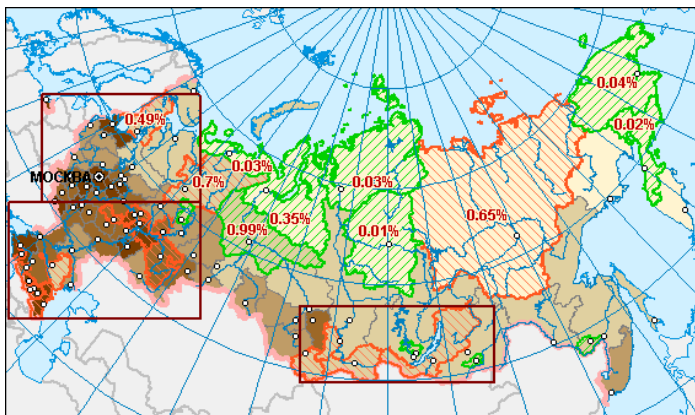
Русский язык в Российской Федерации и среди языков мира

Русский язык был и продолжает оставаться одним из выдающихся мировых языков. Согласно оценочным данным, русский язык по числу владеющих им (500 млн. человек, в т.ч. более 300 млн. за рубежом) занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд.) и английского (750 млн.). Согласно другим данным, русский язык входит в первую десятку самых распространённых языков на планете (китайский, английский, испанский, хинди, арабский, бенгальский, португальский, русский, японский и немецкий).

Он является официальным или рабочим языком большинства авторитетных международных организаций (ООН, МАГАТЭ, ЮНЕСКО, ВОЗ и др.).

В Российской Федерации русский язык выполняет несколько социальных функций: он является национальным языком русского народа, составляющего 79,8% жителей России, средством межнационального общения народов России, государственным языком Российской Федерации, употребляемым в разных сферах общения – сфере государственного управления, образования и науки, массовой коммуникации, деловой сфере и ряде других сфер.

Из общей численности населения Российской Федерации русским языком владеют 142,6 млн. человек (98,2%).

Российская Федерация. Удельный вес населения

На карте отражено современное деление государства по субъектам. В состав Российской Федерации, согласно Конституции России 1992 года, входят 21 республика, 6 краев (на сегодня их число увеличилось), 49 областей, 10 автономных округов и 1 автономная область, 2 города федерального значения Москва и Санкт-Петербург. При построении карты использованы значения численности населения и плотности по данным переписи 2002 года.

Для национальных образований (республик, автономных округов и автономной области) на карте цифрой указан удельный вес населения региона в населении России.

Русское население является наиболее многочисленным в России – около 116 млн. человек. Наибольшее количество русских проживают в Центральном федеральном округе (34703066 чел.), Приволжском федеральном округе (21148120 чел.) и Сибирском федеральном округе (17530949 чел.). По данным последней переписи года русский язык признают родным 99,9% русского населения России и 5,1% нерусских народов. Подавляющее большинство остального населения либо свободно владеет им, либо может использовать его для ограниченного социально-актуального общения в разных сферах.

В период между переписями 1989 и 2002 годов удельный вес русского населения значительно сократился в южных республиках РФ, а также в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока.

Россия является одним из самых многонациональных государств мира. В стране проживают представители 140 национальностей и 40 этнических групп. В России представлены все типы и разновидности двуязычия, известные в мире. Наиболее распространенным является национально-русское двуязычие.

По оценочным данным, примерно 20% русских живут за пределами Российской Федерации. В ближнем Зарубежье этнических русских насчитывается около 25 млн. Еще примерно 10 млн. русских проживают в других странах мира.

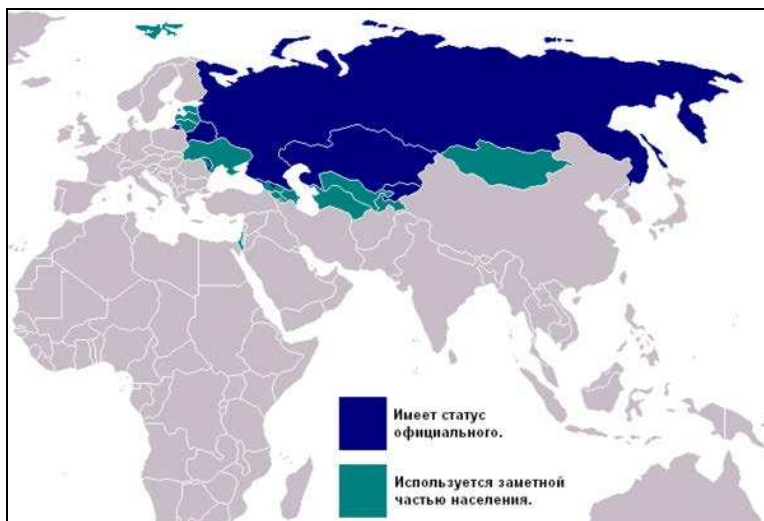
Русский язык — один из широко изучаемых языков мира: его изучают более чем в 100 странах.

После негативных событий 90-х годов в области распространения русского языка в странах Европы за последние годы положение русского языка несколько стабилизировалось. В вузах все большее количество студентов выбирает русский язык в качестве второго иностранного. Наблюдается рост интереса к овладению русским языком у будущих экономистов, управленцев, юристов, студентов художественных профессий.

В общеобразовательных школах русский язык изучается в Германии, Франции, Англии, Австрии. В этих и других странах он преподается в университетах, во многих из которых имеются кафедры русистики и славистики. В ряде стран (Бельгия, Ирландия, Исландия, Испания) русский язык изучается, в основном, в системе высшего образования.

Важную роль в организации изучения русского языка и литературы за пределами России играет

созданная в 1967 году Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Русский язык на карте мира

Постоянные курсы русского языка в странах мира организует Российский центр международного научного и культурного сотрудничества. Курсы действуют более, чем в 40 странах, где ежегодно обучаются от 15 до 20 тыс. человек.

Итак, **русский язык** является единственным государственным языком России и одним из двух Белоруссии (наряду с белорусским).

Русский язык является **официальным** в:

- Казахстане (В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык – Конституция Республики Казахстан),

- Киргизии (*В Кыргызской Республике в качестве официального языка употребляется русский язык* – Конституция Кыргызской Республики),

- Абхазии,
- Южной Осетии,
- части Молдавии (Приднестровье и Гагаузия).

До 1991 года русский язык был языком межнационального общения СССР, де-факто исполняя функции государственного языка. Продолжает использоваться в странах, ранее входивших в состав СССР, как родной для части населения и как язык межнационального общения. В местах компактного проживания эмигрантов из стран бывшего СССР (Израиль, Германия, Канада, США и др.) – выпускаются русскоязычные периодические издания, работают радиостанции и телевизионные каналы. В странах Восточной Европы до конца 80-х годов XX века русский язык был основным иностранным языком в школах.

По данным, опубликованным в журнале «Language Monthly» (№ 3 за 1997), примерно 300 млн. человек по всему миру владеют русским языком (что ставит его все же на 5-е место по распространенности), из них 160 млн. считают его родным (7-е место в мире). Повторим – русский язык – один из шести официальных языков ООН.

После распада СССР официальные власти большинства новых независимых государств стали проводить политику так называемой дерусификации, несмотря на наличие в этих странах многочисленных этнических русских и русскоговорящих меньшинств (а возможно, именно в связи с их наличием, как средство давления с целью вынудить их к эмиграции). В первую очередь, это характерно для прибалтийских государств и Туркменистана. Эта политика предусматривает сокращение и/или полную отмену обучения на русском

языке, прекращение финансирования местного радио- и телевидения на русском языке и ретрансляции российских радио- и телепередач, повышенное таможенное обложение российской периодической печати.

По данным статистики, около 37% населения Латвии – русскоговорящее (русские, украинцы, белорусы, поляки, евреи, татары и другие, использующие в повседневной жизни русский язык), из них 29% – русские. Многие из этих людей переехали в Латвию в советские годы. В Латвии также проживает большое число русскоговорящих, чьи предки жили в стране до утраты независимости в 1940 – в частности, в Латгалии с XVIII века до сих пор живет довольно много староверов.

Согласно местному законодательству, для получения латвийского гражданства в процессе натурализации необходимо сдать экзамен по латышскому языку, истории и Конституции. В связи с тем, что многие русскоговорящие жители не владеют латышским языком или по каким-либо другим причинам не желают натурализоваться, около 18% населения страны являются негражданами, среди которых две трети – русские. Большое число русскоговорящих жителей Латвии являются гражданами по наследству, то есть или они сами, или их предки были гражданами страны до 17 июня 1940 года.

В 1998 латвийский парламент принял закон «Об образовании», который предусматривал перевод обучения в старших классах школ национальных меньшинств на латышский язык с 2004. Большинство из подобных школ – русскоязычные.

В течение всего лета 2004 года в Риге проходили митинги протеста русскоговорящего населения против дискриминации русского языка в школах. Протестующие смогли добиться: смягчения норм закона (теперь в 10–12 классах до 40% обучения может вестись на языке меньшинства), рассмотрения Конституционным судом

Латвии жалобы на реформу школ нацменьшинств, поданной двадцатью депутатами сейма (всеми членами парламентских фракций ЗаПЧЕЛ («За права человека в единой Латвии», PCTVL), Партии народного согласия и Социалистической партии), отсутствия массовых проверок исполнения соответствующей нормы закона. В то же время, представители латвийских властей настаивают, что митинги против реформы образования не более чем политический фарс, не имеющий ничего общего с защитой русского языка: школьные программы разрабатывают сами школы, к тому же власти не намерены контролировать выполнение закона школами нацменьшинств.

В феврале 2005 года СМИ сообщили, что в скором времени в Латвии ожидается ослабление ограничений на использование русского языка в текстах визуальной информации – на вывесках, в объявлениях и проч. Это связано с давлением со стороны Евросоюза, членом которого Латвия стала в 2004 году. Правительству Латвии предстоит принять поправки к правилам кабинета министров «Об использовании языков в информации». Возможно, будет отменена норма, обязывающая фирмы уменьшать размеры шрифта для текста на русском или других языках по сравнению с аналогичным текстом на латышском языке. Требования ЕС направлены на борьбу с ограничениями конкуренции на внутреннем рынке ЕС и на то, чтобы потребители информации получали её в удобном для себя виде. Евросоюз, настаивая на этой поправке, имел в виду, разумеется, языки ЕС. Но до сих пор в Латвии русский имеет такой же статус, как и английский, это иностранный язык.

Существует мнение, что ограничения на пользование русским языком в Латвии направлены на поощрение эмиграции среди русскоговорящего населения. После восстановления независимости Латвию покинули

около 200 тыс. русскоговорящих жителей. Вместе с тем увеличивается число русскоговорящих, получающих латвийское гражданство. В настоящее время гражданство получают примерно по 1000 человек в месяц.

Сторонники латвийской языковой политики утверждают, что она направлена на устранение последствий массовой иммиграции русскоговорящих в Латвию в 1940-1989 годах, в результате которой доля коренного населения (латышей) в стране сократилась с 77% (1935 г.) до 52%.

В ноябре 2004 года Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о «Положении в области прав человека в Туркмении». Страны-соавторы резолюции (36 государств, большинство которых составляют члены Евросоюза), в частности, выразили «глубокую обеспокоенность прекращением трансляции в Туркмении русскоязычных программ радио «Маяк» и продолжающейся дискриминацией правительством Туркмении этнических русских... в области образования и занятости и их принудительного переселения...». Представитель России при голосовании воздержался...

Согласно переписи 2001, этнические русские составляют около 17,3% населения Украины, однако русский язык является родным для 29,6%. По данным опросов, проводимых, в частности, Киевским Международным Институтом Социологии, русским языком пользуются 43–46% населения Украины (то есть столько же или даже чуть больше, чем украинским языком). Характерно, что наибольшее распространение русский получил в восточных и центральных регионах, а также в Крыму.

Согласно ст. 10 Конституции Украины, ее гражданам гарантируется свободное использование русского языка и других языков национальных меньшинств Украины.

На Украине время от времени возникают споры о придании русскому языку статуса государственного. Одна сторона полагает, что русский язык должен стать вторым государственным или официальным, так как приблизительно половина граждан Украины пользуется им в повседневном общении. Другая же сторона считает, что национальным и государственным языком Украины исторически являлся украинский язык, а русский, как язык национального меньшинства, не должен признаваться государственным, пусть даже и вторым.

Русский язык неоднократно использовался как один из инструментов в политической борьбе, особенно велика его роль была в президентских кампаниях в 1994 и в 2004 годах. Данное в конце сентября 2004 года обещание сделать русский язык вторым государственным позволило Виктору Януковичу заручиться поддержкой части русскоязычного населения Украины и выйти во второй тур президентских выборов.

Статус русского языка до сих пор остается предметом споров и политической борьбы. В 2006 году в Украине ряд местных советов (областных, районных, городских) придал русскому языку на территории соответствующих административно-территориальных единиц статус регионального. Однако уже к концу года большинство таких решений были обжалованы прокуратурой Украины в судах, многие из которых удовлетворили иски, таким образом, отменив решения советов как незаконные. Судебные тяжбы продолжаются, поэтому данный вопрос до конца не юридически урегулирован.

В ноябре 2004 года Языковая инспекция Эстонии в ходе проведенной проверки обнаружила, что большинство русскоязычных СМИ регулярно допускают ошибки в написании названия столицы страны – «Таллинн» (русс. *Таллин*). Как заявляет директор языковой

инспекции, «...имеется постановление эстонского правительства, согласно которому транслитерация географических названий осуществляется с точностью до одной буквы. Если на эстонском языке Таллин пишется с двумя „н“, то на языках нацменьшинств, по крайней мере, на территории Эстонии, слово „Таллин“ должно писаться также с двумя „н“. Мнение российских ученых, считающих, что написание названия эстонской столицы с двумя „н“ является орфографической ошибкой, имеет право на существование, но в Эстонии существуют свои нормы. Мы не требуем и не можем требовать того, чтобы в России название нашей столицы писали с двумя „н“. Даже у себя в Эстонии мы можем только рекомендовать писать географические названия с учетом эстонских правил грамматики».

Разработчики проектов новой Конституции Киргизии (2006 год) решили, что русский язык в республике должен быть лишен официального статуса, закрепленного в действующем основном законе страны. «Экс-президент Аскар Акаев в свое время придал русскому языку статус официального для того, чтобы получить поддержку русскоязычного населения страны. Но на самом деле, между официальным и государственным языком нет никакой разницы», – заявил член рабочей группы по разработке вариантов новой Конституции, лидер партии «Эркиндик» («Свобода») Топчубек Тургуналиев.

По мнению лидера партии, такая ситуация «ущемляла киргизский язык». Разработчики Конституции считают, что на сегодняшний день в республике «игнорируется не русский, а киргизский язык», который за время независимости «так и не стал государственным». По мнению Тургуналиева, русский язык является мировым языком и поэтому ни в какой защите не нуждается. Участники рабочей группы считают, что будет вполне достаточно, если за русским языком в стране сохранится статус языка межнационального общения. «Мы не

будем заставлять всех говорить на киргизском языке, и до тех пор, пока киргизский язык не станет языком межнационального общения, этот статус будет носить русский язык», – заявил министр юстиции Марат Каипов, также входящий в состав рабочей группы.

Фондом английского языка США (самой влиятельной неправительственной организацией, занимающейся вопросами лингвистической политики государства) в марте 2005 года был опубликован доклад «Много языков – одна Америка», основанный на данных исследования языков, которые население этой страны использует в повседневной обстановке (дома, на работе, на улице).

Брайтон-Бич – знаменитый район Нью-Йорка, в котором живет русскоязычное население

Согласно этому докладу, самый распространённый в США родной язык – английский. Им, как родным языком, владеют 215,4 млн. человек из 293 млн.

американцев (73,5%). Испанский является родным для 28 млн. жителей США (9.55%). Русский язык занимает 10-ю строчку по числу носителей в США – свыше 700 тыс. (0,24%). Самое большое их число проживает в штате Нью-Йорк (218 765 человек, или 30,98% от всех носителей русского языка), самое меньшее – в штате Вайоминг (170 человек, или 0,02%). В первую десятку штатов, где распространён русский, также входят Калифорния, Нью-Джерси, Иллинойс, Массачусетс, Пенсильвания, Вашингтон, Флорида, Мэриленд и Орегон. По распространённости русский язык в США также уступает французскому (1 606 790), китайскому (1 499 635), немецкому (1 382 615), тагальскому (1 224 240), вьетнамскому (1 009 625), итальянскому (1 008 370) и корейскому (894 065).

Самый высокий удельный вес русскоязычных – на Аляске – около 3% в той или иной степени понимают русский язык, а около 8,5% жителей исповедуют православие. Это является следствием бывлой принадлежности штата России.

В Канаде традиционно более распространён украинский язык; вместе с тем, и русскому языку есть место, поскольку там проживает не менее 300 тыс. выходцев из стран бывшего СССР.

Из 82 млн. человек, постоянно проживающих в Германии, около 6 млн. в той или иной степени владеет русским языком, в том числе более 3 млн. выходцев из бывшего СССР. Большинство остальных являются бывшими гражданами ГДР, где обучение русскому языку являлось обязательным с 5-го класса средней школы и было широко распространено в вузах.

В настоящее время русский язык в Германии изучают около 200–210 тыс. человек, из них 180 тысяч – учащиеся средних учебных заведений (школ и гимназий), около 10 тыс. – студенты отделений славистики,

еще примерно 10 тыс. человек изучают русский на нефилологических факультетах (юридических, экономических, естественнонаучных). Кроме того, на различного рода курсах и в «народных вузах» (вечерняя форма обучения для взрослых) русский язык изучают около 3 тысяч человек, что составляет менее 2% от общего числа слушателей таких курсов.

Кафедры славистики с преподаванием русского языка имеются в 32 университетах. Единой программы преподавания и изучения русского языка в Германии не существует, вузы и научные центры разрабатывают и осуществляют такие программы самостоятельно. Тем не менее, уровень квалификации преподавателей достаточно высок, так как среди преподавателей в Германии есть большое количество носителей русского языка с высшим образованием.

Из почти 6,9 млн. человек, живущих в Израиле, русским языком владеют свыше миллиона человек. Большинство из них составляют репатрианты, приехавшие из стран бывшего СССР после 1990 года. На русском языке в 90-е годы в Израиле выходили многочисленные печатные издания, но в настоящее время значительная часть населения страны перешла на электронные СМИ (Интернет, кабельное и спутниковое телевидение). В результате печатные издания, в том числе, и на русском языке, заметно снизили свои тиражи.

Круглосуточно работают два местных телевизионных канала на русском языке (информационный и музыкальный). Русскоязычный канал «Израиль плюс» вещает с титрами на иврите, что делает его передачи доступными и для населения, не владеющего русским языком. Кроме того, транслируется несколько российских телеканалов («1-й», «РТР-планета», «НТВ-Мир»). Компании спутникового телевидения «YES» и

кабельного телевидения «НОТ» поддерживают русский интерфейс (наряду с ивритским, английским и арабским); несколько десятков каналов дублируют свои передачи на русском языке или снабжают их русскими титрами; ряд радиостанций также ведет передачи по-русски.

Русский язык преподается в некоторых израильских школах как второй иностранный, и учащийся может выбрать его как один из предметов, по которым он будет сдавать выпускные экзамены. Кроме того, существует сеть русскоязычных школ «Шуву», где преподавание ведется на русском языке.

Существуют многочисленные израильские русскоязычные сайты и порталы.

Известность в Израиле и во многих странах получил театр «Гешер» (ивр. גֶּשֶׁר וִוְרְטָא – «Мост»), спектакли которого идут как на русском языке, так и на иврите. Одним из ведущих актеров театра является Леонид Каневский, известный по роли майора Томина в советском телесериале «Следствие ведут Знатоки».

Процент говорящих по-русски особенно высок в Ашдоде, Беэр-Шеве, Кармиэле (более трети жителей), Хайфе, Петах-Тикве и некоторых других городах. Вывески на русском языке и магазины русской книги – распространенные явления в Израиле.

Во многих местах, таких как служба соцобеспечения, больничные кассы, банки можно получить обслуживание на русском языке. Банкоматы также во многих случаях имеют русский интерфейс.

Существует несколько объединений русскоязычных литераторов, живущих в Израиле. Среди известных авторов можно упомянуть Дину Рубину.

После распада СССР существенно увеличились торгово-промышленные отношения России с Турцией. С 90-х годов и по сей день Россия является одним из

главных импортеров легкой промышленности и продовольственных товаров для этой страны. Исходя из этих причин в Турции одновременно увеличился интерес и к русскому языку. В Стамбуле существуют отдельные торговые районы, в основном Лалели, Беязыт, в которых нередко можно встретить надписи на русском языке, а каждый третий турок, работающий в районе Лалели, в той или иной степени владеет языком.

Второй причиной, по которой в Турции появляется интерес к русскому языку, служит эмиграция русскоязычных женщин (в основном из Украины и Молдовы), которые ищут счастья за рубежом и нередко выходят замуж за иностранцев...

Благодаря многочисленным путешественникам из России в Турции развивается туризм. Среди самых посещаемых городов курортных городов – Анталия, Кемер, Бодрум, Мармарис – здесь русские уступают только немцам. Эта причина стимулировала жителей Турции к изучению русского языка во избежание языкового барьера в сфере обслуживания. Кроме того, стоит добавить, что изучение русского языка ведется и среди рабочих-строителей, ведущих свою производственную деятельность на строительстве самых различных объектов на территории бывшего СССР.

Глава III

Литературный язык и диалекты языка.

Жаргоны и сленг

Понятие «национальный русский язык» включает в себя, с одной стороны, нормированный литературный язык и, с другой, — стоящие за пределами литературной нормы территориальные и социальные диалекты, а также просторечие. Поэтому в нем наряду с господствующей литературной «основой» есть «вкрапления» в виде диалектизмов (в[о]да, кочет, баской, берут, погода (непогода) — в[а]да, петух, красивый, ненастье), жаргонизмов (баксы — доллары, пнурки — родители, тусовка — сборище, гулянка, уличные посиделки молодёжи, драка и др., крутой — модный, деловой, наглый и др.), просторечных слов и форм (километр, полОжить, коидор, страм, тубаретка, много делов, ехай и т.п.).

Как относиться к диалектам? Литературный язык и диалекты постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. Воздействие литературного языка на говоры, конечно, сильнее, чем говоры на литературный язык. Его влияние распространяется через школьное обучение, телевидение, радио. Постепенно говоры разрушаются, утрачивают свои характерные черты. Ушли и уходят вместе с людьми старшего поколения многие слова, обозначающие обряды, обычаи, понятия, предметы быта традиционной деревни. Вот почему так важно как можно полнее и подробнее записать живой язык деревни.

В нашей стране долгое время господствовало пренебрежительное отношение к местным говорам как к явлению, с которым необходимо бороться. Но так

было не всегда. На середину XIX в. в России приходится пик общественного интереса к народной речи. В это время вышли в свет «Опыт областного великорусского словаря» (1852), где впервые были специально собраны диалектные слова, и уже упоминавшийся «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля в 4 томах (1863–1866), также включающий большое число диалектных слов. Материалы для этих словарей активно помогали собирать любители российской словесности. Журналы, губернские ведомости того времени из номера в номер публиковали различного рода этнографические зарисовки, диалектные описания, словарики местных речений.

Противоположное отношение к говорам наблюдается в 30-е гг. XX века. В эпоху ломки деревни – период коллективизации – провозглашалось уничтожение старых способов ведения хозяйства, семейного уклада, культуры крестьянства, т.е. всех проявлений материальной и духовной жизни деревни. В обществе распространилось отрицательное отношение к говорам. Для самих крестьян деревня превратилась в место, откуда надо было бежать, чтобы спастись, забыть все, что с ней связано, в том числе и язык. Целое поколение сельских жителей, сознательно отказавшись от своего языка, в то же время не сумело воспринять новую для них языковую систему – литературный язык – и овладеть ею. Все это привело к падению языковой культуры в обществе.

Уважительное и бережное отношение к диалектам свойственно многим народам. Для нас интересен и поучителен опыт стран Западной Европы: Австрии, Германии, Швейцарии, Франции. Например, в школах ряда французских провинций введены факультативы по родному диалекту, отметка за который ставится в аттестат. В Германии и Швейцарии вообще принято

литературно-диалектное двуязычие и постоянное общение на диалекте в семье. В России начала XIX в. образованные люди, приезжая из деревни в столицу, говорили на литературном языке, а дома, в своих поместьях, общаясь с соседями и крестьянами, нередко пользовались местным диалектом.

Сейчас людям, говорящим на диалекте, присуще неоднозначное отношение к своему языку. В их сознании родной говор оценивается двояко: 1) через сравнение с другими, соседними диалектами и 2) через сравнение с литературным языком. Возникающее противопоставление «свое» (свой диалект) – «чужое» имеет разный смысл. В первом случае, когда «чужое» – другой говор, оно часто осознается как что-то плохое, нелепое, над чем можно посмеяться а «свое» – как правильное, чистое. Во втором случае «свое» оценивается как плохое, «серое», неправильное, а «чужое» – литературный язык – как хорошее. Такое отношение к литературному языку вполне оправдано и понятно: тем самым осознается его культурная ценность (хотя нормы русского литературного языка везде одни и те же, речь интеллигенции, образованных людей, например, в Вологде, Архангельске, с одной стороны, и в Воронеже, Орле – с другой, имеет свои особенности, отличаясь от речи москвичей и петербуржцев. Понятно, почему это происходит: городское население пополнялось и пополняется выходцами из соседних деревень. Так в городскую речь проникают отдельные местные слова, фонетика речи сохраняет некоторые диалектные черты, интонационные особенности).

Но должен ли человек стыдиться языка своей «малой родины», забывать его, изгонять из своей жизни? Что значит диалект с точки зрения истории русского языка и русского народа, с точки зрения культуры? Ответы на все эти вопросы однозначны – перед нами яв-

ления языка, и изучение их, всестороннее исследование, познание являются как частью общей науки, так и частью необходимых каждому образованному носителю языка знаний.

Карта «Наречия и диалектные зоны русского языка» - северное наречие (зеленая заливка), южное наречие (розовая заливка) и среднерусские говоры (желтая заливка)

Русские писатели, классики и современники, хорошо знающие деревню и ее язык, используют в своих произведениях элементы местной речи – диалектизмы, которые вводятся в художественный текст для характеристики речи персонажей, описания особенностей местной природы, деревенского быта.

Итак, в современной диалектологии различают территорию исконного великорусского заселения (область распространения русского языка на XV век), не включающую Поволжье, Урал, Сибирь, Северный

Кавказ, с одной стороны, и область более позднего русского заселения, с другой стороны. В пределах территории исконного заселения еще в XV в. сложились две большие группировки говоров – северное наречие и южное наречие, характеризующиеся рядом четких изоглосс¹¹⁹, а также промежуточные среднерусские говоры.

Для территории позднего формирования (азиатская часть РФ, Поволжье, Кавказ) характерно отсутствие четкого деления диалектных зон, пестрота небольших ареалов, восходящих к речи переселенцев из разных регионов, а также черты, отражающие смешение разных диалектов.

Территория среднерусских говоров – Псковская, Тверская, Московская, Владимирская, Ивановская, Нижегородская области. Севернее этого пояса – зона северного наречия, южнее – соответственно, южного.

Среднерусские говоры, прежде всего московский говор, легли в основу литературного русского языка.

В XVI–XVII вв. в Москве, оказавшейся на границе северно- и южновеликорусских наречий, складывается койне, впитавшее в себя их общие особенности и постепенно становящееся образцовым. В Московской Руси развивалась оригинальная и переводная литература разнообразных жанров, но единого литературного языка еще не было. От древнерусской эпохи было унаследовано литературное двуязычие: продолжали сосуществовать церковнославянский язык русского извода и собственно русский литературный язык с народной речевой основой, между которыми возникали различные переходные типы.

С конца XIV в. в связи с т.н. вторым южнославянским влиянием усиливается архаизация языка литературных произведений, возникает далекое от народной речи книжное «плетение словес» и в то же время получает широкое распространение демократическая литература разных жанров, ориентирующаяся на общедоступный язык.

С XVII в. великорусская народность преобразуется в русскую нацию. В эпоху национального языка устранивается литературное двуязычие, создаются единые литературные нормы на базе культивированной народной речи, прекращается диалектное дробление, начинается всевозрастающее воздействие литературного языка на местные говоры и постепенное вытеснение их из речевой сферы.

К концу XX века архаичных территориальных диалектов в нетронutom виде практически не осталось. Носители местных говоров либо владеют полудиалектной речью (объединением норм литературного языка с диалектными особенностями), либо говорят почти на правильном литературном русском языке с рудиментами диалектизмов.

Кроме литературного языка, местных говоров (территориальных диалектов) и внелитературного «городского просторечия», в русском языке имеются профессиональные и социально-возрастные жаргоны (морское «компАс», горняцкое «дОбыча», молодежные «клево» (есть в словаре В. И. Даля!) и «предки» (в значении «родители», расширительное и неоправданно частое употребление слов «нормально», «короче»). Для социально-возрастных жаргонов характерна быстрая смена «модных» словечек и выражений.

В пределах трех главных групп (двух наречий и среднерусских говоров) выделяются группы и подгруппы говоров:

- северное наречие: ладого-тихвинская, вологодская, костромская;
- среднерусские говоры: псковская, владимиро-поволжская;
- южное наречие: курско-орловская, рязанская.

Степень диалектных различий не препятствует взаимопониманию носителей. В XX веке широкое

развитие образования и СМИ, масштабная миграция населения способствовали резкому сокращению носителей традиционных говоров; сейчас это в основном сельские жители старшего поколения. В речи городского населения различных регионов России имеются незначительные отличия, главным образом лексического, отчасти также фонетического характера, иногда опосредованно (через просторечие) связанные с традиционными говорами данного региона.

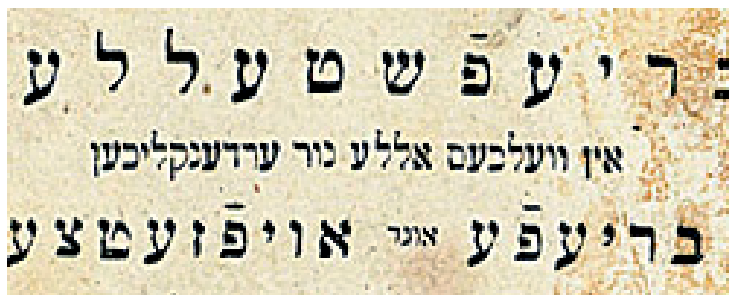

Очередное переиздание словаря-атласа русских народных говоров

В науке XIX века к крупным группам диалектов (наречиям) русского языка относили также малорусское (малороссийское) наречие и белорусское наречие (сейчас выделяемые как украинский и белорусский языки), а северное и южное назывались северо- и южновеликорусскими (эти последние термины употребительны и сейчас).

К сожалению, смертны, увы, и отдельные диалекты, и целые языки. Чаще всего это связано с ассимиляцией — язык растворяется с приходом новой культуры.

Правда, как оказывается, процесс это обратимый. Вот несколько примеров воскрешения мертвых языков:

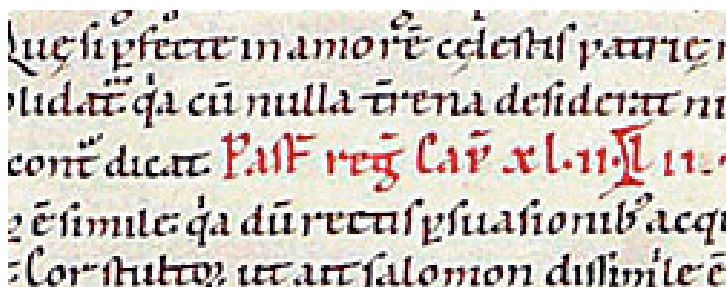

Фрагмент древнего текста на иврите

Древний язык евреев Палестины – иврит – с начала нашей эры активно вытеснялся арамейским языком. Две тысячи лет – вплоть до начала XX века – пребывал в мертвом состоянии, пока активные приверженцы еврейской культуры не принялись возрождать язык. Сначала язык выучили представители духовной элиты и сделали его разговорным внутри своих семей, потом под влиянием массовой агитации волна изучения иврита пошла в массы. Это самый удачный пример возрождения языка. Сегодня на иврите говорят 8 млн. человек, в том числе 5 млн. используют его в качестве основного. Иврит является официальным языком Израиля.

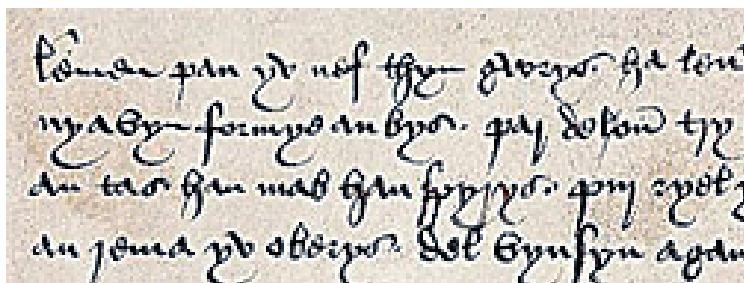
Латынь перестала быть разговорным языком Римской империи в IV веке нашей эры. Тем не менее этот, по сути, мертвый язык искусственно оставался языком международной дипломатии и науки вплоть до XVIII века. Сегодня латынь – официальный международный язык медицины и католической церкви. Чтобы «оживить» и популяризировать язык, Ватикан недавно выпустил словарь модернизированного латинского, что потребовало усилий. Так, посудомоечная машина

называется *escariorum lavator*, магазин видеопроката – *capsellarum magnetoscopicarum theca*, а хот-дог – *pastillum botello fartum*.

Фрагмент средневековой латинской рукописи

Древний кельтский язык полуострова Корнуолл скончался к концу XVIII века. Считается, что последним носителем корнского языка была Долли Пентрит, скончавшаяся в 1777 году.

Корнский язык

Своим возрождением корнский язык обязан Генри Дженнеру и Роберту Мортону Нэнсу, которые, основываясь на среднекорнских литературных текстах, реконструировали язык. Сегодня корнским языком в разной

степени владеют до 3500 человек (меньше процента всего населения Корнуолла). Корнский поддерживают местные власти, на нем регулярно читают новости на радио и выпускают газеты.

А вот любой социальный диалект имеет узкую сферу распространения (используется лишь в пределах определенной социальной группы или прослойки), ограничен территориально и, более того, ограничен временем своего существования. Социальные диалекты – явление объективное и древнее. Язык знати всегда отличался от языка простолюдинов, язык духовенства – от языка мирян, язык мастеровых – от языка торговых людей и т.п. Практически каждый из нас является членом конкретной семьи, был школьником, имеет свой круг общения, входит в конкретную социальную группу или группу по интересам, овладел или овладевает какой-либо профессией, – и все это так или иначе связано с приобщением или, по крайней мере, знакомством с тем или иным социальным диалектом.

Необходимо помнить, что большинство жаргонных слов обладает размытой семантикой, т.е., во-первых, часто даже члены какой-либо социальной группы понимают одно и то же слово не совсем одинаково, для каждого в его значении актуализируется что-то свое. Во-вторых, одно и то же слово может означать разные понятия для представителей разных социальных групп.

В то же время, практически любое жаргонное слово способно придать высказыванию сниженный характер, внести в него определенную оценочность, экспрессию и т.п.

Конечно, эти особенности арготизмов обуславливают абсолютную невозможность их использования в определенных сферах (например, в официально-деловой, научной и т.п.). Но и в обиходно-бытовой сфере употребление жаргонного слова может привести

в высказывание некоторую заметную двусмысленность и затруднить восприятие сообщаемого, породить непонимание или эстетическое неудовольствие слушающего конкретное представление о говорящем.

Возникает вопрос, почему жаргоны малопрестижных социальных групп все же сохраняются? Дело в том, что жаргон служит символом групповой принадлежности. Люди, относящиеся к низшим слоям общества, чувствуют необходимость взаимной поддержки, и стремятся обозначить свою выделенность в речи и в поведении. Сниженная речь среди подростков и в мужских коллективах начинает выступать в качестве показателя мужественности, она становится престижной. Кроме того, свободное владение сниженной лексикой ошибочно ассоциируется у малообразованных людей с речью мужчин, занимающих в обществе ведущее положение и в силу этого как бы имеющих право преступать общественные нормы поведения.

Глава IV

Русский литературный язык

Русский национальный язык, как мы уже выяснили, неоднороден по своему составу. Прежде всего, в нем выделяется **язык литературный** – как высшая форма национального языка. **Литературный язык** – это язык государственных и культурных учреждений, школьного обучения, радио и телевидения, науки, публицистики, художественной литературы, то есть всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме. **Литературный язык** естественным образом существует в двух формах – устной и письменной.

Основным признаком **литературного языка** является нормативность. Целая система норм охватывает все стороны **литературного языка**: произношение, лексику, словообразование, морфологию, синтаксис, правописание.

Национальный язык – понятие более широкое. **Литературный язык** – это лишь часть национального языка, который включает, кроме того, местные говоры (диалекты), городское просторечие, а также профессиональные, жаргонные и другие элементы, противостоящие **литературному языку** как ненормативная речь.

Литературный язык превосходит все остальные разновидности национального языка широтой своего применения (функционирования). Диалекты, городское просторечие и т.д. обслуживают в основном потребности бытового, устного общения, а литературный язык используется и как язык литературы и искусства, и в бытовом, и в научном, и в официально-деловом, и в межнациональном общении. Иначе говоря, **литературный язык** полифункционален.

Литературный язык принимается обществом как образцовая форма национального языка, и поэтому именно он используется во всех сферах общения. В соответствии с основными уровнями языка и сферами использования языковых средств выделяются следующие типы норм:

Нормы	Правила	Примеры
Акцентологические	Ударения	позвонишь (не позво- нишь)
Орфоэпические	Произношения	бѣзе — бѣ[зѣ]
Лексические	Употребления слов	абонент но- мера (не абонемент)
Фразеологические	Употребления устойчивых соче- таний слов	на краю ги- бели (не крае)
Словообразова- тельные	Образования слов	вскипятить (не скипя- тить)
Морфологические	Образования грамматических форм	яблок (не яблоков)
Синтаксические	Объединения слов в слово- сочетания и предложения	таблетки от головы Я (не для голо- вы)

Орфографические	Написания слов	яства (не явства
Пунктуационные	Постановки зна- ков препинания	Как хоро- ши летние ночи! (вос- клещ. предл.)

Итак, литературный язык составляет высшую форму национального языка. В лингвистике выделены основные признаки литературного языка. К ним относятся

- Обработанность;
- Устойчивость;
- Обязательность для всех носителей языка;
- Нормированность;
- Наличие функциональных стилей.

Нормы литературного языка зафиксированы либо в словарях и грамматиках, либо в «образцовых» текстах¹²⁰.

Литературный язык относится к тем языковым явлениям, которые понимались бы и определялись так по-разному как это явление. Одни убеждены в том, что литературный язык есть тот же общенародный язык, только «отшлифованный» мастерами языка, т.е. писателями, художниками слова; сторонники такого взгляда имеют в виду литературный язык «нового времени» и, в основном, у народов с богатой художественной литературой. Другие считают, что литературный язык – язык только письменности, язык книжный, противостоящий живой речи, языку разговорному. Третьи полагают, что литературный язык есть язык, общезначимый для данного народа, этноса – в отличие от диалекта и жаргона. Сторонники такого взгляда иногда утверждают, что

литературный язык может существовать даже в дописменный период в качестве языка фольклора¹²¹.

По-видимому, следует утверждать, что и до сих пор лингвистика и филология не раскрыли специфики такого явления как литературный язык, не нашли ему места в общей системе языка, не разобрались в его функции, общественной роли. Между тем, при всех различиях в понимании этого явления литературный язык — не подлежащая никакому сомнению языковая реальность. Он является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса данного народа, в некотором роде даже орудием социальной борьбы, средством воспитания и приобщения к достижениям национальной культуры, науки и техники. Можно дефинировать сегодня литературный язык и как результат коллективной творческой деятельности.

*Мой верный друг, мой враг коварный.
Мой царь, мой раб, родной язык.
Мои стихи — как дым алтарный.
Как вызов яростный — мой крик.
Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил.
Меня спасал в часы бессилья-
И сокрушал избытком сил.
Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев неожиданных,
Овладевавших мной стихов.
Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей — отзвук твой.
Ты ждешь, подобен великану,
Я пред тобой склонен лицом,
И все ж бороться не устану
Я, как Израиль, с божеством.*

*Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но все ж, как магу, мне покорствуй
Иль обрати безумца в прах.
Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, — ты ответствуй,
Иду, — ты будь готов к борьбе!
Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — мститель мой, ты — мой спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной.*
(В. Я. Брюсов «Родной язык»¹²²)

Общие закономерности и тенденции развития национальных литературных языков, намеченные в русской дореволюционной науке, с, по мнению В. В. Виноградова, «не очень точным прикреплением их к разным этапам истории языка и народа», свидетельствовали о том, что в средние века и позже, в новое время, литературные языки развивались, в силу самых разных и порой достаточно многочисленных причин, по-разному (например, роль латинского языка в литературно-письменной раннесредневековой культуре романских и германских народов; литературные функции французского языка в Англии до начала XIV в.; славяно-сербский язык у сербов XVIII — начала XIX в.; упадок польского литературного языка с середины XVII в. до середины XVIII в. и национальное возрождение польского литературного языка со второй половины XVIII в. и т.д.). Но ни социально-исторические основы, ни точные границы периодизации, ни ясные формулировки закономерностей этого языкового процесса до 30–40-х гг. XX в. (когда советская наука о литературном языке выдвинула марксистскую теорию развития разных общественных явлений) не были найдены и определены.

Проблема образования и развития литературных языков сложна и не всегда определена. Так, в ряду языков с очень давней письменной традицией на первое место должны быть поставлены языки тех народов, история которых (как народов культурных) начинается с глубокой древности и непрерывно тянется до наших дней.

Валерий Яковлевич Брюсов

Например, непрерывно развивающейся до нашего времени литературной историей обладают языки ряда народов Индии и язык китайского народа; длительную историю имеют греческий, персидский, армянский, грузинский языки. Далее следуют языки народов, историческая жизнь которых началась со вступлением человечества в полосу, именуемую Средневековьем: языки романских, германских, славянских, тюркских, монгольских народов; языки тибетский, аннамский, японский. В истории каждого из этих литературных языков есть свое историческое своеобразие, особенно это заметно в процессе перехода от «старого» языка к

«новому», в социальной борьбе вокруг литературного языка при выдвижении нового и отставании старого.

Учеными была замечена и еще одна важная закономерность, характерная для так называемой эпохи феодализма – употребление в качестве письменного литературного чужого языка. В эту эпоху границы литературного языка и народности не совпадают. Смотрите, литературным языком иранских и тюркских народов долгое время считался классический арабский язык; японцев и корейцев – классический китайский; германских и западнославянских народов – латинский; южных и восточных славян – старославянский (древнеболгарский), в Прибалтике и Чехии – немецкий. Письменно-литературный язык мог быть при этом языком совершенно иной системы (китайский для корейцев и японцев), той же системы (латинский язык для германских народов), мог быть даже языком чрезвычайно близким, родственным (латинский для романских народов, старославянский для южных и восточных славян).

Вторая закономерность – различия, связанные с историческим своеобразием использования чужого языка (например, применительно к западнославянским народам: к польскому – латинского, к чешскому – латинского и немецкого, к южнославянским и восточнославянским народам – старославянского языка, хотя бы и родственного), различия в общественных функциях, сферах применения и степени народности письменных литературных языков.

Третья закономерность состоит в характере отношения и соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов, и, в связи с этим, в структуре и степени нормализации литературного языка. Так, письменная речь в древнейшие эпохи у европейских народов в разной степени насыщена диалектизмами.

Сравнительное изучение деловых текстов с произведениями художественной литературы поможет распознать и сочетать отдельные диалектные черты, которые легли в основу литературных норм.

Четвертая закономерность связана с процессами установления норм общелитературного языка, базирующегося на народной основе, и с отношением его к старой литературно-языковой традиции. К концу феодального периода (в одних государствах с XIV–XV вв., в других с XVI–XVII вв.) народный язык в разных европейских странах в той или иной степени вытесняет чужие языки из многих функциональных сфер общения. Королевская канцелярия в Париже пользуется французским языком в отдельных документах уже во второй половине XIII в., но окончательный переход на французский язык совершается только на протяжении XIV в. А латинский язык в конце XVI – начале XVII в. постепенно теряет в Польше функции делового и административного языка.

Пятая закономерность развития литературных языков в разные периоды их истории состоит в сложности самой проблемы стилистических взаимоотношений между разными системами выражения при становлении общенациональной нормы литературного языка. Например, сложная проблема теории трех стилей во французском языке XVI–XVII вв. и в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. Та же проблематика возникает по отношению к болгарскому и отчасти сербскому литературному языку XIX в., по отношению к старочешскому книжному и разговорному языку в истории чешского языка начала XIX в.

Итак, некоторые закономерности развития литературного языка – литературных языков отмечены, однако история изменений стилей языка изучена явно недостаточно: нет последовательной разносторонней

характеристики стилей литературного языка в разные эпохи, не вскрыты основные тенденции и закономерности процессов формирования и преобразования этих стилей. Сложен и запутан вопрос о соотношении литературных жанров и стилей языка.

Многочисленные исследования отечественных ученых посвящены общетеоретическим и конкретно-историческим вопросам образования разных национальных литературных языков: специфике функций языка нации по сравнению с языком народности, точному содержанию самого понятия «национальный язык» в его соотношении с такими категориями, как «литературный язык», «литературная норма», «общенациональная норма», «территориальный диалект», «культурный диалект», «интердиалект»¹²³, разговорно-литературная форма национального языка и т.п. Для определения различий в закономерностях формирования и развития национальных литературных языков привлекаются языки с разнотипными традициями, находящиеся на разных ступенях развития, оформившиеся в разных исторических условиях. Вполне выяснено, что литературный язык в разные периоды развития языка народа занимает в его системе разное место. В ранние периоды образования наций литературным языком владеют ограниченные социальные группировки, основная же масса сельского, а также городского населения использует диалект, полудиалект и городское просторечие; тем самым национальный язык, если считать его ядром литературного языка, оказался бы принадлежностью лишь части нации.

Становление норм разговорной формы национального литературного языка — процесс длительный, сложный, неравномерный. Так, позднее всего устанавливаются орфоэпические произносительные нормы. Нормы общей национальной разговорно-литературной речи складываются обычно в тесном

взаимодействии с нормами литературно-письменного национального языка. Тенденция к внутреннему единству при наличии существенных структурных различий – одна из важных закономерностей развития национальных литературных языков, резко отличающая их от круга соотносительных языковых явлений. Иногда процесс формирования разговорного литературного языка осложняется дополнительными факторами, например разговорный чешский литературный язык в течение XVII и XVIII вв. был почти совершенно вытеснен из обиходной речи образованных слоев населения немецким языком (разговорная чешская речь жила лишь в диалектных разновидностях в деревне). Только в последние десятилетия XVIII в. чешский литературный язык начинает возрождаться и притом только как письменный язык с рядом архаических для того времени и чуждых бытовой речи народа явлений. Это противоречие между официальной нормой литературного языка и чувством живого языка тормозило образование разговорной формы национального литературного языка. В устном общении и среди интеллигенции часто употреблялись интердиалекты (особенно региональная форма нелитературного языка в области Чехии – *обесна cestina*) и остатки старых диалектов или смешанная речь, в которой сталкивались литературные и нелитературные элементы. Лишь за последнее столетие в основном образовался новый разговорный чешский литературный язык.

Если средневековый литературный язык использовался сравнительно ограниченными общественными слоями и только в письменной разновидности, то национальный литературный язык приобретает значение, приближающееся к всенародному, и применяется как в письменном, так и в устном общении.

В процессе формирования отдельных национальных родственных литературных языков рельефно вы-

ступает своеобразный принцип или закон «взаимопомощи». Например, известна роль русского языка в образовании болгарского национального литературного языка, роль украинского, польского и русского языка в формировании белорусского языка, роль чешского в становлении польского национального литературного языка. При этом, результаты влияния русского, украинского и польского языков ничуть не ослабили национальную специфику белорусского литературного языка, наоборот, в процессе контактов с этими языками активизировались его внутренние ресурсы и более осознанно определились национальные нормы мышления.

В период развития национальных славянских литературных языков существенно изменяется роль отдельных языков как источника их влияния на другие. Можно считать, что литературный язык никогда не совпадает со своей диалектной основой, даже если этот диалектный источник литературного формирования является главным или претендует на основную роль. Литературный язык всегда в идеале рассчитан на общее или общенародное употребление. Отсюда – принцип генерализации форм и категорий, даже если их истоки – местные, локальные.

В основе национального языка часто лежит смешанный по своему происхождению диалект (вернее, концентрат или синтез диалектов) главного экономического, политического и культурного центра (ядра) национального государства – язык Лондона, Парижа, Мадрида, Москвы и т.п. Между диалектами и формирующимся национальным литературным языком отмечается сложная цепь взаимоотношений. Возможны переходные ступени и интердиалекты, полудиалекты, разговорное междиалектное койне. Одной из специфических особенностей развития литературных языков

в национальную эпоху являются своеобразные, разнотипные в социально-исторических условиях разных стран процессы формирования общенациональной разговорной формы литературной речи.

Лев Владимирович Щерба

Основными признаками национального литературного языка являются его тенденция к всенародности или общенародности и нормативность. Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и в разговорной форме).

Особое и своеобразное место в ряду проблем и задач изучения развития национальных литературных

языков занимает вопрос о наличии или отсутствии локальных (областных) литературных языков (например, в истории Германии или Италии). Восточнославянские современные национальные литературные языки так же, как и западнославянские (в принципе), не знают этого явления. Болгарские, македонские и словенские языки также не пользуются своими литературно-областными разновидностями. Специфика этого явления заключается в том, что «областные» литературные языки функционируют только в сфере художественной литературы и то преимущественно в поэзии. Многие поэты «двуязычны» (проблемы каталонского, фламандского и др. языков и диалектов).

В завершение этого разговора хотелось бы процитировать слова академика Щербы¹²⁴: «Литературный язык, которым мы пользуемся, — это подлинно драгоценнейшее наследие, полученное нами от предшествующих поколений, драгоценнейшее, ибо оно дает нам возможность выражать свои мысли и чувства и понимать их не только у наших современников, но и у великих людей минувших времен».

Глава V

Нормы современного русского литературного языка

Понятие нормы важно практически для всех видов человеческой деятельности. Мы с вами знаем или слышали о нормах выработки продукции (например, на заводе), о «нормах», т.е. технические требования, которым эта продукция должна соответствовать. Врачи-диетологи говорят о нормах питания, спортсмены и солдаты имеют перед собой определенные нормативы (в беге, в прыжках и пр.). Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что в любом цивилизованном обществе действуют нормы взаимоотношений людей, нормы этикета, нормы морали, нравственности, и у каждого из нас имеется представление о том, что нормально для человеческого общения, а что ненормально, выходит за пределы некоей неписаной нормы. Да в повседневной речи: «Как поживаешь?» – «Нормально!». «Как дела?» – «В норме...».

Мы сравниваем рост и вес, степень освещенности и меру наших оценок знаний – и везде незримо присутствует этот феномен – норма!

И вполне естественно, что норма будет и в языке, в нашем вербальном, письменном общении, ведь – язык – неотъемлемая часть не только цивилизованного, но и вообще всякого человеческого общества. Отсюда следует, что норма – одно из центральных лингвистических понятий, хотя нельзя сказать, что все лингвисты толкуют его одинаково. Вероятно, одинакового, равного толкования и дефинирования нормы литературного языка не будет никогда.

Чаще всего этот термин употребляется в сочетании со словом «литературная» и применяется к тем разно-

видностям языка, которые используются в средствах массовой информации, в науке и образовании, в дипломатии, юриспруденции, во всех сферах социально значимого, публичного общения. О норме можно говорить применительно к диалекту – т.е. к речи коренных жителей вологодской деревни или донской станции, к профессиональному или социальному жаргону – т. е. к тому, как говорят сантехники или «блатные».

Термин норма языковеды, собственно говоря, используют в двух смыслах – широком и узком.

Леонид Петрович Крысин

«В широком смысле под нормой подразумевают такие средства и способы речи, которые стихийно, спонтанно формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других» (Л. Крысин¹²⁵). Поэтому-то и можно говорить о

норме применительно к территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских аканье. Имеет нормы и любой из социальных или профессиональных жаргонов: например, то, что используется в торговом арго, будет отвергнуто как чуждое теми, кто владеет жаргоном плотников; устоявшиеся способы использования языковых средств существуют в армейском жаргоне и в жаргоне музыкантов-«лабухов», и носители каждого из этих жаргонов с легкостью отличат чужое от своего, привычного и поэтому для них нормального, и т. д.

«В узком смысле норма – это результат кодификации языка. Разумеется, кодификация опирается на традицию существования языка в данном обществе, на какие-то неписанные, но общепринятые способы использования языковых средств. Но важно при этом, что кодификация – это целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения. Результаты кодифицирующей деятельности – а этим занимаются главным образом лингвисты – отражаются в нормативных словарях и грамматиках. Норма как результат кодификации неразрывно связана с понятием литературного языка, который иначе и называют нормированным, или кодифицированным. Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации: никто ведь сознательно и целенаправленно не следит за тем, чтобы вологодцы последовательно окали, а жители курской деревни акали, чтобы продавцы, не дай Бог, не использовали терминологию плотников, а солдаты – слова и выражения лабушского жаргона, и поэтому к таким разновидностям языка – диалектам, жаргонам – не применимо понятие нормы в только что рассмотренном узком смысле этого термина» (А. Крысин).

Литературная норма как результат не только традиции, но и кодификации представляет собой набор достаточно жестких предписаний и запретов, способствующих единству и стабильности литературного языка. Норма консервативна и направлена на сохранение языковых средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями. Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются результатом кодификации. Отклонение от языковой традиции, от словарных и грамматических правил и рекомендаций считается нарушением нормы и обычно оценивается отрицательно носителями данного литературного языка.

Итак, уточняем: языковая (литературная) норма – совокупность языковых средств и правил их употребления, принятая в данном обществе в данную, вполне конкретную, эпоху (вопрос об историчности, временности нормы даже не обсуждается). Норма противопоставлена языковой системе, понимаемой как присутствие тому или иному языку возможности выражения смыслов. Далеко не все из того, что «может» языковая система, «разрешается» языковой нормой. Например, система русского языка предусматривает образование форм 1-го лица единственного числа от всех глаголов, способных иметь личные формы; однако норма «не разрешает» образовывать форму 1-го лица от глаголов *победить, убедить* (*победю, побужду, убедю, убеждю*) и «предписывает» обходиться описательными оборотами: *сумею* (*смогу*) *победить* (*убедить*), *одержу победу* и т.п.

Литературная норма отличается еще рядом свойств: она едина и общеобязательна для всех говорящих на данном языке; она консервативна и направлена на сохранение средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями. В то же время, она не статична, а, во-первых, изменчива во времени и, во-вторых, предусматривает динамическое взаимодействие разных способов языкового выражения в зависимости от условий общения (последнее свойство нормы называют ее коммуникативной целесообразностью).

Коллективный труд российских лингвистов — к сожалению, доступен не многим...

Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться, как мы уже заметили выше, традиционных

способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются результатом кодификации.

Норма сопряжена с понятием селекции, отбора. В своем развитии литературный язык черпает средства из других разновидностей национального языка – из диалектов, просторечия, жаргонов, но делает это чрезвычайно осторожно. И норма играет в этом процессе роль фильтра: она пропускает в литературное употребление все наиболее выразительное, коммуникативно необходимое и задерживает, отсеивает все случайное, функционально излишнее. Эта селективная и, одновременно, охранительная функция нормы, ее консерватизм – несомненное благо для литературного языка, поскольку служит связующим звеном между культурами разных поколений и разных слоев общества.

Консервативность нормы обеспечивает понятность языка для представителей разных поколений. Норма опирается на традиционные способы использования языка и настороженно относится к языковым новшествам. «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет», – писал А. М. Пешковский и так объяснял это свойство и литературной нормы, и самого литературного языка: «Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консервативность литературного наречия, объединяя века и

поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы».

Однако консерватизм нормы не означает ее полной неподвижности во времени. Иное дело, что изменение языковых нормативов идет медленнее (и, можно добавить, практически, часто непредсказуемо), чем развитие данного национального языка в целом. Чем более развита литературная форма языка, чем лучше обслуживает она коммуникативные нужды общества, тем меньше она изменяется от поколения к поколению говорящих. И все же сравнение языка Пушкина и Достоевского, да и более поздних писателей с русским языком конца XX – начала XXI века обнаруживает серьезные различия, свидетельствующие об исторической изменчивости литературной нормы.

В пушкинские времена говорили: *дѣлмы, кѣрпусы*, сейчас – *долги, корпусы*. Пушкинское «Восстань, пророк...» надо понимать в смысле «встань», а не в смысле «подними восстание». В рассказе Ф. М. Достоевского «Хозяйка» читаем: «Тут щекотливый Ярослав Ильич... вопрошительным взглядом устремился на Мурина». Современный читатель догадывается, хотя и с трудом, конечно, что речь здесь не о том, что герой Достоевского боялся щекотки: *щекотливый* употреблено в смысле, близком к значению слов *деликатный, щепетильный*, и применено к человеку, т.е. так, как ни один из носителей современного русского литературного языка его не употребит (обычно: *щекотливый вопрос, щекотливое дело*). Чехов говорил *в телефон* (об этом он сообщает в одном из своих писем), а мы – *по телефону*. А. Н. Толстой, почти наш современник, в одном из своих рассказов описывает действия героя, который «стал *следить полет* коршунов над лесом». Сейчас сказали бы: стал *следить за полетом* коршунов.

Изменяться может нормативный статус не только отдельных слов, форм и конструкций, но и определенным образом взаимосвязанных образцов речи. Так произошло, например, со старомосковской произносительной нормой, которая ко второй половине XX в. была почти полностью вытеснена новым произношением, более близким к письменному облику слова: вместо *боѣ́[с]*, *смея́л[сѣ]*, *[шѣ]ѣ́*, *[жѣ]рѣ́*, *ве[р']х*, *четвѣ́[р']г*, *тѣ́[хѣ]и*, *стрѣ́[гѣ]и*, *поддѣ́[кѣ]вать*, *слѣ́во[шн]ое* (*масло*) подавляющее большинство носителей русского литературного языка стало говорить *боѣ́[с']*, *смея́л[с'а]*, *[шѣ́]ѣ́*, *[жѣ́]рѣ́*, *ве[р']х*, *четвѣ́[р]г*, *тѣ́[х'и]и*, *стрѣ́[г'и]и*, *поддѣ́[к'и]вать*, *слѣ́во[чн]ое* (*масло*) и т.д. Проблема изменений норм все чаще зависит от словоупотребления масс людей, и не правильное, ненормативное произношение, к сожалению, внезапно, неожиданно, становится нормой... Мы слышим, как все большее количество людей говорит *рѣ́жавѣть*, делая ударение на второй слог, как слово *позво́нит* приобретает устойчивое ударение на второй слог, как несчастное слово *обеспечение* становится чем-то напоминающим *печенье*, произношение числительных не даются уже просто миллионам наших сограждан...

Да, источники обновления литературной нормы многообразны. Прежде всего, это живая, звучащая речь. Она подвижна, текуча, в ней совсем не редкость то, что не одобряется официальной нормой, — необычное ударение, свежее словцо, которого нет в словарях, синтаксический оборот, не предусмотренный грамматикой. При неоднократном повторении многими людьми новшества могут проникать в литературный обиход и составлять конкуренцию фактам, освященным традицией. Так возникают варианты: рядом с *вы прѣ́вы* появляется *вы правѣ́*; с формами *констрѣ́кторы*, *цѣ́хи* соседствуют *конструкторѣ́*, *цехѣ́*; традиционное *обусловливать*

вытесняется новым *обуславливать*; жаргонные слова *беспредел* и *тусовка* мелькают в речи тех, кого общество привыкло считать образцовыми носителями литературной нормы; никого уже не удивляет, что можно *указывать о чем* — вместо традиционно правильных конструкций *указывать что* и *указывать на что*.

Источником изменений в литературной норме могут служить и местные говоры, городское просторечие, социальные жаргоны, а также другие языки. Так, в 1920–1930-е годы словарь русского литературного языка пополнился словами *глухамань, новосёл, затемно, морока, муторно, обеднять, отгул* и др., которые пришли из диалектов; из просторечия заимствованы слова *показуха, заправѣла, разбазаривать*; широкое распространение форм множественного числа именительного падежа на *-ѣ (-я)* (*бункерѣ, слесаря*) объясняется влиянием на литературный язык профессионально-технической речи. Многочисленные лексические заимствования из других языков, главным образом из английского, расширяющие нормативный русский словарь в конце XX в., способствуют и тому, что под влиянием иноязычных образцов появляются структурно новые типы слов: *киберпространство, бизнес-план* (традиционными моделями в подобных случаях являются сочетания с прилагательным или несогласованным определением в родит. Падеже: *кибернетическое пространство, план бизнеса*). Мы применяем измененные или искаженные, уменьшительно-ласкательные обозначения приборов — *телек, видик* и пр. Компьютерный сленг, терминология присутствуют сегодня в речи всех учащихся, студентов, программистов.

В процессе обновления нормы решающее значение имеет не только распространенность, частота того или иного новшества, но и социальная среда, в которой это новшество получает распространение: в общем случае,

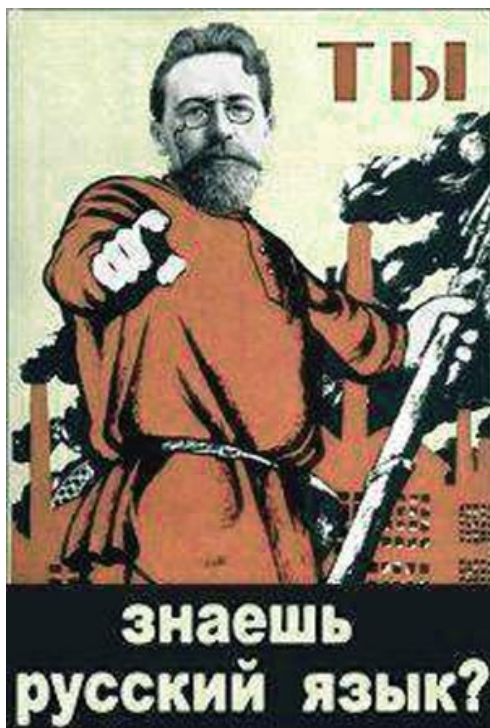
чем выше «общественный вес» той или иной социальной группы, ее престиж в обществе, тем легче иницируемые ею языковые новшества получают распространение в других группах носителей языка. Так, традиционно «законодателем мод» в области литературного произношения и словоупотребления считается интеллигенция, призванная быть основным носителем речевой культуры данного общества. Однако произносительные, грамматические и лексические образцы, принятые в элитарных социальных группах, не всегда имеют преимущество (с точки зрения вхождения в общий речевой оборот) перед образцами, привычными для неэлитарной среды. Например, слово *двурушник* вошло в литературный язык из нищенского арго, *животрепевающий* — из речи торговцев рыбой; разрешаемая современным орфоэпическим словарем форма родительного падежа множественного числа *носок* (*несколько пар носок*), наряду с традиционно-нормативной *носов* — несомненная уступка просторечному узусу¹²⁶, из которого форма с нулевой флексией (*носок*), ранее оценивавшаяся как бесспорно неправильная, распространилась и в среду говорящих литературно. Влиянием просторечной и профессионально-технической среды объясняются и многие другие варианты, допускаемые современной русской литературной нормой: *дѣговорѣ*, *договорѣ*, *договорѣв* (наряду с традиционными *договорѣ*, *договорѣ*), *переговоры по разоружению* (наряду с *переговоры о разоружении*), *проверка семян на всхожесть* (наряду с *проверка всхожести семян*) и т.п.

Сосуществование в рамках единой нормы вариативных единиц обычно сопровождается процессом их смыслового, стилистического и функционального размежевания, что дает возможность гибко использовать допускаемые нормой языковые средства — в зависимости от целей и условий коммуникации (что и позволяет

говорить о коммуникативной целесообразности нормы). Например, формы множественного числа существительного *хлеб* с ударением на основе: *хлѣбы* — обозначают печное изделие (*Вынули из печи румяные хлѣбы*), а формы с ударением на окончании: *хлѣба* — злаки (*урожай хлѣбѣв*); можно сказать и *рѣпоры радио*, и *рупорѣ радио*, но только *рѣпоры идей*; в бытовом диалоге можно сообщить о ком-либо, что он сейчас *в отпускѣ*, но в официальном документе носитель литературного языка обязан выразиться иначе: *находясь в отпуске...*; конструкции с кратким прилагательным в роли предикатива¹²⁷ — типа *Я не голоден, Этот процесс весьма трудоемок* сигнализируют о книжности речи (разговорному языку такие конструкции не свойственны), а конструкции с так называемым соположением глагольных форм, напротив, служат яркой приметой разговорного языка: *пойду посмотрю; сходи купи молока*.

Владение нормой предполагает умение говорящего не только говорить правильно и отличать правильные в языковом отношении выражения от неправильных (например, «браковать» оборот *оказывать впечатление* и избирать иной способ выражения того же смысла: *производить впечатление*), но и использовать языковые средства уместно — применительно к ситуации общения. Очевидно, например, что деловое письмо нельзя написать, используя слова *загодя, мастак, норовить, насмарку, до зафезу* и под., фразеологические единицы *ни за понюшку табаку, как пить дать*, конструкции типа *А он и выйди со своим дурацким предложением* и т.п. Столь же очевидно, что в обыденном разговоре выглядят чудачеством канцелярские обороты *за неимением таковых, вследствие отказа, по причине неизбрания...* Намеренное же нарушение уместности нормы обычно делается с определенной целью — шутки, насмешки, языковой игры. В этом слу-

чае перед нами не ошибка, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой человек обращается с языком, сознательно используя его вопреки нормативным установкам.

Вполне достойный рисунок – плакат образца 2007 года.

Одним из распространенных приемов языковой игры, шутки является неуместное, часто стилистически контрастное использование разного рода расхожих штампов – газетных клише, оборотов какого-либо профессионального языка, канцеляризмов и т.п.: *Каждый год он вел борьбу за урожай на этой неказистой грядке; По достижении пятидесяти лет я оставил большой секс и перешел*

на тренерскую работу (М. Жванецкий). Сознательное обыгрывание фразеологизмов, намеренное отклонение от их нормативного употребления – также один из приемов языковой игры: Он съел в этом деле не одну собаку; Они жили на широкую, но босую ногу; (быть) между Сциллой и харишмой; пиар во время чумы.

Резюмируем: языковая норма – исторически обусловленная совокупность общеупотребительных языковых средств, а также правила их отбора и использования, признаваемые обществом наиболее пригодными в конкретный исторический период.

(Определение взято из Большой советской энциклопедии).

Языковая норма является результатом коллективного представления о языке, но основывается на частном, индивидуальном употреблении языковых средств в процессе речевой деятельности каждого носителя языка в отдельности. Отсюда происходит возможность конфликта между «спонтанным употреблением» и «языковой нормой». В случае, если спонтанное употребление языковых средств различных носителей данного языка характеризуется идентичностью, говорят о языковой норме, сложившейся естественным образом. Если идентичности нет, норму определяют целенаправленно (искусственно). Искусственные нормы устанавливаются в результате нормотворческой деятельности лингвистов путем подготовки и издания авторитетных словарей и справочников (и даже законодательных актов) по различным аспектам употребления языка. Установление нормы обычно осуществляется одним из следующих способов:

- предпочтение одного из вариантов спонтанного употребления на основе большей частотности данного варианта по сравнению с альтернативными;
- предпочтение одного из вариантов спонтанного употребления на основе выявленного лингвистами его соответствия внутренним закономерностям данного языка;

- *признание нескольких вариантов спонтанного употребления «соответствующими языковой норме» (в этом случае говорят о подвижной норме).*

Помимо указанных выше основных способов, иногда используются и другие основания для установления той или иной языковой нормы, в том числе эстетические, этические, политические и др.

Существуют различные подходы к установлению нормы, среди которых можно выделить два основных:

- *дескриптивный (описательный), при котором установление нормы осуществляется преимущественно на основе анализа фактического употребления тех или иных языковых явлений носителями языка;*

- *прескриптивный (предписывающий), при котором установление нормы осуществляется преимущественно на основе авторитетного заключения лингвистов о правильности или неправильности того или иного употребления.*

Хотя в чистом виде ни тот, ни другой подходы, по-видимому, не используются, тем не менее, языковые традиции определенной страны отдают обычно предпочтение одному из подходов в ущерб другому. Прескриптивное нормотворчество обычно предполагает пренебрежительное отношение к диалектам и иным региональным или социальным вариантам языка, наличие жестких и развитых орфографических и пунктуационных правил, унифицированность школьной программы по языку и т. д. В то же время, дескриптивный подход часто выражается в отсутствии жестко установленных правил по некоторым аспектам языка (например, в пунктуации), лояльном отношении к диалектам, фиксации большого количества различных вариантов употребления в словарях и т. п. Считается, что для русского языка характерно прескриптивное нормотворчество, а, скажем, для английского — дескриптивное.

Языковая норма — безусловно, одна из составляющих национальной культуры. Поэтому разработка ли-

тературной нормы, ее кодификация, отражение нормализаторской деятельности лингвистов в грамматиках, словарях и справочниках имеют большое социальное и культурное значение. Проблемы языковой нормы разрабатывались и исследуются до сих пор многими известными учеными: Д. Н. Ушаковым, Л. В. Щербой, А. М. Пешковским, В. В. Виноградовым, С. И. Ожеговым, М. В. Пановым, К. С. Горбачевым, Л. П. Крысиным и другими отечественными лингвистами.

Глава VI

Культура речи и стилистика.

Функциональные разновидности речи

Культура речи – понятие довольно не простое в силу своей многозначности. Как мы понимаем, одной из основных задач культуры речи как раздела общей науки о языке, в данном случае, о русском языке, – охрана литературного языка, его норм, его структуры и системы, подвергающихся буквально каждый день варварским нападкам и попыткам упрощения, искажения, американизации. Следует подчеркнуть, что такая охрана является делом национальной важности, поскольку литературный язык – именно то, что во многом объединяет нацию, этнос.

Сам процесс создания литературного языка был не простым, длительным и противоречивым. Литературный язык не может появиться сам по себе – безусловно, совершенно уникальную, главную роль на определенном историческом этапе развития страны играет наиболее передовая, культурная часть общества. Как мы знаем, становление норм современного русского литературного языка неразрывно связано с именем А. С. Пушкина.

Язык русской нации к моменту появления литературного языка был весьма неоднороден. Он состоял из диалектов, просторечия и других обособленных образований самого разного плана, включая и социальный. Диалекты – местные народные говоры, весьма различные с точки зрения произношения (на Севере окают, на Юге якают), лексики, грамматики, просторечие, социальные диалекты и жаргоны – все это недостаточно упорядочено или упорядочено по своим собственным нормам. Пушкин же сумел на основе таких разнородных

явлений создать язык, который и был принят обществом в качестве литературного.

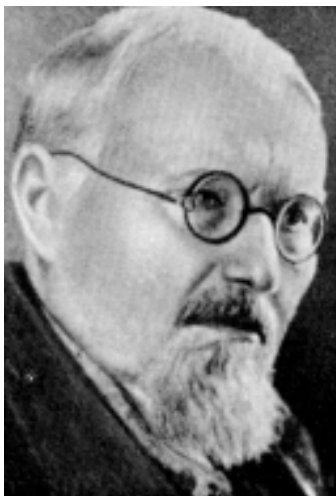
Литературный язык – далеко не одно и то же, что язык художественной литературы. Конечно, в основе языка художественной литературы лежит литературный язык. И, более того, он точно вырастает из языка художественной литературы. И все же это особое явление. Его главная отличительная черта состоит в том, что он несет в себе, прежде всего, огромную эстетическую нагрузку. Для достижения подобных целей в язык художественной литературы могут привлекаться и диалекты, и жаргоны, и другие «нелитературные» элементы.

Одной из главнейших функций литературного языка является следующая – быть языком нации, встать над локальными или социальными ограниченными языковыми образованиями. Литературный язык – то, посредством чего создается, наряду с экономическими, политическими и другими факторами, единство нации.

Кодифицированные нормы литературного языка – это нормы, которым должны следовать все его носители. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой словарь есть не что иное, как его модифицирование. Утверждение о том, что существительное женского рода с окончанием –а в именительном падеже в предложном падеже имеет окончание –е (а не какое-то другое), – утверждение о норме. Однако такие нормы для носителей русского языка естественны, их кодификация предельно проста, с такой кодификацией справляется любой грамматист, и специалисту по культуре речи здесь делать нечего.

Культура речи начинается там, где язык предлагает выбор для кодификации, и выбор этот часто далеко не однозначен. Сегодня можно услышать варианты произношения слов (об этом уже упоминалось выше), что просто является свидетельством гибкости постоянного

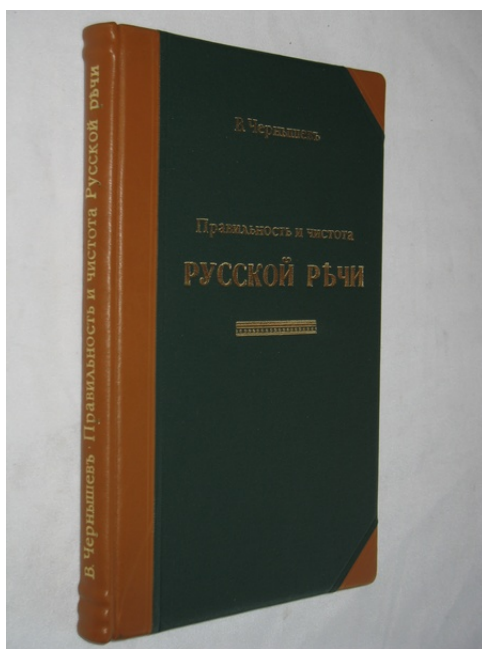
развития нашего литературного языка. То есть, можно утверждать, что в нормировании он нуждается постоянно! Если же следовать раз и навсегда установленным нормам, то появится опасность того, что общество просто перестанет с ними считаться и будет стихийно устанавливать свои. А стихийность в таком деле – не благо, поскольку приемлемое для одних может оказаться неприемлемым для других. Поэтому постоянное наблюдение за развитием и изменением норм языка – одна из основных задач лингвистической науки и ее раздела о культуре речи.

Василий Ильич Чернышев

Русские языковеды прошлого постоянно уделяли свое внимание нормированию языка – в 1911 году появилась книга В. И. Чернышева¹²⁸ «Правильность и чистота русской речи», подводящая итог развитию произносительных, морфологических и синтаксических норм со времен Пушкина. Приведем несколько характерных примеров из этой книги. В XIX в. еще были

возможны колебания в употреблении или неупотреблении беглых гласных о или е: ветер – ветер, вихрь – вихорь, пепл – пепел, промысл – промысел, умысл – умысел. Возможны были и такие формы как *матерь и дочь*. Гораздо шире, чем теперь, употреблялись безличные предложения: *«Для одного этого потребовалось бы целой и притом большой статьи»* (В. Белинский); *«Было половина восьмого...»* (Ф. Достоевский); *«Дивно им грезилось весной, весной и летом золотым»* (Ф. Тютчев).

Антикварное издание книги В. П. Чернышева «Правильность и чистота русской речи». 1915 год

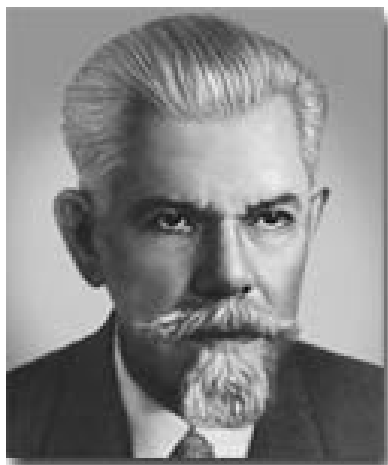
Особой заботы потребовали общелитературные нормы после 1917 года, что, конечно, не случайно. В активную общественную жизнь включались народные массы, которые недостаточно хорошо владели литера-

турным языком. Естественно, возникла угроза расшатывания литературной нормы.

Новым этапом в развитии культуры речи как научной дисциплины стали послевоенные годы. Крупнейшей фигурой этого периода был С. И. Ожегов¹²⁹, получивший широчайшую известность как автор самого популярного однотомного «Словаря русского языка», ставшего настольной книгой не одного поколения людей. После смерти С. И. Ожегова в 1964 году активную работу по обновлению словаря ведет академик РАН Н. Ю. Шведова; в 1992 году вышел «Толковый словарь русского языка», авторами которого названы С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Прав оказался К. И. Чуковский, писавший в статье «Памяти С. И. Ожегова»: «Его подвиг никогда не забудется нами, и я верю, что созданный чудесный словарь сослужит великую службу многим поколениям советских словарей».

Нормативный аспект культуры речи – конечно, один из важнейших, но не единственный. Один из зарубежных лингвистов, К. Гаузенблас, писал: «Нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурно, чем иной говорящий на литературном языке». И это верно. Можно привести большое количество разнообразных по содержанию текстов, безупречных с точки зрения соблюдения общелитературных норм, но совершенно, порой, невразумительных. Вот текст из «Руководства по эксплуатации телевизионного приемника»: «Для повышения качества воспроизведения мелких деталей при приеме черно-белого изображения в схему телевизора введено автоматическое отключение резекторных фильтров в ярком канале. Уменьшение влияния помех достигается применением схемы автоматической подстройки

частоты и фазы строчной развертки». Большинству неспециалистов этот текст не понятен или понятен лишь в общих чертах, поскольку мы не знаем, что такое резекторные фильтры в яркостном канале, фазы строчной развертки и пр. А специалист, например, мастер по ремонту телевизоров, знает об устройстве аппарата, конечно, не по руководству. Отсюда – текст не эффективен, поскольку просто не имеет адресата. Следовательно, мало добиться нормативности текста, надо еще сделать этот текст хорошим, правильным адресным, грамотным, читаемым!

Сергей Иванович Ожегов

Да, наш язык располагает большим арсеналом средств. Главнейшее требование к хорошему тексту таково: из всех языковых средств для создания определенного текста должны быть выбраны такие, которые с максимальной полнотой и эффективностью выполняют поставленные задачи общения, или коммуникативные задачи. Изучение текста с точки зрения соответствия его языковой структуры задачам общения в теории

культуры речи получило название коммуникативного аспекта культуры владения языком.

То, что теперь называют коммуникативным аспектом культуры речи, было известно уже в античности, подарившей миру учение о риторике¹³⁰. Еще один аспект культуры речи – этический: в каждом обществе существуют свои этические нормы поведения. Они касаются и многих моментов общения. Поясним это на таком примере. Если вы утром садитесь за стол с членами своей семьи, чтобы просто позавтракать, то вполне этичным будет попросить: «Передай-ка мне хлеб». Но если вы сидите за большим праздничным столом с незнакомыми или не очень близкими вам людьми, то по отношению к ним уместно будет ту же просьбу выразить так: «Не можете ли вы (или: вас не затруднит) передать мне хлеб?» В чем отличие двух этих предложений? Не в нормативности! С точки зрения эффективности коммуникации первое прямым образом и, следовательно, более ясно выражает мысль, чем второе, в котором мысль выражена косвенно, но в ситуации праздничного стола все же уместна вторая форма. Различие именно в следовании этическим нормам. Этические нормы, или речевой этикет, касаются, в первую очередь, обращения на «ты» и «вы», выбора полного или сокращенного имени, выбора обращений (гражданин, господин и др.), выбора способов того, как здороваются и прощаются (здравствуйте, привет, салют, до свидания, всего доброго, всего, до встречи, пока и т. п.). Этические нормы во многих случаях национальны: например, сфера общения на «вы» в английском и немецком языках уже, чем в русском, и эти же языки в большем числе случаев, чем русский язык, допускают сокращенные имена. Иностранец, попадая в русскую среду, часто, не желая того, выглядит бестактным, привнося в эту среду свой языковой этикет.

Поэтому обязательным условием хорошего владения русским языком является знание русского языкового этикета.

Роман Осипович Якобсон

Этический аспект культуры речи не всегда выступает в явном, заметном виде. Известный лингвист Р. О. Якобсон¹³¹ выделяет шесть основных функций общения: обозначение внеязыковой действительности — «Это был красивый особняк»; отношение к действительности — «Какой красивый особняк!»; магическая функция — «Да будет свет!»; поэтическая, металингвистическая — суждения о самом языке: «Так не говорят. Здесь нужно иное слово» и фактическая, или контактоустанавливающая. Если при выполнении пяти первых названных здесь функций этический аспект проявляет себя, скажем, обычно, то при выполнении контактоустанавливающей функции он проявляется особым образом. Контактуюстанавливающая функция — это сам

факт общения, тема при этом не имеет большого значения; не имеет значения и то, хорошо или плохо раскрывается эта тема. Этический аспект общения выступает на первый план. Вам, например, неудобно идти молча со своим знакомым, с которым вас, однако, связывает не слишком многое, и вы начинаете разговор о погоде, хотя вам и вашему собеседнику она в этот момент безразлична. Цель такого разговора одна – установление контакта.

Роль этических норм в общении можно прояснить и на другом ярком примере. Сквернословие, мат, употребление табуированной лексики – это тоже «общение», в котором, к сожалению, грубейшим образом нарушены именно этические нормы.

Итак, культура речи представляет собой такой выбор и такую организацию языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

Борис Николаевич Головин

На протяжении всей истории развития учения о культуре речи больше всего внимания, особенно в советское время, уделялось именно нормативному аспекту культуры владения языком. Это во многом объясняется той социальной ситуацией, которая сложилась в стране после 1917 года. Как уже говорилось выше, к общественной деятельности были привлечены огромные массы людей. Ясно, что общественная жизнь требовала и активной речевой деятельности с использованием литературного языка, нормами которого владели далеко не все. Именно поэтому нормативный аспект культуры речи был главной заботой лингвистов и всего общества. Дальнейшая история страны – время сталинизма – отнюдь не способствовало развитию культуры речи в коммуникативном аспекте, а здесь выбор нужных для данной цели общения языковых средств как основа всего общения – процесс творческий. Между тем, творчество и диктатура «сильной личности» явления несовместимые. Во всем, в том числе, и в речевой деятельности, предписывалось следовать готовым рецептам. Даже в прославлении любимого вождя народов нельзя было «выйти за рамки»: отец народов, корифей науки... и пр.

Лингвисты всегда хорошо понимали важность для культуры речи того, что здесь названо коммуникативным аспектом (аспектом общения, речевого общения). Еще в 20-е гг. XX века известный советский филолог Г. О. Винокур¹³², автор многочисленных, в том числе, и популярных, работ по культуре речи, подчеркивал: «Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества». Об этом же позднее писал и С. И. Ожегов: «Высокая культура речи – это умение правильно, точно и выразительно передать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы

современного литературного языка... Но культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т.е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т.е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное».

Григорий Осипович Винокур

Конечно, в современной русистике ведутся исследования по стилистике, особенно по лексической стилистике, что находит прямое отражение в словарях – в виде стилистических помет, таких, как книжн. И др. Эти пометы ясно указывают, в каких текстах уместны данные слова. Есть и прямые попытки построить теорию культуры речи, включив в нее коммуникативный аспект. В работах Б. Н. Головина¹³³, в том числе, и в его учебном пособии для вузов – «Основы культуры речи», утверждается, что для культуры речи вообще значим только один – именно коммуникативный – аспект, в плане которого следует рассматривать и нормативность. Культура речи определяется как набор

коммуникативных качеств хорошей речи. Эти качества выявляются на основе соотношения речи с отдельными, как выражается Б. Н. Головин, неречевыми структурами. К неречевым структурам отнесены: язык как некоторая основа, производящая речь; мышление; сознание; действительность; человек как адресат речи; условия общения. Данный комплекс неречевых структур требует от речи следующих хороших, то есть соответствующих этим структурам, качеств: правильность речи (иначе говоря, нормативность), ее чистота (отсутствие диалектизмов, жаргонизмов и т. П., что также относится к введению нормативного аспекта), точность, логичность, выразительность, образность, доступность, действительность и уместность. Нет сомнения в том, что все эти качества действительно важны для оценки многих конкретных текстов в коммуникативном аспекте. И задачу определения текста по шкале «плохой – хороший» в коммуникативном аспекте можно было бы считать решенной, если для этого было бы достаточно приложить к любому тексту названные признаки.

Язык выполняет самые различные коммуникативные задачи, обслуживает все сферы общения. Одно дело – язык науки и совсем другое – обыденная разговорная речь. Каждая сфера общения, в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые ставятся в ней, предъявляет к языку свои требования, поэтому просто невозможно говорить (в коммуникативном плане) о культуре владения языком вообще. Речь должна идти, может быть, лишь о культуре владения разными функциональными разновидностями языка. То, что хорошо в одной функциональной разновидности языка, оказывается совершенно неприемлемо в другой. М. В. Панов¹³⁴ пишет: «...не раз в печати появлялись жалобы, что лексикографы обижают слова: ставят около них пометы «разговорное», «просторечное» и т.д.

Несправедливы эти жалобы. Такие пометы не дискриминируют слова. Посмотрим в словаре, у каких слов стоит помета «разговорное»: ворочать (делами), ворчун, восвояси, вперебой, впахнуть, впросонках, впрямь, впустую, временами (иногда), всласть, всплакнуть, вспомнить, встряска, всухомятку, выволочка, газировка, гибель (много), глазастый, глядь, гм, гнильца, говорун, голубчик, гора (много), грохнуться, грошовый, грузнуть, ни гу-гу, гуртом, давай (он давай кричать), давяненько – прекрасные слова. Помета *разг.* Их не порочит. Помета предупреждает: лицо, с которым вы в строго официальных отношениях, не называйте голубчиком, не предлагайте ему куда-нибудь его впахнуть, не сообщайте ему, что он долговязый и временами ворчун... В официальных бумагах не употребляйте слова глядь, всласть, восвояси, грошовый... Ведь разумные советы?»

Михаил Викторович Панов

Если с этих позиций подойти к некоторым из перечисленных качеств хорошей речи, то оказывается,

как это ни странно на первый взгляд, что в отдельных ее разновидностях хорошими или как минимум неплохими следует признать качества, противоположные тем, которые названы в списке. Так, если для научной речи действительно необходима точность, в том числе и точность в обозначении конкретных реалий, то в разговорной речи вполне нормативны такие, например, неточные обозначения, как «чем писать» (карандаш, ручка).

Какие же существуют функциональные разновидности языка и какие требования с точки зрения культуры речи к ним следует предъявлять?

Учение о функциональных разновидностях языка имеет свою историю. Долгое время разные сферы общения понимались как стили языка и стили речи. Стилями языка считались, например, язык науки, язык художественной литературы, разговорная речь. Стилями речи признавались частные использования стилей — учебная лекция и научный доклад, в основе которых лежит научный стиль. В последнее время лингвисты пришли к выводу, что языковые различия между некоторыми сферами общения столь значительны, что использовать отношению к ним одно общее понятие «стиль» едва ли целесообразно поэтому вводится понятие «функциональная разновидность языка». Широкое признание получила типология функциональных разновидностей языка, сравнительно недавно предложенная академиком Д. Н. Шмелевым¹³⁵. Стилями Д. Н. Шмелев называет только функциональные стили, которые по своей языковой организации имеют существеннейшие отличия как от языка художественной литературы, так и от разговорной речи.

Юбилейный сборник трудов Д. Н. Шмелева. 2006 год.

Особое положение языка художественной литературы в системе функциональных разновидностей языка состоит еще в том, что он оказывает огромное влияние на весь литературный язык. Неслучайно в название нормированного национального языка включено определение «литературный». Именно писатели формируют в своих произведениях нормы литературного языка. Так А. И. Солженицын¹³⁶ предложил свой «Русский словарь языкового расширения». «Лучший способ обогащения языка, — пишет автор в предисловии к этому словарю, — это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств». В словаре этом приводятся такие слова: авосничать — пускаться на авось, беззаботно; бадьистое ведро — просторное, большое; бадяжничать — шутить, дурачиться; убарахтался — умалялся; бедить — причинять беду; безвидный — неказистый, невзрачный; беспорье — безвременье, худая пора

и т.п. Практически невозможно сказать, какова будет судьба этих и других слов в литературном языке, но сам факт создания такого словаря, бесспорно, заслуживает внимания. Когда размышляешь о языке художественной литературы, то, по-видимому, уместнее говорить не о культуре речи, а о таланте, мастерстве писателя в использовании всех богатств и возможностей национального языка.

Александр Исаевич Солженицын

Но прежде чем говорить конкретно о каждой из них, необходимо подчеркнуть одно существенное обстоятельство. Важным в плане культуры владения языком является требование различать его функциональные разновидности, свободно пользоваться любой из них, четко представляя, какая из разновидностей языка

должна выбираться в соответствии с задачами общения. Одним из главных отличий такой нелитературной формы, как просторечие, от литературного языка состоит в том, что носители первого из них не различают или плохо различают разновидности языка. Попадая, например, в официально-деловую обстановку, носитель просторечия будет стремиться говорить не так, как он привык говорить дома, но как именно говорить в данной ситуации, он точно не знает.

Культура владения разными функциональными разновидностями языка – это, прежде всего, такой выбор и такая организация языковых средств, которые отличают данную разновидность от других, определяют ее лицо.

Следует сказать отдельно о разговорной речи (добавим, что термин не совсем удачен и носит некие элементы тавтологии¹³⁷). Дело в том, что разговорная речь, по сравнению с другими функциональными разновидностями, имеет весьма существенные особенности. Если язык художественной литературы и функциональные стили языка строятся на основе зафиксированных в словарях и грамматиках правил языка, то особенности разговорной речи нигде не фиксируются. Нигде не говорится, например, что в определенных условиях общения можно встретиться с употреблением именительного падежа существительного в высказываниях типа: «Не скажете, Третьяковка как пройти?»

Для официально-делового стиля характерной чертой является штамп. Невозможно представить себе вольную форму в заявлении о командировке или об отпуске, существуют установленные образцы дипломов, паспорта и т. П. Но, конечно, культура владения официально-деловым стилем не ограничивается только знанием штампов. Разные его жанры требуют разных речевых навыков. Исследователи этого стиля

рассматривают, например, культуру ведения деловой беседы по телефону. Отмечается, в частности, что для эффективности беседы необходимо сразу же отрекомендоваться (следует говорить: «Иванов у телефона», «Петров слушает», а не «Я у телефона», «Слушаю»), при ведении разговора не должно быть никаких стилевых излишеств. Служебный диалог по телефону является не обменом мнений, а обменом информацией (это его главное отличие от дружеского, внеслужебного разговора).

Президентский экземпляр уникального образца официально-делового стиля - Конституция Российской Федерации

Особый жанр официально-делового стиля — это юридические документы: конституция, своды законов и др. Главное для этих документов — четкие, полные, не оставляющие места для двусмысленности формулировки ничто не должно оставаться в подтексте; неявно

выраженный смысл для официально-делового стиля не характерен. Некоторая тяжеловесность многих юридических текстов неизбежна. При их написании действует своего рода принцип: хорошо бы сказать проще, но проще не скажешь, например: «Защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, арбитражем или третейским судом путем: признания этих прав» восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право; присуждения к исполнению обязанности в натуре; прекращения или изменения правоотношения; взыскания с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, – неустойки (штрафа, пени), а также иными способами, предусмотренными законом».

Такие юридические тексты не предназначены для быстрого усвоения неспециалистами: они требуют неоднократного прочтения.

Эффективный набор языковых средств для построения абсолютно правильных научных текстов подчиняется таким требованиям, как логичность изложения, точное обозначение понятий и реалий. Научный текст немыслим без терминологии, поскольку именно она обеспечивает точность обозначения. Последовательное развитие научной мысли (логика мысли) не позволяет, с одной стороны, использовать, как и официально-деловом стиле, неявно выраженный смысл, а с другой – требует, чтобы новое предложение постоянно вбирало в себя смысл предшествующих. Это можно осуществить, просто повторив предшествующие предложение в форме придаточного. Такой способ крайне неэкономичен. Поэтому чаще используются другие способы: свертывание предшествующего предложения в отлагательное существительное, замена его местоимением и т.п. Такое объединение определяет особые

синтаксические свойства слова. Подобные способы не чужды и другим функциональным разновидностям языка, но в языке научных текстов они особенно активны, например: «Задача математической физики или краевая задача для уравнения с частными производными называется поставленной корректно, если выполняются следующие условия: 1) решение задачи существует; 2) решение задачи единственно; 3) решение задачи непрерывно зависит от данных задачи. Сформулированные условия требуют уточнения. Именно и решение, и данные задачи рассматриваются как элементы некоторых функциональных пространств, а условия корректности формулируются следующим образом:

А. Решение задачи существует для всех данных, принадлежащих некоторому замкнутому пространству в линейном нормированном пространстве типа C^k , L_p , H_p^l , W_p^l и принадлежит пространству такого же типа. Чаще всего подпространство есть или все пространство, или часть пространства, на которой обращается в нуль конечный набор линейных функционалов.

Б. Решение задачи единственно в каком-либо аналогичном пространстве.

В. Бесконечно малым вариациям данных задач в пространстве данных соответствуют бесконечно малые в пространстве решений вариации решения»¹³⁸.

Как мы видим, научные тексты оказываются информативно насыщенными в гораздо большей степени, чем например, разговорные или публицистические. В тексты многих научных специальностей (математика, физика, химия, логика и др.) органически входят формулы. Поэтому научные тексты объективно трудны для восприятия. К ним нельзя предъявлять требование вседоступности. Следует, однако, заметить, что объективные трудности восприятия научных текстов не имеют ничего общего с субъективной трудностью восприятия некоторых научных текстов. Существует ложное убеж-

дение, что наука в принципе должна быть непонятна для непосвященных. И поэтому некоторые ученые, особенно начинающие, стараются во что бы то ни стало написать «позаковыристей», например, так: «...На месте генетического знания выступает знание реальное, или ближайший смысл из числа неоязыковленных смыслов пространственной таксономии в речи коммуникативной абстракции». И, однако, основное требование к культуре владения научным стилем можно сформулировать в следующем виде: выражайся настолько сложно, насколько сложен объект исследования, но не более того.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство — есть существенные различия между письменной и устной формами научного стиля. Например, вполне оправдана глубокая информационная насыщенность письменных научных текстов, поскольку письменный текст, если он не сразу понят, может быть вновь прочитан. Устный научный текст, например, лекция, такого повторного восприятия, естественно, не допускает. Поэтому опытный лектор подает информацию порциями, часто возвращаясь к уже сказанному, вновь активизируя его в сознании слушающих. В результате синтаксическая структура устного научного текста оказывается весьма своеобразной. Исследования научной речи отмечают такую их черту как прерывистость, дискретность.

При внимательном взгляде нетрудно заметить, что официально-деловой и научный стили имеют немало общего. Это, прежде всего, точность обозначений (термины), отказ от смысла в неявном выражении. Эти стили относятся к разряду *строгих*. Они заметно отличаются от разговорной речи.

Особое промежуточное положение между строгими и нестрогими функциональными разновидностями

языка занимает публицистический стиль. Известный языковед В. Г. Костомаров¹³⁹, анализируя один из основных жанров публицистики, язык газет, показал, что в нем соединяются две противонаправленные тенденции: тенденция к стандартизации, свойственная строгим стилям и тенденция к экспрессивности, характерная для разговорной речи и для языка художественной литературы. Костомаров пишет: «К максимуму информативности стремятся научный и деловой стили... К максимуму эмоциональности приближаются некоторые бытовые и поэтические тексты... Газетное изложение не терпит ни той, ни другой крайности: в первом случае не было бы эмоционально воздействующего эффекта (скучно, неинтересно), во втором – необходимой фактографичности (на одних чувствах)».

Виталий Григорьевич Костомаров

Итак, мы попытались дать представление об основных языковых особенностях функциональных разновидностей языка и дать рекомендации по культуре владения ими. Следует подчеркнуть, что речь может идти пока только о рекомендациях, а не о жестких требованиях, которые предъявляет нормативный аспект куль-

туры речи. Создание текста определенной функциональной направленности – процесс творческий, исключение составляют только некоторые канонические жанры официально-делового стиля. Творчество предполагает проявление языковой индивидуальности, и каждая функциональная разновидность языка располагает таким богатым арсеналом языковых средств и способов их организации, что всегда есть возможность строить соответствующие тексты разнообразно, но во всех случаях эффективно. Чем выше культура владения функциональными разновидностями языка, тем в большей степени проявляется языковая индивидуальность каждого.

Глава VII

Русская графика. Алфавит

Обратите внимание, как замечательно, точно и образно, загадочно и поэтично звучат слова сербского писателя Милорада Павича о Кирилле и Мефодии и их уникальном труде по созданию древнерусского алфавита: *«То же самое они сделали и со славянским языком — разбили его на куски, перенесли их через решетку кириллицы в свои уста и склеили осколки собственной слюной и греческой глиной...».*

Кирилл и Мефодий создают русскую азбуку...

Вопрос о происхождении графики будоражит умы ученых и любознательных людей с того самого момента, когда на язык вообще стали обращать внимание и всесторонне исследовать. Однако эта проблема оказалась чрезвычайно трудной для разрешения, если иметь

в виду происхождения буквы как таковой (происхождение пиктограммы¹⁴⁰ или иероглифа¹⁴¹ как рисунка ситуации или предмета понятно само по себе).

	'aleph	[ʾ]		lamedh	[l]
	beth	[b]		mem	[m]
	gimmel	[g]		nun	[n]
	daleth	[d]		samekh	[s]
	he	[h]		'ayin	[ʕ]
	waw	[w]		pe	[p]
	zayin	[z]		tsade	[ʕ]
	heth	[ħ]		qoph	[q]
	teth	[t]		reš	[r]
	yodh	[y]		šin	[š]
	kaph	[k]		taw	[t]

Финикийский алфавит

И трудность, с которой идет решение этой проблемы, будет в какой-то степени понятна, если мы учтем тот факт, что различие между такими феноменами языка, как буква и звук, очень трудно давалось не только простым грамотным людям, но и профессиональным лингвистам. Можно сказать, что вплоть до конца XIX века смешение звука и буквы было массовым

явлением в ученых трудах языковедов, т.е. смешивалась первичная звуковая семиотическая¹⁴² система языка и его поздняя вторичная семиотическая система – письмо. Более того, колоссальное направление в лингвистике – сравнительно-исторический метод и лингвистика – построены на априорном допущении, что древняя буква точно передает звук.

Иван Александрович Бодуэн де Куртене

Можно предположить, что древнейшая буква (протобуква) действительно соответствовала звуку (хотя это и не обязательное условие), однако даже если это так, остаются проблемы орфографии: система письма не обязательно должна быть транскрипцией¹⁴³ даже в начальный период развития письменности, из чего сле-

дует, что слово звучащее и написанное могли не соответствовать друг другу уже в момент возникновения письменности. Подобным алфавитом был, например, финикийский алфавит (древнейшая надпись датируется XI веком до н.э.) – в этом алфавите было 22 буквы, передающие только согласные звуки.

И. А. Бодуэн де Куртенэ¹⁴⁴ первым в мировой лингвистике провел отчетливую грань между буквой и звуком, а затем прибавил к материальным лингвистическим объектам и ментальные соответствия: звуку соответствовала фонема, букве графема¹⁴⁵. О различии между «произносительно-слуховой и писанно-зрительной» формой речевой деятельности Бодуэн писал в работе «Об отношении русского письма к русскому языку». Но к одному различию и противопоставлению в теории Бодуэна дело не сводилось, он также объяснил взаимосвязь между ними. Он писал: «Действительная связь между письмом и языком может быть связью единственно психической. При такой постановке вопроса как письмо и его элементы, так и язык и его элементы превращаются в психические величины, в психические ценности. А так как и преходящие звуки языка во всем их разнообразии, и остающиеся буквы мы должны представлять себе происходящими и существующими во внешнем мире, то, когда дело доходит до психических величин и психических ценностей, и буквы и звуки надо заменить их психическими источниками, т. е. представлениями звуков и букв, существующими и действующими постоянно и непрерывно в индивидуальной человеческой психике» (термин «психическое» в современном языке может соответствовать термину «ментальное», «образное»). Далее И. А. Бодуэн де Куртенэ замечает: «Между психическими элементами языка, т. е. произносительно-слухового языкового мышления, и между психическими элементами письма, т. е.

зрительного языкового мышления, нет никакой необходимой «естественной связи», а имеется только случайное сцепление, называемое ассоциацией». Другими словами, между формой буквы и самим звуком никакой естественной связи нет, эта связь произвольная, что превращает букву в произвольный знак звука (не-символ). Это в какой-то степени действует сегодня, но не могло быть в момент возникновения письма...

Из положений, выдвинутых Бодуэном, следует, что графическая система соответствует как вторичная знаковая система фонетической (звуковой) системе языка и поэтому существуют две ассоциированных единицы – *фонема* (звукопредставление) и *графема* («буквопредставление», т.е. образ буквы), при этом графема – это чистый знак звука, т. е. не-символ.

Костяк общей теории письма, созданный Бодуэном, обрстал частностями, хотя в основе своей сохранился и не потерял теоретической ценности до сих пор, а в последнее время была даже создана графическая лингвистика с графемикой как ее особым разделом, основанная на иных теоретических положениях. Тем не менее, стало ясным, что при очень хорошей степени владений языком могут возникать прямые ассоциации между значением слова и его графическим экспонентом при быстром чтении. С другой стороны, при научении чтению и медленном чтении, если иметь в виду индивидуальный язык (идиолект), то такая связь звука и буквы возможна только через ступень графемно-фонемных ассоциаций, что вполне объясняется микродвижениями органов речи при медленном чтении.

В последующем изучении русского письма был преодолен запрет Бодуэна на расчленения букв на составляющие элементарные частицы, названные здесь штрихетами (штрихета – это горизонтальная, вертикальная или закругленная черта как часть буквы). Ряд

ученых (З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная и Т. М. Николаева, 1964), вопреки мнению Бодуэна, предприняли попытку расчленить буквы на дифференциальные признаки, подобно фонемам, – и эта попытка оказалась более чем удачной по отношению к современным буквам русского кириллического алфавита.

В своей основной работе И. А. Бодуэн де Куртенэ разделял такие понятия, как алфавит и графика. Это разделение, порой, кажется непонятным, однако в нем есть смысл. Современные представления теории информации позволяют рассматривать письмо как разновидность кода, переводящего акустический речевой сигнал в оптический, причем обязательным свойством кода является его условность: код создается сознательно и произвольно и его можно произвольно менять, поэтому возможны даже случаи смены алфавита у одного и того же языка. Например, татарский литературный язык сначала пользовался арабской графикой, затем перешел на латинский алфавит, а позже на кириллицу, которая не менее удобна для отражения звуковых особенностей татарского языка, чем латиница или арабская вязь. Сейчас рассматривается вопрос о переходе с кириллицы на латиницу, и можно выразить лишь сожаление: быть графическим анклавом в кириллическом море экономически нецелесообразно.

И все же наибольший интерес представляют вопросы происхождения письма, которое находится в тесной связи с эволюцией языкового строя.

В эволюции письма и языка можно выделить ряд этапов.

Так, древнейший вариант письма – идеография¹⁴⁶ – возник как самый первый и простейший вариант, основанный на непосредственном изображении предмета в иероглифической форме. Такая форма письма, должна была сохраняться, по крайней мере, до того

этапа развития, когда звуковая сторона языка приобрела автономность. Естественно, что пока нерасчлененный звуковой комплекс был однозначно связан с соответствующим «смыслом», только передача этого «смысла» без учета его выражения в речи была целью первоначальной стадии развития письма. Эту стадию полностью отражает идеография, приспособленная только к передаче содержания.

Пиктография. Наскальная живопись каменного века. Испания

Пиктография¹⁴⁷ — она не передает речь, а замещает ее. Но идеография как система графики, представляющая собой непосредственный рисунок предмета, не была обязательной стадией в эволюции всех языков индоевропейского ареала. До начала «осевого времени» у многих индоевропейцев просто не было никакой письменности, что не означает, что индоевропейцы не пользовались собственно рисунком для передачи информации. Существуют и описаны типы «пещерных» рисунков, которые обнаруживаются на индоевропей-

ской территории с древнейших времен и которые не только информативны, но и эстетичны.

Иероглифическое письмо соответствовало такому типу языка, в котором слово не было и не могло быть производным, разложимым на морфемы, – такое слово вычленилось в речи как целокупная самостоятельная единица. К такому типу языков принадлежат китайский и др.

Образцы микенских идеограмм

Этим языкам характерна такая черта, как равенство слога слову, слова морфеме. Иероглифическое письмо было прогрессивным и превосходно справлялось с функцией коммуникации на этапе развития общества, не использующего абстрактную лексику и морфемное словообразование. Поразительным свойством такого письма является удивительная *транстемпоральность* – способность грамотного человека читать тексты тысячелетней давности как современные, поскольку и те, и другие написаны на принципиально одной графике. Однако по мере нарастания в подобных языках абстрактных слов типа «дружба», «отношение» и прочих, которые трудно «нарисовать», начался процесс

преобразования иероглифического письма, когда во многих случаях иероглиф уже не является рисунком предмета, а обозначает слог или даже слово, комплекс, хотя до сих пор конкретные предметы в китайском, например, языке, просто передаются «на письме» схематичным рисунком, – такими иероглифами являются знаки «человек», «дом» и многие другие. В ряде стран (прежде всего, в Японии и в Китае) возникла ситуация графического двоевластия, когда используется иероглифика и латиница параллельно, при этом латиница, чаще всего, обслуживает язык коммерции и международной рекламы).

Качественный скачок в развитии системы письма произошел с появлением современной буквенной системы письма.

Стоит заметить, что сходство разных азбук в момент возникновения должно обязательно быть, но не всегда потому, что одна азбука влияла на другие. Суть деяния Кирилла и Мефодия сводится к тому, что они заменили существовавшую издревле у славян глаголицу новой азбукой, созданной на основе греческой азбуки и частично более древней глаголицы. Естественно, что эту новую азбуку, созданную Кириллом, потомки назвали кириллицей, она и вытеснила древнейшую дохристианскую глаголицу в последующие века развития и расширения православия на южно и восточнославянских землях. У западных славян победу одержала римская латиница, также пришедшая на смену более древней глаголице, хотя использование глаголицы у южных славян было более длительным, даже до сих пор можно встретить ее использование в Боснии и Черногории в сакральных целях.

Да, возникновение буквенного письма – величайшая информационная революция в истории человечества. Скорее всего, именно она сделала возможным

возникновение христианства и его распространение как мировой религии. Эта революция создала новое «осевое» время и нового человека, многократно увеличившего объем передаваемой и накапливаемой информации. Фактически с этого момента начался век информации, и следующее великое открытие, ознаменовавшее второй этап информационной революции, – печатный станок – обозначило то, что было названо гуттенберговой галактикой, в которой мы живем по сей день. В конце прошлого века свершился третий этап информационной революции, ознаменовавший возникновение глобального информационного сообщества. Так информационные подсистемы объединились в глобальную сеть, а информация превратилась в самый ценный товар.

The Old Church Slavonic Glagolitic Alphabet							
Ɱ	ⱦ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ
a	b	v	g	d	ε	ž	dz
Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ
z	i	i	ǵ	k	l	m	n
Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ
o	p	r	s	t	u	f	x (kh)
Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ
o	ts	č	š	št	w/ə	i	y
Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ
æ/e	yu	ž	yž	ǵ	yǵ	f	i/v

Глаголица

Нет сомнения, что начало современной информационной эпохи было положено открытием буквы, и наибольший интерес в этой связи вызывает сам

механизм возникновения буквы. Решение проблемы происхождения буквы в значительной степени сегодня продвинулось, благодаря догадке, как могла возникнуть первая буква (глаголица, кириллица) – в начертании всех букв частично проявляется изображение основного момента их артикулирования. Подобная, но менее строгая картина в латинском алфавите. Возможно, это явление объясняется непроизвольным (а может, и сознательным) проецированием психофизического образа фонемы при ее символическом изображении.

Итак, протобуква возникла как рисунок, как своеобразный иероглиф, но не предмета или сценки из жизни, а артикуляции звука, артикуляционной фигуры, которая образуется из органов речи в момент произнесения звука.

Да, стало очевидным, что возникающая древнейшая буква представляет собой не что иное, как схематичное графическое изображение артикуляции, т.е. положения речевых органов при произнесении того или иного звукотипа. И такое положение в определенной степени сохранилось по сей день, т.е. и сейчас в графическом облике буквы мы можем обнаружить схематический рисунок конфигурации органов речи, необходимой, чтобы при продувании воздушной струи получился звук. Если мы обратимся к букве *o* в почти любой из европейских азбук, то достаточно одного взгляда в зеркало, чтобы убедиться, что эта буква точно рисует положение губ из положения анфас. Другими словами, эта буква схематически изображает округлое губное отверстие, которое изоморфно самой букве в ее графическом представлении. Не является исключением и греческая омега, которая также схематически обрисовывает округлое положение губ, которое хорошо заметно в положении анфас.

Представляется ясным, что языки, имеющие приблизительно одинаковые звуки, могли совершенно изолированно друг от друга развить графику, в той или иной мере одинаково изображающую артикуляционные фигуры звуков в виде букв. Так становится понятным феномен полного или частичного совпадения букв в графиках разных языков, которые не имели или прервали родственные связи задолго до возникновения у них письменности.

Зографское Евангелие на глаголице. X-XI век

Что же касается вопроса о влиянии греческого алфавита в процессе совершенствования графики того или иного языка, то возможность этого влияния отрицать нельзя. Здесь встает главный для нас вопрос — что же создали в 863 году н.э. Константин и Мефодий — кириллицу или глаголицу, и какая из график была первичной по отношению к другой.

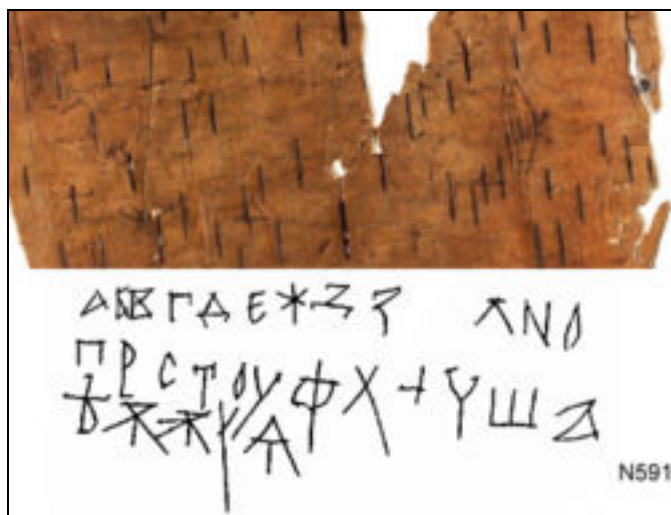
Вопрос может показаться странным: что же иное мог создать Кирилл при помощи брата Мефодия, кроме кириллицы (иначе бы эта азбука так не называлась)? Тем не менее, как бы это ни показалось абсурдным, этот вопрос дискутируется, более того, доминирующим в современной палеографии является мнение, что Кирилл создал глаголицу, а кириллицу так назвали по ошибке. Дискуссия на эту тему идет уже не одно столетие, и мы не будем пересказывать ее перипетии. Сразу обозначим свою позицию: мы будем придерживаться точки зрения, что до приезда солунских братьев в Моравию у славян уже была письменность, и этой письменностью была глаголица!

Первыми, кто утверждал, что у славян еще в дохристианский период было самобытное письмо – глаголица, были чешские ученые Лингардт и Антон, которые считали, что глаголица возникла еще в V–VI вв. у западных славян. Подобных взглядов придерживался и ряд отечественных ученых. «...можно говорить о непрерывной (с доисторических времен) письменной традиции на территории Древней Руси». Вероятно, действительно, глаголица возникла в дохристианское время не только у западных, но у всех славян, в том числе и у восточных, – и в очень древнее время.

В середине XIX века появилось предположение, что Кирилл создал кириллицу, но позже его ученики переработали кириллицу в глаголицу, чтобы избежать преследования со стороны католического духовенства. Эту гипотезу поддерживали И. И. Срезневский, А. И. Соболевский и другие ученые-лингвисты.

В конце XIX века была выдвинута гипотеза о том, что Константин и Мефодий создали в Моравии глаголицу. Причина появления подобного суждения в следующем положении – глаголица не может быть полностью выведена из какой-либо другой системы письма и

больше всего походит на искусственно созданную систему. Прекрасно звучит и версия, что глаголица как уникальная, древняя и самобытная азбука самостоятельно развивалась из протоглаголического письма, сформировавшегося у древних славян в дохристианскую эпоху эволюционным путем. Имеется надпись, воспроизведенная арабским путешественником Ибн-аль-Недимом, а также надпись на глиняном сосуде X века. Академик Б. А. Рыбаков считает, что некоторые из этих знаков подобны глаголическим буквам.

*Азбука кириллицы: новгородская берестяная грамота № 591
(1025—1050 гг.) и ее прописовка*

Мнение о том, что у славян до Кирилла было письмо, теперь подтверждено документально. Сам Константин говорил об этом: «Я рад поехать туда, если только они имеют письмена для языка своего». Другими словами, он не согласился бы ехать в Моравию, если бы на этой земле не существовала письменность, которую можно было бы взять за основу для создания славянской

азбуки. Кроме этого, еще до поездки в Моравию Константин уже читал и говорил на русском языке и был знаком с древнейшей русской азбукой, вероятно, это и была глаголица. Познакомился же он с русским письмом и языком, задержавшись почти на целый год в Херсонесе по дороге на знаменитый хазарский диспут с иудейскими и мусульманским проповедниками, о чем рассказано во всех без исключения списках «Жития Кирилла».

А вот ряд аргументов в подтверждение факту, что Кирилл создал кириллицу.

1. История письменности довольно часто показывает, что распространение почти любой религии сопровождалось одновременным распространением связанной с этой религией системы письма. «Так, западное христианство всегда вводилось у различных народов вместе с латинским письмом; мусульманство – вместе с арабским письмом; буддизм на Востоке – вместе с индийскими системами письма, а на Дальнем Востоке – вместе с китайской иероглификой; религия Зороастра – вместе с алфавитом Авесты¹⁴⁸. Не была исключением и восточная православная церковь, которая несла слово Божие вместе с греческой азбукой. Вспомним, что Константин не согласился бы поехать в Моравию, если бы уже там не было самобытного письма как основы для азбукотворчества.

Из этого следует, что Константин взял за основу самобытную глаголицу и создал на ее основе и основе греческой азбуки некую синтетическую письменность, названную впоследствии кириллицей, в которой греческие буквы были приспособлены для передачи славянских звуков, но часть букв была попросту позаимствована из глаголицы.

2. О создании Константином азбуки по греческому образцу при сохранении ряда древнейших славян-

ских букв, укажем вторично, прямо пишет Черноризец Храбр: «Прежде оубо словене не имеху книгъ но чрътами и резами чьтеху и гатааху погани ...же ся римскамы и гръчьскымы письмены нуждаахуся писати словенску речъ без оустроения но како может ся писати добре гръчьскымы писмены» Вполне ясно, что Черноризец Храбр говорит о том, что часть букв Константин взял в греческой азбуке (по чину греческих письмен), а часть – в славянской, но начал азбуку с буквы *аз*, как и в греческой. Более того, в списке текста Черноризца Храбра «Сказание о письменах», хранящегося в Московской духовной академии (XV век) имеется просто однозначная запись: «...глашати а, б, в, д, юс-большой, от сих суть подобна гречьским писменем...». Речь идет о том, как произносить буквы новой азбуки!

3. По свидетельству всех без исключения списков «Жития Кирилла», Константин во время путешествия к хазарам в Херсонесе обнаружил Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами. Вот как повествуется об этом в «Паннонском житии»: «...обрете же ту евангелие и псалтырь русьскымы письмены писано, и чело века обреть глаголюща тою беседою, и беседова с нимъ и силу речи приимъ, своей беседе ...и к богу молитву творя, вскоре начать чести и сказати, и мнози ся ему дивляху...». Понятно, что идет речь о том, что Константин обнаружил в Херсонесе священные книги на русском языке, нашел человека, «глаголюща тою беседою» (говорящего на том языке), сопоставил различные буквы – гласные и согласные – своего и русского языка и вскоре научился читать и говорить по-русски, чему многие удивлялись. Из сказанного, кроме того, следует, что русские принимали христианство и переводили греческие книги еще до 988 года (года Крещения Руси) – об этом есть свидетельства арабских источников.

4. В 907 году был заключен первый договор с Византией, о чем свидетельствует договорная грамота, не дошедшая до нас, но сохранившаяся в «Повести временных лет» в пересказе. За первым договором последовали и другие. Договорная грамота была составлена на греческом языке с одной стороны и на древнерусском языке с другой стороны. Вполне понятно, что для этого использовалась русская азбука, которой в этот период могла быть только глаголица.

«Повесть временных лет». Фрагмент рукописи 971 года.

5. Цифровая система глаголицы последовательна: первая буква = 1, вторая буква = 2 и т. Д., что свиде-

тельствует о том, что она была исходной системой счета. Что же касается кириллицы, то в ней все смешалось, и порядок следования букв не соответствует натуральному ряду чисел — есть буквы, которые употребляются только как цифры. Такое положение дел в кириллице возникло потому, что она именно синтезирует греческую азбуку и глаголицу, т.е. включает буквы из разных азбук.

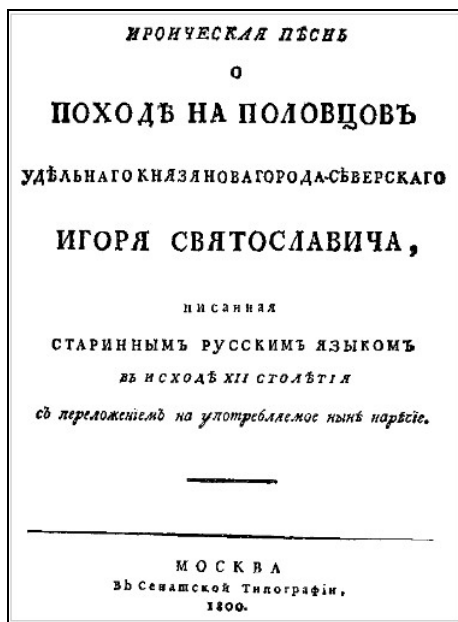
6. У южных славян есть легенда, повествующая о том, что у них с древних времен существовало письмо.

7. Ряд ученых приводит и такие аргументы: если считать, что письмо у славян не существовало еще задолго до принятия ими христианства, то не понятен тогда будет неожиданно высокий расцвет болгарской литературы в конце IX-начале X в. и более поздний расцвет древнерусской литературы («Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Русская Правда» написаны на древнерусском, а не старославянском языке), не будет понятным широкое распространение письменности в быту восточных славян X–XI вв. и высокое мастерство, которого достигло на Руси уже искусство письма и книжное оформление («Остромирово евангелие»).

Итак, наиболее непротиворечивой и документально подтвержденной версией возникновения кириллицы становится версия создания кириллицы путем замены большинства букв древнейшей глаголицы на греческие. Однако часть букв, которые обозначали звуки, отсутствующие в греческом языке, просто так и перешли в кириллицу из глаголицы.

Однако следует отметить, что из перечисленных выше 24 букв имеется в кириллице группа букв, внешне похожих как на буквы глаголицы, так и на греческие, поэтому они, можно предположить, имеют двойную мотивацию внешней формы: это буквы *добро* и *дельта*,

есть и эpsilon, люди и лямбда, мыслете и ми, рцы и ро (рцы – перевернутая ро), твердо и тау, ферт и фи, о и омега, о и о-микрон. Таким образом, из 38 букв кириллицы собственно и только греческими по происхождению можно признать 14 букв: аз, веди, глаголь, зело (из греческой дигаммы), иже, како, наш, покой, слово, ха, омега, – плюс к этому ижица, пси, пси, две последние из которых практически как буквы не употреблялись (ижица имела зачение (и) или (у) с умлаутом¹⁴⁹ и употреблялась противоречиво и непоследовательно).

*Обложка первого издания перевода «Слова о полку Игореве...».
1800 год*

Значительная часть кириллицы фактически заимствует буквы из древнейшей глаголицы, однако Константин подогнал эти буквы под общую стилистику грече-

ской азбуки, убрав некоторую витиеватость. Тем не менее, вполне заметно, что глаголические буквы *цы*, *червь*, *ша*, *шта*, *ер*, *ерь*, *ю* просто перешли в кириллицу при минимальном внешнем изменении. Глаголические буквы *юс*-большой и *юс*-малый, и эти же *юсы* йотированные при переходе в кириллицу были просто повернуты на 90 градусов и с «боку» поставлены «на ноги», видимо, это было сделано Константином, чтобы придать им удобный для скорописи вид.

Что касается буквы *ятъ*, то следует признать, что она возникла при увеличении ера (*Ь*) и придании ему черты в верхней части. Очевидно, эта буква была просто придумана Константином, который решил не использовать глаголический *ятъ* из-за его графической сложности (треугольник с внутренним разделением тремя чертами), и сделал правильно, поскольку преследовалась и чисто технологическая цель – азбука, позволяющая писать быстро на скорописи, что было необходимо для быстрого распространения христианских книг и православия на славянских землях. Этот гигантский ер (*Ь*) был использован Константином для еще одной придуманной им буквы, которая заменила глаголическую букву *дефвь* и была похожа на кириллический *ятъ*, но у этого «испорченного ятя» не было снизу черты. Характерно, что этой букве нет соответствия ни в греческой азбуке, ни в глаголице, что приводит к выводу о придумывании ее Константином.

А теперь о букве *О*. В глаголице эта буква *о* менее иероглифична, чем в греческой азбуке. Можно еще много говорить о соответствии и несовпадении греческих и глаголических букв с будущей кириллицей, но уже вполне достаточно вышеназванного, чтобы утверждать со значительной степенью аргументированности следующее: во второй половине IX века н.э. (в 863 году) Константин Философ усовершенствовал и

приспособил ряд букв греческой азбуки для передачи славянских звуков, а также видоизменил ряд букв древнейшей глаголицы, таким образом, создав альтернативное глаголице письмо, и на славянских землях эти две азбуки некоторое время сосуществовали. Да, Константин не изобрел принципиально новую азбуку в строгом смысле этого слова – он взял за основу две уже существующие азбуки и синтезировал их, т.е. синтезировал глаголицу и греческое письмо, получив азбуку, хорошо передающую славянские звуки. Другими словами, Константин усовершенствовал древнейшую глаголицу, изменив часть ее букв на греческий лад и введя часть греческих букв взамен глаголических, приспособив полученную азбуку для передачи славянских звуков. Это была азбука для миссионерских целей христианизации язычников, уже много веков пользовавшихся глаголицей (был, видимо, период, когда обе азбуки сосуществуют и обе используются для переписывания богослужебных книг, но близость кириллицы к греческим первоисточникам приводит к постепенному ее распространению и вытеснению древнейшей глаголицы).

Доказательством этому служит надпись на камне церкви болгарского царя Симеона (около 893 года), ритуальная часть которой сделана на глаголице как на более древней письменности, а надпись «церковь святого Иоанна делан(а) Паухом Христофулазом», как более современная, сделана на кириллице. Имеется и ряд других косвенных свидетельств – в Новгороде Великом можно на стенах Софийского собора обнаружить глаголические буквы, причем, именно на древнейшей части собора. Это доказывает, что кириллица не создавалась как оригинальная азбука «с нуля», а речь может идти о переделке и приспособлении как глаголических, так и греческих букв для славянской фонетики, хотя

«чистая» глаголица также использовалась для написания христианских текстов переводного характера. Тем не менее, тень языческого прошлого лежала на глаголице, поэтому в конкурентной борьбе двух азбук победа осталась за новоприобретенной кириллицей, созданной специально для переписывания переведенных с греческого языка богослужебных книг.

Новгород. Софийский собор. 1045-1050 года

И если победа кириллической графики в русском социуме явление окончательное и давно определенное, то полной победы языческого бессознательного в русском менталитете не произошло и по сей день (в наши дни реализация языческого в русском по преимуществу

христианском менталитете ощутима в бранной лексике, в некоторых стереотипах языческого поведения, например, в любви к языческим празднествам типа Масленицы, дня Ивана Купалы).

Итак, конец общеславянской эпохи обозначен появлением письменности у славян, и появление письменности отнюдь не связано с реформой Кирилла и Мефодия – письменность у славян существовала гораздо ранее 863 года, когда Кирилл и Мефодий осуществили первые переводы христианских текстов на славянский язык в новой графике – кириллице. И этой древнейшей письменностью была славянская глаголица, которая действительно похожа на «черты» и «резы». После возникновения глаголицы фонетико-фонологические системы разных славянских языков развивались специфично, т.е. каждая из них пошла своим путем, что и привело к разрушению общеславянского единства и образованию трех групп славянских языков – западной, южной и восточной.

В новой азбуке Кирилла буквы обрисовывали органы речи в профиль, как в греческой азбуке. В кириллицу были перенесены и исконно глаголические буквы, которые обрисовывали артикуляцию анфас, однако Константин преобразил их в значительной степени. Этот прием мог возникнуть на довольно развитой стадии письменности, когда буква уже превращалась в знак и, в известной мере, теряла, хотя и не до конца, мотивированную связь с той артикуляционной фигурой, которую она изображала. Большим выигрышем оказалось и повышение информативности буквы в кириллице. Именно эту миссию свершил Константин в Моравии в 863 году, хотя проект перелицовки старой и создания новой славянской азбуки на греческий лад, вероятно, возник у Константина после знакомства со славянским письмом в Херсонесе во время хазарского путешествия.

На момент первоначального создания или утверждения на Руси, в русской азбуке было, по видимости, 43 буквы. Позже добавились 4 новые буквы, а 14 старых были в разное время исключены за ненадобностью, так как соответствующие звуки исчезли. Раньше всего исчезли йотированные юсы (**Ѣ**, **Ѧ**), затем большой юс (**Ѯ**), возвращавшийся в XV веке, но вновь исчезнувший в начале XVII века, и йотированное Е (**Є**); остальные буквы, порой несколько меняя свое значение и форму, сохранились до наших дней в составе азбуки церковнославянского языка, которая долгое время считалась тождественной с русской азбукой. Орфографические реформы второй половины XVII века (связанные с «исправлением книг» при патриархе Никоне) зафиксировали следующий набор букв: А, Б, В, Г, Д, Е (с орфографически отличным вариантом Ё, который иногда считался отдельной буквой и ставился в азбуке на месте нынешнего Э, то есть после **Ђ**), Ж, С, З, И (с орфографически отличным вариантом Ї для звука [j], который отдельной буквой не считался), К, Л, М, Н, О (в двух орфографически различавшихся начертаниях: «узком» и «широком»), П, Р, С, Т, У (в двух орфографически различавшихся начертаниях: **Ѵ**, **Ѷ**), Ф, Х, **Ѧ** (в двух орфографически различавшихся начертаниях: «узком» и «широком», а также в составе лигатуры «от» (**Ѧ**), обычно считавшейся отдельной буквой), Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, **Ѣ**, Ю, Я (в двух начертаниях: **Ѧ** и **Ѣ**, которые иногда считались разными буквами, иногда же нет), **Ѥ**, **Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ**. Иногда в азбуку включались также большой юс (**Ѯ**) и так называемый «ик» (в виде нынешней буквы «у»), хотя они звукового значения не имели и ни в одном слове не употреблялись.

В таком виде русская азбука пребывала до реформ Петра I 1708—1711 гг. (а церковнославянская такова и поныне), когда были ликвидированы надстрочные знаки (что между делом «отменило» букву Ї) и упразднены многие дублетные буквы и

буквы, использовавшиеся для записи чисел (что стало неактуальным после перехода на арабские цифры).

Впоследствии некоторые упраздненные буквы восстанавливались и отменялись вновь. К 1917 году алфавит пришел в 34-буквенном (официально; фактически букв было 37) составе: А, Б, В, Г, Д, Е, (Ё отдельной буквой не считалось), Ж, З, И, (І отдельной буквой не считалось), К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Ъ, Э, Ю, Я, Θ, (V считалась более не входящей в русский алфавит).

Последняя крупная реформа письменности была проведена в 1917-1918 г. — в результате появился нынешний русский алфавит, состоящий из 33 букв. Этот алфавит также стал основой многих младописьменных языков (письменность для которых ранее XX века отсутствовала или была утрачена и была введена в республиках СССР после Октябрьской социалистической революции).

О судьбе отдельных букв:

- Пси (Ψ) — отменено Петром I (заменено сочетанием **ПС**), не восстанавливалось (хотя отмечено употребление этой буквы в азбуке 1717 года).

- Кси (Ξ) — отменено Петром I (заменено сочетанием **КС**), позже восстановлено, окончательно отменено в 1735 г. В гражданском шрифте выглядело как ижица с хвостом.

- Омега (Ω) и от (Ỗ) — отменены Петром I (заменены на **О** и сочетание **ОТ** соответственно), не восстанавливались.

- Ферт (Φ) и фита (Θ) — Петр I в 1707-1708 гг. отменил было ферт **Φ** (оставив фиту **Θ**), но вернул в 1710 г., восстановив церковнославянские правила употребления этих букв; фита отменена реформой 1917-1918 гг.

- Ижица (V) — отменена Петром I (заменена на **И** или **В**, в зависимости от произношения), позже восстановлена, опять отменена в 1735 г., опять восстановлена в 1758... Употреблялась все реже и реже и с 1870-х годов обычно считалась упраздненной и более не входящей в русский алфавит, хотя до

1917-1918 гг. в отдельных словах порой употреблялась (обычно в *мѣро* с производными, реже — в *сѣнодь* с производными, еще реже — в *ѡпастась* и т. П.). В документах орфографической реформы 1917-1918 гг. не упомянута.

- **И и И** — Петръ I вначале отменил букву **И**, но потом вернул, изменив правила употребления этих букв по сравнению с церковнославянскими (позже и церковнославянские правила были восстановлены). Изменялись также правила относительно числа точек над **И**: Петръ отменил было их; затем было предписано ставить по две точки над **И** перед гласными, и одну перед согласными; наконец, с 1738 года точка стала везде одна. Буква **И** отменена реформами 1917-1918 гг.

- **Й** — этот отмененный Петром I знак был возвращён в гражданскую печать в 1735 г. (обычно говорят, что тогда-то он и был введён); отдельной буквой до XX века не считался.

- **З и С** — Петръ I вначале отменил букву **З**, но потом вернул, отменив **С**.

- **ІА** и малый юс (**А**) — заменены Петром I начертанием **Я** (употреблявшимся и ранее и происходящим из скорописной формы малого юса).

- **ѡ, ѣ** — заменены Петром I начертанием в виде нынешней буквы **У**.

- **Ять (Ѣ)** — отменен реформой 1917-1918 гг.

- **Ѧ** — употреблялась с середины XVII века (считается заимствованным из глаголицы), официально введено в азбуку в 1708 году.

- **Ё** — предложено в 1783 году княгиней Е. Р. Дашковой, употребляется с 1795 года, популярно с 1797 года с подачи Н. М. Карамзина (надо отметить, что он использовал букву **Ё** только в художественных произведениях, а вот в знаменитой «Истории государства Российского» обошелся традиционными написаниями через **Е**). Ранее (с 1758 года) вместо буквы **Ё** использовалось начертание в виде букв **ІО** под общей крышечкой. Отдельной буквой азбуки знак **Ё** официально стал в середине

XX века. Обязательным к употреблению в печати был в период с 1942 года до смерти И. В. Сталина.

Сегодняшний день может совершенно обоснованно утверждать: русское письмо является звуковым, то есть в нем при помощи **букв** изображаются звуки. **Буквы** – это условные графические знаки, каждый из которых имеет определенное звуковое значение.

Совокупность **букв**, расположенных в определенной последовательности, называется **алфавитом**. В современном русском **алфавите 33 буквы**. Каждая из них представлена в двух вариантах – печатном и рукописном. В каждом варианте два вида **букв** – прописные (большие, заглавные) и строчные (маленькие). Прописной вид отсутствует только у **букв ь и ъ**.

По своей функции в письменной речи **буквы** подразделяются на три группы: 1) **буквы** для обозначения гласных звуков (10 **букв**); 2) **буквы** для обозначения согласных звуки (21 **буква**); 3) **буквы**, не обозначающие звуков (2 **буквы**).

Алфавитный порядок **букв** очень важен. Без него затруднено было бы составление словарей, каталогов, различных картотек, списков и т.п.

В русском **алфавите букв** меньше, чем звуков: не для каждого произносимого в речевом потоке звука имеется особая **буква**. Поэтому в русской графике используется *слоговой* принцип, который состоит в том, что звуковое значение **буквы** может быть установлено только с учётом соседних **букв**, то есть в слоге. Вследствие этого многие **буквы** оказываются многозначными. Так, **буква «с»** может обозначать звуки: 1) [с] – *сам*. *Суп*; 2) [с'] – *сила, сеть*; 3) [з] – *сеять, сброс*; 4) [з'] – *сделать, сдернуть*; 5) [ш] – *бесшумный, шить*; 6) –[ж] *сжег, сжать*. Слоговый принцип графики связан с двумя ее особенностями: с обозначением на письме звука [j] и обозначением твердости/мягкости согласных.

Начертания букв современно- русского алфавита	Названия букв	Начертания букв кириллицы	Названия букв кириллицы	Начертание букв современно- русского алфавита	Названия букв	Начертания букв кириллицы	Названия букв кириллицы
А а	а	А	аз	С с	эс	С	слово
Б б	бэ	Б	буки	Т т	тэ	Т	твердо
В в	вэ	В	веди	У у	у	Оу***	ук
Г г	гэ	Г	глаголь			У**	ук
Д д	дэ	Д	добро			Ж**	юс большой
Е е	е	Є***	есть	Ф ф	эф	Ф	ферт
		Є**	е йоти- рованное			Ө*	фита
Ё ё	ё	Ъ*	ять	Х х	ха	Х	хер
Ж ж	жэ	Ж	живете	Ц ц	цэ	Ц	цы
З з	зэ	З***	земля	Ч ч	че	У***	червь
		ЗS	зело	Ш ш	ша	Ш	ша
И и	и	Н***	иже	Щ щ	ша	Щ***	ща
		і*	и	Ъ ъ	твёрдый знак	Ъ	ер
		У*	ижица	Ы ы	ы	Ы,Ы	еры
Й й	и краткое			Ь ь	мягкий знак	Ь	ерь
К к	ка	К	како	Э э	з обрат- ное		
Л л	эль	Л	люди	Ю ю	ю	Ю	ю
М м	зм	М	мыслете			Ж**	юс большой йотирован- ный
Н н	эн	Н***	наш	Я я	я	А**	юс малый
О о	о	О	оа			ИА**	юс малый йотирован- ный
		Ω**	омега			ИА**	а йоти- рованное
П п	пэ	П	покои			З**	кси
Р р	эр	Р	рцы			Ψ**	пси
						Ω**	от

* Буквы, исключенные из состава русского алфавита реформой 1918 г.

** Буквы, исключенные из состава русского алфавита реформой 1711 г.

*** Буквы кириллицы, у которых изменились начертания в современном русском алфавите

Глава VIII

Русская фонетика. Сложные взаимоотношения русской фонетики и графики

 В составе современной русской графики лежит алфавит, изобретенный для славянской письменности и тщательно разработанный для старославянского языка, который около тысячи лет назад являлся литературным языком всех славянских народов. Вполне естественно, что старославянский алфавит не мог полностью соответствовать тогдашней звуковой системе русского языка. В частности, в старославянском алфавите были буквы для обозначения таких звуков, каких не было в русском языке, например: Ж [юс большой], Ѧ [юс малый]. Так возникло расхождение между устным языком и письменным.

За тысячелетний период своего существования русская графика подвергалась лишь частичным усовершенствованиям, в то время как звуковая система живого русского языка непрерывно, хотя не всегда заметно, изменялась. Вследствие этого взаимоотношения между русской графикой и звуковой системой русского языка к нашему времени оказались лишенными полного соответствия: не все произносимые в различных фонетических положениях звуки обозначаются на письме особыми буквами.

Современная русская графика отличается рядом особенностей, складывавшихся исторически и представляющих определенную графическую систему. Русская графика не располагает таким алфавитом, в котором для каждого произносимого в речевом потоке звука имеется особая буква. Букв значительно меньше, чем звуков в живой речи. Вследствие этого буквы алфа-

вита оказываются многозначными, могут иметь несколько звуковых значений.

Так, например, буква *с* может обозначать такие звуки: 1) [с] (суда, сад), 2) [с'] (сюда, сядь), 3) [з] (сдача, сбор), 4) [з'] (косьба, сделка), 5) [ш] (сшить), 6) [ж] (сжать).

Значение буквы *с* в каждом из шести случаев различно: в словах *суда* и *сюда* буква *с* не может быть заменена никакой иной буквой, такая замена привела бы к искажению слова. В этом случае она употреблена в своем основном значении. В остальных словах буква *с* выступает во второстепенных значениях и допускает замену определенными буквами, при которой сохраняется обычное произношение слов (ср.: *сдать* – «здать», *косьба* – «козьба», *сшить* – *пшить*», *сжать* – «жжать»). В последнем случае буква *с* обозначает звуки, которые заменяют звук [с] в определенных позициях, соответственно живым фонетическим законам, свойственным русскому литературному языку.

Таким образом, при многозначности букв русская графика различает главные и второстепенные значения букв. Так, в слове *дом* буква *о* употребляется в главном значении, а в слове *дома* – во второстепенном значении.

Второй особенностью является деление букв по количеству обозначаемых звуков. В этом отношении буквы русского алфавита распадаются на три группы: 1) буквы, лишенные звукового значения; 2) буквы, обозначающие два звука; 3) буквы, обозначающие один звук.

К первой группе относятся буквы *ъ*, *ь*, не обозначающие никаких звуков, и так называемые «непроизносимые согласные» в таких, например, словах: *солнце*, *сердце* и т.п.

Ко второй группе относятся буквы: *я* [ja], *ю* [ju], *е* [jэ], *ё* [jo].

К третьей группе относятся буквы, обозначающие один звук, т.е. все, за исключением букв, входящих в первую и вторую группы.

Третья особенность – наличие однозначных и двузначных букв: к первым относятся буквы, имеющие одно основное значение; ко вторым – имеющие два значения.

Так, например, буквы *ч* и *ц* относятся к числу однозначных, так как буква *ч* во всех положениях обозначает один и тот же мягкий звук [ч'], а буква *ц* – твердый звук [ц].

К двузначным буквам относятся: 1) все буквы, обозначающие согласные звуки, парные по твердости-мягкости; 2) буквы, обозначающие гласные звуки: я, е, ё, ю.

Двузначность указанных букв русского алфавита находится в связи со спецификой русской графики – именно со слоговым принципом ее.

Слоговой принцип заключается в том, что в русском письме в определенных случаях в качестве единицы письма выступает не буква, а слог. Такой слог, т.е. сочетание согласной и гласной букв, является цельным графическим элементом, части которого взаимно обусловлены. Слоговой принцип применяется в обозначении парных по твердости-мягкости согласных.

В современном русском языке согласные звуки, парные по твердости-мягкости, имеют фонематическое значение, т.е. служат для различения звуковых оболочек слов. Однако в русском алфавите отсутствуют отдельные буквы для обозначения парных по мягкости-твердости согласных звуков, так что, например, буква *т* употребляется и для твердого, и для мягкого звука [т] – (ср.: станут – стянут).

Отсутствие в русском алфавите отдельных букв для парных по твердости-мягкости согласных звуков ком-

пенсирруется наличием в нашей графике двояких начертаний гласных звуков. Так, буквы я, о, у, э, ы указывают на твердость предшествующего согласного, парного по твердости-мягкости, а буквы – я, ё, ю, е, и – на мягкость (ср.: рад – ряд, мол – мёл, тук – тюк, сэр – сер, был – бил). Таким образом, буквы, обозначающие согласные звуки, парные по твердости-мягкости, двузначны: без учета последующей буквы нельзя определить, твердым или мягким является парный по твердости-мягкости согласный звук. Только в конце слова и перед согласными (правда, не всегда) мягкость согласных, парных по твердости-мягкости, обозначается особой буквой ь.

Слоговой принцип применяется также к обозначению согласного звука [j] (йот), причем это применение осуществляется лишь внутри слов.

Согласный звук йот обозначается особой буквой *й* только в том случае, когда слог заканчивается этим звуком, следующим за гласным (ср.: пой – пойте, лей – лейте, весной, слепой и т.п.). Во всех прочих положениях звук йот вместе со следующим гласным звуком обозначается одной буквой, а именно: я – [ja], ё – [jo], е – [je], ю – [ju]. Такое значение букв я, ё, е, ю имеет место:

- 1) в начале слова (ср. яма, ёж, юг, ель);
- 2) после гласных (моя, моё, поеду, мою);
- 3) после разделительных знаков *ъ* и *ь* (объявить – обезьяна, объём – собьём, съезд – устье, конъюнктура – выюга).

Применение слогового принципа представляет очень удобное решение вопроса о передаче на письме твердых и мягких согласных, а также звука йот (сокращение количества букв, значительная экономия места путем устранения написаний с йотом).

Однако слоговой принцип проводится далеко не последовательно. Главнейшее отступление от слогового принципа – обозначение гласных звуков после согласных, непарных по твердости-мягкости. Так, после всегда твердых согласных [ж], [ш], [ц] гласные звуки обозначаются, вопреки слоговому принципу, буквами и, е, ё, изредка ю, я (ср. жир, ширь, жест, шест, жёлоб, шёпот, брошюра, жюри, парашют, цифра, цепь, Кочубинский, Цявловский и т.п.); после всегда мягких [ч], [щ], вопреки слоговому принципу, пишутся буквы а, о, у (ср. чаша, чокнуться, чудо, пицца, Щорс, щука и т.п.). Эти отступления от слогового принципа сложились исторически. В современном русском языке звуки [ж], [ш], [ц] не имеют мягких разновидностей, а звуки [ч], [щ] – твердых разновидностей. Поэтому твердость и мягкость этих звуков обозначается самими согласными буквами, которые являются однозначными и не требуют обозначения последующими гласными буквами.

Частные случаи отступлений от слогового принципа:

- 1) написания иноязычных (чаще французских) слов с *ьо* вместо *ё* (ср.: бульон – бѣльем и т.п.);
- 2) написание сложносокращенных слов с *ьо*, *ба*, *бу* и *йу* (ср. сельюкрут, сельъаэродром, Дальютоль, стройучасток);
- 3) написание в начале иноязычных слов *йо* вместо *ё* (ср. еж, ёрш – йот, йод, Йоркшир, Нью-Йорк).

Кроме указанной непоследовательности в применении слогового принципа, можно отметить в русской графике отсутствие обозначения ударного слога в слове, а также особой буквы для звука [Ж'] (ср. дрожжи, визжу, ежду и т.п.).

Как видим, не так все просто – действительно, мы с детства произносим *сабака* и *малака* и, только придя в школу, с огорчением узнаем, что писать, порой, следу-

ет совсем не так, как нам это слово слышится, или как мы его произносим сами...

Так что же такое, собственно, фонетика?

Фонетика [от греческого слова *phōnḗ* – голос, звучащая речь] – отдел (раздел) *языковедения*, изучающий звуковую сторону языка.

Рубен Иванович Аванесов

Фонетика сегодня традиционно расчленяется на четыре основные направления:

1) *антропoфоника* (физиология звуков речи), изучающая произносительную (собственно физиологическую) и слуховую (акустическую) сторону языка, и *фонология*, изучающая использование звуков для выражения значений – для образования слов и фраз;

2) учение о фонетических элементах (*аналитическая фонетика*) и учение о фонетических сочетаниях, которое, в свою очередь, расчленяется на учение о взаимовлиянии фонетических элементов (*комбинаторная фонетика*) и учение о высших фонетических единицах, называемое обычно *акцентологией*;

3) *общая* фонетика и *частная* фонетика или фонетика отдельных языков;

4) *синхроническая* фонетика и *диахроническая* (историческая) фонетика (прослеживание развития языка на протяжении длительного периода времени – иногда со времени появления одного конкретного языка – его отделения от праязыка).

Александр Александрович Реформатский

Как видим, достаточно серьезное деление нашего раздела, приводит и к некоторым различиям в толковании его предмета. Вот точки зрения:

1) Р. И. Аванесов¹⁵⁰, А. А. Реформатский¹⁵¹ –
фонетика изучает только звуки, поскольку они
оформляют значимые части речи.

2) М. В. Панов и др. –
к предмету фонетики относятся также интонацион-
ные свойства языка.

3) Л. Р. Зиндер¹⁵², М. И. Матусевич¹⁵³ –
к предмету фонетики также относят связь звука с
письмом (орфографию).

Исходя из этого, выделим и несколько аспектов ис-
следований в области фонетики:

1) анатомо-физиологический (артикуляционный) –
исследует звук речи с точки зрения его создания:

- какие органы речи участвуют в его произношении;
- активны или пассивны голосовые связки;
- вытянуты ли губы вперед и т.д.

2) акустический (физический) – рассматривает звук
как колебание воздуха и фиксирует его физические ха-
рактеристики: частоту (высоту), силу (амплитуду), дли-
тельность.

3) функциональный аспект (фонологический) –
изучает функции звуков в языке, оперирует фонемами.

Фонетика, как один из уникальнейших разделов
языкознания, оперирует и своими особыми методами
исследования: 1)

Самонаблюдение (интроспекция)

Палатографирование¹⁵⁴

Лингвографирование¹⁵⁵

Одонтографирование¹⁵⁶

Фотографирование

Киносъемка

Рентгеносъемка

Осциллографирование¹⁵⁷

Спектрографирование¹⁵⁸

Интонографирование¹⁵⁹

Если говорить об основных фонетических единицах речи, то следует выделить *сегментные* и *суперсегментные*.

Процесс звукообразования в русском языке

К сегментным единицам мы отнесем те, которые можно выделить в потоке речи: звуки, слоги, фонетические слова (ритмические структуры, такт), фонетические фразы (синтагмы).

Фонетическая фраза (синтагма) – это отрезок речи, представляющий собой интонационно-смысловое единство, выделенное с обеих сторон паузами.

Фонетическое слово (ритмическая структура, такт) – это часть фразы, объединенная одним ударением.

Слог – наименьшая единица речевой цепочки.

Звук – минимальная фонетическая единица.

Суперсегментными единицами (фонетическими средствами) мы назовем единицы, которые накладываются на сегментные: интонации, ударения, паузы.

Ударение – выделение в речи определенной единицы в ряду однородных единиц при помощи фонетических средств.

Интонация – динамика тона, которая сопровождает высказываний, ритмико-мелодический рисунок речи.

Пауза – перерыв в звучании.

Итак, теперь более подробно рассмотрим аспекты звучания, образования и фиксирования звука в нашем языке.

Звучание речи создается модификацией выдыхаемой воздушной струи, истекающей изо рта и из носа в процессе дыхания. Эта модификация достигается при помощи работ подвижных органов речи, определяющих установку произносительного аппарата, конфигурацию полостей гортани, зева и рта и включение в произносительный аппарат или выключение из него полости носа. Совокупность произносительных работ, необходимых для осуществления установки того или иного звука, называется *артикуляцией звука*.

В основу *классификации* звуков речи кладутся физиологические (произносительное) признаки, т. К. они допускают более точное описание и практически более важны, чем признаки слуховые. Физиологическая классификация учитывает: 1) место образования, определяемое наименованием либо активного, т. Е. подвижного, органа, производящего основную работу в артикуляции данного звука, либо соответствующего пассивного (неподвижного) органа; 2) способ образования (преимущественно – ширину прохода для выдыхаемой воздушной струи, определяемую степенью сближения артикулирующих органов в месте образования и степенью раскрытия рта, т. Е. опущения

нижней челюсти); 3) степень сближения голосовых связок (ширину голосовой щели, от которой зависит наличие или отсутствие голоса в составе звука); 4) положение мягкого нёба (от которого зависит наличие или отсутствие носового тембра в составе звука); 5) в известных случаях она включает указание на дополнительную работу, входящую в состав артикуляции.

С акустической точки зрения различаются звуки, в которых локализованный шум преобладает над общим резонансом полости рта – *шумные*, и звуки, в которых локализованный шум в большей или меньшей степени теряется в общем резонансе – *сонорные*; сонорные звуки, к числу которых относятся все гласные, а из согласных – латеральные и дрожащие или ударные, нормально встречаются только в звонкой форме, т.к. при значительной ширине прохода выдыхаемый воздух не вызывает в месте образования отчетливо воспринимаемого шума, и звучание создается преимущественно в суженной голосовой щели, в результате вибрирования голосовых связок. Для изучения произносительно-слуховой стороны языка применяются физиологические и акустические приборы.

Фонетическим элементом в антропофонике является отдельный звук речи, в фонологии – фонема.

Фонема определяется как простейшая совокупность произносительно-слуховых свойств, необходимых и достаточных для того, чтобы служить в данном языке единственным или основным признаком для различения пары слов при расчленении их на рядоположные элементы; иначе – фонема есть отдельный звук речи, рассматриваемый с точки зрения его социальной функции (функции образования и различения слов) в отвлечении от особенностей его произносительного исполнения и звучания, вызванных условиями того или иного сочетания звуков. В этом смысле фонема, как из-

вестная абстракция, противопоставляется своим конкретным обнаружениям – *комбинаторным* (иначе позиционным) вариантам. Так в словах *мел* и *мель* гласные *е* с произносительно-слуховой (антропофонической) точки зрения неодинаковы (в первом – широкое *е*, во втором – узкое *е*), но они являются вариантом одной фонемы, т.к. применение того или другого из них зависит исключительно от комбинаторных условий: узкое *е* в русском языке появляется только перед мягкими согласными. Напротив, применение звука *л* (твердого) или *ль* (мягкого) не зависит от предшествующего гласного: ср. *стал* и *сталь*, *лук* и *люк*; следовательно, различие между *л* и *ль* является основным для различения приведенных слов, и потому *л* и *ль* – в русском языке разные фонемы.

Звуковые различия, которые в одном языке не способны служить основными признаками для различения слов (не семасиологизованы, иначе – не фонологизованы), в другом языке могут оказаться словоразличительными (семасиологизованными, фонологизованными). Так, во французском языке слова *mais* («но») и *mes* («мои») различаются в устной речи только тем, что в первом на конце *е* широкое, а во втором *е* узкое; потому эти два звука, которые в русском языке являются вариантами одной фонемы, во французском представляют собой две разные фонемы. В русском языке не фонологизованы ни длительность, ни высота гласных; между тем немецкие слова *satt* («сыт») и *Saat* («посев»), французские слова *bette* («свекла») и *bête* («животное», «глухой») различаются попарно только тем, что в одном гласный – краткий, а во втором – долгий; слово африканского языка эве *fu* («боль») и *fu* («волос») различаются только тем, что в первом гласный произносится низким, а во втором – высоким голосом; поэтому краткие и соответствующие долгие гласные во

французском и немецком, низкие и высокие гласные в эве являются в этих языках особыми фонемами.

Комбинаторными условиями ограничено в каждом языке применение не только того или иного варианта фонемы, но и той или иной фонемы и даже целых разрядов фонем, объединенных наличием определенного произносительно-слухового признака (фонетических, точнее – антропофонических категорий). Так, в русском и немецком языках (в отличие, например, от украинского, французского, английского) звонкие шумные согласные не допускаются в конце слова и заменяются соответствующими глухими: ср. *сады* и *сад* (произносится *сат*). Замена звуков в составе слов в зависимости от комбинаторных (позиционных) условий называется *комбинаторным* или *позиционным* чередованием (комбинационной или позиционной альтернативой¹⁶⁰), иначе – *дивергенцией*¹⁶¹. Так, дивергенцией связаны между собой все варианты одной фонемы, далее – в русском языке фонемы глухих и звонких, твердых и мягких согласных (звуки, соответствующие букве *д*, в *сады* и *сад*, *вода* и *воде*), ударных и безударных гласных и т. п. Дивергенция основана на взаимовлиянии звуков (чаще всего смежных) или на влиянии ударения на качество гласного; эти факторы вызывают частичное изменение артикуляции; поэтому *дивергентны* (звуки, связанные дивергенцией) обладают значительным числом одинаковых произносительно-слуховых признаков.

Система свойственных данному языку фонем, дивергенций и принципов акцентной организации речи называется его *фонетической системой* (иначе – фонетической структурой), которая представляет собой специфическую область социальных норм, а ее исследование составляет предмет частных синхронических фонетик.

В силу особенностей *графики* и *орфографии* буквенный состав письменных слов какого-либо языка далеко не всегда соответствует звуковому составу произносимых и слышимых слов, и фонетика вынуждена пользоваться особым условным письмом, в котором каждый звук обозначается всегда одной и той же буквой и каждая буква всегда обозначает один и тот же звук (фонетическая *транскрипция*). Таким образом, создается возможность при помощи одних и тех же букв выражать слова различных языков в целях сравнительного изучения фонетических систем. Значительным распространением пользуется транскрипционная система Международной фонетической ассоциации (см. таблицу на стр. 273).

Историческая фонетика, как уже упомянуто, изучает развитие фонетической системы того или иного языка или группы родственных языков. Она опирается при этом частью на критический анализ написаний в древних памятниках письменности, частью (а для древнейших эпох — исключительно) — на сопоставление звуковых систем родственных языков или диалектов одного языка в позднейшие эпохи и гл. обр. в их современном состоянии, доступном непосредственному наблюдению. Историческая фонетика — один из наиболее разработанных отделов сравнительной грамматики различных групп языков.

Сте- пень уча- стия голо- са и шума	способ арти- куля- ции	губные		язычные									
		губ- но- губ- ные	губ- но- зуб- ные	переднеязыч- ные					сред- не- языч- ные		заднеязыч- ные		
				зуб- ные	аль- вео- ляр- ные	пе- ред- не- небн- ые	сред- не- нёб- ные	сре- дне- нёб- ные	задне- нёб- ные				
		т в.	м в.	т в.	м в.	т в.	м в.	т в.	м.	м.	м.	тв.	
Звон- кие	смыч- но-	б	бь			д	дь				гь	г	
глу- хие	взрыв- ные	п	пь			т	ть				кь	к	
глу- хие	смыч- но- щеле- вые (аф- фрика- ты)					ц			ч	ь			
со- но- рные	дро- жащие						р	рь					
	смыч- но- про- ходные (боко- вые)						л	ль					
	смыч- но- про- ходные (носо- вые)	м	мь			н	нь						

											й		
звон- кие	щеле- вые		в	в ь	з	з ь		ж					
глу- хие			ф	ф ь	с	с ь		ш	щ		хь	х	

Звуки речи

По производимому акустическому впечатлению также выделяют:

- согласные шипящие: [ж] [ш] [щ] [ч];
- согласные свистящие: [с] [сь] [з] [зь] [ц].

Резюмируем разговор о фонетике рядом кратких оформлений основных ее аспектов.

В кругу остальных языковедческих единиц – грамматики, лексикологии – фонетика занимает равноправное с ними положение как самостоятельная наука. Она взаимодействует, прежде всего, с грамматикой. Это взаимодействие обусловлено тем, что одни и те же *звуковые* особенности *звуковой* формы языковых явлений оказываются существенными не только для *звуковой* стороны языка, но и для некоторых участков его грамматического строя. Например, определенные виды чередований оказываются морфологизованными, то есть используются при образовании разных форм одних и тех же слов или разных слов от одних и тех же корневых морфем (в русском языке: будить – бужу, водить – вожу, друг- дружок или в немецком языке: sprechen-sprach, stechen-stach).

Подобные морфологизованные чередования звуков изучаются возникшей на стыке фонетики и морфологии дисциплиной, называемой морфонологией. Как для фонетики, так и для синтаксиса весьма существенны правила фразовой интонации конкретных языков, так как каждое конкретное предложение характеризуется

определенным интонационным оформлением. Поэтому данные, полученные в собственно интонологических (см. выше) исследованиях, находят самое непосредственное применение в работах по описательному синтаксису.

С точки зрения акустики, звук – результат колебательных движений какого-либо тела в какой-либо среде, доступный для звукового восприятия. Акустика различает в звуке следующие признаки:

1. Высоту, что зависит от частоты колебания.
2. Силу, что зависит от амплитуды (размаха) колебаний.
3. Длительность, или долготу, то есть продолжительность данного звука во времени.
4. Тембр звука, то есть индивидуальное качество его акустических признаков.

Речевой аппарат-совокупность органов человеческого организма, приспособленная для производства и восприятия речи. Речевой аппарат в широком смысле охватывает центральную нервную систему, органы слуха и зрения, а также органы речи.

К органам речи, или речевому аппарату в узком смысле, относят: губы, зубы, язык, небо, маленький язычок, надгортанник, полость носа, глотка, гортань, трахея, бронхи, легкие.

По роли в произнесении звуков органы речи разделяются на активные и пассивные. Активные органы речи производят те или иные движения, необходимые для образования звуков, и имеют, тем самым, особое важное значение для их формирования. К активным органам речи относятся: голосовые связки, язык, губы, мягкое небо, язычок, задняя спинка зева (фаринкс) и вся нижняя челюсть. Пассивные органы не производят самостоятельной работы при звукообразовании и выполняют лишь вспомогательную роль. К пассивным

органам речи относятся зубы, альвеолы, твердое небо и вся верхняя челюсть.

Для образования каждого звука речи необходим комплекс работ органов речи в определенной последовательности, то есть, нужна вполне определенная артикуляция. Артикуляцией называется работа органов речи, необходимая для произнесения звуков.

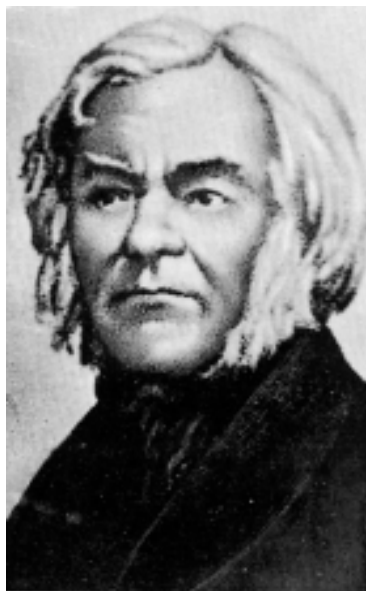
Артикуляция звука речи складывается из набора движений и состояний органов речи – артикуляционного комплекса; поэтому артикуляционная характеристика звука речи оказывается многомерной, охватывая от 3 до 12 различных признаков.

Сложность артикуляции звука состоит также в том, что она является процессом, в котором различают три фазы артикуляции звука: это приступ (экскурсия), выдержка и отступ (рекурсия).

Приступ артикуляции состоит в том, что органы речи переходят из спокойного состояния в положение, необходимое для произнесения данного звука. Выдержка – это сохранение положения, необходимого для произнесения звука. Отступ артикуляции состоит в переводе органов речи в спокойное состояние.

Одно из самых замечательных открытий науки о языке середины прошлого века может быть сформулировано кратко так: установление отличий звуков от букв, с помощью которых эти звуки изображаются. Еще великие основоположники сравнительно-исторического языкознания первой трети XIX столетия – Ф. Бопп¹⁶², Р. Раск¹⁶³, А. Х. Востоков¹⁶⁴ – часто смешивали языки, звуки и буквы и не умели четко формулировать сущность различия между ними. И только во второй половине позапрошлого столетия разграничение это нашло всеобщее и бесспорное признание. Несмотря на то, что природа звуков совсем иная, чем природа букв, тем не менее, эти понятия со-

относимы. Однозначного соответствия между звуком и буквой нет, если бы оно было, то это был бы идеальный алфавит. Буква представляет собой обозначение звуков на письме.

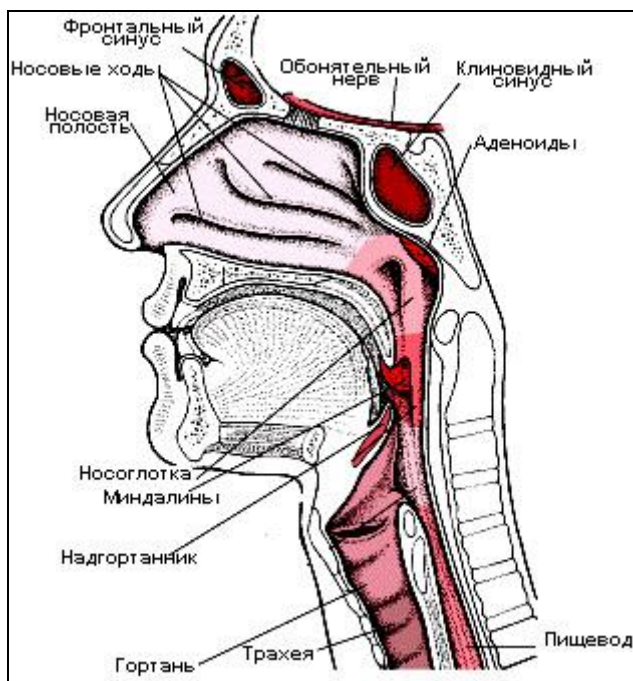

Александр Христофорович Востоков

Классификация звуков речи основывается на акустической и анатомо-физиологической характеристике звуков. Исходным при этом является деление всех звуков на гласные и согласные звуки. Совокупность гласных образует вокализм, совокупность согласных — консонантизм.

1. Основное различие гласных и согласных состоит в их роли в слогообразовании. Гласный звук всегда образует вершину слога, является сонантом, согласный сопутствует сонанту, является консонантом.

2. Артикуляционное различие гласных и согласных состоит в различной напряженности произносительного аппарата и отсутствии или наличии фокуса образования.

Строение и функции гортани

3. При образовании гласных голос преобладает над шумом, тогда как при образовании большинства согласных (за исключением сонорных) соотношение оказывается противоположным: шум доминирует над голосом. Наличие двух типов звуков речи (гласных и согласных), различающихся по артикуляции, заставляет составлять классификацию гласных отдельно от классификации согласных.

Основанием классификации гласных служит ряд и подъем языка, а также работа губ.

Артикуляционно гласные распределяются горизонтально по ряду, то есть по той части языка, которая поднята при произнесении данного звука. Различаются три ряда, а соответственно и три типа звуков речи, которые бывают передними, средними и задними.

Гласные переднего ряда – и э; среднего ряда – ы; заднего ряда у о а. Вертикально гласные различаются по подъему – то есть по степени приподнятости той или иной части языка при образовании данного гласного. Различаются обычно три подъема – верхний, средний и нижний. В русском языке к гласным верхнего подъема относятся и ы у, к гласным среднего подъема – э о, к гласным нижнего подъема относят а.

По положению губ гласные делятся на губные, при образовании которых принимают участие губы – о у (лабиализованные, огубленные) и неогубленные, то есть при образовании которых губы не принимают участия – а э и ы. Губные гласные обычно бывают заднего ряда.

В ряде языков существуют носовые гласные, например, во французском, польском языках. В старославянском также были представлены носовые гласные, которые в кириллице изображались специальными буквами: юс большой, или о носовое и юс малый, или э носовое. Артикулирование носовых гласных происходит при поднятой небной занавеске и опущенной спинке языка, так что воздушная струя одновременно и в равной степени попадает и в полость рта и носа.

Классификация согласных более сложная, потому что согласных в языках мира больше, чем гласных.

Шумный – сонорный. В составе согласных звуков любого языка выделяются два больших класса согласных: шумные, то есть звуки, в образовании которых

главную роль играет шум, и сонорные, то есть звуки, при образовании которых главную роль играет голос, возникающий при вибрации голосовых связок.

Различие согласных по характеру преграды и способу ее преодоления. Согласные различаются в зависимости от того, какого рода преграды образуют органы речи для воздушного потока, идущего из легких. Если органы речи оказываются сомкнутыми, то воздушная струя размыкает их. В результате возникают смычные, или взрывные согласные. В тех же случаях, когда органы речи не сомкнуты, а только сближены, между ними остается щель. В эту щель проходит воздушная струя, образуется характерное трение воздуха, а возникающие при этом шуме согласные звуки получают название щелевых (от слова щель), или фрикативных (от латинского названия *fricare* – «тереть», так как воздух как бы трется о щель в неплотно сближенных органах речи). В различных языках имеются еще такие согласные звуки, которые соединяют в себе особенности взрывных с особенностями согласных щелевых. Подобные согласные как бы начинаются с взрывного элемента и оканчиваются элементом щелевым. Называются они аффрикатами. Русская аффриката *ц* состоит из взрывной *т* и щелевой *с*, аффриката *ч* – из взрывного *т* и щелевого *ш*. Аффрикаты встречаются в английском языке (*Georg*), в немецком (*deutsch*) и многих других языках. По способу образования преграды выделяют также дрожащие согласные звуки, при образовании которых преграда образуется периодическим сближением активного органа речи с пассивным до возникновения очень слабой смычки, которая тут же разрывается выходящей из легких струей воздуха.

Если первый ряд различий в области согласных определяется характером преград, стоящих на пути воздушного потока, идущего из легких, то второй ряд

различий связан с деятельностью активных органов речи – языка и губ. Соответственно этому ряду различий согласные делятся на язычные и губные. Когда в язычных артикуляциях участвует передняя часть языка, возникают переднеязычные согласные. Возможны также среднеязычные и заднеязычные согласные.

Дробление производится и дальше: среди переднеязычных согласных различают зубные, например, т и альвеолярные например ш). При артикуляции среднеязычных согласных средняя часть спинки языка поднимается и сближается с твердым небом (например, немецкий так называемый Ich-Laut в словах типа ich, Recht). При артикуляции заднеязычных звуков задняя часть языка сближается с мягким небом. К заднеязычным относятся русские к, г, х. Кроме язычных, к этой же группе согласных относят и согласные губные, которые в свою очередь делятся на губно-губные (билабialsные, например, русское п) или губно-зубные, например, в). Различие между губно-губными и губно-зубными легко обнаружить экспериментально: для этого нужно лишь поочередно произнести несколько раз русские звуки п и в.

Третий ряд различий в системе согласных звуков создается так называемой палатализацией (от латинского палатум – твердое небо). Палатализация, или мягкость – это результат поднятия средней и передней части языка к твердому небу. Палатализироваться, или смягчаться могут любые согласные, кроме среднеязычных. Наличие палатализованных согласных – это яркая особенность русской фонетики.

Глава XI

Понятие о фонетической транскрипции

 Как уже стало понятно, запись устной речи в полном соответствии с ее звучанием, точно воспроизводящая все особенности нашего произношения, не может быть осуществлена обычным орфографическим письмом. При орфографическом письме отсутствует подобное соответствие между звуками и буквами, а в нашей графике отсутствуют знаки, необходимые для записи всех звуков устной речи. Указанные затруднения устраняются (конечно, это происходит только в науке) особым видом письма, который называется фонетической транскрипцией. Знаменитый словарь Брокгауза и Ефрона так говорит о том, что же такое транскрипция:

(лат. Transscriptio, грамм.) — письменное изображение звуков и форм известного языка, обладающего или не обладающего собственной системой письма, при помощи письменной системы, обычно данному языку не свойственной и принадлежащей какому-нибудь другому языку или же вполне искусственной. Транскрипция может применяться в видах практических или научных. В первом случае, к ней прибегают с целью заменить первоначальную туземную, сложную, неудобочитаемую или малоизвестную письменную систему более употребительною и всем доступною. Таковы, например, обычная транскрипция туземных санскритских, зендских, арабских, дравидийских и т.п. писмен при помощи латинской азбуки, издание глаголических памятников старославянского языка в транскрипции кириллической азбукой, наша транскрипция различных иностранных имен, а нередко и слов, русскими буквами (Шекспир, Сент-Бёв, лейтенант, трест) и т.д. Научная транскрипция нередко вытекает из практической. Такова, например, употребительная ныне в лингвистических сочинениях транскрипция санскритско-

го, зендского или других иранских языков, отличающаяся в некоторых отношениях от обычной, употребляемой у филологов-санскритистов и иранистов, из которой она развилась. Отличия эти сводятся к большей фонетической точности транскрипции, употребляемой лингвистами. Точность эта достигается путем усложнения письменной системы, влекущего за собой необходимость предварительного изучения главных оснований такой точной и научной транскрипции. Практические системы транскрипции, употребляемые нелингвистами, всегда проще лингвистических, но зато и не так точны, вследствие чего не дают верного изображения звуковой стороны данного языка. Идеальная научная транскрипция должна была бы изображать звуковую сторону языка с такой точностью, чтобы ее мог совершенно верно воспроизвести каждый знакомый с основами данной транскрипции, хотя бы ему никогда и не приводилось слышать воспроизводимых им звуков. Такой идеал в настоящее время еще не может считаться осуществленным, хотя кое-что в этом направлении и достигнуто. Другое идеальное требование, которое наука вправе предъявлять к точной научной транскрипции — чтобы одинаковые звуки всевозможных языков изображались одинаковыми знаками, — также еще не может быть признано достигнутым. В этом отношении в лингвистической литературе замечаются далеко не желательные разнообразия и непоследовательность приемов. Система научной транскрипции, построенная на вышеуказанном принципе, существует, но применяется (не одинаково последовательно по отношению к разным языкам) только в изданиях нашей Императорской Академии наук,¹⁶⁵ которой и принадлежит честь ее составления. В основе ее лежит русский алфавит, дополненный некоторыми латинскими и новыми, нарочно для того изобретенными знаками. На том же принципе строил Лепsius свою общую лингвистическую азбуку (на основе латинского алфавита, с теми видоизменениями, которые выработались при применении его к славянским языкам, особенно чешскому), в настоящее время устарелую. Кроме научных транскрипций, основанных на том

или другом европейском алфавите, существует несколько искусственных систем фонетического письма, изобретение и развитие которых тесно связано с успехами физиологической фонетики или антропофонии. Таковы системы Брюкке, Таузинга и особенно замечательная по своей точности и последовательности система английских фонетиков Белля и Сьюта (так называемая *Visible Speech*).

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Репринтное издание. 2001 год.

Знаки, принятые в фонетической транскрипции:

Λ – редуцированный¹⁶⁶ гласный [o], [a] в первом предударном слоге и абсолютном начале слова: [вΛда], [Λна]

и^е – звук, средний между [и] и [е]

ы^э – звук, средний между [ы] и [э]

ъ, ь – редуцированные гласные [o], [a], [e] во всех безударных слогах, кроме первого предударного

•а – гласный, продвинутый вперед в начале длительности

•а- гласный, продвинутый вперед в конце длительности

•а• – гласный, продвинутый вперед на всем протяжении длительности

ê, û – напряженные, закрытые [е], [и]

э• – отодвинутый назад звук [э]

İ – звук [и] неслоговой

т' – обозначение мягкости согласного звука

Т – обозначение долготы согласного звука

[] – выделение звука, слова или его части.

Представим текст и полную его транскрипцию:

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нем с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми, некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием.

Нѣдруго İа'д'ен'/в'ес'т' Л пЛжа•р'ь/р'ьз'н'и'с'лас'
п'ьфс'и'емуЛкЛлотку // фс'е т'ьакЛва•л'и Лн'•ом
срЛз'л'и'чным'и дЛгатк'ьм'и ипр'ьт'п'ьлЛжэ•н'и'ѣм'и //
ины İи/ув'и'р'•а•л'и/шт'ьл'•у•д'и дуб-
рофс'к'ьв'ь/нЛп'и'фш'ыс'п'ѣ'аны н'ьп'ьх'ьрЛнах/зЛжг'л'и
дом из'н'ьЛстЛрожн'ьс'т'и/друг'и İи
Лбв'ин'•а•л'и/пр'и'казных/п'ьдгул'•а'фш'ых
н'ьн'ьвЛс'ê'л'и'и/мног'иİи ув'и'р'•а•л'и/шт'ьон сам
згАр'ел/З'емск'им судом исЛфс'ê'м'и двЛровым'и //
н'ек'ьт'ьрыİи дЛгадыв'ьл'ис'
Лбы•с'т'ин'ь/иут'в'и'р'жда•л'и/шт'ьв'и'новн'ик'ьм с'и'во

ужаснѣвъ б'ѣц'с'т'в'иѣ/был сам дуброфск'и
/дв'ижымы злоб' илѣа ѣн'иѣм //.

Для того, чтобы было понятней, упростим и резюмируем все, рассказанное о фонетической транскрипции:

Итак, **фонетическая транскрипция** – особый вид записи речи, который используется для фиксации на письме особенностей ее звучания. Знаком того, что читатель имеет дело с транскрипционной записью звучащей речи, служат квадратные скобки: [].

Приведенный отрывок взят именно из этого рафитетного издания повести А. С. Пушкина

Русское письмо устроено так, что в нем одна буква может передавать два звука (ёж) или, наоборот, две буквы – один звук (грузчик). В транскрипции же каждому звуку всегда соответствует свой особый знак: [joш], [гр`уш':ьк].

В письменной речи после мягких согласных звуков вместо а, о, у, э пишутся буквы я, ё, ю и е, мягкость согласного на конце слова обозначается специальной буквой ь, называемой «мягкий знак» (ять). В транскрипции мягкость согласного всегда обозначается одинаково – знаком апострофа рядом с мягким согласным: [м'ат']. Мягкость непарных мягких согласных [ч'] и [ш':] также всегда обозначается в транскрипции. Исключением является только обозначение в транскрипционной записи палатального (и поэтому по определению мягкого) согласного [j] – при нем не принято ставить апостроф.

В графике буква, подчиняясь правилам правописания (орфографии), часто не передает тот звук, который произносится в слове (боковой, ёж). Для транскрипционного знака существует только одно правило – как можно точнее зафиксировать произносимый звук с учетом его отличия от всех других звуков: [б'ькав`ој], [joш].

На письме не существует специального обозначения и для безударных гласных звуков. В словах карандаш, багаж, вблизи, например, пишутся одинаковые буквы для обозначения гласных как ударных, так и безударных, хотя звуки произносятся по-разному: в безударных слогах слабее и короче, а также в некоторых случаях и совсем по-другому, чем в ударном. В транскрипции необходимо подчеркнуть эту разницу или разными обозначениями и знаком ударения ([к'ьранд`аш]), или только знаком ударения и отсутствием такового, так как безударные [а] и [и] в двусложных

словах не претерпели качественных изменений: [баг`аш], [вбл'из'и]. Если в письменной графике знак ударения ставится лишь в специальных изданиях (в словарях, учебниках для иностранцев, детской литературе), то в транскрипции ударение отмечается обязательно, когда в слове больше, чем один, слог. Звуки, претерпевшие количественную редукцию, могут обозначаться теми же знаками, что и ударные звуки, но без знака ударения, однако для обозначения редуцированных гласных, потерявших вследствие этого свое особое качество, используются не только знаки, принятые для обозначения остальных гласных, но и некоторые специальные знаки: [ѐ] (ер) и [ь] (ерь). Они лишь зрительно совпадают с буквами, которые в графике вообще не обозначают звуков, но имеют другие функции. На письме долгота тех согласных звуков, которые в русском языке бывают только долгими, обозначается специальным образом: один из двух шумных согласных, которые всегда являются мягкими и долгими, обозначается буквой **щ** (звук [ш':]), второй звук, [ж':], не имеет специальной буквы для своего обозначения. Долгие звуки, образующиеся в русском языке при стечении двух одинаковых согласных, обозначаются двумя одинаковыми буквами (касса); однако явление, при котором стечение двух разных согласных дает один долгий звук (счет), никак не отражается на письме. В транскрипции длительность согласных звуков обозначается единообразно: как правило, двоеточием справа от звука ([ж':], [ш':], [к`ас:а]). В различных учебниках можно встретить иное обозначение долготы звука: горизонтальную черту над соответствующим транскрипционным знаком или два одинаковых знака ([к`а̅а], [к`асса]).

Наконец, понятие «слово» в письменной графике и в транскрипции – это не одно и то же. В письменной графике оно – самостоятельная или служебная часть

речи (предлог *в* – тоже слово и пишется отдельно), в транскрипции – это **фонетическое слово**, то есть, некое состоящее из последовательности слогов единое целое с одним организующим центром – ударным слогом. Таким образом, предлоги, частицы, союзы, произносящиеся слитно с другими словами, в транскрипции пишутся также слитно и с обозначением всех изменений, которые произошли со звуками, их составляющими: в *школу* [фшк'олу], с *ним* [с'н'им], *спросила б* [спрас'илып], *за рекой* [зър'ик'ој], *под гору* [п'одгъру].

Степень подробности транскрипционной записи речи зависит от того, что она должна зафиксировать: все особенности звучания, включая индивидуальные и обусловленные ситуацией порождения речи (эмоциональные и до.), или особенности фонетической системы языка.

Кроме фонетической транскрипции следует получить краткое представление и о *фонематической* транскрипции. Только еще раз уточним все, связанное с понятием *фонема*.

Фонема (греч. Φώνημα, «звук») — минимальная единица устного языка, имеющая смыслоразличительность и временную упорядоченность. Это значит, что:

1. при замене одной фонемы на другую получится другое слово
2. при изменении порядка следования фонем также получится другое слово.

Термин *фонема* применяется как в акустике, так и в лингвистике.

С точки зрения акустики *фонема* – это часть параметров физических характеристик сигнала создающих ощущение элементарного звука речи данного языка. Причем одни и те же параметры акустического сигнала могут вызывать ощущения других звуков в разных языках. Так, например, изменение тона

в европейских языках вызывает эмоциональные ощущения, а в китайском смысловые.

С точки зрения лингвистики фонему можно расщепить на различительные признаки (например, звонкость/глухость, твёрдость/мягкость, смычный/фрикативный/аффриката), однако эти признаки фонемы не упорядочены во времени, то есть нельзя сказать, что у фонемы [з'] мягкость идёт перед звонкостью или наоборот. Даже если мы произвольно назовём порядок следования признаков, то при их перестановке мы не получим другого звучания.

Фонема является компонентом морфемы.

Фонема – объект изучения фонологии и морфонологии. Это понятие играет важную роль при решении таких практических задач, как разработка алфавитов, принципов орфографии и т. П.

Термин «фонема» в близком современному смысле ввели работавшие в Казани польско-российские лингвисты Н. В. Крушевский¹⁶⁷ и П. А. Бодуэн де Куртенэ (после ранней смерти Крушевского Бодуэн указывал на его приоритет).

Функции фонемы

1. Конститутивная (из фонем складывается поток речи).
2. Условно дистинктивная (условно распознавательная).
3. Разграничительная (для фонем, употребляющихся только в определенной позиции, например, в качестве маркера конца слова).

Можно добавить, что фонема – это минимальная звуковая единица языка, линейно не членимая, служащая для образования звуковых оболочек значащих единиц и условно связанная со смыслом.

Каждая фонема в потоке речи подвергается различным модификациям (видоизменениям) в результате:

- коартикуляции (наложения артикуляций смежных звуков),
- комбинаторных звуковых изменений типа аккомодации и ассимиляции,

- *позиционных звуковых изменений типа редукции, обусловленных её реализацией в ударном или неударном слоге.*

*Возникают фонетически обусловленные (специфические) комбинаторные и позиционные варианты данной фонемы (**аллофоны**). В рамках одной и той морфемы, но в разных её морфах отмечаются аллофонные чередования; например: разные [a] в да-л и да-м ([a] ~ [ã]); мат-к-а и мять ([a] ~ [ä]); разные [d] в сад-а и сад-у; вад-а и вад-ой ([d] ~ [dʰ]).*

Николай Вячеславович Крушевский

Для выявления системы фонем существует так называемый дистрибутивный метод. Его правила гласят:

- *Если фонетически близкие звуки никогда не встречаются в тождественном фонетическом окружении, то они находятся в отношении дополнительной дистрибуции и являются аллофонами одной фонемы.*

Таковы, например, отношения между непрдыхательными и прдыхательными смычными [p] и [ph], [t] и [th], [k] и [kh] в английском и немецком языках, между нелабиализованным и лабиализованным согласными [p] и [pʰ] в русском языке.

При таком подходе возможно ещё одно определение фонемы: фонема есть класс (семья, множество) звуков, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции. Один из аллофонов,

который оказывается наименее зависим от фонетического окружения, признаётся основным. Другие же считаются специфическими: их особенности обуславливаются либо комбинаторными, либо позиционными факторами.

Оговорка относительно «фонетической близости» необходимо, например, для случаев типа немецкого, где звуки [h] и [ɣ] дополнительно распределены: первый встречается лишь перед гласными, кроме безударных [i] и [e], второй — только перед безударными [i] и [e] и перед согласными. Однако эти звуки не могут рассматриваться как варианты одной фонемы ввиду того, что их единственный общий признак (консонантность) не противопоставляет их другим согласным.

- Если два звука встречаются в тождественном фонетическом отношении и при этом могут служить различению разных слов, то они находятся в отношении контрастной дистрибуции и являются представителями двух разных фонем.

- Если звуки встречаются в тождественном окружении и не различают при этом двух разных слов, то между ними имеет место отношение свободного варьирования и они являются факультативными (свободными, необязательными) вариантами одной фонемы. Таковы отношения между разными (многоударными и одноударными, переднеязычными и язычковыми) вариантами немецкой фонемы /□/, между смычной и щелевой реализациями русской фонемы /g/.

Таким образом, если хотя бы в одном контексте два звука (фона) находятся в отношении контрастной дистрибуции, они являются представителями двух разных фонем и во всех остальных случаях, пусть даже там они находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Например, в русском языке, глухость / звонкость шумных согласных перед другими шумными согласными зависит от глухости / звонкости последних, однако перед гласными они различаются. Значит и в первой позиции глухие и звонкие согласные являются разными фонемами. Это правило, в частности, используется для проверки наличия в русском языке двух фонем /и/ и /ы/. В подавляющем большинстве

ве случаев эти две фонемы находятся в отношении дополнительной дистрибуции: [и] после мягких согласных и гласных, [ы] в прочих случаях. Однако, эти два фона различаются в абсолютном начале слова под ударением: *и́кать* vs. *Ы́кать* («произносить звук ы»).

Дистрибутивный анализ дает возможность:

- установить инвентарь фонем (уточняя результат оппозиционного анализа);
- выявить фонетические условия распределения фонем в речи;
- представить каждую фонему в виде класса её обязательных и факультативных вариантов (что, кстати, связывает фонемный анализ с установлением наборов перцептивных единиц).

Существуют звуковые комплексы, которые потенциально могут реализовывать либо пару фонем, либо одну сложную фонему. В свое время Н. С. Трубецкой предлагал два класса критериев: фонетические (длительность звучания, слитность артикуляции) и системные. Впоследствии первые не раз подвергались критике, поэтому ниже излагаются только системные.

1. Части одной фонемы не могут распределяться по слогам. Так, в русском языке свистящая аффриката не распадается в интервокальной позиции: **ли-цо**. В то же время в финском и английском языках комплекс [ts] обязательно разделяется: *bat-s* или фин. *It-se* «сам».

2. Консонантная группа однофонемна, если выступает в позиции, в которой не допускаются сочетания согласных. Так, в ряде африканских языков и в кипрском греческом встречаются комплексы [mb] и [nd] в начале слова. При этом в первых других сочетаниях согласных в этой позиции не бывает, поэтому считается, что там противопоставлены два типа звонких смычных: простые и преназализованные. В кипрском же никаких ограничений на начальные кластеры нет, поэтому оснований для выделения особого класса фонем также нет.

3. Группа однофонемна, если того требует контекста морфологической системы. Это правило особенно важно для принятия решения об интерпретации дифтонгов. В русском языке конечнослоговые дифтонгоидные сочетания типа [ai], [oi] при словоизменении распадаются на сочетания гласного с согласным глайдом: [dai – daji]. В германских же языках они чередуются с простыми гласными: write [rait] – written [ritn]. Поэтому в германских языках дифтонги трактуются как фонемы наряду с обычными гласными.

Понятие фонемы (поверхностной) не следует путать с понятием **морфонемы** (=«глубинной фонемы»), используемой для морфонологического анализа. Основой для такого смешения терминов является терминология и идеология Московской фонологической школы, которые называли фонемой то, что обычно именуют морфонемой. Московскую фонологическую школу представляли Н. Ф. Яковлев, В. Н. Сидоров, Р. П. Аванесов, А. М. Сухотин, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, М. В. Панов и др.).

Морфонема является единицей морфонологического описания, понимаемая как единица морфонологического, или глубокого уровня представления словоформ, принципиально отличного от фонологического, или поверхностного уровня, основной единицей которого является фонема.

При определении морфонемного состава слова необходимо знать его морфологическую структуру. Например, в словах <рад> и <мат> фонема /т/ соответствует морфонемам |д| (проверяется формой женского рода: <рада>) и |т| (проверяется формами косвенных падежей: <мата> и т. д.).

Для фонем же (в отличие от морфем) верно правило:

- один и тот же звук не может быть аллофоном разных фонем. Например, например, звук [т] в словах [рат] и [мат] является аллофоном фонемы /т/, а не фонем /д/ и /т/ соответственно.

В случаях, когда для варианта фонемы нет сильной позиции, возникает архифонема, или гиперфонема, если возможна

различимость лишь для некоторой совокупности фонем и невозможно различить конкретные фонемы в этой совокупности, например в слове <собака> в 1-м слоге выделяется архифонема o/a , а точный фонемный состав фонетически «непроверяем». В разных школах существуют разные способы записи архифонем: греческими буквами, заглавными буквами (у Трубецкого) или перечислением всех нейтрализуемых фонем в фигурных скобках: $/сабака/$, $/сАбака/$ или $/с\{o/a\}бака/$.

Для фонемного анализа не нужно понятие гиперфонемы, так как принадлежность каждого конкретного аллофона определяется фонетической близостью, а не морфологической проверяемостью. Поэтому фонемный состав слова <собака> будет: $/саба́ка/$.

При определении системы фонем данного языка немаловажным фактором является системность. Фонемы в каждом языке являются не просто множеством несвязанных единиц, а образуют систему. Чтобы понять устройство этой системы, необходимо выявить типы фонологических оппозиций, в которые вовлечены ее члены, и описать общую организацию системы оппозиций.

Согласно Петербургской фонологической школе, в русском языке 42 фонемы ($[a \text{ } \acute{a} \text{ } \text{э} \text{ } \text{о} \text{ } \text{у} \text{ } \text{ы} \text{ } \text{п} \text{ } \text{п}' \text{ } \text{б} \text{ } \text{б}' \text{ } \text{м} \text{ } \text{м}' \text{ } \text{ф} \text{ } \text{ф}' \text{ } \text{в} \text{ } \text{в}' \text{ } \text{т} \text{ } \text{т}' \text{ } \text{д} \text{ } \text{д}' \text{ } \text{н} \text{ } \text{н}' \text{ } \text{с} \text{ } \text{с}' \text{ } \text{з} \text{ } \text{з}' \text{ } \text{р} \text{ } \text{р}' \text{ } \text{л} \text{ } \text{л}' \text{ } \text{ш} \text{ } \text{ж} \text{ } \text{щ} \text{ } \text{ц} \text{ } \text{ч} \text{ } \text{ч}' \text{ } \text{к} \text{ } \text{к}' \text{ } \text{г} \text{ } \text{г}' \text{ } \text{х} \text{ } \text{х}']$)

Разграничение понятий звука и фонемы предполагает разграничение двух видов транскрипции – фонетической и фонологической (иначе –фонемной или фонематической).

Необходимость по возможности более точного отражения на письме особенностей звучащей речи требует от фонетической транскрипции использования дополнительно к алфавиту определенного набора диакритических знаков. Их перечень и рекомендации к употреблению уже оговорены.

Применение фонематической транскрипции не требует подробных разъяснений, так как она призвана фиксировать не звуковую, а фонемную данность языка. Если основные понятия фонетики и фонематики как одного из ее разделов усвоены в увязке фонетических процессов с понятиями фонем, вариантов, позиций и т.п., фонематическая транскрипция, основанная на проверке звуков слабых позиций по сильным позициям с целью определения фонемного статуса этих звуков, особых трудностей не представляет. Нужно просто овладеть техникой перевода знаков фонетической транскрипции в знаки фонем как инвариантных единиц звуковой системы языка, очищенной от деталей реального произношения во всем многообразии его особенностей.

Тексты, записываемые фонематической транскрипцией, заключаются в ломаные скобки: <>.

Примеры записи одного и того же текста средствами 1) орфографии, 2) фонетической транскрипции, 3) фонематической транскрипции:

2 3 1 3 1 1 2 3 1 2 2 3 1

Люблю я пышное природы увяданье.

2) [л'убл'э ја пышн'ы пр'ифуды ув'и' дбн'ы].

3) < л'убл'у ја пышно'о пр'ифоди ув'адан'о >.

Понятие о транскрипции и о системе транскрипционных знаков мы получили. Но помимо условной записи звучащей речи посредством транскрипционных знаков, используется другой тип записи, который передает буквенный состав слов, взятых из других языков. Такой тип передачи называют транслитерацией. Необходимость в транслитерации возникает при передаче иноязычных имен, географических названий. Транслитерация может базироваться на разных алфавитах. Например, иноязычные имена в русском тексте передаются русскими буквами: Paris –Париж, Hugo – Гюго.

Часто возникает необходимость в передаче русских имен, фамилий, географических названий посредством латинских букв. Разработано значительное количество систем транслитерации на основе латиницы. В 1951–1956 годах были разработаны правила Международной транслитерации русских собственных имен.

Глава X

Слоги и слогораздел. Ударение

 С точки зрения образования, со стороны физиологической, слог представляет собой звук или несколько звуков, произносимых одним выдыхательным толчком.

С точки зрения звучности, со стороны акустической, слог – это звуковой отрезок речи, в котором один звук выделяется наибольшей звучностью в сравнении с соседними – предшествующим и последующим. Гласные звуки, как наиболее звучные, обычно являются слоговыми, а согласные – неслоговыми, но сонорные (р, л, м, н), как наиболее звучные из согласных, могут образовать слог. Слоги разделяются на открытые и закрытые в зависимости от положения в них слогового звука.

Открытым называется слог, оканчивающийся сло-гообразующим звуком: ва-та. Закрытым называется слог, оканчивающийся неслоговым звуком: там, лай. Неприкрытым называется слог, начинающийся на гласный звук: а-орта. Прикрытым называется слог, начинающийся на согласный звук: ба-тон.

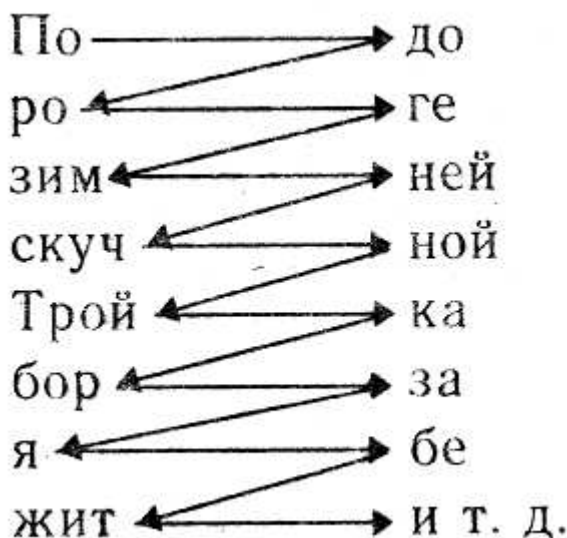
Строение слога в русском языке подчиняется закону восходящей звучности. Это значит, что звуки в слоге располагаются от наименее звучного к наиболее звучному. Будем считать это основным законом русского слогораздела.

Закон восходящей звучности можно иллюстрировать на приводимых ниже словах, если звучность условно обозначить цифрами: 3 – гласные, 2 – сонорные согласные, 7 – шумные согласные. Во-да: 1-3/1-3; ло-дка: 2-3/1-1-3; ве-сло: 2-3/1-2-3; вол-на: 1-3-2/2-3. В

приведенных примерах основной закон слогораздела реализуется в начале неначального слога.

Начальный и конечный слоги в русском языке строятся по тому же принципу нарастающей звучности. Например: ле-то: 2–3/1–3; сте-кло: 1–3/1–2–3.

Слогораздел при сочетании знаменательных слов обычно сохраняется в том виде, какой свойствен каждому входящему в состав словосочетания слову: нас Турции – нас-Тур-ци-и; настурции (цветы) – на-стур-ци-и.

*Деление на слоге – программа для обучения детей слогоделению и
правильному дафению*

Частной закономерностью слогораздела на стыке морфем является невозможность произнесения, во-первых, более двух одинаковых согласных между гласными и, во-вторых, одинаковых согласных перед третьим (иным) согласным в пределах одного слога.

Это чаще наблюдается на стыке корня и суффикса и реже – на стыке приставки и корня или предлога и слова. Например: одессит [о/де/сит]; искусство [и/ску/ство]; расстаться [рас/стать/ся]; с стены [сте/ны], поэтому чаще – [со/сте/ны].

При делении слова на слоги следует запомнить следующие правила:

1. Деление на слоги следует производить по фонетической транскрипции, а не по орфографической записи слова, так как слог – элемент звучащего, а не написанного слова.

2. Большинство неконечных слогов в слове являются открытыми (то есть слогораздел проходит после гласного звука), например: молоко ~ [мь-л^-ко]; сестра – [с'иэ-стра]; смогла – [см^гла]; волна – [в^лна].

3. Слогораздел проходит после сонорного согласного, за которым следует шумный, или после [j] ([и]), за которым идет любой другой согласный (предыдущий слог при этом окажется закрытым): [кар-ть] (карта), [саи-рь] (сайра), [сои-кь] (сойка).

Слогораздел не следует смешивать с *переносом* слова. Слоги – это характеристика звучащей речи, а перенос – условные правила, принятые на письме. Например: *идея* – 3 слога, а перенести это слово нельзя, т.к. нельзя одну букву оставить в строке или перенести в следующую; слово *нётрый* можно перенести тремя способами (*нё-стрый*, *нёс-тый*, *нётрый*), а на слоги оно делится только одним: [н'о-стрыи].

Законы слогоделения в разных языках и даже диалектах одного языка неодинаковы. Например, представители севернорусского наречия произнесут при скандировании слово «дружба» так: *друж-ба*. А представители южнорусского наречия – иначе: *дру-жба*.

Слог можно рассмотреть и несколько иначе:

как последовательность звуковых сегментов, выступающая как единое произносительное и структурное целое, своего рода речевой квант. Носитель языка при скандировании способен членить речь на слог:

– *Спар-так – чем-пи-он!* За этой способностью стоит интуитивное знание говорящим правил квантования звучащей речи, в системе же языка этим квантам соответствуют закономерно построенные цепочки фонем. Таким образом, слог является одновременно речевой (фонетической) и языковой (фонологической) единицей.

Предполагается, что в артикуляционной системе слог реализуется не как механическая сумма составляющих его звуков, а как цельный комплекс движений, т.е. задается единым блоком нейрофизиологических команд к мышцам.

При программировании произнесения внутри слога действуют так называемые правила коартикуляции, т.е. совмещения во времени неантагонистических признаков соседних звуков. В частности, артикуляция гласного накладывается на артикуляцию предшествующего согласного: так, в слове куб вытягивание губ, свойственное у, происходит уже на звуке к. Аналогичным образом, при «таймировании» (задании длительностей звуков) учитывается их положение в слоге: наличие комплекса согласных после гласного ведет к сокращению последнего, а отсутствие конечных согласных – к удлинению.

С точки зрения речевой аэродинамики слог есть минимальный звуковой отрезок, на который приходится нарастание и спад величины воздушного потока («дыхательный импульс»). В акустическом сигнале «дыхательному импульсу» отвечает восходящее-нисходящая дуга звукового давления – «волна звучности» (или сонорности).

Этому импульсному принципу организации звукового потока соответствует универсальная тенденция распределения сегментов разных классов внутри слога: вершину (ядро) слога

нормально образует гласный (как представитель класса наиболее громких звуков), а в сочетаниях согласных внутри слога более близкую позицию к ядру занимает сонорный (т.е. согласный типа *l, n*), а более дальнюю — шумный (т.е. согласный типа *p, t, f, s*). Сонорные обладают бóльшей акустической энергией, чем шумные; этим и определяется их бóльшая близость к гласному в естественно построенном слоге. Если условно обозначить класс гласных с помощью *V*, сонорных с помощью *R*, а шумных с помощью *T*, то указанную тенденцию можно сформулировать как предпочтение универсальной схемы *TRVRT*. Любой вкладывающийся в эту схему слог (*RV, TV, TRV, TVRT* и т.д.) соответствует принципу «волны звучности». Однако многие языки используют только часть потенциальных слоговых схем; с другой стороны, существуют языки, в которых принцип «восходящее-нисходящей звучности» нарушается.

В фонетике существует много теорий, с различных точек зрения определяющих природу слога. Господствующими можно считать две из них — эспираторную и сонорную.

Эспираторная теория определяет слог как сочетание звуков, произносимое одним выдыхательным толчком, причем каждый выдыхательный толчок приводит к образованию слога. Действительно, выдыхаемая струя воздуха является основой возникновения слога, поскольку она приводит в колебание голосовые связки. Однако, совпадение границ слога и выдыхательных толчков происходит далеко не всегда. За один фонационный период произносится обычно ряд слогов, причем слоговое образование достигается пульсирующим сужением и расширением протока для струи воздуха. Эспираторная теория основывается лишь на одном факторе словообразования и поэтому не может истолковывать явление слогового образования во всей его сложности. Эта теория подвергалась с разных сторон критике, считалась почти отвергнутой, но снова получила в недавнее время широкое распространение благодаря трудам американского фонетика Статсона. По его определению, «слог является единицей в том смысле, что он всегда состоит из одного выдыхательного толчка».

ка, который обычно становится слышимым благодаря гласному и начинается и заканчивается согласным».

В основе сонорной теории лежит акустический критерий словообразования. Сонорность — это степень звучности. Слог понимается сторонниками сонорной теории как сочетание более сонорного элемента с менее сонорным — языковед Есперсен, разрабатывавший сонорную теорию, доказывал, что в языке существует относительная сонорность всех звуков. Наименьшей сонорностью обладают глухие шумные согласные, наибольшей сонорностью — гласные звуки. Следовательно, слогообразующим мог бы выступить любой звук.

В действительности сонорность свойственна только гласным и сонантам. Звонким шумным свойственна не сонорность, а «вокальность», т.е. преобладание голоса, тогда как при сонорности речь идет уже только о наличии голоса. Примесь шума в звонких шумных столь велика, что они не обладают способностью слогообразования. Сонорная теория, основываясь на антропфонических исследованиях всех звуков, подходила к выделению слога только акустически.

Сонорная теория слога имела в науке прошлого большой успех. Некоторые языковеды считали, что можно соединять существующие теории слога, взять кое-что из эспираторной теории и, основываясь на сонорной теории, объяснить природу слога в большинстве языков. Такого взгляда придерживался еще в XIX веке немецкий ученый Э. Сиверс: указанные две теории он считал не исключаящими одна другую. По его мнению, возможны оба вида слогов, которые он назвал сонорными и эспираторными; однако слог любого вида представляет собой соединение звуков разной степени звучности, только в одном случае речь идет о различии в собственной интенсивности, а в другом — о градации интенсивности, обусловленной выдыхательным толчком. Такой же точки зрения придерживался и Томсон. Он полагал, что в одних языках господствуют эспираторные, а в других — сонорные слоги, хотя и указывал, что в большинстве языков тип слога смешанный. «Градации в силе звуков, — писал он, — даю-

щие акустическое впечатление, или обусловлены различием в полнотонности, присущей звукам речи самим по себе (слоги, основанные на полнотонности), или же производятся произвольным усилением силы звука (динамические слоги). В большинстве языков оба условия соединяются обыкновенно, т.е. большая полнотонность сопровождается еще усилением звука».

Новгородская береста мальчика Онфима. Конец XIV века. Чтение и писание текста предполагалось по «складам», то есть по слогам.

Если, пользуясь сонорной теорией, подсчитывать число слогов в словах, то в очень многих случаях она даст возможность получить правильные ответы. Расположив, например, по степеням звучности звуки слова *пятница* в полном стиле (/p'atn'ica/) и в разговорном (/p'atn'ca/), мы получим схемы, из которых видно, что число сонорных подъемов соответствует числу слогов. Такое соответствие будет далеко не всегда. Так, в русском слове *полочка*, произнесенном в разговорном стиле, вто-

рой гласный утрачивается, однако число слогов остается равным трем, так же как и в полном стиле [ро-1-скА]. Как видно из схемы, число подъемов звучности равно в таком случае только двум. Почему мы в данной случае имеем все же три слога, с точки зрения сонорной теории объяснить невозможно.

Слабой стороной сонорной теории является то, что степень звучности того или иного звука не есть величина неизменная. Один и тот же звук может быть произнесен с различной степенью звучности.

Применительно к русскому языку упрощенный вариант сонорной теории дает Р. И. Аванесов, стремящийся раскрыть механизм слогоделения. Различая для русского языка три градации звучности, он пишет: «Основной закон слогораздела в русском языке заключается в том, что неначальный слог в русском языке всегда строится по принципу восходящей звучности, начинаясь с наименьшей звучности».

Позже была выдвинута третья теория объяснения природы слога — теория мускульного напряжения (ИЦерба, Фуше и др.). Слог, говорили сторонники этой теории, произносится с единым мускульным напряжением, и вся наша речь представляет собой цепь напряжений, цепь импульсов. Каждый импульс характеризуется тремя фазами (усиления, вершина и ослабление), которые связывают с усилением и ослаблением звучности. Характер слога может быть изображен схематически как «дуга мышечного напряжения». При этом, казалось бы можно легко находить границы слогов, легко объяснять структурные особенности слогов, характерные для того или иного языка.

Однако, анализируя исследования мускульного напряжения гортани, можно заметить, что мышцы гортани, достигнув тонуса, необходимого для вибрации, тотчас теряют напряженность. Вершина слога, следовательно, сопровождается ослаблением напряженности мышц гортани. Теория мускульного напряжения объясняет сложные явления слогообразования только с точки зрения физиологии, т.е. исключительно артикуляционно.

Итак, слоговая структура речи основана на своего рода пульсации, на сменяющихся друг друга моментах нарастания и спада мускульного напряжения, причем чаще всего параллельного также нарастание и спад звучности. Тем самым слог несет очень важную функцию, связанную с организацией звуковой материки языка. Подчеркнем, что каждый язык имеет свои типичные модели слога и характерные ограничения на употребление тех или иных звуков в определенных позициях в слоге.

Членение речевого потока на слоги наблюдается во всех языках мира. Слог везде выступает как минимальная произносимая единица речи. Он может состоять либо из одного звука, либо из нескольких звуков, соседствующих в речевой цепи и определенным образом объединенных в некое неделимое (с произносительной точки зрения) целое.

Практическое членение речевого потока на слоги не вызывает споров, однако определение слога и его природы представляет трудности.

Слог состоит из фонем, часть которых выступает как носитель смыслоразличительных признаков, как ядро, как слогообразующий элемент слога, или является слогоносителем. Слогоносителем в зависимости от языка могут быть:

- 1. гласный;*
- 2. дифтонг, трифтонг;*
- 3. согласный;*
- 4. многофонемная группа «гласный + согласный».*

Нет ни одного языка, в котором гласные не функционировали бы в качестве слогоносителей. В большинстве языков мира гласные являются единственно возможными слогоносителями слова.

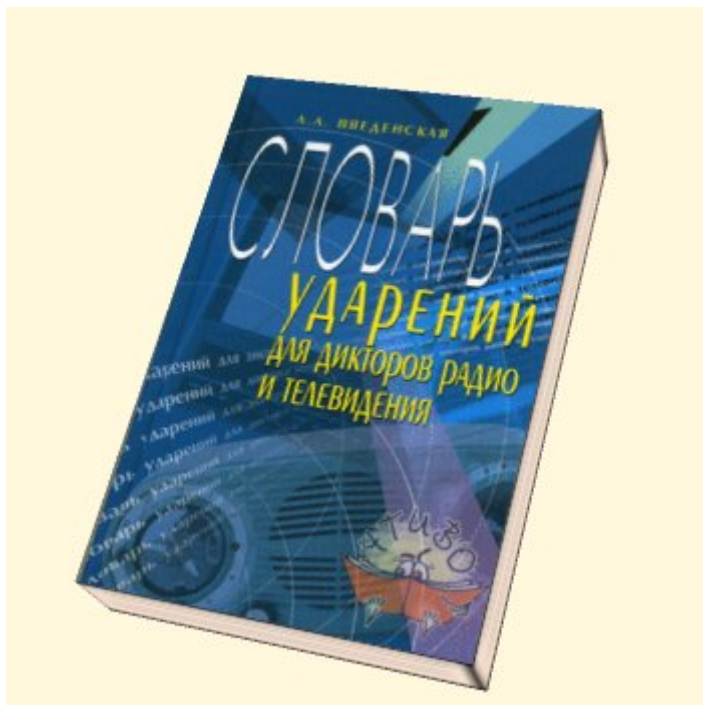
Разговор об ударении следует начать с того, что в речевом потоке различается ударение фразовое, тактовое и словесное. Варианты: ударение –выделение каким-либо акустическим средством одного из компонентов речи:

- слога в составе фонетического слова – словесное ударение,
- слова в составе синтагмы – логическое ударение,
- синтагмы в составе фразы – синтагматическое ударение.

Словесным ударением называется выделение при произношении одного из слогов двусложного или многосложного слова. Словесное ударение является одним из основных внешних признаков самостоятельного слова. Служебные слова и частицы обычно не имеют ударения и примыкают к самостоятельным словам, составляя с ними одно фонетическое слово: [под-горой], [на-стороне], [вот-те-раз].

Русскому языку свойственно силовое (динамическое) ударение, при котором ударный слог выделяется по сравнению с неударными большей напряженностью артикуляции, в особенности гласного звука. Ударный гласный всегда является более долгим, чем соответствующий ему безударный звук. Русское ударение разноместное: оно может падать на любой слог (выход, выходит, выходить). Разноместность ударения используется в русском языке для различения омографов и их грамматических форм (орган – орган) и отдельных форм различных слов (мою – мою), а в некоторых случаях служит средством лексической дифференциации слова (хаос – хаос) или придает слову стилистическую окраску (молодец – молодец). Подвижность и неподвижность ударения служит дополнительным средством при образовании форм одного и того же слова: ударение или остается на одном и том же месте слова (огород, -а, -у, -ом, -е, -ы, -ов и т.д.), или переходит с одной части слова на другую (город, -а, -у, -ом, -е; -а, -ов и т.д.). Подвижность ударения обеспечивает различение грамматических форм (купите – купите, ноги – ноги и т.п.).

В отдельных случаях различие в месте словесного ударения теряет всякое значение: ср.: творог и творог, иначе и иначе, обух и обух и т.п.

Одна из самых замечательных книг, представившая нам абсолютно правильное нормированное ударение как русских, так и заимствованных слов

Слова могут быть безударными и слабоударяемыми. Обычно лишены ударения служебные слова и частицы, однако они иногда принимают на себя ударение, так что предлог со следующим за ним самостоятельным словом имеет одно ударение: [на-зиму], [за-город], [под-вечер].

Слабоударяемыми могут быть двусложные и трех-
сложные предлоги и союзы, простые числительные в
сочетании с существительными, связки быть и стать,
некоторые из вводных слов.

Замечательный советский плакат 50-х годов XX века – только вот ударение в этом слове трудноавато поставить..

Некоторые категории слов имеют помимо основно-
го добавочное, побочное ударение, которое обычно
находится на первом месте, а основное – на втором,

например: дрѣвнерусский. К таким словам относятся слова:

- 1) многосложные, а также сложные по составу (самолётостроение),
- 2) сложносокращенные (гостелецентр),
- 3) слова с приставками после-, сверх-, архи-, транс-, анти- и др. (трансатлантический, послеоктябрьский),
- 4) некоторые иноязычные слова (постскриптум, постфактум).

Тактовым ударением называется выделение в произношении более важного в смысловом отношении слова в пределах речевого такта. Например: Брожу ли я | вдоль улиц шумных, | вхожу ль | во многолюдный храм, | сижу ль | меж юношей безумных, | я предаюсь | моим мечтам.

Фразовым ударением называется выделение в произношении наиболее важного в смысловом отношении слова в пределах высказывания (фразы); таким ударением является одно из тактовых. В приведенном выше примере фразовое ударение падает на слово мечтам.

Тактовое и фразовое ударение называют также логическим.

Совершенно отдельного разговора требует разбор основных положений акцентологии русского языка – вопросы акцентов часто являются производными от нашей работы с ударением и нормами произношения слов.

Глава XI

Орфоэпия. Нормы произношения слов в русском языке

 логическим продолжением разговора об ударении нам кажется представление о таком уникальном разделе языкознания как орфоэпия.

Орфоэпия – происхождение слова вполне ясно – от греческих *orthos* «правильный» и *epos* «речь» – правильное произношение (орфография – правильное написание). Слово орфоэпия употребляется в науке в двух значениях:

- 1) система единых норм произношения в литературном языке;
- 2) наука (раздел фонетики), занимающаяся нормами произношения, их обоснованием и установлением.

Орфоэпические нормы называют также литературными произносительными нормами, так как они обслуживают именно литературный язык, т.е. язык, на котором говорят и пишут культурные люди. Литературный язык объединяет всех говорящих по-русски, он нужен для преодоления языковых различий между ними. А это значит, что у него должны быть строгие нормы: не только лексические – нормы употребления слов, не только грамматические, но и нормы орфоэпические. Различия в произношении, как и другие языковые различия, мешают людям при общении, переключая их внимание с того, о чем говорится, на то, как говорится.

Нормы произношения определяются фонетической системой языка. В каждом языке действуют свои фонетические законы, по которым произносятся слова. Например, в русском языке ударный звук [o] в безударном положении меняется на [a] (*в[o]ду* – *в[a]да*, *м[o]чит* – *м[a]чить*); после мягких согласных ударные гласные

[о, а, э] меняются на безударный звук [и] (*м[я]со – м[и]сной, в[ѣ]л – в[и]ла, л[е]з – вл[и]зати*); в конце слов звонкие согласные меняются на глухие (*ду[б]ы – ду[п]* и так далее. Такая же мена звонких на глухие происходит перед глухими согласными (*ру[б]ить – ру[п]кой, скользить – сколь[с]ко*), а глухие согласные перед звонкими меняются на звонкие (*ко[с]ить – козьба, моло[т]ить – мо-ло[д]ьба*). Изучением этих законов занимается фонетика.

Б. М. Кустодиев «Школа в Московской Руси». 1907 год.

Орфоэпические же нормы определяют выбор произносительных вариантов – если фонетическая система в данном случае допускает несколько возможностей. Так, в словах иноязычного происхождения, в принципе, согласный перед буквой *е* может произноситься как твердо, так и мягко, при этом орфоэпическая норма иногда требует твердого произношения (например, [дэ]када, [тэ]мн), иногда – мягкого (например [д'е]клация, [т'е]мперамент, му[з'е]й). Фонетическая система русского языка допускает как сочетание [шн], так и

сочетание [ч'н], ср. *було*[ч'н]ая и *було*[шн]ая, но орфоэпическая норма предписывает говорить *коне*[шн]о, а не *коне*[ч'н]о. Орфоэпия включает также нормы ударения: правильно произносить *документ*, а не *доку́мент*, *нача́ла*, а не *нача́ла*, *звони́т*, а не *звѡнит*, *алфави́т*, а не *алфѣвит*).

*Это та самая, первая «Литературная Энциклопедия»
в Советской России. 1925 год*

В основе русского литературного языка, а значит, и литературного произношения, лежит московское наречие. Так сложилось исторически: именно Москва стала

объединителем русских земель, центром русского государства. Поэтому фонетические черты московского наречия легли в основу орфоэпических норм. Если бы столицей русского государства стала не Москва, а, допустим, Новгород или Владимир, то литературной нормой было бы «оканье» (т.е. мы бы сейчас произносили *в[о]да*, а не *в[а]да*), а если бы столицей стала Рязань – «яканье» (т.е. мы говорили бы *в [л'а]с*, а не *в [л'и]с*).

Приобретая обобщенный характер, московское произношение явилось выражением общенационального. М. В. Ломоносов считал прямой основой литературного произношения московское «наречие»:

«Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается...»

Московские произносительные нормы передавались в другие экономические и культурные центры в качестве образца и там усваивались на почве местных диалектных особенностей. Так складывались особенности произношения, несвойственные московской орфоэпической норме. Наиболее четко выраженными были особенности произношения в Петербурге, культурном центре и столице России XVIII–XIX вв. В то же время и в московском произношении не было полного единства: существовали произносительные варианты, имевшие разную стилистическую окраску.

«Литературная энциклопедия», изданная в конце 20-х годов прошлого века сообщала:

... по мере распространения латинского языка в иноязычных провинциях Римской империи, а также по мере углубления разрыва между закрепленной в письме литературной его формой и произношением народных масс возникают орфоэпические справочники (Appendix Probi), в которых перечисляются случаи диалектального произношения, противоречащие установленной

орфоэпической норме («*plaustrum non plostrum*» и т. д.). Эпоха феодализма с ее отсутствием унифицированных литературных языков, с ее диалектальным дроблением, естественно, не знает проблемы орфоэпии. Зачатки орфоэпической унификации можно видеть лишь в попытках устранения в рыцарской поэзии наиболее ярких диалектизмов и создания частично сглаженного, но в основном все же диалектально окрашенного языка поэзии (ср. Paul, *Gab es eine mittelhochdeutsche Hofsprache*). Напротив, в эпоху создания унифицированных национальных языков (то есть в эпоху перехода соответствующих европейских народов на путь капиталистического развития) проблема орфоэпии приобретает все большее значение. При этом борьба за орфоэпическую унификацию языка направляется как против местных говоров — пережитков феодального районирования, — так и против узко групповых форм речи. Так, например, французские грамматикологи XVI-XVII веков, закрепляя орфоэпические нормы дворянско-буржуазного литературного языка, нападают не только на местные диалектизмы, но и на попытки придворной знати создать особое групповое произношение (ср. Nuyot, *Grammaire historique de la langue française*, v. I). В период окончательной победы буржуазии уже существующие орфоэпические нормы обычно сохраняются, подвергаясь лишь некоторым изменениям в сторону большего сближения с устной речью нового класса-гегемона и устранения некоторых архаизмов, культивировавшихся дворянской верхушкой. Так, в эпоху Великой французской революции получают орфоэпическое закрепление во французском литературном языке произношение дифтонга «oi», как «wa» (вместо «oe»), произношение так называемое *l mouillé* и т. п. (ср. Нуйот, *цит. соч.*; Сергиевский, *Влияние Великой французской революции на язык*, «Ученые записки РАН ИОН», т. I). В дальнейшем развитии национальных языков в буржуазных государствах наличествуют противоречивые тенденции, вызывающие и отсутствие полной орфоэпической унификации, ограничивающейся лишь образованными слоями общества.

С одной стороны, рост больших городов и промышленных центров очень скоро стирает всякие местные особенности произношения не только у господствующих, но и у эксплуатируемых классов. Капиталистическое государство в промышленно-развитых странах, заинтересованное в создании единого национального языка, через школы и иными путями в той или иной мере насаждает «правильное» произношение. С другой стороны, все углубляющийся разрыв между городом и деревней, недоступность образования для широких трудящихся масс, а также и прямая политика власти, поддерживающей узкие местные патриотизмы, способствует сохранению местных говоров и тем задерживает единство развития языка и произношения.

В истории русского литературного языка орфоэпическая норма уже ко времени Октябрьской революции в основном одержала верх над местными произношениями. Вряд ли кто станет в настоящее время защищать диалектальное произношение на о: «молодой», «хорошо» вместо литературного «маладой», «харашо» и т. п. Однако есть множество более мелких черт, которые упорно держатся и при этом не только у людей малообразованных, например твердое произношение звука «ч» на западе и на востоке, произношение «поля», «моря» вместо «поле», «море» — в центре и т. П. Но особенно много таких случаев разнообразия произношения, при которых трудно даже сказать, какой из вариантов является для литературного языка общепринятым, то есть «правильным». Таким образом, русская орфоэпия еще не вполне установилась. Корни этого — в прежней отсталости промышленного развития страны и в том, что русское диалектальное произношение не настолько глубоко разнообразно, чтобы затруднять взаимопонимание.

До революции обыкновенно считали «правильным» русским произношением московское произношение, сохранявшееся в старинных московских семьях. Однако уже и до революции начинало становиться ясным, что это произношение во многом отстает от жизни, а после Октября, в связи с полным изменением состава народонаселения Москвы, оно стало и для нее архаич-

ным. Жизнь требует создания новых орфоэпических норм, вытекающих из языковой практики современности, и при том не одной только Москвы, а всех новых культурных слоев, говорящих по-русски и создающих новую социалистическую культуру.

Не правда ли, довольно любопытен принцип придания политического и социального звучания вопросам произносительных норм различных языков? Однако стоит иметь в виду, что не все в данном, достаточно вульгарном подходе следует отмечать...

Орфоэпические правила предупреждают ошибку в произношении, отсекают недопустимые варианты. Варианты произношения, признаваемые неправильными, нелитературными, могут появляться под влиянием фонетики других языковых систем – территориальных диалектов, городского просторечия или близкородственных языков, преимущественно украинского. Мы знаем, что не все говорящие по-русски люди имеют одинаковое произношение. На севере России «окают» и «екают»: произносят *в[о]да, н[е]щ*), на юге – «акают» и «якают» (говорят *в[а]да, н[я]щ*), есть и другие фонетические различия.

У человека, не владеющего литературным языком с детства, а сознательно осваивающего литературное произношение, в речи могут встретиться произносительные черты, свойственные местному говору, который он усвоил в детстве. Например, выходцы с юга России часто сохраняют особое произношение звука [г] – они произносят на его месте звонкое [х] (звук, в транскрипции обозначаемый знаком [□]). Важно понимать, что такого рода произносительные черты являются нарушением норм только в системе литературного языка, а в системе территориальных диалектов они нормальны и правильны и соответствуют фонетическим законам этих диалектов.

Есть и другие источники нелитературного произношения. Если человек впервые встретил слово в письменном языке, в художественной или другой литературе, а до этого он никогда не слышал, как оно произносится, он может неправильно его прочесть, озвучить: на произношение может повлиять буквенный облик слова. Именно под влиянием написания появилось, например, произношение слова *чу[ф]ство* вместо правильного *чу[с]тво*, *[ч]то* вместо *[ш]то*, *помо[ш]ник* вместо *помо[ш]ник*.

*«Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией
Р. И. Аванесова*

Орфоэпическая норма не всегда утверждает как единственно правильный лишь один из произносительных вариантов, отвергая другой как ошибочный. В некоторых случаях она допускает варианты произношения. Литературным, правильным считается как про-

изношение *е[ж'ж']у*, *ви[ж'ж']ать* с мягким долгим звуком [ж'], так и *е[жж]у*, *ви[жж]ать* — с твердым долгим; правильно и *до[ж'ж']и*, и *до[жж]и*, и *ра[ш'ш']истить* и *ра[шш']истить*, и *[д]верь* и *[д']верь*, и *п[о]эзия* и *п[а]эзия*. Таким образом, в отличие от орфографических норм, предлагающих один вариант и запрещающих другие, орфоэпические нормы допускают варианты, которые либо оцениваются как равноправные, либо один вариант считается желательным, а другой допустимым. Например, «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова (1997) слово *бассейн* разрешает произносить и с мягким и с твердым [с], т.е. и *ба[с'с]ейн* и *ба[ссэ]йн*; в этом словаре предлагается произносить *манёвры*, *планёр*, но допускается и произношение *маневры* и *плэнер*.

Появление многих орфоэпических вариантов связано с развитием литературного языка. Произношение постепенно меняется. В начале XX в. говорили *а[н']гел*, *це[р']ковь*, *ве[р']х*, *пе[р']вый*. Да и сейчас в речи пожилых людей нередко можно встретить такое произношение. Очень быстро уходит из литературного языка твердое произношение согласного [с] в частице *—ся* (*сь*) (*смеял[с]а*, *встетили[с]*). В начале прошлого века это было нормой литературного языка, так же, как и твердые звуки [г, к, х] в прилагательных на *—кий*, *—гий*, *—хий* и в глаголах на *—кивать*, *—гивать*, *—хивать*. Слова *высокий*, *строгий*, *ветхий*, *вскакивать*, *подпрыгивать*, *страживать* произносили так, как если бы было написано *строгой*, *ветхой*, *вскаковать*, *подпрыговать*. Потом норма стала допускать оба варианта — старый и новый: и *смеял[с]а* и *смеял[с']я*, и *стро[г]ый* *стро[г']ой*. В результате изменений в литературном произношении появляются варианты, одни из которых характеризуют речь старшего поколения, другие — младшего.

В качестве обобщения, скажем, что наибольшие затруднения сегодня возникают у говорящих на русском языке как родном в следующих случаях:

1. Произнесение ударного гласного [ʼoɪ] или [э] после мягких согласных. Ничем не оправданное отсутствие в письменной речи буквы Ё часто служит причиной неверного произношения слов. Как вы произнесете слова: *гололедица*, *опека*, *маневры*, *шерстка*, *гренадер*, *оседлый*? При подобных затруднениях приходится обращаться к «Орфоэпическому словарю», где указано, что со звуком [ʼo] следует произносить слова *безнадёжный*, *осётр*, *ше́рстка*, *манёвры* (дополнительный вариант, как мы указали выше – *маневры*), *блѣклый* (и доп. *Блеклый*). Ударный звук [э] должен сохраняться в словах *гололедица*, *опека*, *гренадер*, *недоуменный*, *избег*.

2. Трудности могут возникать при выборе гласного после твердых шипящих в первом предупредном слове на месте буквы А. По современным нормам в этой позиции должен произноситься гласный первой степени редукции нижнего подъема среднего ряда, нелабиализованный, т.е. [Λ]. Однако действовавшие еще в середине нашего века нормы старомосковского произношения требовали, чтобы в этой позиции был употреблен звук [ыʲ], т.е. считалось верным такое произношение слов:

жара – [жыʲраɪ], шары – [шыʲрыɪ],
шалун – [шыʲлуɪɪ], шантаж – [шыʲнташ].

Эту норму можно в настоящее время считать устаревшей. Однако ни одна ранее действовавшая в речи норма не исчезает, не оставив исключений, своего рода речевых атавизмов, в которых по традиции сохраняется старое произношение. Таким исключением в русском языке стало произношение слов:

жалеть – [жыʲлʼ]еть, жасмин – [жыʲс]мин,
лошадей – ло[шыʲ]дей, жакет – [жы]кет,

а также числительных 20 и 30 в косвенных падежах:
двадцати — двад[цѣ]ти.

Напротив, после мягких шипящих, как и после любых мягких согласных, в позиции первой степени редукции не должен появляться звук [Λ], но только [иʲ]. Следовательно, надо произносить слова таким образом:

Орфографическая запись	Верное произношение	Неверное произношение
Щавель	[шʲиʲвʲклʲ]	[шʲʌвʲклʲ]
Часы	[чʲиʲсы]	[чʲʌсы]
Чашоба	[чʲиʲшʲʰогѡ]	[чʲʌшʲʰогѡ]
Зачастую	[зѣчʲиʲстуѡу]	[зѣчʲʌстуѡу]

В области согласных орфоэпические нормы регламентируют такие случаи произношения:

а) Замена в некоторых словах [г] взрывного на [ґ] фрикативное (как в украинском языке). Звук [ґ] рекомендуется произносить в словах *бухгалтер, господи, у бога, ага*.

Б) Произношение долгого твердого согласного [ж] на месте букв *жж, жж*. Лишь в некоторых словах у ряда носителей языка (чаще всего у интеллигентов пожилого возраста) сохранился старомосковский вариант произношения с долгим мягким согласным [жʲ] в таких словах, как *фрозжи, брызжет, визжать, дребезжать, брызжать, возжи, ежу, позже, дожди, дождик*. Надо отметить, что такие варианты произношения все более выходят из употребления.

В) Произношение сочетания ЧН как [шн] или [чн]. В современном русском языке отмечается тенденция к сближению произношения с написанием, и вариант [шн] на месте орфографического ЧН как обязательная

и единственная орфоэпическая норма отмечается лишь для некоторых слов: *конечно, скучно, яичница, скворечник, прачечная, горчичник, нарочно* (ср. явно устаревшие для современного языка варианты произношения, отмеченные в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова: *молочник – моло[шн]ик, коричневый – кори[шн]евый, гречневый – гре[шн]евый*).

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

Поскольку старая орфоэпическая норма исчезает из языка достаточно медленно, возникают параллельные произносительные варианты: *горни[чн]ая – горни[шн]ая, полуно[чн]ик – полуно[шн]ик, двое[шн]ик – двое[чн]ик, порядо[чн]ый – порядо[шн]ый*. В последние годы появилась тенденция произносить с [чн] женские отчества: *Ильинична, Кузьминична, Никитична* и др., которые совсем недавно рекомендовалось произносить только через [шн].

В некоторых словах разное произношение различает слова семантически: *пере[чн]ица* – «столовый прибор», *старая пере[шн]ица* (разг.-просторечн.) – устойчивый оборот с неодобрительной оценкой лица; *серде[чн]ые капли*, *серде[чн]ый приступ* – «связанный с сердцем как внутренним органом», *серде[шн]ый друг* – «близкий, родной».

Со звуком [ш] произносится и сочетание ЧТ в словах *что, чтобы, кое-что* (но: *почта, мачта* и многие другие слова – только с [чт]).

Г) Произношение мягких согласных в конце слова, которые иногда под действием просторечия или диалектной речи неправомерно заменяются твердыми согласными: *семь, восемь, очень, теперь, вепрь*.

Д) Произношение согласных на месте удвоенных букв может быть долгим (*касса – ка[с]а*) или кратким (*суббота – су[б]ота*).

Долгий согласный должен произноситься в следующих случаях:

- на месте интервокальной группы согласных после ударения: *вагнна, гагмма, из клагсса*;
- на стыке приставки и корня, предлога и знаменательного слова: *рассердился, беззлобный, с собакай*.

Краткий согласный произносится:

- в интервокальной группе перед ударением, кроме случаев, отмеченных выше: *суббота, иллюминация, терраса, территория*;
- на месте удвоенной согласной в положении перед согласными: *классный, программный, группка*.

Достаточно серьезные проблемы возникают и с произношением заимствованных слов:

Основная часть слов иноязычного происхождения фонетически освоена нашим литературным языком, и произношение в них гласных и согласных звуков подчиняется законам русской орфоэпии (*мотив, аромат, координация, академия, терапевт*). Лишь немногие

заимствованные слова не русифицировались полностью, и в их произношении есть отступления от действующих в русском языке законов. Эти отступления заключаются в следующем:

Произношение звука [о] в безударном положении: *бордо* – [бордо^т], *досье* – [дос'је^т], *боле^тро* – [бол'э^тро^т], *модерато* – [модэ^трато^т]. Это по преимуществу слова книжного стиля.

Ослабленный безударный звук [о^а] произносится в некоторых заимствованных именах собственных: *Одиссей*, *Долорес*, *Россини*, *Орджоникидзе*, *Орфей*, *Отелло*.

Произношение твердых согласных перед гласным [э]. В ряде слов рекомендуется твердое произношение: *атеизм*, *отель*, *тембр*, *стенд*, *термос*, *ателье*, *эстетика*, *шоссе*, *каба^те*, *реквием*; в других словах согласные обязательно смягчаются перед [э]: *шинель*, *реклама*, *рейс*, *агрессор*, *эффет*, *берет*, *Одесса*. Возможно сосуществование двух произносительных вариантов: [д']еп^то и [д]эп^то, [д']екан – [д]экан, бан[д']ероль и бан[д]ероль.

Такая сложная картина произношения согласных звуков перед [э] объясняется следующим образом. До сравнительно недавнего времени (2 – 3 десятилетия назад) в русском языке позиция парных по мягкости-твердости согласных перед звуком [э] была слабой, т.е. все парные согласные перед [э] могли произноситься только мягко. Этот фонетический закон подверг своему действию и заимствованные слова, которые сначала (в соответствии с языком-источником) произносились с твердым согласным перед [э]. Существовала тенденция к смягчению согласных перед [э] во многих иноязычных словах. Однако в самом русском языке в это время формируется новая фонетическая позиция: перед [э] могут стоять как мягкие, так и твердые согласные, т.е. эта позиция для согласных звуков становится сильной по твердости-мягкости. Причиной этого стало появле-

ние большого количества истинно русских слов с твердыми согласными перед [э]. Большой частью это были буквенные аббревиатуры: ЭВМ, МТС, ИДВ (*Институт Дальнего Востока*), КПД(=*кпд*) (*коэффициент полезного действия*), КПЗ (*камера предварительного заключения и др.*). В настоящее время произношение твердого или мягкого согласного перед [э] для многих слов стало их индивидуальной характеристикой, и для получения верных рекомендаций следует обращаться к «Орфоэпическому словарю».

Искажение заимствованных слов (неправомерное выпадение, вставка или замена звуков):

Верно	Неверно
Инициатива	Инциатива
Инициалы	Инциалы
Дерматин	Дермантин
Констати- ровать	Константиро- вать
Компромети- ровать	Компроменти- ровать
Мармелад	Мармалад
Электрифика- ция	Электрофика- ция
Бидон	Битон
Прецедент	Прецедент
Инцидент	Инцидент

В зависимости от содержания речи и условий ее произнесения принято различать 3 произносительных стиля: высокий; нейтральный и разговорный. За пределами литературного языка остается просторечный произносительный стиль, которым образованный человек обычно не пользуется.

В основе разграничения названных произносительных стилей лежат три критерия: условия коммуникации, четкость и полнота произнесения всех звуков в словах, темп речи.

Высокий произносительный стиль используется при публичных выступлениях, при официальном сообщении важной информации, при чтении поэтических произведений. Высокий стиль иначе называют полным вследствие того, что все необходимые звуки в словах при такой манере речи произносятся предельно отчетливо: *Здравствуйте, Александр Александрович!* – [здрaгствуйт'ь | Ал'и'ксaндр ал'и'ксaндр'ъв'ич' | |]. Для этого стиля обычно характерен чуть замедленный темп речи. Своеобразное исключение представляет собой речь дикторов радио и телевидения, в которой полнота произнесения звуков сочетается с очень быстрым темпом речи. Для высокого произносительного стиля может быть свойствен безударный [о] в словах иноязычного происхождения: [пoзгт], [нoкт'угри], [coнэгт].

Нейтральный орфоэпический стиль – это стиль нашей повседневной речи, не отличающейся эмоциями. Он одинаково хорошо приемлем и в официальной обстановке, и в кругу знакомых. Темп речи – средний, достаточно ровный. Характерно незначительное выпадение звуков: *Здравствуйте, Александр Александрович!* – [здрaс'т'ь | Ал'и'ксaндр Ал'и'ксaндр'ьч' | |].

Сфера употребления *разговорного, или неполного, произносительного стиля* – живая, эмоциональная, неофициальная, непринужденная речь. Характерна смена темпа, «сокращение» слов в результате выпадения звуков: *Здравствуйте, Александр Александрович!* – [здрaгс' | сaгн сагныч' | |]. Такую особенность устной речи нельзя считать ее недостатком. Однако при этом надо помнить о двух вещах: об уместности использования той или иной манеры речи именно в данной ситуации и о по-

нятности речи. При пропуске звуков в слове нельзя допускать потери смысла, уподобляясь герою фельетона, ответившему пассажиру, обратившемуся в справочное бюро: *Обра ся се кно*. Мало кто из нас поймет, что это означает *Обращайтесь в соседнее окно*.

Государственный Академический Малый театр. Москва

Владение языком состоит в том, чтобы умело пользоваться всеми тремя орфоэпическими стилями, выбирая каждый раз наиболее коммуникативно целесообразный вариант произношения.

Орфоэпические нормы устанавливаются и мастерами слова, и актерами (действительно, традиционно, нормативы русской орфоэпии брали свое начало ...со сцены, да-да, грамотное произношение считалось произношением артистов Московского Малого театра имени А. Н. Островского!) и, конечно же, учеными – специалистами в области фонетики. На основании

чего лингвисты решают, какой вариант следует отвергнуть, а какой одобрить? Кодификаторы орфоэпии взвешивают все «за» и «против» каждого из встречающихся вариантов, при этом, принимая во внимание разные факторы: распространенность произносительного варианта, его соответствие объективным законам развития языка (т.е. смотрят, какой вариант обречен, а у какого есть будущее). Они устанавливают относительную силу каждого довода за произносительный вариант. Например, распространенность варианта важна, но это не самый сильный довод в его пользу: бывают и распространенные ошибки. Кроме того, специалисты по орфоэпии не спешат утвердить новый вариант, придерживаясь разумного консерватизма: литературное произношение не должно меняться слишком быстро, оно должно быть устойчиво, ведь литературный язык связывает поколения, объединяет людей не только в пространстве, но и во времени. Поэтому рекомендовать надо традиционную, но живую норму, хотя бы она и не была наиболее распространенной.

Можно добавить, что с XIX в. рифма в отечественной поэзии орфоэпична и не зависит от орфографии рифмуемых слов:

*И от берега крутого (крутова)
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова,
За могилкой и крестом.
(А. Пушкин)*

*Как не грех тебе захожего (захожева)
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать.
(Н. Некрасов)*

Большую нормализаторскую роль в упорядочении русского произношения (и написания, и образования грамматических форм, и толкования семантики слова) сыграл уже неоднократно упоминаемый «Толковый словарь русского языка» в четырех томах Д. Н. Ушакова.

Сегодня появилось достаточно много словарей и справочников, помогающих уточнить фонетический облик слова или словоформы. Большая часть основана на уже известных в России словарях.

В завершение скажем о двух основных тенденциях современного этапа развития орфоэпических норм:

- стремление к упрощению трудных орфоэпических правил;
- сближение произношения с написанием (разумеется, это не относится к основным произносительным нормам, но касается только некоторых случаев).

Мы говорили о нормах – резюмируем и это:

Языковые нормы (нормы литературного языка, литературные нормы) – это правила использования языковых средств в определенный период развития литературного языка, т.е. правила произношения, правописания, словоупотребления, грамматики. Норма – это образец единообразного, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений).

Языковое явление считается нормативным, если оно характеризуется такими признаками, как:

- соответствие структуре языка;
- массовая и регулярная воспроизводимость в процессе речевой деятельности большинства говорящих;
- общественное одобрение и признание.

Языковые нормы не придуманы филологами, они отражают определенный этап в развитии литературного

языка всего народа. Нормы языка нельзя ввести или отменить указом, их невозможно реформировать административным путем. Деятельность ученых-языковедов, изучающих нормы языка, заключается в другом: они выявляют, описывают и кодифицируют языковые нормы, а также разъясняют и пропагандируют их.

К основным источникам языковой нормы относятся:

- произведения писателей-классиков;
- произведения современных писателей, продолжающих классические традиции;
- публикации средств массовой информации;
- общепринятое современное употребление;
- данные лингвистических исследований.

Характерными чертами языковых норм являются:

- относительная устойчивость;
- распространенность;
- общеупотребительность;
- общеобязательность;
- соответствие употреблению, обычаю и возможностям языковой системы.

Нормы помогают литературному языку сохранять свою целостность и общепонятность. Они защищают литературный язык от потока диалектной речи, социальных и профессиональных жаргонов, просторечия. Это позволяет литературному языку выполнять одну из важнейших функций – культурную.

Речевой нормой называется совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации.

Нормированность речи – это ее соответствие литературно-языковому идеалу. Указанное свойство нормы было отмечено профессором А. М. Пешковским, который писал: «Существование языкового и д е а л а у го-

ворящих, — вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во всё время его существования». Профессор С. И. Ожегов подчеркивал социальную сторону понятия нормы, складывающейся из отбора языковых элементов — наличных, образуемых вновь и извлекаемых из пассивного запаса. Он обращал внимание на то, что нормы поддерживаются общественно-речевой практикой (художественной литературой, сценической речью, радиовещанием). В 60–80-е гг. XX в. литературные произведения и радиопередачи действительно могли служить образцом нормативного употребления. На сегодняшний день ситуация изменилась. Не всякое литературное произведение и не всякая передача по радио и телевидению могут служить образцом нормативного употребления языка. Сфера строгого следования нормам языка значительно сузилась, лишь некоторые передачи и периодические издания могут быть использованы как примеры литературно-нормированной речи.

Профессор Б. Н. Головин определял норму как функциональное свойство знаков языка: «Норма — это свойство функционирующей структуры языка, создаваемое применяющим его коллективом благодаря постоянно действующей потребности в лучшем взаимном понимании».

Языковая система, находясь в постоянном использовании, создается и видоизменяется коллективными усилиями тех, кто ею пользуется... Новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы языка, но работающее, функционально целесообразное, ведет к перестройке в нем, а каждое очередное состояние языковой системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта. Таким образом, язык в процессе речевого функционирования развивается, изменяется, и

на каждом этапе этого развития языковая система с неизбежностью содержит в себе элементы, которые не завершили процесс изменения. Поэтому различные колебания, варианты неизбежны в любом языке.

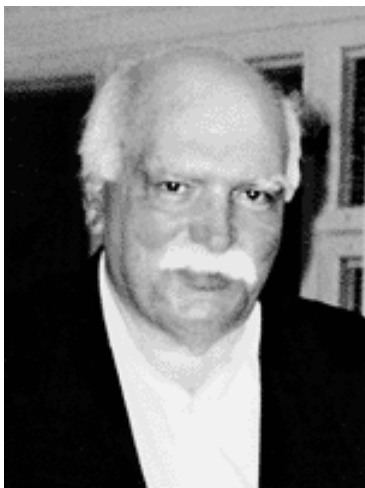
Постоянное развитие языка ведет к изменению литературных норм. То, что было нормой в прошлом столетии и даже 15–20 лет назад, сегодня может стать отклонением от нее. Так, например, в соответствии с «Толковым словарем русского языка» (1935–1940) слова *закусочная*, *игрушечный*, *булочная*, *будничный*, *нарочно*, *порядочно*, *сливочный*, *яблочный*, *яичница* произносились со звуками [шн]. По данным «Орфоэпического словаря русского языка» в 1983 году, такое произношение в качестве единственной (строго обязательной) нормы сохранилось только в словах *нарочно*, *яичница*. В словах *булочная*, *порядочно* наряду с традиционным произношением [шн] признано допустимым новое произношение [чн]. В словах *будничный*, *яблочный* новое произношение рекомендуется в качестве основного варианта, а старое допускается в качестве возможного варианта. В слове *сливочный* произношение [шн] признается хотя и допустимым, но устаревшим вариантом, а в словах *закусочная*, *игрушечный* новое произношение [чн] стало единственно возможным нормативным вариантом. На этом примере хорошо видно, что в истории литературного языка возможны:

- сохранение старой нормы;
- конкуренция двух вариантов, при которой словари рекомендуют традиционный вариант;
- конкуренция вариантов, при которой словари рекомендуют новый вариант;
- утверждение нового варианта в качестве единственно нормативного.

В истории языка изменяются не только орфоэпические, но и все другие нормы.

Примером изменения лексической нормы могут служить слова *дипломант* и *абитуриент*.

В 30–40-е гг. XX в. слово дипломант обозначало студента, выполняющего дипломную работу, а слово дипломник было разговорным (стилистическим) вариантом слова дипломант. В литературной норме 50–60-х гг. произошло разграничение в употреблении этих слов: словом дипломник стали называть студента в период подготовки и защиты дипломной работы (оно утратило стилистическую окраску разговорного слова), а слово дипломант стало употребляться для наименования победителей конкурсов, смотров, соревнований, отмеченных дипломом победителя.

Юлий Абрамович Бельчиков

Слово абитуриент в 30–40-е гг. XX в. употреблялось как обозначение тех, кто оканчивал среднюю школу, и тех, кто поступал в вуз, так как оба эти понятия во многих случаях относятся к одному и тому же лицу. В 50-е гг. XX в. за оканчивающими среднюю школу закрепилось слово выпускник, а слово абитуриент в этом значении вышло из употребления.

Изменяются в языке и грамматические нормы. В литературе XIX в. и разговорной речи того времени употреблялись

слова георгина, зала, рояля — это были слова женского рода. В современном русском языке нормой является употребление этих слов, как слов мужского рода — георгин, зал, рояль.

Примером изменения стилистических норм является вхождение в литературный язык диалектных и просторечных слов, например, забияка, нытик, подоплека, свистопляска, шумиха. Как пишет профессор Ю. А. Бельчиков¹⁶⁸, «для русского литературного языка характерно интенсивное взаимодействие с просторечием (постоянное пополнение главным образом лексики и фразеологии, выразительных, синонимических средств)... Известная часть заимствований из народно-разговорного языка органически включается в лексико-фразеологический состав литературной речи, в его стилистическую структуру, становясь достоянием не только разговорной, но и книжной речи».

Каждое новое поколение опирается на уже существующие тексты, устойчивые обороты речи, способы оформления мысли. Из языка этих текстов оно выбирает наиболее подходящие слова и обороты речи, берет из выработанного предшествующими поколениями актуальное для себя, привнося свое, чтобы выразить новые идеи, представления, новое видение мира. Естественно, новые поколения отказываются от того, что кажется архаичным, не созвучным новой манере формулировать мысль, передавать свои чувства, отношение к людям и событиям. Иногда они возвращаются к архаичным формам, придавая им новое содержание, новые ракурсы осмысления.

В каждую историческую эпоху норма представляет собой сложное явление и существует в довольно непростых условиях. Об этом писал еще в 1909 году В. П. Чернышев: «В языке всякой определенной эпохи для ее современников много неясного: слагающегося, но не сложившегося, вымиравшего, но не вымершего, входящего вновь, но не утвердившегося».

Кроме того, необходимо уточнить:

В литературном языке различают следующие **типы норм**:

- нормы письменной и устной форм речи;
- нормы письменной речи;
- нормы устной речи.

К нормам, общим для устной и письменной речи, относятся:

- лексические нормы;
- грамматические нормы;
- стилистические нормы.

Специальными нормами письменной речи являются:

- нормы орфографии;
- нормы пунктуации.

Только к устной речи применимы:

- нормы произношения;
- нормы ударения;
- интонационные нормы.

Нормы, общие для устной и письменной речи, касаются языкового содержания и построения текстов.

Лексические нормы, или нормы словоупотребления, — это нормы, определяющие правильность выбора слова из ряда единиц, близких ему по значению или по форме, а также употребление его в тех значениях, которые оно имеет в литературном языке.

Лексические нормы отражаются в толковых словарях, словарях иностранных слов, терминологических словарях и справочниках.

Соблюдение лексических норм — важнейшее условие точности речи и ее правильности. Их нарушение приводит к лексическим ошибкам разного типа (примеры ошибок из сочинений абитуриентов):

- неправильный выбор слова из ряда единиц, в том числе смешение паронимов, неточный выбор синонима, неправильный выбор единицы семантического поля (костяной тип мышления, проанализировать жизнедеятельность писателей, николаевская агрессия, Россия переживала в те годы много казусов во внутренней и внешней политике);

- нарушение норм лексической сочетаемости (стадо зайцев, под гнетом гуманности, тайный занавес, закоренелые устои, прошел все стадии развития человека);
- противоречие между замыслом говорящего и эмоционально-оценочными коннотациями слова (Пушкин правильно выбрал дорогу жизни и пошел по ней, оставляя несмыслимые следы; Он внес непосильный вклад в развитие России);
- употребление анахронизмов (Ломоносов поступил в институт; Раскольников учился в вузе);
- смешение лингвокультурологических реалий (Ломоносов жил за сотни миль от столицы);
- неверное употребление фразеологических оборотов (Молодость была из него ключом; Надо вывести его на свежую воду).

Грамматические нормы делятся на словообразовательные, морфологические и синтаксические. Грамматические нормы описаны в «Русской грамматике» (1980), подготовленной Академией наук, в учебниках русского языка и грамматических справочниках.

Словообразовательные нормы определяют порядок соединения частей слова, образования новых слов. Словообразовательной ошибкой является употребление несуществующих производных слов вместо существующих производных слов с другим аффиксом, например, описывание характера, продажность, беспросвет, произведения писателя отличаются глубиной и правдивостью.

Морфологические нормы требуют правильного образования грамматических форм слов разных частей речи (форм рода, числа, кратких форм и степеней сравнения прилагательных и др.). Типичным нарушением морфологических норм является употребление слова в несуществующей или несоответствующей контексту словоизменительной форме (проанализированный образ, царящиеся порядки, победа над фашизмами, назвал Плюшкина прорежам). Иногда можно услышать такие словосочетания: железнодорожная рельса, импортная шампунь, заказной бандероль, лакированный туфель. В этих словосоче-

таниях допущена морфологическая ошибка — неправильно оформлен род имен существительных.

Синтаксические нормы предписывают правильное построение основных синтаксических единиц — словосочетаний и предложений. Эти нормы включают правила согласования слов и синтаксического управления, соотнесения частей предложения друг с другом с помощью грамматических форм слов с той целью, чтобы предложение было грамотным и осмысленным высказыванием. Нарушение синтаксических норм имеется в следующих примерах: Читая ее, возникает вопрос; Поэме характерен синтез лирического и эпического начал; Выйдя за-муж за его брата, никто из детей не родился живым.

Стилистические нормы определяют употребление языковых средств в соответствии с законами жанра, особенностями функционального стиля и — шире — с целью и условиями общения. Немотивированное употребление в тексте слов другой стилистической окраски вызывает стилистические ошибки. Стилистические нормы зафиксированы в толковых словарях в качестве специальных помет, комментируются в учебниках по стилистике русского языка и культуре речи.

Стилистические ошибки состоят в нарушении стилистических норм, включении в текст единиц, не соответствующих стилю и жанру текста. Наиболее типичными стилистическими ошибками являются:

- стилистическая неуместность (заикликивается, царский беспредел, пофигист, любовный конфликт обрисован во всей красе — в тексте сочинения, в деловом документе, в аналитической статье);
- употребление громоздких, неудачных метафор (Пушкин и Лермонтов — два луча света в темном царстве; Этим цветам — посланникам природы — неведомо, что за буйное сердце бьется в груди под каменными плитами!; Имел ли он право отрезать эту ниточку жизни, которую не сам подвесил?);
- лексическая недостаточность (Меня до глубины волнует этот вопрос);

- *лексическая избыточность* (Он их будит, чтобы они проснулись; Надо обратиться к периоду их жизни, то есть к тому периоду времени, когда они жили; Пушкин – поэт с большой буквы этого слова);

- *двузначность* (Во время того, как Обломов спал, многие готовились к его пробуждению; Единственное развлечение Обломова – Захар; Есенин, сохраняя традиции, но как-то не так любит прекрасный женский пол; Все действия и отношения между Ольгой и Обломовым были неполными).

Нормы орфографии – это правила обозначения слов на письме. Они включают правила обозначения звуков буквами, правила слитного, дефисного и раздельного написания слов, правила употребления прописных (заглавных) букв и графических сокращений, правила переноса слов.

Нормы пунктуации определяют употребление знаков препинания. Средства пунктуации имеют следующие функции:

- *ограничение в письменном тексте одной синтаксической структуры (или ее элемента) от другой;*
- *фиксация в тексте левой и правой границ синтаксической структуры или ее элемента;*
- *объединение в тексте нескольких синтаксических структур в одно целое.*

Нормы орфографии и пунктуации закреплены в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956), единственном наиболее полном и официально утвержденном своде правил правописания. На основе указанных правил составлены различные справочники по орфографии и пунктуации, наиболее авторитетным среди которых считается «Справочник по орфографии и пунктуации» Д. Э. Розенталя, неоднократно переиздававшийся, в отличие от самого официального свода правил, изданного дважды – в 1956 и 1962 гг.

Орфоэпические нормы включают нормы произношения, ударения и интонации. Соблюдение орфоэпических норм является важной частью культуры речи, так как их нарушение создает у слушателей неприятное впечатление о речи и самом

говорящем, отвлекает от восприятия содержания речи. Орфоэпические нормы зафиксированы в орфоэпических словарях русского языка и словарях ударений. Интонационные нормы описаны в «Русской грамматике» (1980) и учебниках русского языка.

Несомненно, следует сказать о произношении географических названий, имен и фамилий зарубежного происхождения – к сожалению, здесь практически отсутствует нормирование – произношение становится лишь традиционным и подчас совершенно игнорирует произношение того или иного слова и ударения в нем на языке оригинала – мы просто сохраняем то старинное, что был принесено переводчиками, журналистами и т.д. Отсюда и доктор Ватсон и Вильям Шекспир, Вашингтон и Ашхабад. Та борьба, которая началась с перестройкой, когда ряд бывших союзных республик пытался установить нормы написания и произношения в соответствии с собственными языковыми тенденциями и традициями, порой, напоминало лишь странную возню, усиленную политическими амбициями... И длилось это довольно долго, и с переменным успехом... И не всегда победа оказывалась, кстати, за русскими произносительными нормами, так что есть у нас и Алматы, и Таллинн и пр. А вот проблемы с английскими ударениями так и остались, и манерным выгляди стремление англизировать речь, и произнести слово Флорида с другим ударением...

Еще один из труднейших моментов в русской орфоэпии является как образование, так и правильное произношение слов, обозначающих жителей той или иной местности. Традиции? Нормы? Принципы? Тогда попробуйте назвать правильно жителей Воронежа и Находки, Кривого рога, Петропавловска и Владивостока... И примеров таких не счесть!

И позволим себе напомнить: в апреле 1917 года А. Блок пишет в письме к матери: «Если история будет продолжать свои чрезвычайные игры, то, пожалуй, все люди отобьются от дела, и культура погибнет окончательно...»

Александр Блок в первые годы революции

Глубоко любящий свою родину поэт метался в предчувствии гибели русской культуры. Но, преодолевая и время, и самую вечность, не стремясь убежать от жизненных тягот, он всей душой пытался утвердиться в заветных думах и надеждах: ... «и невозможное возможно»...

Очень досадно, что ушла из нашей жизни потребность говорить тонким и даже изысканным языком на-

ших великих классиков. Нашу словесность сегодня уж никак не назовешь изящной. А когда-то... Сама манера произношения, лексическая тонкость речи тургеневских и чеховских героев отличалась особенной деликатностью, тактом и глубоким уважением к душевному состоянию собеседника. Отсюда особый подбор слов, чутье к звучанию собственной речи. Из нашей лексики навсегда ушли в прошлое тысячи прекрасных слов и словосочетаний, масса великолепных эпитетов, сравнений, метафор и пр. с бесконечным количеством оттенков и нюансов, рожденных в великих творениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. А. Григорьева, А. А. Блока и многих, многих других.

Гармонические мелодии слов, внесенные ими в мир, проявляли свое неожиданное могущество: красотой и великолепием они испытывали человеческие сердца и вызывали к жизни поток прекрасных человеческих чувств.

Глава XII

Нормативные словари и основные принципы работы с ними

Начать разговор о словарях, по нашему мнению, было бы неплохо с цитаты: *«Словарь — это вся вселенная в алфавитном порядке! Если хорошенько подумать, словарь — это книга книг. Он включает в себя все другие книги. Нужно лишь извлечь их из нее»* (А. Франс¹⁶⁹).

Анатоль Франс

Итак, словари — объект и предмет огромнейшего раздела языкознания, называемого лексикографией (от греч. *Lexikos* — относящийся к слову и *grapho* — пишу). Теперь мы будем знать, что это — теория и практика создания словарей, и в первую очередь словарей языковых. Языковые (лингвистические, филологические) словари посвящены словам как единицам речи. Являясь важным научным пособием для различных разделов лингвистики, языковые словари имеют, кроме того,

большое практическое значение. И это значение заключается, прежде всего, в том, что они дают возможность быстро и эффективно ориентироваться в огромном и сложном организме лексики, содействуя тем самым поддержанию норм литературного языка, повышению правильности, выразительности и точности индивидуальной речи его носителей.

В настоящее время словари являются, вероятно, самыми популярными справочными книгами. Они настолько прочно вошли в нашу жизнь, в учебный процесс, что трудно найти человека, который не имел бы представления о значении самого слова «словарь». Однако что же такое словарь?

Словарем называют справочное издание, содержащее упорядоченный перечень языковых единиц (слов, словосочетаний, фраз, терминов, имен, знаков), снабженных относящимися к ним справочными данными. В структурном отношении словарное издание характеризуется расчлененным расположением материала: каждому слову или группе слов посвящается независимый отрезок текста, составляющий словарную статью. Словарная статья является структурной единицей словаря, она включает заглавное слово и его пояснение (определение, толкование, эквиваленты на других языках и др.). Статья может быть сплошной или делиться на зоны основной и дополнительной информации. Так, в толковом словаре произношение слова, этимология, его синонимы и т.п. являются дополнительной информацией. В этимологическом словаре, наоборот, дополнительной информацией может быть толкование слова.

Важнейшие функции словарей (прежде всего языковых) – информативная (позволяют кратчайшим путем приобщиться к знаниям), коммуникативная (дают знания о словарном составе родного или чужого языка

как о средстве общения) и нормативная (фиксируют значения слов, закрепляют языковую норму).

Значительный опыт систематизации языковых словарей, обширные данные по их составлению и описанию накоплены в лексикографии. Теоретическая лексикография охватывает, в частности, следующие проблемы: разработка общей типологии словарей и словарей новых типов; разработка макроструктуры словаря (отбор лексики, принципы расположения слов и словарных статей, выделение омонимов и пр.); разработка микроструктуры словаря, т.е. отдельной словарной статьи (выделение и классификация значений, типы словарных определений, типы языковых иллюстраций, система помет и др.). Достижения практической лексикографии (словарного дела) теснейшим образом связаны с практикой редакторской подготовки словарных изданий и находят отражение в реальных редакторских решениях.

В общей лексикографии под словарем понимается «справочная книга, которая содержит слова (или морфемы, словосочетания, идиомы и т.п.), расположенные в определенном порядке (различном в разных типах словарей), объясняет значения описываемых единиц, дает различную информацию о них или их перевод на другой язык либо сообщает сведения о предметах, обозначаемых ими». Так же как и в приведенном выше определении (по ГОСТ 7.60–90), здесь содержится указание на структуру словаря (способ «упорядочения» языковых единиц), характер информации (лингвистическая, экстралингвистическая), но не оговаривается объем характеристики слова. Оба определения позволяют рассматривать в качестве словарей все разновидности словарных изданий. По характеру информации, статусу объекта описания, характеризующим аспектам слова или словосочетания выделяются три группы словарей: языковые, терминологические, энциклопедические.

Языковые (лингвистические) словари описывают лексико-семантическую структуру языка. Отражая реальное бытие слова в языке и речи, они выводят его значения из употреблений в разнообразных контекстах, сопровождают слово пометами и уточнениями, примерами и иллюстрациями с показом ситуаций, в которых слово используется. Языковые словари служат целям описания и нормализации языка, содействуют повышению точности и выразительности речи его носителей.

Если же обратиться за ответом на этот вопрос к известному словарю С. И. Ожегова, то можно прочитать: *«Словарь – сборник слов в алфавитном порядке, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык»*. И действительно, это определение не противоречит нашему повседневному опыту.

Необходимым элементом любого словаря (так же как и алфавитной энциклопедии) является словник – перечень каких-либо языковых единиц (слов, словосочетаний, фраз, терминов и пр.), расположенных в алфавитном или систематическом порядке, который подготавливается для работы над словарем (энциклопедией). Словник представляет собой полный перечень статей, предназначенных для опубликования, с указанием их объема. Кроме того, это и перечень заглавных слов, обозначающих объекты описания, т. е. слов, подлежащих разъяснению, толкованию. Словарное издание в общем виде представляет собой совокупность статей, каждая из которых создает иллюстрацию к заглавному слову (термину).

рубль

род. п. -бля, народн. *рубель*, др.-русск. *рубль* "обрубок, затычка", "название денежной единицы", с 1316 г., вместо *гривны* (см.), которая в Новгороде весила в слитке 196 гр.; с середины XV в. принят в московской денежной системе, см. Бауэр у Шрёттера 575 и сл.; Федоров, Кратк. Сообщ. 16, 114 и сл.; Срезн. III, 182; Шахматов, Дв. грам., в ряде мест. От *рубить*, т. е. "обрубок гривны", см. Ягич, AfsIPh 31, 314; RS 3, 384; Кребе, AfsIPh 31, 314; Шрадер — Неринг 1, 379; Преобр. I, 220; Соболевский, ИРЯ 2, 347; Бауэр, Федоров, там же. Относительно знач. ср. *полтина*, *карбованец*. Ошибочно весьма распространенное толкование из перс. *purie* "название золотой монеты", араб. *rub'iyye* — то же, источник которых видят в др.-инд. [см. образ](#) "обработанное серебро", вопреки Сенковскому (Библиот. для чтения 1854; см. Преобр. II, 220), а также Мл. EW (281), Локочу (138), Клюге-Гётце (489), Гроту (Фил. Раз. 2, 368); см. об этом Соболевский, там же. Ср. в последнее время Ряснян, "Central Asiatic Journal", 1, 1955, стр. 292 и сл.

Фрагмент словарной статьи (словарь М.Фасмера)

Словари являются чрезвычайно разнообразным массивом изданий, выделяясь по целому ряду характеристик, которые нередко пересекаются, дополняют друг друга. Так, в лексикографии принято дифференцировать языковые словари, в частности,

- по отбору лексики — общие, охватывающие всю лексику языка (тезаурусы);
- частные, отражающие отдельные ее пласты (диалектные, просторечные, арго, языка писателя и др.) либо особые разновидности слов (архаизмов, неологизмов, редких слов, сокращений, иностранных слов и др.);
- по способу описания слова — раскрывающие те или иные аспекты слов и отношений между ними (этимологические, словообразовательные, орфографические, орфоэпические, синонимические и др.);
- по единице (объекту) лексикографического описания — описывающие единицы меньше слова (словари корней, морфем), больше слова (словари словосочетаний, фразеологизмов, цитат) либо совпадающие со словом;

- по расположению материала – идеографические, аналогические (слова располагаются по смысловым ассоциациям), обратные;

- по назначению – словари ошибок, трудностей, учебные;

- по числу языков – одноязычные, двуязычные и многоязычные.

В книговедческой типологии, которая во многом опирается на лексикографические данные, словари дифференцируются

- по целевому назначению;

- читательскому адресу (специалисты в области лингвистики, учащиеся, широкие круги читателей);

- характеру информации, структуре.

По целевому назначению языковые словари подразделяются

- на научные;

- нормативные;

- учебные и популярные.

Терминологические словари разделяются на нормативные, учебные и популярные.

Научные (или исследовательские) языковые словари содержат материалы лингвистических исследований и могут выполнять функции базовых при создании нормативных, учебных и популярных изданий, они предназначены для использования в профессиональной деятельности специалистов. В качестве примера научного издания можно привести академический двухтомный «Словарь синонимов русского языка», который по охвату языковых единиц, богатству иллюстративного материала, уровню научной подготовки занимает исключительное место в мировой практике составления синонимических словарей.

Нормативные словари включают только устоявшуюся лексику современного литературного языка в

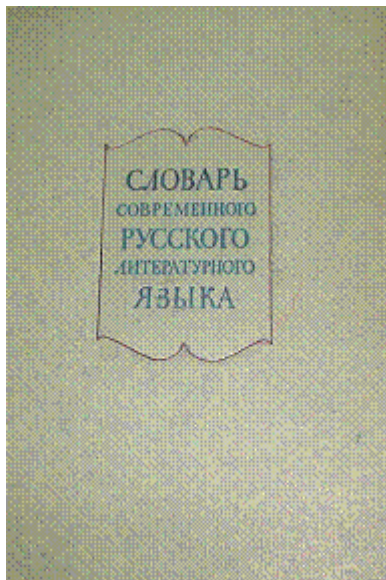
соответствии с действующей в настоящее время языковой нормой. К числу нормативных относятся, например, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, орфографические, орфоэпические словари, словари правильности речи. Совмещают функции научных и нормативных словарей многотомные академические толковые словари русского языка, например 17-томный «Словарь современного русского литературного языка».

Один из самых значительных словарей последнего времени

Учебные языковые словари служат целям обучения языку. Они выступают в качестве средства развития лексических знаний учащихся в прямом учебном про-

цессе и при самостоятельном изучении оригинальных или учебных текстов, в них фиксируются приемы и средства обогащения языкового опыта учащихся. Словник такого издания ориентирован на целенаправленный отбор лексики, подчиненный конкретным задачам обучения.

Обложка одного из томов знаменитого словаря

Популярные словари содержат наиболее употребительную лексику современного литературного языка и преследуют общеобразовательные цели: в отличие от учебных словарей их целевое назначение не связано с задачами обучения языку. К ним относятся разговорники, краткие карманные словари.

Основной массив терминологических словарей составляют нормативные словари. В учебных терминологических словарях решается задача установления

адекватных, устойчивых терминологических представлений у учащихся и преподавателей в соответствии с учебным курсом.

К нормативным терминологическим словарям относится, например, «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, к учебным – «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой.

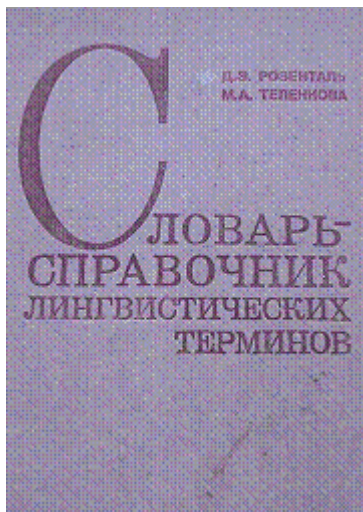
Популярные словари призваны помочь неподготовленному читателю освоить термины какой-либо науки, познакомить его с наиболее употребительными понятиями, доступно раскрыть их содержание.

В состав аппарата словарного издания входят сопроводительные статьи, списки сокращений и условных обозначений, система ссылок, вспомогательный указатель (в отдельных случаях), прикнижный библиографический список. Важнейшая из сопроводительных статей – предисловие, в котором раскрываются взгляды авторов, составителей на отдельные проблемы словарной работы, указываются цели и задачи словаря, охватываемая им тематика и др. Среди сопроводительных статей следует выделить элементы, озаглавленные «Как пользоваться словарем», «Как построен словарь», «Структура словарной статьи» и т.п., которые облегчают читателю поиск информации, пользование изданием в целом.

По способу расположения заглавного словарного блока словари подразделяются на алфавитные и неалфавитные. Алфавитный принцип расположения статей является традиционным. Систематические словари строятся по основным разделам и подразделам отражаемой дисциплины.

Алфавитные словари делятся на строгоалфавитные (прямые и обратные) и гнездовые (например, словарь В. И. Даля). В гнездовых словарях материал располага-

ется по алфавиту так называемых первообразных слов, при этом их производные и однокоренные помещаются в той же словарной статье.

Еще один из известнейших наших словарей

Производные слова располагаются в алфавитных гнездах в зависимости от их словообразовательных связей, что дает возможность представить слова не в механической последовательности, а с учетом их морфологических и словообразовательных свойств. Вот пример гнезда из двухтомного «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова (объем некоторых гнезд в этом словаре чрезвычайно велик; например, в гнездах, возглавляемых словами вести, два и половина, представлено соответственно 507, 574 и 587 слов):

актёр

актёр-ик

актёр-ишк-а

актр-ис(а)

актрис-очк-а
 актёр-к-а
 актёр-ств-о
 актёр-ск (ий)
 актёрск-ц
по-актёрск-ц
 актёр-ствова-ть
 кино/актёр см. кино
 киноактр-ис-а

К группе алфавитных относятся и обратные словари, в которых слова подбираются по алфавиту не первой, а последней буквы (затем предпоследней, третьей от конца и т.д.) и выравниваются не по левому, а по правому краю. Фрагмент текста обратного словаря выглядит так:

экранный	охранный
ресторанный	сохранный
сопранный	санный
катранный	свежеобтесанный
странный	необтесанный
чужестранный	неотесанный
престранный	причесанный
иностранный	вписанный
пространный	описанный
буранный	непрестанный
шафранный	беспрестанный
	пристанный

Кстати, стоит сказать и о существовании неалфавитных словарей:

Неалфавитные словари делятся на тематические, в которых слова расположены по понятийным группам, обозначающим те или иные фрагменты лингвистической картины мира, и статистические, в которых слова расположены по убывающей или возрастающей частоте. Так, частотные словари регистри-

руют те или иные языковые единицы (слова, морфемы и др.) с указанием на частоту их употребления в речи. Пример:

	(частота)	
когда	2042	
уже	1937	
если	1929	
дело	1919	
другой	1895	
чтобы	1892	
или	1887	
сам	1861	
время	1856	
какой	1823	
идти	1818	
ну	1773	
новый	1772	
самый	1694	
человек	1697	

Вообще, каждый словарь состоит из ряда компонентов, обеспечивающих читателю доступ к содержащейся в нем информации. Первый важнейший компонент, как мы указали, — словник словаря. В словник включаются все единицы, которые формируют область описания словаря и являются входами словарных статей. Фактически словник задает область описания

словаря. Как таковой словник в словаре обычно специально не выделяется. Словник может состоять из морфем (для словарей морфем и грамматических словарей), лексем (например, для толковых словарей), словоформ (для грамматических словарей) и словосочетаний (например, для фразеологических словарей, словарей идиом). Элементарной единицей словаря является словарная статья — каждый отдельно взятый объект описания словаря и сопоставленные ему словарные характеристики. Множество словарных статей и формирует основной текст словаря. Отдельный структурный компонент образуют указатели. В обычном толковом словаре указатели встречаются редко. Совершенно иная ситуация с фразеологическими словарями и словарями идиом. Поскольку базовая форма фразеологических единиц подвержена варьированию, например, положить зубы на полку и зубы на полку положить, греть/нагреть/погреть руки (на чем-л.) и руки греть/нагреть/погреть (на чем-л.), то любой выбранный способ упорядочивания словника не обеспечивает легкого поиска. Для облегчения процедуры поиска нужной идиомы для фразеологических словарей создаются указатели, которые позволяют находить идиому по любому из ее компонентов. Часто указатели включаются и в структуру тезаурусов и двуязычных словарей. Указатели тезауруса дают возможность определить, в какие таксоны входит то или иное слово, а указатели двуязычных словарей отчасти выполняют функции обратного словаря по отношению к данному.

Важной структурной частью лингвистического словаря является список источников. В европейской словарной традиции его наличие абсолютно необходимо, поскольку использование любых уже опубликованных текстовых материалов (в том числе и в примерах) требует соответствующего разрешения от держателя авторского права.

Особой частью словаря можно считать вводную статью, в которой объясняются принципы пользования словарем и содержится информация о структуре словарной статьи. Иногда

структура словарной статьи выносится в особый раздел словаря. Кроме того, лингвистические словари, как правило, включают в свой состав список условных сокращений и алфавит.

Базовая единица словаря — словарная статья — состоит из нескольких зон описания. Каждая зона содержит особый тип словарной информации. Первая зона — лексический вход словарной статьи, вокабула или лемма. Часто в вокабуле указывается ударение. Лексический вход обычно выделяют полужирным шрифтом, и поэтому в жаргоне лексикографов и редакторов эта зона часто называется «черным словом». В толковом словаре после лексического входа чаще всего следуют зона грамматической информации и зона стилистических помет. В качестве грамматической информации о слове в толковых словарях указывается принадлежность к части речи, характерные грамматические формы (например, для существительных — форма родительного падежа единственного числа и указание на род). Комплекс стилистических помет дает представление об ограничениях на употребление слова: литературный язык vs. Дialectы, термин vs. Не термин; различные стили литературной речи. В толковых словарях далее следует зона значения, которая разделяется на отдельные подзоны:

номер значения;

дополнительные грамматические и стилистические пометы;

зона толкования;

зона примера/иллюстрации.

Зона оттенков значения.

В толковых словарях словарная статья, как правило, заключается зоной фразеологизмов. Поскольку зона фразеологизмов обычно маркируется знаком ромба, на жаргоне лексикографов она называется «заромбовой» зоной.

Кроме того, для более полного описания слова в некоторых случаях приводится этимологическая или историческая информация — зона этимологии.

Теперь представим все сферы лексикографии:

Язык	толковые словари, грамматические словари, обратные словари, ассоциативные словари, этимологические словари, исторические словари, ономастиконы
Речь	словари метафор и эпитетов, словари сочетаемости, словари трудностей, авторские словари
Синхрония	толковые словари, грамматические словари, обратные словари, словари метафор и эпитетов, словари сочетаемости и трудностей
Диахрония	исторические словари, диахронические словари, авторские словари (часто), словари собственных имен (с этимологиями)
Парадигматика	толковые словари, грамматические словари, обратные словари, этимологические словари, исторические словари
Синтагматика	словари метафор и эпитетов, словари сочетаемости и трудностей
Семантика	толковые словари, исторические словари
Прагматика	лингвострановедческие словари, ассоциативные словари

Каждый тип лингвистического словаря характеризуется своей структурой словарной статьи. Так, нормативные и дескриптивные словари отличаются не только выбором материала, но и его организацией в словаре.

Нормативный словарь

1. Лексический вход (вокабула).
2. Стилистическая помета.
3. Грамматическая информация.
4. Толкование.
5. Примеры употребления.
6. Зона идиоматики (устойчивые сочетания, фразеологизмы).

Дескриптивный словарь

1. Лексический вход (вокабула).
2. Варианты.
3. Помета сферы употребления.
4. Грамматическая информация.
5. Толкование.
6. Примеры употребления.
7. Примеры нестандартных употреблений.
8. Зона идиоматики (устойчивые сочетания, фразеологизмы)

Словарь дескриптивного типа представляет, по возможности, все особенности употребления слова, а нормативный обращает внимание на литературный стандарт, разделяя лексику на стилистические области и формируя стандарт литературного языка.

Совершенно иную структуру словарной статьи имеют частотные словари, словари метафор и эпитетов, различные виды «словарей языковых форм». В частности, в них практически отсутствует зона толкования.

Несколько размытым понятие словарной статьи оказывается для тезаурусов, поскольку в них представлена иерархия семантических отношений внутри лексики. В этом случае лучше говорить об иерархическом

строении словарной статьи. Последняя предстает в тезаурусе как совокупность иерархически упорядоченных терминальных таксонов¹⁷⁰, формирующих таксоны более высоких уровней. Словарную статью тезауруса образует таксон, формально не подчиненный никаким другим таксонам.

Фердинанд де Соссюр

До сих пор в русских словарях лексический материал располагался главным образом по алфавиту. Мы настолько привыкли к подобному расположению, что оно кажется нам самым разумным, наиболее удобным и единственно возможным. А между тем, это не совсем так.

Язык, являясь знаковой системой, составляет органическое единство с мышлением. Мышление отражает динамический процесс познания человеком действи-

тельности и формирует знание человека. Знание, следовательно, есть продукт осмысления людьми предметов и явлений действительности, законов природы и общества. Знание закрепляется в словах. Будучи единицей языка, слово имеет знаковую природу. Языковеды, признающие тезис о языке как системе знаков, расходятся в понимании слова как знака. Некоторые из них считают, что знаковым характером обладает лишь материальная оболочка слова, закрепленная за известным содержанием. Думается, что более правильна другая точка зрения, восходящая к Ф. де Соссюру¹⁷¹ и разделяемая многими отечественными и зарубежными лингвистами. Согласно этой точке зрения слово-знак есть двустороннее единство «означающего» и «означаемого», которое как целое соотносится с предметом действительности. «Мы называем знаком комбинацию понятия и акустического образа», – говорит Ф. де Соссюр. В плане выражения слово представлено звуковой оболочкой, в плане содержания – понятием. Основная функция слова заключается в выделении и обозначении фрагментов познаваемого мира. Совокупность слов можно, следовательно, в определенном смысле считать отражением или коррелятом действительности. Но действительность, отражающаяся в языке, не есть хаотическое нагромождение разрозненных фактов. В действительности, мы склонны видеть структуру. Поскольку наше знание о мире непрерывно развивается, постольку постоянно совершенствуется и лексический организм языка. Новые слова не просто механически добавляются к уже существующим, а помещаются в ранее сложившуюся в нашем сознании систему. Эта система, естественно, должна быть до определенной степени аналогична системе действительности. В связи с этим можно вспомнить известные слова Н. В. Крушевского: «Мы не должны никогда терять из

виду основной характер языка: слово есть знак вещи. Представление о вещи и представление о слове, обозначающем эту вещь, связываются законом ассоциации в неразлучную пару... Если представление о вещи неразлучно с представлением о соответствующем слове, то что же из этого следует? Слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и означаемые ими вещи». Таким образом, возвращаясь к вопросу о характере расположения слов в словаре, можно утверждать, что сама природа слов-знаков допускает возможность двоякой их группировки:

- по близости звучания;
- по смысловой близости.

Реализация первой возможности приводит к созданию алфавитных словарей. Их сильной стороной является то, что они предоставляют значительные удобства для наведения различного рода эпизодических справок о любом известном нам по звучанию слове. Это обстоятельство и необычайная легкость азбучного расположения слов привели к доминирующему положению алфавитных словарей. Соображения практического удобства оттесняют на второй план осознание того, что система расположенных по алфавиту слов совершенно не соотносится с системой наших знаний о мире. Думается, есть доля правды в полемически резких словах В. И. Даля, который говорил в своем «Напутном слове», что алфавитный способ расположения слов «...крайне туп и сух. Самые близкие и сродные речения... разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена.., читать такой словарь нет сил, на десятом слове ум притупеет и голова вскружится, потому что ум наш требует во всем какой-нибудь разумной связи, постепенности и последовательности».

Альтернативой алфавитному расположению слов является размещение их по смысловой близости. Словари, в которых лексика располагается на основании этого критерия, получили название **идеографических** (от греч. *Idea* — понятие, идея, образ и *grapho* — пишу).

Естественно возникает вопрос, какие задачи решает идеографический словарь, в каких областях научной деятельности он может найти применение. Ответ на этот вопрос содержится в теоретических работах таких известных зарубежных лексикологов и лексикографов, как Х.Касарес, В. фон Вартбург и Ф. Дорнзайф. В нашей стране об этом писали И. А. Гульянов¹⁷², И. И. Срезневский, А. В. Щерба и некоторые другие языковеды. Лексика любого языка представлена для каждого из его носителей в виде активного и пассивного слоев. В активный слой входят слова повседневного употребления, слова, которые нам не приходится искать по углам нашей памяти, как только появляется необходимость назвать соответствующее им явление. Эти слова всегда с нами. Соотношение между означающим и означаемым, между звуковой оболочкой и понятием у слов активного слоя можно символически записать так: $Z \leftrightarrow П$, что означает, что существует действенная двусторонняя связь от звучания к понятию и от понятия к звучанию. Пассивный слой составляют слова, значения которых мы знаем, но которые не являются нашими повседневными словами. Мы узнаем их на письме или в речи собеседника, но они не приходят нам на ум тотчас, как только у нас возникает потребность в них, т. е. они не помогают нам формировать суждение. Здесь соотношение между звуковой формой и понятием записывается так: $Z \rightarrow П$, что свидетельствует о существовании действенной связи только в одном направлении — от звуковой формы к понятию. Обратная же связь очень сильно ослаблена или вообще порвана.

Но даже говоря об активном слое, следует признать, что связь от звучания к понятию $Z \rightarrow П$ является гораздо более надежной, более регулярной и более короткой. Наименование

является намного более затруднительным (по сравнению с пониманием) и в гораздо большей степени подвержено ошибкам, что было убедительно подтверждено опытным путем в работе Х. Касареса.

Владимир Иванович Даль

Отсюда вывод: если мы считаем чрезвычайно полезной книгу, которая помогает понять услышанное или написанное (алфавитный словарь), то не менее необходимой является книга, которая, предоставив в наше распоряжение всю совокупность слов, объединенных той или иной идеей, облегчила бы активное владение языком (идеографический словарь). В связи с этим хочется привести слова человека, сделавшего больше, чем другие, чтобы пробудить в Европе интерес к проблеме идеографического словаря. Речь идет об английском ученом П. М. Роже, авторе «Тезауруса английских слов и выражений». В предисловии к своему словарю он пишет: «...Какой бы живостью ни обладало наше воображение, как бы ни переполняли нас чувства, мы часто попадаем в такое положение, когда нам не хватает слов, чтобы

точно выразить свою мысль. Единственно необходимое слово зачастую бежит нашей памяти и мы вынуждены обходиться словами слишком сильными или слишком слабыми, слишком общими или излишне конкретными. Помощь, которую оказывает этот словарь, состоит в предоставлении богатейшего набора слов и выражений, исчерпывающих все оттенки и нюансы каждой общей идеи».

Примечательно, что большинство авторов существующих идеографических словарей вслед за П. М. Роже¹⁷³ ограничивают значимость своих трудов именно соображениями легкости выбора наиболее подходящих слов для адекватного выражения мысли. Подобная сугубо прагматическая точка зрения явно недооценивает истинную значимость словарей этого типа. Такое же, если не большее, значение они имеют для различного рода лексикологических и этнографических разысканий. Потребность в идеографическом словаре ощущается, прежде всего, при сопоставительном изучении лексики разных языков. В основе такого рода сопоставлений лежит тезис о неразрывной связи языка и мышления. Мышление имеет общечеловеческую природу. Смысловой континуум общ для всех языков. Однако каждый конкретный язык членит его специфично и особенно. Аналитическая сила и уровень развития языка характеризуются степенью вербальной детализации каждого участка этого континуума. Таким образом, изучение характера представления в лексике различных языков того или иного отрезка смыслового континуума является важной задачей сравнительной лексикологии. В ее успешном решении может и должен оказать помощь идеографический словарь, поскольку он дает в руки исследователя целые группы слов, соотносящихся с определенной, идеей.

Идеографический словарь самим фактом размещения рядом родственных по смыслу слов дает возможность прогнозировать различные синтаксические и семантические изменения, (например, изменение управления глаголов по аналогии и др.).

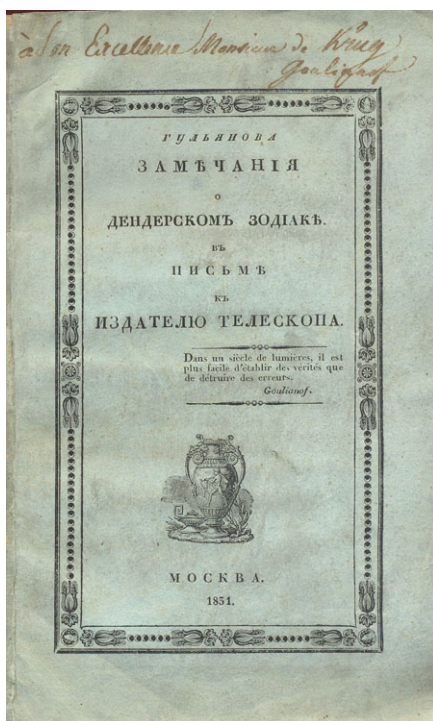
Расположение слов по группам, связанным смысловыми узами, позволит в определенной степени решить проблему

составления словаря синонимов и антонимов. «Семантическая структура слова включает его в систему тем; тема может включать бесчисленное количество слов, дробясь на подтемы, и группы, и быть количественно ограниченной. Близость значения между словами внутри одной тематической группы, различна. Пределом этой тематической близости является: синонимический ряд», т. е. в тематических группах синонимические ряды будут заведомо исчерпаны. С другой стороны, принимая во внимание, что разумное противопоставление слов предполагает принадлежность их к одной тематической группе, можно заключить — идеографический словарь явится одновременно и самым полным словарем антонимов.

Что касается лексикографии, то, кроме создания определенного прецедента в составлении словарей этого типа, идеографический словарь позволит более квалифицированно определять значения слов в толковых словарях русского языка и станет надежной базой для создания русско-иностранных и иностранно-русских словарей. «То, что в одних языках, обозначается одним словом, в других может иметь чрезвычайно подробную номенклатуру, заключающую десятки наименований. ...Слова, тождественные по смыслу, занимают даже в системах близкородственных языков неравное положение, выполняют в них неодинаковые функции и, следовательно, не являются абсолютно однозначными».

Употребление слова предполагает выбор его из множества близких по смыслу слов. Смысловая нагрузка каждого слова находится в отношении обратной пропорциональности к количеству слов, входящих в это множество, и прямой пропорциональности к длине отрезка смыслового континуума, покрываемого множеством. Именно этим обосновывается одно из фундаментальных положений лингвистической теории Ф. де Соссюра — положение о значимости языкового знака. «...Язык есть система, все элементы которой образуют целое... Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью. Значимость слова определяется

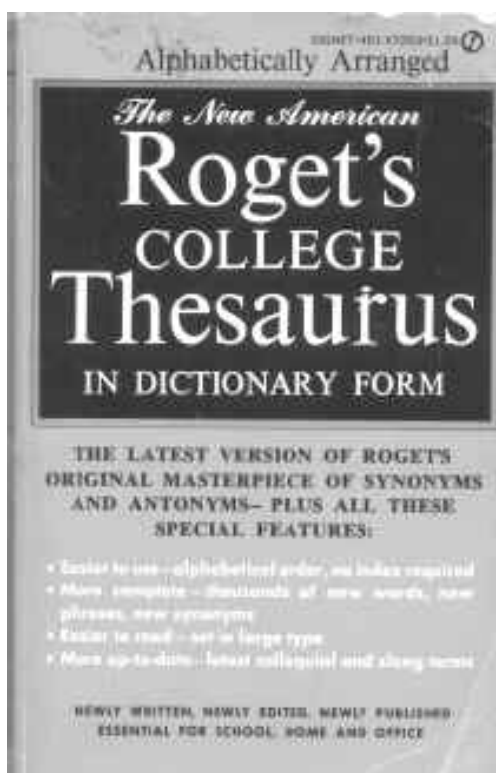
не отношением к обозначаемому им объекту, а отношением к другим словам, их значениям в данном языке. Отношение это дано в системе языка, оно порождено фактом участия в системе: значимость — функция системы; значимость — это значение языкового факта в системе данного языка». Таким образом, чтобы соотнести слово одного языка со словом другого языка, надо знать, какое место занимает каждое из них в соответствующих множествах. Для того чтобы знать это, необходим хороший идеографический словарь.

Титульный лист одного из изданий книги П. А. Гулянова -
ученого-энциклопедиста

Наконец, большое значение идеографический словарь имеет для исследования истории человеческих знаний об окружающем

мире. Если мы наложим друг на друга тематически организованную лексику одного и того же языка разных эпох, то нашим глазам откроется объективная картина движения человеческого познания. Мы увидим, как растет одна тема и «сжимается» другая, как происходит переоценка ценностей внутри самих тем, как появляются и уходят в небытие слова и множество других любопытнейших и интереснейших фактов.

Обложка одного из переизданий «Тезауруса» П. М. Роже

Являясь в какой-то мере зеркалом эпохи, словарный состав языка отражает уровень представлений людей о тех или иных явлениях, а иногда характеризует и сами явления. Даже беглое

знакомство с тематической классификацией, принятой в одном из древнейших идеографических словарей «Амаракоша», дает основание судить о степени развития науки и о социальном устройстве, о верованиях и о художественном мышлении, характерных для той далекой эпохи.

В заключение этой главы приведем слова академика И. А. Гульянова, одним из первых поставившего вопрос о необходимости идеографического словаря русского языка. Еще в 1821 году (более чем за 30 лет до выхода в свет тезауруса Рожке!), выступая на торжественном заседании Российской Академии наук, он говорил: «Познав посредством мыслеразъятия сродственную связь всеобщих разумений, мы возможем определить связь речений им присвоенных и, следовательно, умственную основу языков. Тогда удобно нам будет представить начертание соплеменных понятий видимого, умственного и нравственного мира, в лице словесном слиянных и строение смысла образующих.

В сем словесном начертании трояких наших понятий найдем мы основания, готовые для составления Сродственного Словаря, коего призрак являют нам словари сословов. Недостаток в Сродственном Словаре тем ощутительнее, что Философия твердит непрестанно о сродстве и согласии понятий. Сродственный Словарь, избавя речения от произволу азбучного беспорядка, разлучающего и смешивающего в груды все понятия, представит их по порядку в семейной их связи. Подчиняя всегда частные предметы коренному и общему им разумению, словарь сей определит нам в точности знаменование каждого речения, назначит приличное каждому место в порядке вещественных, умственных и нравственных предметов, сведет отрицательные понятия с положительными, покажет круг законных связей и отношений каждого понятия и отличит однажды навсегда то, что введено употреблением, от того, что положено природой. И нужно ли распространяться о пользе книги, устроенной для руководства к размышлению, долженствующей напоминать забытое и предлагать неизвестное, книги, в которой соплеменные понятия

представятся очам в соединении всех соотносительных слов и в порядке, приличном каждому мысленному семейству? Разум языков, будучи основанием Сродственного Словаря, послужит между тем к исправлению многих словесных толкований, и в то же время восстановит в речениях естественный порядок знаменований, в разуме проначертанный».

Несмотря на то, что рассказ о лексикографии и собственно словарях может превратиться просто в отдельный труд, попробуем все же каким-то образом резюмировать этот обширный материал. Вот основные типы словарей:

Ассоциативные словари. Как показывают семантические и психолингвистические исследования, сфера ассоциативных отношений в лексике образует особую и достаточно устойчивую систему, которая становится объектом описания в ассоциативных словарях. Статья такого словаря представляет собой лексему-стимул, которой сопоставляется список упорядоченных по частоте или по алфавиту (с указанием частоты) слов – реакций, полученных в психолингвистическом эксперименте. В 1999 году в Институте русского языка РАН был завершен проект *Ассоциативного тезауруса современного русского языка* (Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова), по результатам которого опубликовано три части (шесть книг) нового ассоциативного словаря.

Частотные словари. Словарный формат описания приложим не только к области значений слов, но и к другим сторонам функционирования лексической системы. В частотных словарях указывается частота употребления слов в специально сформированной представительной выборке текстов. Для русского языка наиболее известны *Частотный словарь русского языка* Л. Н. Засориной (1977) и *Частотный словарь современного*

русского литературного языка Э. А. Штейнфельдт (1963); первый же по времени частотный словарь русского языка Г. Г. Йосельсона был издан в 1953 году в США. Наиболее объемный (около 40 тыс. слов) словарь Засориной составлен на основе обработки примерно одного миллиона словоупотреблений. Частотные словари широко используются в сфере прикладной лингвистики. Данные о частотности употребления необходимы, например, при установлении авторства текста. Важны данные о наиболее частотных словах и при разработке компьютерных программ проверки орфографии.

Известный словарь под редакцией А.Н.Засориной

Исторические и этимологические словари. Особую область словарного дела образуют исторические и этимологические словари. Задачи исторического словаря исчерпывающим образом были сформулированы А. В. Щербой в статье *Опыт общей теории*

лексикографии: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение». К историческим словарям русского языка относится фундаментальный трехтомный труд И. И. Срезневского *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* (1893–1903). В качестве источника для этого издания послужили примеры из 2700 памятников 11–14 вв. В Институте русского языка РАН ведется работа над *Словарем русского языка XI–XVII вв.*, создаваемого на основе картотеки, начатой в 1920 годах А. И. Соболевским и включающей около 2 млн. карточек. С 1984 года издается *Словарь русского языка XVIII в.*

Этимологические словари преследуют цель объяснения происхождения слов. К числу наиболее полных словарей такого типа для русского языка принадлежит четырехтомный *Этимологический словарь русского языка* М. Фасмера, переведенный с немецкого языка и дополненный О. Н. Трубачевым (первое русскоязычное издание 1964–1973; второе – 1986–1987). Не потерял значимости и *Этимологический словарь русского языка* А. Г. Преображенского, вышедший в 1910–1914 годах (фототипическое переиздание в 1959). Из новых этимологических словарей следует упомянуть *Историко-этимологический словарь современного русского языка* П. Я. Черных (1993) и *Этимологический словарь русского языка* Н. М. Шанского¹⁷⁴ и Т. А. Бобровой (1994). Кроме систематизированного описания лексики, представленного в монографиях, словарях и многочисленных статьях, посвященных отдельным лексикологическим проблемам, существует большое количество заметок,

образцов анализа конкретных лексических единиц в синхронном и диахроническом аспекте, отражающих системные отношения в лексике, деривационные и семантические связи слов.

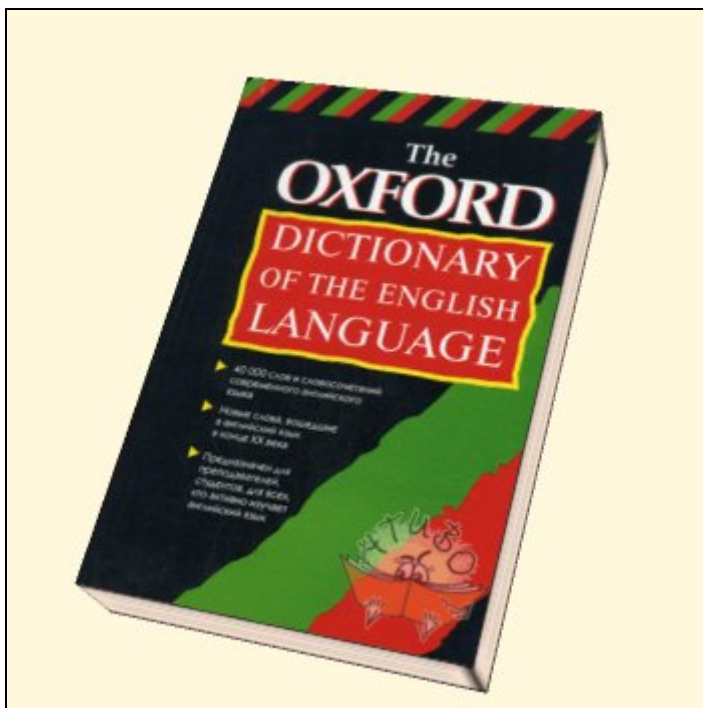

Николай Максимович Шанский

Данные об истории слов и их этимологии приводятся в некоторых крупных толковых словарях, в частности в многотомном *Оксфордском словаре английского языка* даются сведения о первом засвидетельствованном употреблении слова, равно как и последующих употреблениях его в новых значениях; приводятся они и в различных более кратких «оксфордских» словарях английского языка. Некоторые данные об истории слов содержатся и в 17-томном *Словаре современного русского литературного языка*, поскольку в его корпусе примеров из классической литературы представлены и такие употребления слов, которые в настоящее время выглядят архаизмами.

Словари языковых форм. Таким обобщающим термином могут быть названы несколько различных типов словарей, в которых фиксируются в основном

особенности формы слов и словосочетаний языка, тогда как их толкования либо отсутствуют вовсе, либо играют сугубо вспомогательную роль. Обычно словари подобного типа выполняют роль справочников, необходимых для правильного построения языковых выражений на том или ином языке (в том числе при автоматическом синтезе текста).

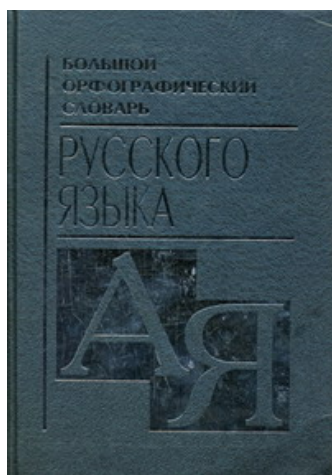
Современное издание одного из самых известных в мире словарей

Из числа таких словарей широкому читателю более всего известны орфографические (фиксирующие нормативное написание) и орфоэпические (фиксирующие нормативное произношение). Орфографические и орфоэпические словари являются принадлежностью

языков с развитой литературной нормой. Поскольку они носят предписывающий и отчасти даже директивный характер, число их для каждого языка невелико. Основным орфографическим пособием для русского языка является *Орфографический словарь русского языка* под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова, последнее 29-е издание которого, исправленное и дополненное в 1991 году, периодически воспроизводится стереотипно (объем – более 106 тыс. слов). Разнообразие орфоэпических словарей несколько больше; наряду с наиболее полным и широко распространенным *Словарем ударений для работников радио и телевидения* (6-е издание под ред. Д. Э. Розенталя вышло в 1985 и содержит около 75 тыс. слов) существует несколько меньший по объему *Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы* под ред. Р. И. Аванесова (5-е издание – 1989), содержащий также грамматические сведения. Всякий печатный орфоэпический словарь является одновременно и орфографическим; обратное, вообще говоря, неверно. Как орфографический, так и орфоэпический словари фактически представляют собой список заглавных слов из статей толкового нормативного словаря, представленных без толкований, с одними лишь краткими пометами при некоторых словах.

Другие виды «словарей форм» рассчитаны в основном на специалистов или на использование их в целях обучения языку. Таковы словари, отражающие процессы словообразования (словообразовательные и морфемные словари, показывающие, каким образом слова складываются из составных частей, а также инвентаризующие эти составные части) и словоизменения (грамматические словари, создаваемые для тех языков, в которых, как в русском, слово способно выступать во многих грамматических формах). Самый полный

Словообразовательный словарь русского языка А. Н. Тихонова вышел из печати в 1985; он содержит 145 тыс. слов; существует также несколько школьных словообразовательных словарей. *Словарь морфем русского языка* А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой (1986) содержит около 52 тыс. единиц. *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение* А. А. Зализняка (1977, 3-е издание – 1987) содержит около 100 тыс. слов, каждому из которых приписана информация, позволяющая построить любую грамматически правильную форму любого из этих слов. Этот выдающийся труд используется не только в справочных целях и при обучении русскому языку; на его основании был разработан ряд компьютерных программ морфологического анализа и синтеза текстов на русском языке; кроме того, он фактически является почти исчерпывающим орфографическим и орфоэпическим словарем, а также содержит обширную информацию о трудностях русской грамматики.

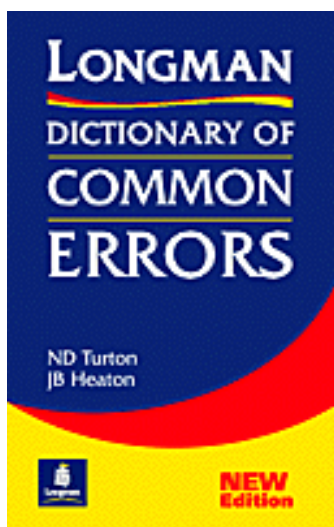

Еще одно популярное в стране издание

Особенности русской грамматики (выражение грамматических и словообразовательных значений формальными элементами, стоящими после корня – постфиксами, в число которых входят, прежде всего, суффиксы и окончания) предопределил использование в словаре А. А. Зализняка так называемого обратного алфавитного порядка, при котором слова упорядочиваются сперва по последней букве, при одинаковых последних – по предпоследней и т.д. При таком упорядочивании в преимущественно постфиксальном русском языке рядом оказываются слова со сходными грамматическими признаками. Принцип обратного алфавитного порядка использовался в средневековых арабских словарях, а в Европе – в словарях рифм; с 1950-х же годов началась разработка так называемых **обратных словарей** для многих древних и современных языков. Для русского языка первые обратные словари были разработаны в Германии (словарь под ред. Г. Бильфельдта 1958 и словарь Р. Гreve и Б. Креппе 1958–1959). Отечественный *Обратный словарь русского языка*, созданный группой авторов под руководством М. С. Шевелевой и в дальнейшем обработанный в Вычислительном центре Академии наук, был опубликован в 1974. Он охватывает словник основных четырех толковых словарей русского языка и насчитывает около 125 тыс. слов.

Словари узуса. По целевому назначению (помочь выражаться правильно) «словарям форм» близки словари, предметом специального описания в которых являются особенности употребления языковых форм (так называемого узуса), прежде всего те, которые могут вызывать различного рода затруднения. Двумя основными разновидностями таких лексикографических изданий являются словари трудностей и словари сочетаемости.

Словари трудностей, появившиеся в отечественной лексикографии более ста лет назад (*Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи* В. Долопчева – 1886 год; *Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики* В. И. Чернышева – 1914–1915 годы, по форме это словарь), отражают разнообразные трудные случаи построения, употребления, произношения и написания языковых выражений.

Одно из новых переизданий Лонгмановского словаря типичных ошибок

Из современных русских словарей такого типа наиболее известны *Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка* К. С. Горбачевича (1973, около 8 тыс. слов) и *Словарь трудностей русского языка* Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (6-е издание – 1987, около 30 тыс. слов); аналогичные издания имеются и для других языков, например *Longman Dictionary of Common Errors* (Лонгмановский словарь типичных ошибок анг-

лийского языка, составители Дж.Б. Хитон и Н. Д. Тэртон, 1987 год, рус. изд. 1991) или выдержавшая множество изданий (1-е – в 1947) книга Э. Партриджа *Usage and Abusage* (*Правильное и неправильное употребление*).

Еще одной разновидностью преимущественно формальных словарей являются **словари сочетаемости**. Нестандартная сочетаемость языковых единиц всегда в той или иной степени отражалась в толковых и переводных словарях, однако делалось это, как правило, несистематически; словари же сочетаемости специально создаются для фиксации несвободных сочетаний слов (так называемых коллокаций). В практическом плане словари сочетаемости некоторого языка ориентированы в первую очередь на лиц, изучающих его в качестве иностранного, а также на тех, кто занимается переводом на этот язык, хотя они могут быть иногда полезными и для носителей данного языка, фактически выступая при этом в качестве разновидности словаря трудностей. Для русского языка наиболее полным является *Словарь сочетаемости слов русского языка* под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (1978); существует также ряд учебных словарей сочетаемости русского языка: *Устойчивые словосочетания русского языка* К. В. Регининой, Г. П. Тюриной и Л. И. Широковой (1976), *Слово в тексте* Е. Г. Борисовой (1995) и др. Значительное внимание в лексикографии уделено описанию несвободной сочетаемости слов в английском языке, для адекватного владения которым она очень важна; здесь выделяется, прежде всего, *Комбинаторный словарь английского языка* М. Бенсона, Э. Бенсон и Р. Илсона (M.Benson, E.Benson, R.Ilson. *The BBI Combinatory Dictionary of English*, 1-е изд. – 1986 год; неоднократно издавался в СССР и России), а также переводные словари сочетаемости: *Русско-английский словарь глагольных словосочетаний* М. Бенсона и Э. Бенсон

(1-е изд. – 1993 год, русское – 1995 год), *Англо-русский словарь глагольных словосочетаний* под ред. Э. М. Медниковой (2-е изд. – 1990) и *Учебный англо-русский словарь сочетаемости и трудностей словоупотребления* С. С. Хидекель, М. Р. Кауль и Е. А. Гинзбурга (1998).

Описание несвободной сочетаемости слов рассматривалось как одна из важнейших задач создания так называемого **толково-комбинаторного словаря** (ТКС), по первоначальному замыслу задуманного как словарный компонент действующей модели языка «Смысл □ Текст». Как ясно из названия, ТКС должен представлять собой комплексное лексикографическое произведение и содержать, помимо сведений о сочетаемости, особым образом построенные толкования слов. Для такого словаря был разработан аппарат лексических функций – нестандартных и поэтому должныствующих задаваться списком способов выражения одного и того же смысла при различных словах (например, высокая степень выраженности признака обозначается при словах, обозначающих различные признаки, по-разному и при этом непредсказуемым способом: *зрбовое молчание*, *круглый дурак*, *полная темнота*, *абсолютный слух*, *исключительная наглость* и т.д.; заботами *окружают*, а приветствиями *осыпают*, но не наоборот и т.д.). *Толково-комбинаторный словарь русского языка* создавался большим коллективом авторов под руководством И. А. Мельчука и А. К. Жолковского в 1960–1970-х годах. На определенном этапе работы ее результаты были изданы (Вена, 1984), однако широкого распространения этот словарь не получил. Некоторые из принципов, на которых строится ТКС, получают ныне свое воплощение в упомянутом выше *Новом объяснительном словаре синонимов русского языка*.

Что касается принципов представления регулярной сочетаемости и ее статистических закономерностей, то

они к настоящему времени не разработаны. Теоретически сочетаемость этого типа должна предсказываться на основании описания значения слова и общих правил сочетания семантических элементов друг с другом (ср. известные правила наложения, уничтожения смыслов). Однако это весьма затруднительно как из-за отсутствия полного словарного описания лексической системы языка, так и вследствие неизученности моделей продуктивной и непродуктивной регулярной сочетаемости. До определенной степени свободная сочетаемость отражается в справочниках по стилистике.

Словарь под редакцией Петровского

Ономастиконы. Еще один класс словарных изданий образуют разнообразные словари собственных имен, или ономастиконы. Наиболее распространены среди них антропонимические словари, содержащие

личные имена и фамилии; таковы *Словарь русских личных имен* Н. А. Петровского (3-е изд. – 1984), *Справочник личных имен народов РСФСР* под ред. А. В. Суперанской и Ю. М. Гусева (2-е изд. – 1979), *Русские фамилии* Б. О. Унбегауна (2-е рус. изд. – 1995; английский оригинал увидел свет в 1972), *Словарь русских фамилий* В. А. Никонова (1993), *Русские фамилии. Популярный этимологический словарь* Ю. А. Федосюка (3-е изд. 1996), *Русские фамилии тюркского происхождения* Н. А. Баскакова (2-е изд. 1993), *Словарь английских фамилий* (1986) и *Словарь английских личных имен* (1989) А. И. Рыбакина и др. Другой разновидностью ономастических словарей являются топонимические словари, или словари географических названий, примером которых может послужить *Краткий топонимический словарь* В. А. Никонова (1966). Словари обоих типов содержат, как правило, сведения об этимологии и истории имен и топонимов, а антропонимические словари иногда сообщают и об особо знаменитых носителях тех или иных имен и фамилий в реальном мире и в литературе. Словари географических названий могут быть и переводными, например, таков *Англо-русский и русско-английский словарь географических названий* (2-е изд. 1994). Своеобразными гибридами топонимических и словообразовательных словарей являются *Словарь названий жителей РСФСР* под ред. А. М. Бабкина (1964) и *Словарь названий жителей СССР* под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова (1975). Уникальным в своем роде является *Словарь народных географических терминов* Э. М. Мурзаева (1984), сочетающий в себе черты частного толкового словаря, ономастикона и этимологического словаря топонимов. Большое количество самых разнообразных личных имен содержится также в уже упоминавшихся лингвострановедческих, а также исторических словарях (см., например, *Англо-русский исторический словарь* под ред.

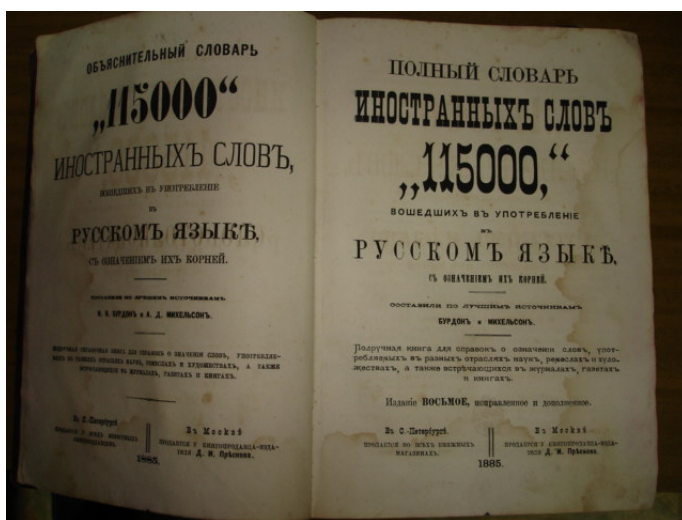
Г. А. Николаева, 1995.) Существуют и другие разновидности словарей собственных имен, порою весьма необычные (например, обширный словарь L.D.Schmadel. Dictionary of Minor Planet Names, т.е. *Словарь названий малых планет*, второе издание которого вышло в 1993 в издательстве «Шпрингер»).

Энциклопедические словари — они содержат важнейшие сведения о современном состоянии той или иной отрасли знаний, о наиболее важных событиях, лицах, явлениях, они раскрывают не слова, а понятия. В их словник входят, как правило, имена существительные (собственные и нарицательные).

Особо следует сказать о словарных изданиях, в которых предпринимается попытка лексикографирования, скажем так, не вполне словарного по своей природе языкового материала. Речь пойдет, точнее, о нетрадиционных словарях.

Одна из таких не вполне обычных сфер лексикографического описания включает в себя эпитеты, сравнения и метафоры. Имеющиеся в этой области словарные издания, как правило, опираются не на традицию (которой как таковой нет), а на выбранный теоретический подход, который и задает способ словарного представления. В словарях **политической метафоры** А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова (*Русская политическая метафора*, 1991 год; *Словарь русских политических метафор*, 1994 год) в качестве такого теоретического подхода используется когнитивная теория метафоры, рассматривающая метафору как единую структуру, состоящую из «источника», из которого переносятся некие знания и представления, и «мишени», или «цели», на которую эти знания и представления переносятся (т.е. того, что является предметом метафорического переосмысления; например, *экономика — это организм*). Соответственно, в словарных статьях описы-

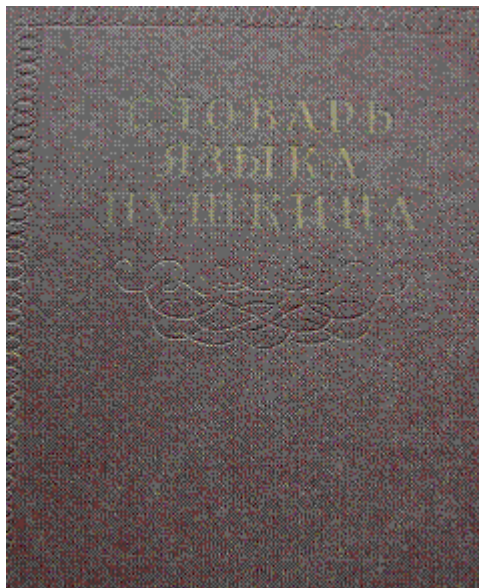
ваются, с одной стороны, типичные способы метафорического осмысления различных «мишеней» (скажем, экономика может осмысляться как больной человек, наркоман, паралитик, механизм, растение, животное и т.д.), а с другой – характерные типы «источников» («метафорических моделей»), знания о которых используются для осмысления различных «мишеней»: богатыми «источниками» для метафорических переносов являются, например, знания о боевых действиях, путешествиях, различного рода играх, механизмах, спорте, театральном лицедействе и т.д.; принято говорить о метафорических моделях *войны, игры* и пр.

А этот уникальный словарь издавался в 1885 году

Несколько иной теоретический подход предложен для словарного представления **поэтических метафор** в макете словаря Н. В. Павлович *Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке* (1995). На уровне определений образная система описывается в словарях **эпи-**

тетов. Так, в *Словаре эпитетов русского литературного языка* К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (1979) к слову *язык* приводится 319 эпитетов: *благозвучный, гортанный, грубый, звонкий, мелодичный, музыкальный, мягкий, напевный, плавный, приятный, резкий, сладкозвучный, тягучий, хриплый* и т.д.

Уникальное издание «Словаря языка Пушкина»

Выходят за пределы стандартного представления о словаре и продукты так называемой авторской лексикографии, целью которой является словарное описание лексических особенностей индивидуального стиля (иначе называемого идиостилем) писателя. В **авторских словарях** в идеальном случае фиксируются все слова, представленные в произведениях того или иного писателя (часто включая тексты вариантов, писем, заметок). Типичным примером издания такого типа

является *Словарь языка Пушкина* под редакцией В. В. Виноградова (1956–1961). К авторским словарям относятся также словари, сделанные по отдельным произведениям, например, *Словарь комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова* (Смоленск, 1939 год). Из новых проектов создания авторских словарей следует упомянуть *Словарь языка Достоевского*, разрабатываемый в Институте русского языка РАН под руководством Ю. Н. Караулова. Основная проблема составления авторских словарей заключается в том, что особенности авторского употребления лексических единиц не всегда легко отделить от особенностей функционирования языка соответствующей эпохи. Если при описании идиостиля современных писателей авторские особенности относительно легко выявляются, то для русской классической литературы эта проблема встает в полный рост, поскольку русский язык XVIII–XIX веков с этой точки зрения практически не описан. Один из способов ее решения – привлечение текстов современников описываемого автора.

В российской лексикографической традиции практически отсутствуют **словари конкордансов**, являющиеся важным инструментом изучения языка писателя. Под термином «конкорданс» в лексикографии понимается пример употребления слова в контексте фиксированной длины. Словари конкордансов включают примеры употребления всех слов в отдельном произведении или во всем творчестве писателя. Известны словари-конкордансы к поэмам О. Мандельштама (*A Concordance to the Poems of Osip Mandelstam* / Ed. By D. J. Koubourlis. – Ithaca; N.Y., 1975.), к поэзии А. Пушкина (*Pushkin: A Concordance to the Poetry*, v. 1–2. – Columbus, Oh., 1985.). Уже опубликован конкорданс к русскому варианту Библии (*Симфония, или словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета*

под ред. Митрополита Питирима, т. 1: А–Г. М., 1988). Устройство словаря-конкорданса довольно просто. Словарным входом служит словоформа. Она помещается в центр строки и отделяется от текста примера дополнительными пробелами слева. Пример имеет фиксированную длину, поэтому концы приводимого контекста обычно обрезаются. Пример сопровождается индексом, по которому можно найти конкорданс в тексте произведения. Вот фрагмент конкорданса на словоформу *кинулась* к словарю-конкордансу романа *Преступление и наказание* Ф. М. Достоевского (*Concordance to Dostoevsky's Crime and Punishment* / Ed. By Ando Atsushi, Urai Yasuo and Mochizuki Tetsuo, v. 1–3. – Sapporo):

КИНУЛАСЬ

ать. С воплем и плачем кинулась бедная Катерина II E33147
чу. Катерина Ивановна кинулась к Лебезятникову. E30703
с визгом, как бешеная, кинулась она к Катерине Ива E31101

Многообразие отношений, организующих систему языка, и практических нужд ее описания оставляют большой простор для лексикографического творчества, и поэтому вполне можно ожидать появления и других нетрадиционных разновидностей словарной продукции, равно как и развития традиционных типов словарей.

Современная лексикография сегодня существенно расширила и усилила свой инструментарий компьютерными технологиями создания и эксплуатации словарей. Специальные программы – базы данных, компьютерные картотеки, программы обработки текста – позволяют в автоматическом режиме формировать словарные статьи, хранить словарную информацию и обрабатывать ее. Некоторые современные словари обязаны своим существованием именно компьютерным технологиям обработки больших корпусов текстов. Например, словарные издания издательства COLLINS

основываются на Банке данных английского языка (Бирмингемский университет, рабочая группа COBUILD), который в настоящее время насчитывает около 200 млн. словоупотреблений. Использование компьютерного инструментария существенно облегчает труд лексикографа и повышает эффективность лексикографических работ.

Непременно следует сказать и о том, что, собственно, по функциям и цели создания словари, особенно те, что мы назвали толковыми, разделяются на дескриптивные и нормативные. Дескриптивные словари предназначены для полного описания лексики определенной сферы и фиксации всех имеющихся там употреблений. Оценка качества дескриптивного словаря зависит от того, с какой степенью полноты его словник отражает проблемную область и насколько точно описаны значения слов (лексем), представленных в материале. Типичным примером дескриптивного словаря является неоднократно упомянутый выше *Толковый словарь живого великорусского языка* В. И. Даля. Цель создателя словаря заключалась не в нормировании языка, а в описании многообразия великорусской речи – в том числе ее диалектных форм и просторечия. Даль признавал дескриптивный характер своего словаря, это в полной мере отвечало его интересам собирателя великорусского слова. Дескриптивными по определению являются словари сленгов и жаргонов, диалектные словари.

Цель нормативного словаря – дать норму употребления слова, исключив не только неправильные употребления слов, связанные с ошибочным пониманием их значений, но и те употребления, которые не соответствуют коммуникативной ситуации (так, ситуации употребления литературного языка, диалекта и жаргона различаются, и их смешение воспринимается как на-

рушение нормы, ср. *отчины* вместо *открыой*, *стрелка* вместо *встреча* и пр.). Иными словами, нормативные словари рекомендуют, предписывают стандарт употребления слова, задают литературную норму. В этом смысле они являются действенным инструментом языковой политики и языкового строительства.

Первым нормативным словарем русского языка XX в. является четырехтомный *Толковый словарь русского языка* под редакцией Д. Н. Ушакова, вышедший с 1935 по 1940 год. Авторский коллектив словаря, включавший, кроме Ушакова, таких известных ученых, как В. В. Виноградов (со второго тома), Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, видел свою задачу в «попытке отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем *указать нормы употребления слов* (*Толковый словарь русского языка* под ред. Д. Н. Ушакова, в 4-х томах, 1935 год). Словарь должен был «послужить орудием в борьбе за качество того языка, которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся».

Традиция подготовки нормативных словарей была продолжена в 1948 году *Словарем современного русского литературного языка* в 17 тт. (неофициальное название – *Большой академический словарь*, или БАС; издание завершено в 1965 году), в 1957 году *Словарем русского языка* в 4-х тт. (иногда называется *Малый академический словарь русского языка*, или МАС; завершен в 1961 году, второе издание – 1981–1984) и однотомным *Словарем русского языка* С. И. Ожегова (первое издание – 1949 год; этот словарь был создан на основе словаря под ред. Д. Н. Ушакова, впоследствии многократно обновлялся и с 1992 года выходит в авторстве С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой). Предшественником этих словарей,

помимо *Словаря Академии Российской* XIX в., был также академический *Словарь русского языка*, оставшийся незавершенным. Концепция этого словаря менялась по ходу работы над ним: первый его том под ред. Я. К. Грота (1895) был нормативным; второй (1907) и четвертый (1916) тома под редакцией А. А. Шахматова представляли собой словарь-тезаурус ненормативного типа; в послереволюционное время отдельные выпуски продолжали выходить до 1930-х годов под ред. В. И. Чернышова, Л. В. Щербы и др.

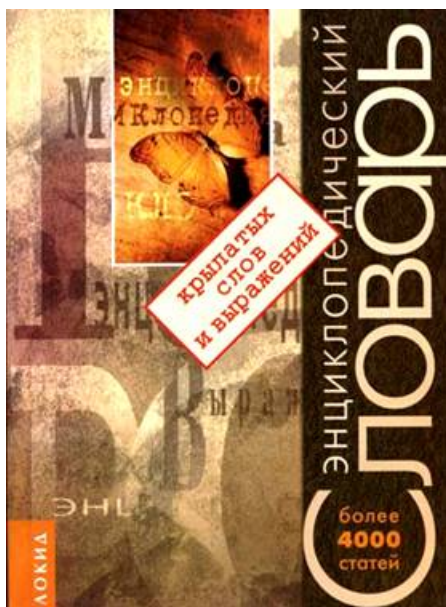
Обложка прекрасного словаря Михельсона «Русская мысль и речь»

По характеру словника (см. выше) толковые словари разделяются на **общие и частные**. Рассмотренные ранее толковые словари относятся к **общим** словарям.

Характерным примером частного толкового словаря являются, например, фразеологические словари, словники которых ограничены устойчивыми сочетаниями слов, обладающими той или иной степенью идиоматичности (нерегулярности значения). Первые русские словари фразеологического типа появились на рубеже веков; это были сборники С. В. Максимова *Крылатые слова* (1890 и 1892) и сборник М. И. Михельсона *Русская мысль и речь. Свое и чужое* (в 2-х тт., 1902–1903). В настоящее время наиболее известен *Фразеологический словарь русского языка* под ред. А. И. Молоткова (первое издание 1967), устаревший к настоящему времени по составу словника и по примерам. Среди более современных изданий следует отметить словарь *Русская фразеология* Р. И. Яранцева (1997), *Словарь образных выражений русского языка* под редакцией В. Н. Телли (1995) и *Русско-английский словарь идиом* (*Russian-English Dictionary of Idioms*) С. Любенской (1995). Последний словарь, будучи двуязычным, содержит, тем не менее, наиболее полный на настоящий момент словник русской фразеологии и современный корпус литературных примеров. Важная особенность фразеологических словарей – необходимость отражения варьирования формы фразеологизмов.

К частным толковым словарям относятся также словари жаргонов и сленгов, диалектные словари, словари иностранных слов. Словарное описание жаргонов и сленгов русского языка осуществляется по большей части не профессиональными лингвистами-лексикографами, а в лучшем случае носителями соответствующих подъязыков и в силу этого далеко от лексикографического стандарта качества. Типичный недостаток – почти полное отсутствие зоны примеров на употребление жаргонных единиц. Из недавно вышедших словарей жаргонов можно упомянуть словарь *Рус-*

ская феня В. Быкова (1994), *Словарь русского сленга* И. Юганова и Ф. Югановой (1997). Хорошо известны в России словари англоязычных сленгов, в частности *Англо-русский словарь американского сленга* под ред. Е. И. Тузовского (1993), в основе которого лежит *Dictionary of American Slang* Р. Спирса, или *The Oxford Dictionary of American Slang* (Оксфордский словарь современного сленга) Дж.Эйто и Дж.Симпсона (Оксфорд, 1992).

Словарь под редакцией В. Серова — одно из современных изданий словарей этого типа

Среди диалектных словарей различаются **общие и региональные**. Словники общих диалектных словарей включают лексику многих (или, по крайней мере, нескольких) диалектов и говоров. Словарь Даля является не только общим толковым словарем, но и выполняет функции общего диалектного словаря. Другим приме-

ром этого типа является *Словарь русских народных говоров* под редакцией Ф. П. Филина, выходящий с 1965 года. Словники региональных диалектных словарей ограничены лексикой одного диалекта или говора; таков, например, *Смоленский областной словарь* В. Н. Добровольского (1914).

Словарь иностранных слов — это вид толкового словаря, в котором объясняются значения слов иностранного происхождения, которые ощущаются носителями языка как заимствования из других языков. Кроме собственно толкования, словари такого типа включают информацию о том, из какого языка пришло слово и его иноязычный аналог. Один из наиболее известных словарей иностранных слов — словарь под редакцией И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова и Л. С. Шаумяна, который содержит около 23 тыс. единиц (6-е издание 1964; в дальнейшем переиздавалось стереотипно).

Особыми видами толковых словарей можно считать **словари синонимов, антонимов, омонимов и паронимов**, а также **словари новых слов**. Словарь синонимов (слов с одинаковым или сходным значением, например *лингвистика — языкознание — языковедение*) — это такой толковый словарь, в одной словарной статье которого помещаются близкие по значению слова, образующие синонимические ряды. Словари синонимов появились давно; помимо уже упомянутого словаря Д. И. Фонвизина, следует назвать *Опыт словаря русских синонимов* П. Ф. Калайдовича (1818), содержащий 77 синонимических рядов. Толковаться в словаре синонимов может как весь ряд в целом, так и каждая лексема, входящая в ряд. По такому принципу построен двухтомный *Словарь синонимов русского языка* под редакцией А. П. Евгеньевой (1970–1971). Некоторые словари синонимов вообще не содержат толкований

(например, выдержавший несколько изданий *Словарь синонимов русского языка* З. Е. Александровой, 1968). В этом случае предполагается, что значение иллюстрируется самим синонимическим рядом. В настоящее время под руководством Ю. Д. Апресяна осуществляется глобальный по замыслу проект *Нового объяснительного словаря синонимов русского языка* (первый выпуск вышел в 1997), в котором словарная статья синонимического ряда фактически представляет собой структурированную научную работу, в которой с различных сторон характеризуется значение синонимичных лексем.

В словарной статье словаря антонимов содержатся антонимы (слова с противоположным значением, например *большой – маленький*) с более или менее подробным описанием их значений. Словари антонимов в русской лексикографической традиции появились относительно недавно. Наибольший по объему и наиболее известный – это *Словарь антонимов русского языка* М. Р. Львова под ред. Л. А. Новикова (4-е дополненное издание вышло в 1988 году); в 1970-е годы выходили меньшие по объему словари Л. А. Введенской (первый в отечественной лексикографии) и Н. А. Колесникова.

В словарях омонимов представлены с той или иной степенью подробности омонимичные (т.е. совпадающие по форме, но различные по значению, например, *брак₁* 'женильба' и *брак₂* 'дефект') лексические единицы. Зона толкования для словарей омонимов обязательна, поскольку иллюстрировать различие омонимов без указания на значение невозможно – использование для пояснения значения синонимического ряда, как в словарях синонимов, здесь существенно затруднено. Среди русскоязычных словарных изданий такого типа наиболее известен *Словарь омонимов русского языка* О. С. Ахмановой (1974, 3-е изд. 1986).

В словари паронимов включаются слова, сходные по морфологическому составу и лишь незначительно различающиеся по значению слова. Например, *одеть* vs. *Надеть, жилой* vs. *Жилищный, человеческий* vs. *Человечный*. Словари паронимов, как и антонимов, появились в русской лексикографической традиции сравнительно недавно; первым из них был словарь-справочник Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой *Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка* (1968); в 1971 вышел *Словарь паронимов русского языка* Н. П. Коленикова, а в 1984 носящий такое же название словарь О. В. Вишняковой, основанный на посвященных паронимии книгах этого автора. В определенной степени функции словаря паронимов выполняет и словарь Дала, статьи которого объединяют однокоренные слова.

В периодически издающиеся словари новых слов (неологизмов) включаются недавно вошедшие в язык слова и новые значения слов, понимание и употребление которых может вызывать затруднения. Таков словарь под ред. Н. З. Котеловой *Новые слова и значения*, вышедший в 1984 году.

Думается, читателям данного пособия будет любопытно узнать еще о некоторых довольно известных словарях, изданных в нашей стране:

В 1847 году вышел четырехтомный «Словарь церковно-славянского и русского языка», содержащий уже 114749 слов (переиздан в 1867 году).

В 1895 году вышел I том нового академического словаря, подготовленный под редакцией Я. К. Грота, содержащий 21648 слов. В этом томе приводится богатый иллюстративный материал из произведений писателей, дается хорошо продуманная система грамматических и стилистических помет. После смерти Грота (в 1893 году) изданием стал руководить А. А. Шахматов (до 1920 года), отказавшийся от принципа нормативности словаря, от стилистических помет и

оценочных указаний. Под его редакцией вышел II том словаря, а дальнейшие выпуски (словарь выходил до 1929 года) осуществлялись по его плану.

В 1981 году был издан «Школьный толковый словарь русского языка» М. С. Лапатухина, Е. В. Скорлуповской, Г. П. Снетовой. Словарь содержит сведения о значении слов, их написании, произношении, морфемном составе, морфологических признаках.

В 1971 году вышел справочник «Новые слова и значения» вышел. Под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. Словарь содержит около 3500 новых слов и выражений, появившихся в активном употреблении в периодической печати и художественной литературе главным образом в период 50–60-х годов XX в. Новое издание словаря, построенное на материалах писем и литературы 70-х годов, вышло в 1984 году.

В 80-е годы Институт русского языка АН СССР выпустил серию словарей – «Новое в русской лексике. Словарные материалы» / Под ред. Н. З. Котеловой. Словари информировали о новых словах, значениях слов, зарегистрированных по материалам прессы и периодики.

В середине XIX в. стали издаваться академические диалектные словари: «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» (1858). В них собрано довольно большое количество материала (в первом – 18011 слов, во втором – 22895 слов). Оба издания представляют интерес как первая серьезная попытка научной обработки и систематизации данных о территориальных диалектах.

В конце XIX – начале XX в. были опубликованы «Словарь областного Архангельского наречия» А. Подвысоцкого (1885), «Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. П. Якушкина (1896), «Словарь областного Олонецкого наречия» Г. П. Куликовского (1898), «Областной словарь колымского русского наречия» В. Г. Богораза (1901), «Кашинский словарь» П. Т. Смирнова (1901), «Словарь ростовского говора»

В. Волоцкого (1902), «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (1908), «Словарь уездного череповецкого говора» М. К. Герасимова (1910), «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского (1914).

В советское время вышли «Донской словарь» А. В. Миртова (1929), «Краткий ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко (1961), «Словарь русских донских говоров» (1975–1976), «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (1969), «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино, Рязанского района, Рязанской области)» (1969), «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» О. П. Беляевой (1973). Выходят «Словарь русских говоров Среднего Урала» (с 1964), «Псковский областной словарь» (с 1967 г.), «Словарь смоленских говоров» (с 1974), публиковались материалы по курско-орловским, брянским говорам и др.

В конце 80-х годов велась большая работа по составлению многотомного «Словаря русских народных говоров» (под руководством Ф. П. Сороколетова), включающего около 150 000 народных слов, не встречающихся в современном литературном языке.

Основным историческим словарем русского языка являются «Материалы для словаря древнерусского языка» акад. И. И. Срезневского (словарь был напечатан в 1893–1912 гг. после смерти автора, переиздан в 1958 году). Словарь содержит много слов и около 120000 выдержек из разнообразных памятников русской письменности XI–XIV вв., что сохраняет за ним значение одного из лучших древнерусских словарей.

Словарный состав русского языка XV–XVII вв. получил некоторое отражение в «Материалах для словаря древнерусского языка» А. А. Дювернуа (1894). Словарь содержит около 6000 слов, взятых из сравнительно небольшого количества памятников. Недостатком словаря является отсутствие русских пояснений, которые заменены латинскими переводами.

В 1903 году был издан «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, содержащий многочисленные факты и ссылки на исторические документы.

В 1937 году были опубликованы под редакцией Б. Д. Грекова «Материалы для терминологического словаря древней России» Г. Е. Колчина, содержащие разнообразные общественно-политические и экономические термины из исторических документов XI–XV вв. Термины расположены в алфавитном порядке, в конце работы приложена их тематическая классификация.

Огромный исторический материал содержит «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (с 1975 по 1986 год опубликовано 11 выпусков). В 1984–1985 гг. был издан «Словарь русского языка XVIII в.» (под редакцией Ю. С. Сорокина).

Первым русским этимологическим словарем был «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» Ф. С. Шимкевича (1842). В словаре разработано 1378 корней обиходных русских слов, во многих случаях имеются произвольные сопоставления и ошибочные утверждения. Следующим в хронологическом порядке был «Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими» М. П. Изюмова (1880), стоявший также на невысоком теоретическом уровне. Выше по качеству, хотя и несвободным от неверных объяснений, был «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н. В. Горяева (1892). Наиболее известен из дореволюционных изданий «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (1910–1916; окончание было опубликовано в 1949 г., позднее осуществлено переиздание всей книги). Словарь содержит объяснение этимологии многих общеупотребительных русских слов и части заимствованных. Как те, так и другие группируются по первообразным словам или по корням. Хотя словарь далеко не полон и содержит немало устаревших или просто неверных объяснений, он служит важным пособием по этимологии.

В 1970 году появился «Этимологический словарь русского языка» Г. П. Цыганенко. Словарь имеет научно-популярный характер и в качестве справочного пособия предназначен для учителей-словесников и учащихся средней школы.

В 1950–1958 гг. в Гейдельберге вышел трехтомный «Русский этимологический словарь» М. Фасмера (в 1964–1973 гг. под названием «Этимологический словарь русского языка» с дополнениями О. Н. Трубачева он был издан на русском языке в четырех томах; 2-е изд. М., 1986).

Еще одно очень современное издание...

Этот словарь является самым обширным из словарей данного типа, однако он не свободен от неточностей, неоправданных сопоставлений.

Представляет интерес издание многотомного «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд», которое осуществлялось под редакцией О. Н. Трубачева.

Вып. 1 (1974) содержит предисловие с изложением принципов реконструкции праславянской лексики, списки литературы и собственно словарь. В 1999 г. был издан в двух томах «Историко-этимологический словарь современного русского языка». Автор – П. Я. Черных.

К типу этимологических словарей примыкает «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова, содержащий сведения о происхождении и судьбе около 4000 названий наиболее крупных географических объектов СССР и зарубежных стран (1966), а также «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского, включающий около 2600 личных имен и сообщающий сведения об их происхождении (1967), и «Словарь названий жителей (РСФСР)» (под редакцией А. М. Бабкина), в котором собрано около 6000 названий жителей населенных пунктов Российской Федерации и названий жителей столиц союзных республик (1964), «Словарь названий жителей СССР» (под редакцией А. М. Бабкина и Е. А. Левашова), в приложении к которому приводятся также названия жителей городов зарубежных стран (1975).

Конечно, мы совершенно уверены, что могли и пропустить некоторые из словарей, изданные и издающиеся в нашей стране практически непрерывно – действительно, это чрезвычайно обширная область науки, издательского дела и пр. Но мы попытались хотя бы привлечь ваше внимание к этой и чрезвычайно интереснейшей части исследования языка, надеясь, что читатель, ученый, любой, кто заинтересуется этим, продолжит самостоятельно и список словарей и их классификацию!

Примерные вопросы к экзаменам и зачетам

1. Современный русский литературный язык как предмет научного изучения. Понятие системы применительно к современному русскому языку.

2. Фонетика как раздел языкознания. Сегментные и суперсегментные фонетические единицы. Система звуков русского языка.

3. Фонология. Звук (фон) и фонема. Основные функции фонемы: перцептивная и сигнификативная. Ряд позиционно чередующихся звуков как область реализации фонемы.

4. Орфоэпия как раздел языкознания. Орфоэпические нормы и фонетическая система русского языка. Понятие интерференции.

5. Графика и орфография. Принципы русской орфографии.

6. Современный русский литературный язык как предмет изучения.

7. Русский язык — язык великого русского народа. Русский язык в кругу родственных и других языков. Русский литературный язык — нормированная и обработанная форма общенародного языка. Русский язык как средство межнационального общения и один из мировых языков.

8. Предмет и задачи фонетики. Общая, описательная, сопоставительная и историческая фонетика. Экспериментальные методы изучения фонетики.

9. Аспекты изучения звуковых единиц языка: акустический, биологический (артикуляционный), собственно лингвистический (функциональный).

10. Общая характеристика звуковых единиц языка. Сегментные и суперсегментные единицы.

11. Интонация, элементы интонации.
12. Ударение. Фонетическая природа ударения в русском языке. Виды ударения. Функции ударения.
13. Фонетическое членение речи. Фраза, синтагма (речевой такт), фонетическое слово. Проклитики и энклитики.
14. Понятие слога. Основные теории слога. Правила русского слогоделения. Слогораздел и типы слогов в русском литературном языке.
15. Классификация гласных звуков русского литературного языка. Характеристика гласных по степени подъема языка, по зоне образования, по наличию — отсутствию лабиализации.
16. Классификация согласных звуков русского литературного языка. Характеристика согласных по участию в их образовании голоса и шума, по месту и способу образования, по наличию — отсутствию палатализации.
17. Понятие «фонетическая позиция» («позиция»). Сильные и слабые позиции звуков (фонем). Чередование звуков. Фонетические и исторические чередования звуков. Морфологические чередования.
18. Сильные и слабые позиции гласных. Позиционные изменения и позиционная мена гласных. Аккомодация гласных. Редукция гласных.
19. Сильные и слабые позиции согласных по звонкости — глухости. Сильные и слабые позиции согласных по твердости — мягкости (по палатализации).
20. Орфоэпия. Понятие старомосковского произношения. Варианты литературных норм. Источники отклонения от норм произношения.
21. Нормы орфоэпии в области гласных.
22. Нормы орфоэпии в области согласных. Произношение сочетаний согласных.
23. Произношение иноязычных слов.

24. Произношение отдельных грамматических форм.

25. Понятие фонемы. Фонематические и нефонематические различия. Фонема и звук.

26. Различия между Московской и Ленинградской (Санкт-Петербургской) фонологическими школами в определении фонемы и ее аллофонов (вариантов и вариаций).

27. Система гласных фонем. Вопрос о фонеме <ы>.

28. Система согласных фонем. Вопрос о фонемах <г'><к'><х'><ш'><ж'>.

29. Графика. Слоговой (фонетико-позиционный) принцип русской графики.

30. Русский алфавит. Соотношение букв и звуков. Обозначение на письме согласных и гласных звуков.

31. Обозначение на письме мягкости согласных звуков и звука <ј>.

32. Звуковые значения букв. Однозначные и двузначные буквы.

33. Отступления от слогового принципа русской графики.

34. Основы морфологической и генеалогической классификации языков. Место русского языка в морфологической и генеалогической классификации языков. Методы научно-педагогических исследований. Методы научного исследования в методике преподавания русского языка.

35. Понятие «литературный язык» в отличие от понятий «национальный язык», «язык народности», «язык художественной литературы», «письменный язык» и др. Литературный язык и диалекты. Общая характеристика русского национального языка. Понятие «современный русский литературный язык». Происхождение русского литературного языка.

36. Единицы языка; иерархические, парадигматические и синтагматические отношения между единицами языка. Уровневая модель системы языка. Полевая модель системы языка. Образовательная, развивающая и воспитательная функции обучения. Цели обучения русскому языку в школе.

37. Методы изучения и описания языка. Сравнительно-исторический метод изучения языка. Структурно-семантический метод описания языка и др.

38. Понятие изменения и развития языка: внешние и внутренние факторы языковых изменений. Основные изменения в системе русского языка (в фонетике и орфоэпии, лексике, фразеологии, словообразовании, морфологии и синтаксисе) в XX веке.

39. Общая характеристика звуковой системы русского языка: сегментные и суперсегментные звуковые единицы, их характеристика; аспекты изучения звуковой стороны языка. Классификация методов обучения в дидактике. Методы обучения русскому языку. Условия выбора метода.

40. Фонетика и фонология. Понятие о фонеме. Фонологические школы. Методика изучения фонетики. Содержание работы, принципы. Методика проведения фонетического разбора.

41. Система гласных и согласных звуков и система гласных и согласных фонем современного русского языка. Содержание образования в школе. Содержание школьного курса русского языка.

42. Позиционные изменения и позиционная мена гласных и согласных фонем (их изменения в потоке речи). История гласных и согласных звуков. Учебник как основное средство обучения.

43. Графика, ее задачи, основной принцип, отступления от основного принципа. Виды диктантов по русскому языку. Методика их проведения.

44. Правила графики в системе русского правописания. История русской графики. Принципы построения действующих учебников по русскому языку.

45. Лексикография, ее предмет и задачи; типы словарей. Филологические и энциклопедические словари. Важнейшие филологические словари русского языка: толковые, этимологические, морфологические, диалектные; словари трудностей и др.

46. Содержание и структура важнейших толковых словарей русского языка. Структура словарной статьи в толковом словаре.

47. Основные аспектные словари русского языка, их назначение.

48. Соотношение русского письма и произношения: фонетические и нефонетические написания; определяемые и не определяемые произношением написания.

Примерная тематика контрольных работ и рефератов

1. Основные фонетические отличия раннедревнерусской языковой системы от южнославянской системы, отраженной в старославянских памятниках письменности (восточнославянские результаты праславянских фонетических изменений).
2. Система гласных древнерусского языка эпохи древнейших памятников письменности («исходная система»)
3. Система согласных древнерусского языка эпохи древнейших памятников письменности («исходная система»).
4. Фонетические диалектные явления периода древнейших памятников письменности.
5. Падение редуцированных и его последствия для фонетической системы русского языка.
6. История [ѣ] и [ѣ̋] редуцированных в русском языке.
7. Судьба сочетаний типа *tъrt в истории русского языка. Вопрос о втором полногласии и его истоках.
8. Судьба сочетаний типа *trъt в восточнославянских диалектах.
9. Фонема /ô/. Ее происхождение в восточнославянских диалектах и дальнейшая судьба.
10. История формирования корреляции согласных по твердости/мягкости.
11. История гласных среднего подъема в русском языке.
12. Судьба фонемы /ě/ по диалектам русского языка.
13. Древнейшие восточнославянские диалектные различия в области морфологии.

Практические работы (образцы заданий)

Контрольная работа №1

Задание 1. Сделайте фонетическую транскрипцию. В словах, выделенных курсивом, охарактеризуйте позиции согласных звуков по звонкости-глухости, мягкости-твёрдости.

Бренчание, отместка, облегчить, конференсье, бесчувственность, сумасшедшие, Тбилиси, Афганистан, изъезженный, благородство, язычник, счастливый, скворечник, с шапкой, с Жучкой, начдив, Гинцбург, архаизм, фашистский, экземпляр.

Задание 2. 1. Сделайте фонетическую транскрипцию (при наличии аккомодации отметьте, прогрессивная или регрессивная);

2. **Выпишите:** а) примеры, где встречается йот в слабой позиции и «глухой» йот.; б) примеры ассимиляции (охарактеризуйте ассимиляцию: по какому признаку, прогрессивная или регрессивная, полная-частичная); в) примеры дизерезы.

А. Туманная и тихая лазурь

Над грустно-сиротеющей землею,

И, как предчувствие сходящих бурь,

Порывистый, холодный ветер порою.

Ущерб, изнеможение – и на всем

Та кроткая улыбка увяданья,

Что в существе разумном мы зовем

Божественной стыдливостью страданья.

(Ф. Тютчев)

Б. Если в человеческих душах забрезжит чувство их многосложности, если они... прорвутся сквозь иллюзию единства личности, ощутят себя клубком из множества «я», то стоит им лишь замкнуться в этом, большинство призовет на помощь науку и констатирует пизофрению. (Г. Гессе)

В. Свободен путь под Фермопилами

На все четыре стороны.

И Греция цветет могилами,

Как будто не было войны.

А мы – Леонтьева и Тютчева

Сумбурные ученики –

Мы никогда не знали лучшего,

Чем праздной жизни пустяки. (Г. Иванов)

Г. ... книжка со стихами Мандельштама впервые ввела меня в «роковое раздумье». Стихи, подписанные неизвестным именем «О. Мандельштам» переливались, сияли, холодели, как звезды в воде. И от этого «звездного» соседства очень уж явно обнаруживалась природа всего окружающего – типографская краска и «верже» высшего качества. (Г. Иванов).

Задание 3. Перечислите согласные звуки, артикуляция которых характеризуется а) участием переднего неба; б) полным прекращением протекания воздуха через ротовую полость и опускание увулы; 2. при артикуляции которых а) воздух просачивается через щель в середине ротовой полости (между языком и зубами или небом); б) язык приподнят к мягкому небу.

Задание 4. Дана группа согласных, имеющих общие артикуляционные характеристики. Какой из представителей группы лишний? Почему?

1. п, б, м, м', ф, в, п', м, б, м.

2. п, б, т, д, с, з, к, г.

3. д', ж', р, р'.

4. ж, ж', ј, љ, љ', х, х'/

Задание 5. Решите предложенные пропорции. Укажите признаки, по которым противопоставляются звуки, входящие в пропорции, а также признаки, которые являются общими у противопоставляемых звуков. (Звездочкой* отмечено усложненное задание.)

1. с: т = х: ... = ж: ...

2. ...: ш = ...ф = з':...

3. с: = ...:ч = ...:а':ж' (*)

Задание 6. Дайте полную артикуляционную характеристику звукам (гласным и согласным), из которых состоят следующие слова:

1. *отзвеневающий, Учгиз, Цюрихский;*

2. *отдающий, Шницберген, Пруссия.*

Задание 7. Определите слово по описанию составляющих его звуков:

А.

1. Согласный, губной, взрывной, глухой, твердый.

2. Гласный, безударный, заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный.

3. Согласный, зубной, боковой, щелевой. Сонорный, мягкий.

4. Гласный, слабуюдаренный, переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.

5. Согласный, зубной, взрывной, глухой, твердый.

6. Согласный, переднеязычный, дрожащий, сонорный, твердый.

7. Гласный, безударный, среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный.

8. Согласный, губной, взрывной, звонкий, твердый.

9. Гласный, ударный, заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный,

10. Согласный, зубной, щелчковый, глухой в экскурсии. Мягкий в рекурсии.

11. Гласный, безударный, переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.

12. Согласный, заднеязычный, заднеязычный, взрывной. Глухой, твердый.

Б.

1. Согласный, губной, взрывной, глухой, твердый.

2. Гласный, слабуюдаренный, заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный.

3. Согласный, зубной, боковой, щелевой, сонорный, твердый.

4. Гласный, безударный, заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный.

5. Согласный, губной, взрывной, глухой, твердый.

6. Согласный, переднебный, дрожащий, сонорный, твердый.

7. Гласный, безударный, заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный.

8. Согласный, губно-зубной, щелевой, звонкий, твердый.

9. Гласный, безударный, заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный.

10. Согласный, зубной, щелчковый, звонкий в экскурсии, мягкий в рекурсии.

11. Гласный, ударный, переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.

12. Согласный, заднеязычный, заднебный, взрывной, глухой, твердый.

Контрольная работа № 2

Задание 1. Затранскрибируйте текст. Сделайте слово – и морфофонематическую транскрипцию выделенный курсивом слов.

А. *Земля надевала шубу из листьев, готовилась к зиме, утихали звуки на ней, и только шорох был всюду от листа, и шум от речек, заполнивших от больших рос, инеев и часто перепадающих, но пока незатяжных дождей.* (Астафьев).

Б. Но гора, на которой мы стояли, жила вроде бы *отдельно от всего* леса. Она была *обрублена* лет десять назад, и пней на горе было много, гнилых, с заплесневевшими срезами и *сопревшими* опятами *по бокам*. (Астафьев)

Задание 2.

Перечислите русских ученых-лингвистов, внесших вклад в развитие отечественной фонологии. (В скобках укажите, к какой из двух школ они принадлежат – МФШ или ЛФШ. (СПФШ))

Кратко охарактеризуйте различия между МФШ и ЛФШ по следующим пунктам: а) вычленение и граница фонемы; состав гласных фонем; в) состав согласных фонем.

Задание 3.

Приведите русские слова, в орфографии которых соблюдается: 1.фонетический принцип написания. 2.морфемно-фонематический принцип написания. (4–5 примеров).

Задание 4.

Дана группа согласных и гласных звуков. Расположите их в определенном порядке (вертикально – от менее звучных к более звучным в соответствии со шкалой звучности Аванесова и Есперсена (уровни 1–10)).

С, м, л, д, ф, в, э, а, у, ц, и, о, з, ж, р, н, ш, х, к, г, п, б, т, ч, дз, ј/

Задание 5.

Согласно законам русского слогоделения (по М. Панову) разбейте выделенные курсивом слова на слоги. Охарактеризуйте типы слогов (неприкрытый – прикрытый, открытый – закрытый). Для слов, отмеченный знаком*, постройте график волны сонорности (уровни 1–4).

А. В *огне* и *холоде* *тревог* –

Так жизнь пройдет. *Запомним* оба,
Что встретиться* судил нам Бог
В час искупительный* у гроба. (Блок).

Б. Таков наш безначальный* мир.

Сей конус – наша ночь *земная*.

За ней – опять, опять *эфир*.
Планета плавит золотая*. (Блок)

Задание 6.

Сделайте фонетическую и фонологические транскрипции слов с побочным ударением:

- сельскохозяйственный, клятвопреступление;
- 2. морозостойчивый, времяпрепровождение.

Задание 7.

Какими звуками могут быть представлены в русском языке следующие фонемы (приведите примеры): <с>, <а>, <в>.

Задание 8. Даны слова:

связать, сдунуть, сжать, сшить, сделать, соль, посолить, соляной.

Что можно сказать о фонологическом статусе выделенной в префиксальной и корневой морфеме единицы а) руководствуясь положениями МФШ (указать процесс); б) руководствуясь положениями ЛФШ (указать процесс)

Контрольная работа № 3

1. Подберите по три примера, иллюстрирующие каждый из следующих фонетических процессов:

ассимиляция, диереза, оглушение конечного согласного, аккомодация, редукция.

2. Составьте лингвистическую задачу: с помощью артикуляционных терминов зашифруйте звуки трех слов.

3. Проанализируйте с позиций сонорной теории слога пять слов. Составьте графики.

4. Дополнительное задание: найдите в стихотворной речи примеры использования слогообразующих согласных.

С помощью словарей («Орфоэпический словарь русского языка») п/ред. Р. И. А. Гончарова Аванесова,

«Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. И. Теленковой и др. найдите случаи акцентной дифференциации:

- а) слов;
- б) форм одного слова;
- в) нормативных и стилистически сниженных (высоких) вариантов;
- г) нормативных и стилистически сниженных (высоких) вариантов;
- д) общеупотребительных и профессиональных (устаревших) вариантов слова.

5. Сделайте фонетическую транскрипцию 25 строк стихотворного текста (поэты XIX – XX вв. за исключением А. С. Пушкина).

6. Назовите ученых, внесших значительный вклад в разработку фонетической проблематики (с указанием частной области, в которой они работали).

Список дополнительной литературы для подготовки к экзаменам, зачетам и написанию рефератов и контрольных работ

-
1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. – М., 1955.
 2. Архипова Е. В. Лингвистический тренажер по русскому языку: правила, алгоритмы, тесты. – М.: Просвещение, 2007.
 3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
 4. Буланин А. А. Фонетика современного русского литературного языка. – Л., 1970.
 5. Виноградов В. В. Русский язык. – М., 1972.
 6. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культуры // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.
 7. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. – М., 1996.
 8. Герцев С. Д. Текст. Структура и семантика. – М., 2001.
 9. Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. – М., 1999.
 10. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. – Л., 1971.
 11. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
 12. Жинкин Н. И. Механизмы речи. – М., 1958.
 13. Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – М., 1976.

14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
15. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке. – М., 1990.
16. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. – М., 1963.
17. Крысин Л. П. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. Академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки русской культуры, 2003.
18. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. – М., 2001.
19. Лаптева О. А. Теория современного русского литературного языка. – М., 2003.
20. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1962.
21. Лопушанская С. П., Горбань О. А., Шептухина Е. М. Страницы истории русского языка: Кн. Для учащихся 8–11 кл. – М.: Просвещение, 2007.
22. Лурия А. Р. Речь и мышление. – М., 1975.
23. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М., 1979.
24. Моисеев А. И. Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография. – М., 1980.
25. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974.
26. Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. – М., 1979.
27. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.
28. Пономарева А. М. Русский язык: культура речи, текст, функциональные стили, редактирование. – М., 2005.

29. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958.
30. Радугин А. А. Русский язык и культура речи. – М., 2004.
31. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А., Ткаченко Н. Г. Русский язык. – М., 2000.
32. Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М.: Московская международная школа переводчиков, 1994.
33. Русская грамматика. – Т.1. – М., 1980.
34. Современный русский язык / Под. Ред. В. А. Белошапковой. – М., 1997.
35. Современный русский литературный язык / Под. ред. П. А. Леканта. – М., 1988.
36. Современный русский язык/ Под. Ред. Н. С. Валгиной. – М., 2001.
37. Современный русский язык. Анализ языковых единиц / Под ред. Е. И. – М., 1995.
38. Современный русский язык/ Под. Ред. Л. А. Новикова. – СПб., 2001.
39. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. – М.: Лексика, 1977.
40. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

СЛОВАРИ (для самостоятельной работы)

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 1975.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990 и др. изд.
4. Ломов А. Г. А. Н. Тихонов, А. А. Ломова. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык – Медиа, 2003.
5. Ломов А. Г. А. Н. Тихонов, А. В. Королькова. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2-х томах. – М., Флинта, 2004.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз., 1985.
7. Орфографический словарь русского языка под ред. С. Г. Бархударова И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова. – М., 1977.
8. Орфоэпический словарь русского языка // Под. Ред. Р. И. Аванесова. – М., 1983.
9. Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. 2-е изд. – М., 1964.
10. Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лекина и Ф. Н. Петрова. – М., 1979.
11. Словарь русского языка XI—XVII вв. – М., 1975. — Вып. 1 — и др.
12. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. – Л., 1970–1971.
13. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. Т. 1–3. – М., 1958.

14. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русской языка. – М., 1978.

15. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. Т. 1–4.

16. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М., 1987.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. 3-е изд. – М., 1975.

17. Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н. М. Шанского. – М., 1961.

Сборники упражнений (для самостоятельной работы)

1. Валгина Н. С. Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Сборник упражнений по современному русскому языку. – М., 1987.

2. Ковалев В. П. Практикум по современному русскому языку. – М., 1974.

3. Современный русский язык. Сборник упражнений // Под. Ред. П. А. Леканта. – М., 1994.

3. Современный русский язык. Сборник упражнений // Под. Ред. В. А. Белошапковой. – М., 1990.

Примечания и комментарии

¹ Виктор Владимирович Виноградов – советский академик (1946), филолог, литературовед, лингвист-русист. Лауреат Сталинской премии (1951), автор трудов «Исследования в области фонетики северно-русского наречия», «Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.» и др.

² Мы приводим текст работы В. В. Виноградова о происхождении русского языка в адаптированном варианте со сносками и ссылками

³ Имперфект - (от лат. imperfectus - незавершенный) (прошедшее несовершенное) - видовременная форма глагола в ряде индоевропейских и других языков, выражающая действие как продолжавшееся в прошлом, обычное в прошлом, безотносительно к его завершенности или незавершенности.

⁴ Соболевский Алексей Иванович (1857-1929) - лингвист, палеограф, историк литературы. Среди многочисленных научных достижений Соболевского — описание и датировка большого фонда восточнославянских рукописей, открытие второго южнославянского влияния, изучение диалектных особенностей многих древнерусских регионов, открытие нескольких датирующих признаков в палеографии, достижения в этимологии. Принимал активное участие в деятельности Союза русского народа, был председателем Московского Спасского отдела в Санкт-Петербурге, членом Главного Совета СРН и товарищем председателя. Член-корреспондент (1893), с 1900 действительный член Императорской Академии наук (впоследствии АН СССР).

⁵ Ономастика (от греч. ὀνομαστική - искусство давать имена) - раздел лингвистики, изучающий собственные имена, историю их возникновения и преобразования в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием у других языков общения. В более узком смысле ономастика - собственные имена различных типов (ономастическая лексика).

⁶ Топонимика (от греч. τόπος (topos) - место и ὄνομα (ōnoma) - имя, название) - раздел ономастики, изучающая историю создания, преобразования и функционирования географических названий (топонимов). Исторический компонент в топонимике обязателен, но это не история стран и народов, а история языка. Ни одно историческое событие не отражается в языке непосред-

ственно. Следы его могут быть лишь косвенно обнаружены в отдельных словах. Географический компонент также не чужд топонимике, но и это особая лингвистическая география, занимающаяся изучением «расселения» по поверхности земли отдельных слов. Топонимия - совокупность названий на какой-либо территории. Основное и главное значение и назначение географического названия — фиксация места на поверхности земли.

⁷ Корш Федор Евгеньевич (1843-1915) - русский филолог-классик, славист, востоковед, стиховед, поэт-переводчик. Академик Петербургской Академии наук (1900).

⁸ Автохтон (от лат. *autos* сам, *chton* земля) - представитель группы (популяции человека), этногенез которой проходил на данной территории, без существенного притока населения извне. Близкое понятие - абориген.

⁹ Норманисты – представители норманнской теории - направления в историографии, сторонники которого считают норманнов (варягов) основателями первых государств восточных славян - Новгородской, а затем и Киевской Руси. Фактически это следование историографической концепции «Повести временных лет» (начало XII века), с тех пор оспаривавшейся, дополненное идентификацией летописных варягов как скандинавов-норманнов (до сих пор наиболее распространенной). Норманская теория была сформулирована в середине XVIII в. при Анне Иоанновне немецкими историками на российской службе Г. Байером, Г. Миллером и др. Немецкие ученые использовали сообщения «Повести временных лет» о том, что в 862 г. для прекращения междоусобиц, некоторые племена восточных славян (кривичи и ильменские словене) и финно-угров (весь и чудь) обратились к варягам с предложением занять княжеский престол («земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, поидите княжити и володети нами»). Три брата-варяга - Рюрик, Синеус и Трувор откликнулись на призыв славян. Рюрик стал править в Новгороде, Синеус - в Белоозере, а Трувор - в Изборске. В XVIII веке известен как сторонник теории А. Л. Шлецер. Ряд современных историков считает, что Синеуса и Трувора на самом деле не существовало (в переводе с древнешведского языка слова «сине хус трувор» означают «с домом и дружиной»). Далее немецкие ученые утверждали, что образование государственности у восточных славян — заслуга исключитель-

но норманнов и делали на основе слов летописи об «отсутствии порядка» выводы об отсталости славян в данный период и их неготовности к образованию государства. Выводы историографии XVIII века (опираясь также на «Повесть временных лет») приняли Н. М. Карамзин, за ним М. П. Погодин и другие русские историки XIX века. Против этой теории активно выступали М. В. Ломоносов, Д. И. Иловайский и др. (часто предлагая также иную, негерманскую идентификацию варягов, как Ломоносов, Болтин и другие). Ломоносов, в частности, утверждал, что Рюрик был родом из полабских славян, которые имели династические связи с князьями ильменских словен (этим и было обусловлено его приглашение на княжение). Ряд противников норманской теории (антинорманисты) признавали, что в основе легенды лежит реальный исторический факт вокняжения в Новгороде скандинава Рюрика, иногда добавляя версию о том, что на самом деле приглашен он был как военный наемник, а власть узурпировал самостоятельно. Заслуга Рюрика заключается, согласно учению антинорманистов, в том, что он только положил начало первой правящей династии на Руси — Рюриковичей. Но сами варяги вскоре ославянились (уже внук Рюрика носил славянское имя Святослав) и не оказали заметного влияния на развитие социально-экономических и политических процессов у славян. Насадить государство неподготовленному обществу невозможно. В XIX веке научный спор вокруг проблемы сводился, тем не менее, в основном к вопросу идентификации варягов; ряд учёных разделял вопросы происхождения правящей династии и государственности, многие занимали промежуточную позицию. Историк Н. П. Ламбин критиковал мнение Н. И. Костомарова о жмудском происхождении варягов. В XX веке в советской историографии соответствующая проблематика была прямолинейно политизирована и оформлена в виде противостояния патриотического антинорманизма и антирусского и антинаучного норманизма.

¹⁰ Марр Николай Яковлевич (1865-1934) - русский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР. После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке», или «яфетической теории».

¹¹ Середонин Сергей Михайлович (1860-1914) – российский историк, профессор историко-филологического института. Оставил труды по исторической географии, истории России XIX века, исследовал и публиковал сочинения иностранных ученых о России.

¹² Шахматов Алексей Александрович (1864-1920) – теоретик и историк русского языка. Участвовал в Комиссии по выработке проекта реформы орфографии в 1918 году. Исследователь древнерусских рукописных сводов. Автор труда по синтаксису русского языка.

¹³ Карский Евфимий Федорович (1861-1931) - российский филолог, профессор, академик Петербургской (1916) и Российской (1917) академии наук, действительный член АН СССР (1925). Труды по белорусскому языку, литературе и культуре, истории белорусского народа, древнерусской палеографии и памятникам древнерусской письменности.

¹⁴ Будде Евгений Федорович (1859-1929) – языковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук, занимался диалектологией и историей русского литературного языка.

¹⁵ Пресняков Александр Евгеньевич (1870-1929) – историк, член-корреспондент АН СССР. Работал над историей древнерусского государства и права, политической историей XIX века? историей русского революционного движения.

¹⁶ Петровский Н. М (1875-1921) – казанский славист. Его перу принадлежит свыше трехсот работ, посвященных, в основном, истории, литературе, культуре болгар, сербов, словенцев, хорватов, чехов, словаков, поляков. Примерами таких работ, богатых фактическим материалом, могут служить магистерская диссертация ученого «О сочинениях Петра Григоровича» - одного из видных представителей хорватской литературы XVI в., его докторская диссертация «Первые годы деятельности В. Копитера» - видного представителя словенского возрождения.

¹⁷ «Слово о законе и благодати» - один из древнейших памятников древнерусской литературы. Написано митрополитом Иларионом в середине XI века. Полное название: «О законе Моисеем данеом, и о благодети и истине Иисус Христом бывший, и како закон отиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера в вся языки простресея и до нашего языка (народа) рускаго, и похвала кагану нашему Влодимеру, от негоже крещени быхом, и молитва к Богу от всеа земля нашае». Академик Дмитрий

Сергеевич Лихачёв пишет о «Слове»: Тема «Слова» — тема равноправности народов, резко противостоящая средневековым теориям богоизбранничества лишь одного народа, теория все-ленской империи, или вселенской церкви. Иларион указывает, что Евангелием и крещением Бог «все народы спас», прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на «богоизбранничество» только одного народа. Дошло в рукописях XIII и XIV веков.

¹⁸ Срезневский Измаил Иванович (1812-1880) - знаменитый русский филолог-славист, этнограф и палеограф. Основатель Отделения русского языка и словесности АН, основоположник школы петербургских славистов. Область научных интересов Срезневского — история русского языка, основы университетского преподавания которой заложил цикл лекций «Мысли об истории русского языка» (1849), диалектология (с целью изучения народных говоров и славянского фольклора Срезневский путешествовал по Чехии, Моравии, Хорватии и др.), палеография («Славяно-русская палеография 11–14 вв» (изд. в 1885)), методика преподавания языка, древнерусская литература. На протяжении всей научной деятельности Срезневский собирал «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (изд. посмертно в 1893–1912).

¹⁹ С. Бугге, Ф. Браун, А. Норрен и др. - зарубежные и отечественные ученые филологи, специалисты в области скандинавской литературы и филологии XIX – начала XX века.

²⁰ Кирилл и Мефодий - братья из г. Солуни (Салоники) — славянские просветители, создатели славянской азбуки, проповедники христианства. Кирилл (ок. 827-869; до принятия в 869 монашества - Константин, Константин Философ) и Мефодий (ок. 815-885) происходили из знатной греческой семьи. В семье было семь сыновей, причем Мефодий - старший, а Кирилл - младший из них. Мефодий, после десяти лет «светской жизни», принял монашество в одном из монастырей на горе Олимп в Малой Азии вблизи Мраморного моря. Кирилл обучался у лучших учителей Константинополя философии, диалектике, геометрии, арифметике, риторике, астрономии, а также разным языкам, где за свой ум и выдающиеся познания получил прозвание Философа. Окончив учение, Константин принял сан священника и поступил на службу библиотекарем при соборе Святой Софии в Константинополе. Умело вел богословские

споры с мудрецами, но стремился к благоверной жизни. Некоторое время жил в уединении, а затем удалился в монастырь к брату Мефодию. В 862 году братья были приглашены из Византии князем Ростиславом в Великоморавскую державу для введения богослужения на славянском языке. Кирилл здесь начал работу над переводом на славянский язык текстов Священного Писания. В 863 году с помощью брата Мефодия и учеников он составил церковнославянскую азбуку и перевел на церковнославянский язык с греческого основные Богослужебные книги. Начиная с VII века, под влиянием высказываний Исидора Севильского, на латинском Западе сложилось убеждение, что хвала Богу может воздаваться только на трёх «священных языках»: еврейском, греческом и латинском. Поэтому Кирилл и Мефодий, проповедовавшие христианство в Моравии, были восприняты как еретики и вызваны в Рим. После того, как Кирилл убедил папу Римского Адриана в истинности своих с братом трудов, тот утвердил богослужение на славянском языке, и переведенные книги приказал положить в римских церквях. Братья были рукоположены в епископский сан. Находясь в Риме, после возвращения из Блатенского княжества, Константин заболел, принял схиму с именем Кирилла и через 50 дней скончался. Он был похоронен в церкви Святого Климента. Исполняя завет Кирилла, Мефодий продолжал просветительскую деятельность в славянских землях. После захвата Великой Моравии правителем Восточно-Франкского королевства Людовиком Немецким в 870 году, немецкие епископы добились ареста Мефодия, который был освобожден только в 873 году. Последние годы жизни Мефодий провел в столице Моравии - Велеграде. С помощью трех учеников он перевел на славянский язык Ветхий Завет, Номоканон и святоотеческие книги. Перед смертью своим преемником назначил ученика Горазда. Отпевание Мефодия происходило на трех языках - славянском, греческом и латинском. Моравский князь Святополк в 873 году изгнал немецких епископов, но в 874 году вновь принял их и начал гонения на последователей Кирилла и Мефодия. По его инициативе Мефодия обвинили в ереси, и уже в 885 году папа Римский Стефан V запретил славянское богослужение. Начались преследования учеников «солунских братьев»: часть из них продали в рабство, остальные бежали в Болгарию, Сербию и Хорватию. В 973 году был установлен запрет на поставление в епископы представите-

лей болгарского, русского или славянского языков. Только в Болгарии и в Киевской Руси наследие Кирилла и Мефодия нашло поддержку. В первую очередь, благодаря Кириллу и Мефодию, славяне обрели азбуку, которую использует и сегодня болгары, сербы, украинцы, белорусы, русские. Длительное время считалось, что Кирилл и Мефодий создали кириллицу, названную их именем. В настоящее время большинство ученых сходятся во мнении, что они создали более древнюю азбуку глаголицу, а кириллицу позднее создал их ученик Климент Охридский. Во-вторых, Кирилл и Мефодий первыми перевели на славянский язык Священное Писание и Богослужебные книги. К наследию Кирилла относится перевод Паримийника (чтений из Ветхого Завета и Нового Завета в православном Богослужении), Псалтири, Евангелия и Апостола, а также Четвероевангелия. Мефодий закончил перевод Библейских книг, Номоканона и святоотеческих книг. В-третьих, немало важной заслугой братьев является обретение мощей и прославление в славянских землях папы Римского. В ранней славянской литературе культ Климента занимает почётное место. Кроме того, в раннем русском христианстве культ Климента также имеет большое значение. В XI веке Климент Римский считается первым и главным заступником всей Русской земли и русского народа. В честь Кирилла и Мефодия в Болгарии и России празднуется День славянской культуры и письменности. Правительство Болгарии и Русская Православная Церковь учредили орден Кирилла и Мефодия.

²¹ Истрин Василий Михайлович (1865-1937) - филолог-славист, историк древнерусской литературы. Член-корреспондент АН (с 1902), академик (с 1907). Исполняющий обязанности председателя Отделения русского языка и словесности АН СССР (1924-1927), приват-доцент Московского университета (1891-1897), профессор Новороссийского университета (1897-1907).

²² Ламанский Владимир Иванович (1835-1914) - филолог-славист, историк, академик Российской Академии наук.

²³ Остромирово евангелие было написано по заказу новгородского посадника Остромира, который был приближенным киевского князя Изяслава, сына Ярослава Мудрого. Писец - диакон Григорий - в пространной приписке на последнем листе книги сообщает, что трудился над ней с 21 октября 1056 года по 12

мая 1057 года. Запись на первом листе - "Евангелие софейское апракос" - говорит о том, что рукопись была вкладом Остромира в Новгородский Софийский собор. Дальнейшая судьба памятника документально прослеживается лишь с начала XVIII века. Остромирово евангелие упоминается в описи имущества одной из церквей Московского Кремля, составленной в 1701 году. В 1720 году по указу Петра I собирались сведения о древних грамотах и рукописных книгах, сохранившихся в церквях и монастырях. И в этом же году Остромирово евангелие было отослано из Москвы в Санкт-Петербург. Затем след памятника вновь теряется на 85 лет, и только в 1805 году его обнаруживают среди вещей императрицы Екатерины II. Найденную рукопись император Александр I распорядился передать в рукописное отделение Публичной библиотеки, где она хранится по сей день. Передача Остромирова евангелия в Императорскую Публичную библиотеку положила начало его всестороннему изучению как с палеографической и лингвистической точек зрения, так и в качестве исторического источника. В числе первых исследователей памятника были А. Н. Оленин, Н. П. Румянцев, митрополит Евгений (Болховитинов), Н. М. Карамзин, А. И. Ермолаев, П. И. Кеппен. Много лет посвятил изучению рукописи А. Х. Востоков. В 1820 году он опубликовал монументальный труд "Рассуждение о славянском языке", а в 1843 году осуществил первое и до сих пор единственное тщательно подготовленное научное издание Остромирова евангелия с грамматическим комментарием и подробным словоуказателем. В дальнейшем многие крупные ученые (Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, Ф. Ф. Фортунатов, В. Н. Щепкин и др.) обращались к Остромирову евангелию как к памятнику, имеющему огромное значение для истории русского и славянского языкознания, для истории книжного дела, искусства и культуры Руси середины XI века. В 1988 году, к 1000-летию крещения Руси, вышло в свет факсимильное издание драгоценной рукописи. Остромирово евангелие было написано менее чем через 70 лет после принятия христианства и появления письменности на Руси. Совершенство каллиграфии и художественного оформления этой рукописи свидетельствует о быстром расцвете искусства книги в Древней Руси. Евангелие написано на прекрасно выработанном белом пергамене торжественным уставным письмом и богато украшено. В книге три больших изображения евангели-

стов Иоанна, Луки и Марка, красивые заставки в начале текста и отдельных глав, затейливо орнаментированные заглавные буквы. Все это выполнено яркими, не потускневшими за века красками и чистым (накладным) золотом. Особенно оригинальны и интересны инициалы Остромирова евангелия, в которых сложный геометрический орнамент переплетается с изображениями фантастических зверей и птиц, а в эти переплетения вписываются человеческие лица. В технике миниатюр и инициалов заметно влияние прикладного искусства того времени. Очертания фигур сделаны как будто из золотых пластинок, промежутки между которыми заполнены красками. Это очень близко к так называемой перегородчатой эмали, и многие заглавные буквы рукописи производят впечатление драгоценных ювелирных украшений. Но художественный облик Остромирова евангелия определяется не только украшениями. Любая раскрытая страница текста представляет собой прекрасное произведение рукописного искусства, характеризуется гармоничностью, тонким вкусом и высоким мастерством исполнения. Все это позволяет предположить, что диакон Григорий был не только замечательным каллиграфом, но и одаренным художником. Он с помощью мастеров-единомышленников создал подлинный шедевр - выдающийся памятник древнеславянской письменности и искусства книги Древней Руси.

²⁴ С именем Святослава Ярославича, князя Черниговского, связаны два сборника: "Изборник 1073 года." и "Изборник 1076 года". "Изборник" 1073 г. представляет перевод греческого сборника начала X в., сделанный для болгарского царя Симеона и переписанный для Святослава. По содержанию своему он очень разнообразен. В нем помещены извлечения из сочинений отцов церкви и других писателей на богословские темы, напр., "Исповедание веры" св. Никифора, патриарха константинопольского, "Ответы" Анастасия Синаита на предложенные вопросы, поучение о злой жене - отрывок из поучений Златоуста; на исторические темы, как, напр., "Летописец вкратце" патриарха Никифора, в котором изложены исторические события от Августа до Константина; на темы философские, Максима Исповедника и Феодора пресвитера Раифского, напр., статьи о естестве, количестве, качестве, различии; по вопросам теории словесности ("реторики"), Георгия Херобоска, как, напр., статья о приемах изображения и выражения, "о образех", т.е. о тропах и фи-

гура, из которых рассмотрены 97; вот некоторые из них: словие (аллегория), превод (метафора), сприятие (синекдоха), изобилие (плеоназм), лицетворье (олицетворение), отъимение (метонимия), поругание (ирония). Пример объяснения аллегории (инословия): "Инословие убо есть ино нечто глаголющи, и ин разум указующи, яко еже речено от Бога к змию: проклят и ты от всех зверий; слово бо яки змии есть, на диавола же ино речено (сказано) змием нарицаема, разумеваем".

Рукопись "Изборника" 1073 г. представляет и замечательный памятник древней рукописной живописи: на первом месте изображен князь Святослав с семьей; на втором месте изображен Иисус Христос, держащий в левой руке евангелие, и правую - благословляющий, по обеим сторонам Христа изображены два павлина; на третьем месте изображен храм с тремя куполами, на арке - лик Спасителя, а по сторонам храма - павлины и другие птицы.

По серьезности содержания "Изборник" 1073 г. представлял большие трудности для древней читающей публики.

Легче был по содержанию "Изборник" 1076 г. В состав его вошли статьи религиозно-нравственного характера: краткие толкования св. Писания, статьи о молитве, о посте, о чтении книг, "Поучения детям" Ксенофонта и Феодоры.

²⁵ «Александрия» или «сказания об Александре Македонском» - средневековый роман, имевший хождение на Руси с конца XIV века (в сербском варианте первоначально).

²⁶ Буслаев Федор Иванович (1818-1897) – русский филолог, искусствовед, академии Петербургской Академии наук с 1860 года. Автор работ по славянскому и русскому языкознанию, древнерусской литературе, устному народному творчеству, древнерусскому изобразительному искусству. Странник сравнительно-исторического метода в исследованиях истории русского языка.

²⁷ Древнерусский правовой сборник, сохранился только в «списках» (копиях) XIV, XV веков и более позднего времени. Вопрос о времени происхождения ее древнейшей части в науке спорен. Некоторые историки относят его даже к VII в. Однако большинство современных исследователей связывает Древнюю Правду с именем киевского князя династии «рюриковичей» Ярослава Мудрого. Старейшие издания восходят к 1280-м годам. Нормы Русской Правды были постепенно кодифициро-

ваны киевскими князьями на основе устного племенного права, с включением моментов скандинавского и византийского права, а также церковного влияния. Русская Правда содержит в себе прежде всего нормы уголовного, наследственного, торгового и процессуального законодательства; является главным источником правовых, социальных и экономических отношений восточных славян. Влияние кодекса прослеживается в последующих памятниках права: Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота 1467 года, московский Судебник 1497 года, литовский Устав Казимира IV - 1468 года, Литовский статут 1588 года.

Традиционно сохранившиеся многочисленные варианты Русской Правды разделяются на две основных редакции, во многом отличающиеся, и получившие наименования «Краткая» (6 списков) и «Пространная» (более 100 списков). В качестве отдельной редакции выделяется «Сокращенная» (2 списка), представляющая собой сокращённый вариант «Пространной редакции».

²⁸ «Слово о полку Игореве» («Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова» - самый известный (обычно считающийся величайшим) памятник средневековой русской литературы. В основе сюжета - неудачный поход 1185 года русских князей на половцев, ведомый князем Игорем Святославичем. Подавляющее большинство исследователей датируют «Слово» концом XII века, вскоре после описываемого события (часто тем же 1185 годом, редко одним-двумя годами позже). Рукопись «Слова» (входившая в состав сборника из нескольких литературных текстов) была обнаружена в Спасо-Преображенском монастыре (Ярославль) одним из наиболее известных и удачливых коллекционеров памятников русской старины — графом А. И. Мусиным-Пушкиным. Единственный известный науке средневековый список «Слова» погиб в огне московского пожара 1812 года, причем, сведения об этом носят противоречивый и сбивчивый характер, что дало повод сомневаться в подлинности произведения. Первое печатное известие об открытии «Слова» появилось за границей, в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» 1797 г. (октябрь). «Два года тому назад, — писал неизвестный автор статьи из России, — открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием: „Песнь Игоревых воинов“, которую можно сравнить с лучшими Оссиановскими поэмами». В «Историческом содержании песни», состав-

ляющем предисловие к изданию 1800 г., повторены почти те же самые выражения. Первое издание 1800 г. появилось без всяких указаний на лиц, трудившихся над чтением памятника, над его переводом, его подстрочными объяснениями, преимущественно с исторической стороны, на основании «Российской истории» Татищева. Только на стр. VII предисловия, в примечании, замечено, между прочим: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю сего (гр. Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину), который, чрез старания и просьбы к знающим достаточно российский язык, доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности, и ныне по убеждению приятелей решился издать оный на свет». Сохранилось два полных воспроизведения текста «Слова» по Мусин-Пушкинской рукописи: первое издание 1800 года, подготовленное Мусиным-Пушкиным, под заглавием: «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича» (М., 1800). В конце книги приложены «Погрешности» и «Поколенная роспись российских великих и удельных князей в сей песни упоминаемых». Открыв памятник, гр. Мусин-Пушкин сообщил о нем знатокам палеографии - Малиновскому, Бантышу-Каменскому и другим - и, разобрав его, составил свой собственный список, в который ввел разделение слов, предложений, заглавные буквы и пр. Этот список и лежал в основе издания; снятая для Екатерины II в 1795 копия «Слова» («Екатерининская копия»). Копия эта издана академиком Печарским в 1864 г. и Симони, более исправно, в 1889 г., в «Древностях и Трудах Московского археологического общества», XIII т. Кроме этого, сохранились также выписки из погибшей рукописи, сделанные А. Ф. Малиновским и Н. М. Карамзиным, с заменами о некоторых чтениях оригинала сравнительно с текстом, приготовленным для издания 1800 г. Значение имеет также выполненный для Екатерины ранний перевод «Слова», так как он делался не с вышеупомянутой копии. В кратких и сжатых выражениях «Слова» изображаются не только события несчастного похода на половцев новгород-северского князя Игоря в 1185 г., как об этом повествуется в летописях (в двух редакциях — южной и северной, по Ипатьевской летописи и по Лаврентьевской), но и припоминаются события из княжеских междоусобий, походов и удачных битв, начиная с древнейших

времен. Перед нами предстает народная история, народная эпопея в книжном изложении писателя конца XII в.

²⁹ Перетц Владимир Николаевич (1870-1935) - литературовед, фольклорист, искусствовед, педагог, действительный член Императорской Академии наук (1914; впоследствии - АН СССР) и АН УССР (1919).

³⁰ Иосиф Флавий - Маттафии, Йосеф бен Матитьягу (ивр. יוסף בן מתתיהו, лат. *Josephus Flavius*) (ок. 37 - ок. 100) - знаменитый еврейский писатель, историк и военачальник. Иосиф Флавий известен дошедшими до нас на греческом языке трудами - «Иудейская война» (о восстании 66-70) и «Иудейские древности» (где изложена история евреев от сотворения мира до Иудейской войны). Как и трактат «Против Апиона», они имели целью ознакомить античный мир с историей и культурой евреев и развенчать устойчивые предубеждения против этого народа.

³¹ «Девгениево деяние» - древнерусская переводная повесть, восходящая к византийским эпическим преданиям X в. о богатыре Дигенисе Акрите. В русских рукописях памятник носит названия: «Деяние прежних времен храбрых человек», «О дерзости и о храбрости и о бодрости прекрасного Девгения», «Житие Девгения». М. Н. Сперанский и В. Д. Кузьмина убедительно показали, что перевод византийского сказания мог быть осуществлен еще в XII в., но повесть дошла до нас лишь в трех списках XVII-XVIII вв., в которых множество отличий от греческого оригинала. Книга состоит из нескольких главок, повествующих лишь о некоторых «ключевых» эпизодах жизни героя: в одной рассказывается об истории родителей Девгения - арабского эмира и похищенной им знатной гречанки, в другой - о подвиге мальчика Девгения на первой в его жизни охоте - он руками разрывает медведя и мечом рассекает пополам льва, в третьей главке повествуется, как Девгений дерзко увозит дочь военачальника Стратига (термин принят здесь за имя собственное) и женится на ней, в четвертой - о победе Девгения над царем Василием. Неизвестно, когда произошли эти существенные сокращения оригинала - в процессе перевода или в последующей истории текста. Как полагают, в XVI-XVII вв. первоначальный текст повести подвергся существенному переосмыслению и был сближен своими сюжетными чертами с входившими на Руси в моду переводными рыцарскими романами: галантный (в греческом тексте) рыцарь Девгений обретает черты неукро-

тимого в своих желаниях удальца (вызывая к себе дочь Стратига, он в случае отказа угрожает ей смертью); сама возлюбленная Девгения из робкой и нежной красавицы превращена в девицу “удали молодецкой”, напоминающую богатыршу-поляницу русских былин; сила Девгения обретает гиперболические черты - за один “заезд” он убивает тысячи воинов. Дошедшие до нас списки существенно разнятся между собой - переписчики воспринимали повесть не как эпическое предание “о прежних временах”, а как занимательную историю о прекрасном, могучем и несметно богатом витязе, добывании им невесты (совсем как в народной сказке) и бесчисленных подвигах. Один из списков входил в состав сборника, содержавшего “Слово о полку Игореве” и сгоревшего в 1812 г.

³² Миллер Всеволод Федорович (1848-1913) - выдающийся русский ученый, фольклорист, этнограф, языковед и археолог. Известен как один из организаторов востоковедческого образования в России.

³³ «Слово о погибели Русской земли» - произведение, датированное XIII веком, сохранившееся в отрывках, и известное из списков XV–XVI веков. Возникло «Слово» вскоре после монголо-татарского нашествия. Это - плач по утраченному могуществу и величию отчизны, по жанру близкое к «Слову о полку Игореве».

³⁴ Никольский Николай Константинович (1863-1936) – русский историк, филолог, богослов. Академик Петербургской Академии наук.

³⁵ «Поучение» Владимира Мономаха (начало XII века) - выдающийся памятник древнерусской художественной литературы, «Поучение» не менее ценно и как исторический источник. Содержит список военных походов Мономаха, по другим источникам не известных, сведения о политической ситуации на Руси, о частной жизни князей, о ментальности средневекового человека.

³⁶ «Заветы двенадцати патриархов» (XII-XIII века)- апокрифическое сочинение, тематически восходящее к библейскому рассказу о том, как Иаков наставлял своих сыновей и предвещал их будущее, исходя из характера и оценки деяний каждого. В апокрифе же с наставлениями к своим детям обращаются сами сыновья Иакова: они вспоминают свои проступки, каются в своих прегрешениях и предостерегают от тех или иных пороков. Соответственно каждый завет выражает какую-либо основную

нравственно-учительную идею, что находит выражение в заголовках заветов (в рукописях сильно варьирующихся): «Завет Рувимов о благоумии (о согрешении и о покаянии)», «Завет Семенов о зависти», «Завет Левгин о жречестве», «Завет Иудин о мужестве (о пьянстве, и о блуде, и о сребролюбии)», «Завет Исахаров о доброумии», «Завет Данов о ярости и лжи», «Завет Нефталимов о естественной благодати», «Завет Гадов о ненависти», «Завет Асиров о двою лицу, и о злобе, и о доброумии», «Завет Иосифов о премудрости (о долготерпении на жида)», «Завет Вениаминов о помысле чисте (честнем)».

³⁷ «Послание» Климента Смолятича относится к эпистолярному жанру и представляет собой ответ Климента Смолятича некоему иноку Фоме, который выступал с обвинениями в адрес древнерусского писателя и мыслителя. До нас дошел только ответ Климента, но само по себе письмо дает представление о разразившейся в середине XII в. жаркой полемике, в которой принимали участие не только представители духовенства разных рангов, но также князь и представители его окружения. Климент Смолятич представляет интерес не только как писатель. Незначительное время он являлся главой древнерусской церкви, причем был иерархом автокефальным. Во время правления Киевского князя Изяслава Мстиславича в 1147 г. он в нарушение канонических правил был возведен на митрополию. Торжественный акт, являвшийся дерзким вызовом греческой церкви, был обставлен мероприятиями, которые подчеркивали приверженность иерарха кирилло-мефодиевской традиции в православии. Поставление писателя и «философа» в митрополиты осуществлялось мощами Климента папы Римского, вывезенными Кириллом и Мефодием из Корсуня и хранившимися в Десятинной церкви в Киеве. Похоже, что оба адресата переписки были не только идейными противниками, но также и противниками политическими в сложной обстановке религиозных споров того времени. Из содержания произведения следует, что Климент Смолятич излагал в своих писаниях мысли Аристотеля, Платона и Гомера. Оппонент Климента — Фома — считал недопустимым такого рода увлечения, поскольку они, по его мнению, обнажали пренебрежение к авторитету религиозной литературы. Из «Послания» мы узнаем, что митрополит изобличался Фомой в том, что возомнил себя философом, а занятия философией оппонент Климента категорически порицал. В своем ответе критику митрополит отри-

цал обвинения, поскольку считал их необоснованными, ибо свои занятия он отнюдь не рассматривал как чистое философствование. Мыслитель в данном случае совершенно не лукавил, когда отводил от себя нападки и утверждал, что он в своих писаниях не ставил целью изложение только философии. Весьма показательно, что Климент не отрекался от античных авторитетов, а лишь использовал многозначность средневекового понятия философии. Фома же, в полемических целях, скорее всего намеренно сместил акценты. Спор Климента с Фомой отразил разное понимание философии в Древней Руси. Часть образованных отечественных книжников считала полезным заимствования из трудов древнегреческих мыслителей, часть считала категорически неприемлемым цитирование языческих философов. Партию древнерусских античников представлял Климент, а лагерь его противников Фома. Существует даже предположение, что Климент Смолятич прошел полный курс высшего обучения в Византии, где он мог знакомиться с произведениями античных авторов в подлиннике. Несмотря на достоверные исторические свидетельства об обширной писательской деятельности Климента Смолятича, мы располагаем лишь двумя принадлежащими его перу произведениями: «Послание, написано Климентом, митрополитом русским, Фоме пресвитеру» и поучение «В субботу сыропустную». «Послание» сохранилось в списке XV века. Оно состоит из двух частей: оригинального авторского начала и довольно обширной компиляции, составленной на основе выдержек из толкований Феодорита Киррского на ветхозаветные книги, извлечений из «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского и «Диалектики» Иоанна Дамаскина (VIII в.), а также толкований Никиты Ираклийского (кон. XI - нач. XII в.) на слова Григория Богослова. Уже самим подбором источников, откуда Климентом делались извлечения для текста «Послания», их автор совершенно недвусмысленно присоединялся к той традиции богословствования, которая максимально впитала в себя элементы античной культуры, соединив догматику с идеями древнегреческих философов.

³⁸ Потебня Александр Афанасьевич (1835-1891) - русский языковед, литературовед, философ, первый крупный теоретик лингвистики в России.

³⁹ «Добрилово Евангелие» или Евангелие Апракос – 1163 или 1164 год. Древнейшая, искусно украшенная рукопись, содержащая краткий пересказ четырех канонических Евангелий.

⁴⁰ «Милятино Евангелие» создано в 1188 году для Новгородского Лазарева монастыря.

⁴¹ Ягич Игнатий Викентьевич (1838-1923) – русский филолог, славист, историк.

⁴² Ляпунов Борис Михайлович (1862-1943) - русский ученый-славист, академик АН СССР (1923). Окончил Петербургский университет (1885), ученик И. В.Ягича. Профессор университетов в Одессе (1903-1923), Ленинграде (1924-1929). Принадлежал к школе Ф. Ф.Фортунатова. Занимался сравнительной грамматикой славянских языков, историей праславянского языка (формирование и взаимоотношение его диалектов, генезис форм склонения, вопросы фонетики и др.), историей отдельных славянских языков и языковых групп, этимологией и др. Выступил против учения о членении праславянского языка на праязыки отдельных ветвей. Основные труды: «Исследование о языке синодального списка 1-й Новгородской летописи» (в. 1, 1899), «Формы склонения в старославянском языке» (1905), литографированный курс лекций по сравнительной фонетике славянских языков (1913-1914). Академик Польской АН (1930), член-корреспондент Болгарской АН (1932), Чешской АН (1934).

⁴³ Обнорский Сергей Петрович (1888-1962) - историк русского языка, диалектолог и лексикограф. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1910), преподавал там же и в МГУ; в 1944-1950 - директор Института русского языка АН СССР. Чл.-корр. АН СССР (1931), акад. (1939). Обнорский - автор фундаментальных исследований по морфологии русского языка, о языке древнерусских и древнеславянских памятников письменности, многочисленных работ по вопросам культуры речи, орфографии, нормализации языка. Большой вклад внес в становление истории русского литературного языка как самостоятельной отрасли языкознания.

⁴⁴ Каринский Николай Михайлович (1873-1935) - языковед, славист. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1896). Читал курсы лекций там же и в Женском педагогическом институте, Историко-филологическом институте, в 1919-1923 - в Вятском педагогическом институте; в 1923 году переехал в Москву. С 1931 года - руководитель диа-

лектографической комиссии Института языка и мышления. Член-корреспондент АН (1921). Основные труды - по истории русского языка, палеографии, диалектологии, изучал социальную дифференциацию крестьянской речи.

⁴⁵ «Хождение Арсения Селунского» - один из самых загадочных памятников XV века, неоднократно переписывающийся и комментируемый. Этот Арсений был славянин или грек (академик А. И. Соболевский видел в этом хождении запись устного рассказа грека, приехавшего в Москву за милостыней); 17 лет он был диаконом в Селуни. Действительно ли Арсений Селунский побывал в Палестине или составил свое коротенькое описание Иерусалима по слухам, неизвестно; но его описание, полное устных палестинских легенд, отличных от литературных, вызвало интерес русских читателей.

⁴⁶ Марков Алексей Владимирович (1877-1917) – фольклорист, этнограф, медиевист. Исследователь русских былин.

⁴⁷ Зеленин Дмитрий Константинович (1878-1954) – русский ученый, языковед, историк, фольклорист, этнограф.

⁴⁸ Филин Федот Петрович (1908-1982) – славист, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР.

⁴⁹ Койнэ – здесь литературный язык, язык культуры и письменности, в основу которого ложится говор общественной группы, стоящей во главе культурно-экономического развития страны.

⁵⁰ Пергамен - специально обработанная кожа, которая использовалась для изготовления рукописных книг в Византии, Древней Руси, в странах средневековой Западной Европы. Применялись, главным образом, козлиные и бараньи шкуры. В России длительное время пергамен использовался параллельно с бумагой для переписки особо ценных книг. Вышел из употребления в XV веке.

⁵¹ Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – академик, выдающийся русский ученый – историк.

⁵² Епифаний Премудрый (год рождения неизвестен – ум. 1420) – русский писатель, монах. Более 30 лет провел в Троице-Сергиевом монастыре. Первый его крупный известный труд – «Житие Стефана Пермского» (написан вскоре после 1396 – года смерти Стефана), посвященный епископу Перми, просветителю коми, создавшему азбуку для местных жителей. «Житие» содержит размышления о жизни и подвигах Стефана, изображение контрастных экстатических состояний самого героя, его про-

тивников и сторонников. В 1417-1418 годах Епифаний начинает работу над «Житием Сергия Радонежского», основателя Троице-Сергиева монастыря. В одном из эпизодов «Жития» рассказывается о сборах Дмитрия Донского на битву с Мамаем. Второе сочинение отличается от первого силой лирического чувства, интересом к пейзажу, более частым употреблением просторечных слов и выражений. Оба сочинения – характерные образцы житийной литературы XIV-XV веков. На Епифания оказали влияние произведения южнославянских книжников. Характерными чертами его стиля являются риторика и лирическая напряженность, витиеватость словесных образов, восходящих преимущественно к церковно-книжной символике, обилием тропов, синонимов, сравнений, ритмических повторений, что сам автор определяет как искусство «плетения словес». Епифанию, по видимому, принадлежат также введение к Тверской летописи, письмо тверскому игумену Кириллу, «Сказание Епифания о пути в святой град Иерусалим».

⁵³ Москва - Третий Рим - идеологическая (религиозная и политическая) концепция, зародившаяся в XV - начале XVI века. Обосновывала всемирное значение Москвы как религиозно-политического центра, ставшего преемником Рима и Константинополя, которые пали по причине "уклонения от истинной веры". Теория "Москва - Третий Рим" послужила смысловой основой мессианских представлений о роли и значении России, которые сложились в период образования Русского централизованного государства. С подачи украинского историка Иконникова (изложившего ее в 1869 году в своей докторской диссертации) длительное время бытует прочно укоренившаяся версия, что в явном виде данная концепция впервые была сформулирована в посланиях старца Псковского Елизарова монастыря Филофея великому князю Московскому Василию III Ивановичу. Эта версия прочно утвердилась в массовом сознании и нашла свое отражение в художественных произведениях.

⁵⁴ Максим Грек - Максим Грек (настоящее имя Михаил Триволис) (1475-1556) - публицист, писатель, переводчик, филолог. В 1518 году приехал из Ватопедского монастыря на Афоне (Греция) в Россию. Официальным поводом для приезда послужила необходимость проверить перевод греческих церковных книг на русский язык. Сблизился с церковной оппозицией, за что был осужден на церковных соборах 1525 и 1531 годов. Оставил об-

ширное литературное наследие: проповеди, публицистические статьи, философские и богословские рассуждения, переводы, статьи по фонетике, лексикографии, грамматике. Идеал государства, по Максиму Греку, близок к идее сословно-представительной монархии. Монарх, по его мнению, должен руководствоваться в своей деятельности нормами христианской морали.

⁵⁵ Зиновий Отенский - выдающийся церковный полемист и мыслитель XVI в. О жизни его мы знаем мало. Он был учеником Максима Грека и в связи с этим, быть может, подвергся опале и ссылке. С конца 1520-х гг. до конца жизни (1568) он жил в глухой Отенской пустыни Новгородской области. Главное сочинение Зиновия - "Истины показание к вопросившим о новом учении".

⁵⁶ Курбский Андрей Михайлович (1528-1583), русский князь, государственный деятель, писатель, переводчик. Участник Казанских походов, член Избранной рады, воевода в Ливонской войне. Действуя, по его словам, из опасения "неправедной" опалы Ивана IV, бежал в Литву (1564); член рады Речи Посполитой. Участвовал в войне против России, что делает его предателем при любой причине бегства. Написал мемуарный памфлет "История о великом князе Московском" (1573) и 3 обличительных послания "лютому самодержцу" (составивших вместе с 2 ответами Ивана IV уникальный литературный памятник, исполненный страстной полемики о пределах царской власти и о ее верности "пресветлому православию").

⁵⁷ В XVI в. А. М. Курбский составил сборник из сочинений Иоанна Златоуста и других христианских писателей и назвал его «Новый Маргарит». В этот сборник Курбский включил разнообразные в жанровом и тематическом отношении произведения: торжественные слова, посвященные церковным праздникам, беседы, толкования, жития. С древнерусским традиционным «Маргаритом» (переводной сборник уставных чтений, состоящий из избранных слов, бесед и поучений раннехристианского писателя Иоанна Златоуста и получивший большое распространение на Руси в XV-XVIII вв. В древнерусскую литературу этот сборник пришел из Византии и сохранил греческое название - *Μαργαρίται*, что в переводе означает «жемчужины»: «Маргарит, сиречь бисер или жемчуг именуется... Словеса убо, яже суть в книзе сей, якоже в златом перстени драгии камень блистающа,

веселит некако, взирающего на нь. Сице и разум словес тех... воссия паче злата, благодати, луча независтная, озаряючи благочестивых сердца...)» по происхождению и содержанию «Новый Маргарит» Курбского не имеет общих черт.

⁵⁸ Тучков Василий Михайлович (ум. 13 II 1548) - автор третьей редакции «Жития Михаила Клопского». Он был сыном боярина Михаила Васильевича Тучкова, который в 30-е гг. XVI в. входил в число приближенных к великому князю Василию III лиц. Тучков также был связан с великокняжеским двором, но значительных служебных мест не занимал. В 20-е гг. XVI в. он был близок к Максиму Греку. Келейник Максима Грека Афанасий в следственном деле Ивана Берсена и Федора Жареного, связанном с судом над Максимом Греком в 1525 году, назвал Тучкова в числе тех лиц, которые часто бывали в келье Максима Грека и «говаривали с Максимом книгами и спиралися меж собою о книжном»

⁵⁹ Четьи-минеи или Минеи четии - то же, что четьи (то есть предназначенные для чтения, а не для богослужения) книги житий святых православной церкви, причем повествования эти излагаются по порядку месяцев и дней каждого месяца, откуда и название их «минеи» (греч. «месячный, одномесячный, длящийся месяц»). «Великие четьи-минеи» были составлены архиепископом новгородским Макарием, впоследствии всероссийским митрополитом; минеи эти представляли свод почти всех произведений церковно-повествовательного и духовно-учительного характера; известны в 4 списках;

⁶⁰ Константин Костенчский – болгарский философ, гуманист, книжник XV века. Составил знаменитое «Сказание о славянских письменах».

⁶¹ Стефанит и Ихнилат - басенный цикл, построенный в форме бесед царя и философа, включающий восточного происхождения басни, главным образом, о животных. В древнерусских списках этот памятник известен под названием “Списание Сифа Антиоха, друзии же мнеша, яко Иоанна Дамаскина, зело песнотворца, еже о зверех Стефанита, Ихнилата”. Название циклу дали первые две части памятника, в которых главными героями являются шакалы Стефанит и Ихнилат, придворные царя Льва, лукавый Ихнилат, несмотря на предостережения благоразумного Стефанита, проводит коварную интригу против друга царя Тельца, глупый тиран Лев убивает своего друга, потом раскаи-

вается, предает Ихнилата суду, и он, несмотря на весьма искусную самозащиту, был разоблачен и наказан. Кроме истории о Стефаните и Ихнилате, в цикл включен еще целый ряд басен - о верной дружбе мыши, ворона, серны и черепахи, о войне сов и воронов, о двух друзьях, “лукавом и препростом”, о восьми снах индийского царя и др. Каждый из разделов цикла — это рассказ философа царю, содержащий наставления и рассуждения о государственной мудрости и общечеловеческих нравственных ценностях, изложенные в форме занимательных басен и притч. Внутри каждого раздела таким же образом используется “рамочное построение” - персонажи рассказывают друг другу басни и притчи для того, чтобы таким образом убедить собеседника в справедливости своего мнения. Таким образом, памятник в целом состоит из целого ряда самостоятельных маленьких басен и притч, а также отдельных афоризмов, они объединяются сюжетами отдельных разделов всего цикла; цикл, в свою очередь, объединен рассказом о царе, который учился мудрости у философа, выслушивая нравоучительные и увлекательные истории о говорящих животных. Древнеславянский текст переведен с греческого, в его основе лежит византийский памятник XII в. (с таким же названием), который, в свою очередь, является переработкой арабо-персидского памятника, известного под названием “Калила и Димна” (название также связано с именами главных персонажей — двух шакалов; греческий переводчик Симеон Сиф счел нужным перевести их имена с арабского на греческий как Стефанит и Ихнилат). Басни “Калилы и Димны” восходят к древнеиндийскому эпосу “Панчатантра”. Таким образом, в древнерусской литературе нашел свое отражение всемирно известный литературный цикл.

⁶² Пафнутий, преподобный, игумен Боровский. Во время нашествия Татар на Россию, дед его был баскаком в городе Боровске. По смерти Батые, когда многие баскаки были выгнаны из княжеств Российских, дед Пафнутия принял христианскую веру, назван был Мартином, и поселился в 3-х верстах от Боровска, в сельце Кудинове. В семье сына Мартинова, Иоанна, родился Пафнутий, который при крещении был назван Парфением. Парфений, уйдя тайком от родителей, постригся с именем Пафнутия в Покровском Высоцком монастыре, что на Высоком в Боровске, и за примерную жизнь свою избран был игуменом сей обители. Вскоре, приняв схиму, он оставил монастырь и посе-

лился в 2-х верстах от него с одним монахом в пустыне, где по благословению преосвященного митрополита Ионы построил в 1444 году, в 3-х верстах от города Боровска, на реке Истреме, впадающей в Протву, церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Сбрав монашествующих, он основал монастырь, названный в честь его Пафнутиевым, там он и скончался в глубокой старости, в 1479 году, мая 1-го. Мощи прп. Пафнутия почивают в созданной им обители, в храме, в честь его устроенном. Церковь совершает память прп. Пафнутия 1-го мая. Боровский Пафнутиев монастырь был razoren в 1600 году поляками, но впоследствии вкладами усердствующих богомольцев возобновлен.

⁶³ Аорист (греч.), грамматическая форма времени, свойственная ряду языков (греческому, древнеиндийскому, старославянскому, древнерусскому и др.), обозначающая действие, законченное в прошлом, например старославянское *положихъ* - "я положил", ср. прошедшее несовершенное время *полагаахъ* - "я клал". Поскольку аорист выражает законченное действие, в тех языках, где имеется грамматический вид, он образуется чаще от глагольной основы совершенного вида. Аорист. от основы несовершенного вида обозначает действие длительное. Предполагают, что его значение как прошедшего времени развилось в индоевропейских языках относительно поздно и что первоначально форма аориста выражала вид, обозначая в этом случае недлительность или мгновенность действия безотносительно ко времени. Термином аорист называют для некоторых языков также видовую форму, просто констатирующую действие и не дающую никаких указаний на протекание его во времени. Например, в самодийских языках аорист обозначает действие в процессе без указания на время совершения.

⁶⁴ «Домострой» - русский литературный памятник XVI в. Представляет собой тщательно разработанный свод правил общественного, религиозного и в особенности семейно-бытового поведения. Предполагают, что «Домострой» возник в XV в. в среде богатого новгородского боярства и купечества. Автор его пользовался литературными источниками в виде сборников «слов» и поучений («Измарагд», «Златоуст», «Златая цепь» и др.). «Домострой» служил правящему классу нравственным кодексом. В середине XVI в. переработан приближённым молодого царя Ивана IV Васильевича протопопом Сильвестром, который за-

ключил изложение «Домостроя» посланием к своему сыну Анфиму. Содержит ценные сведения о социальном укладе в Русском государстве, даёт подробное описание повседневной жизни родовитого боярства и купечества со множеством бытовых подробностей. Написан в большей своей части живым языком, местами украшен пословицами и поговорками.

⁶⁵ Консонантизм - совокупность или, точнее, система всех "согласных" звуков (консонантов), свойственных известному языку.

⁶⁶ «Слово о благочестивом царе Михаиле», «Сказание о древе златом и о златом попугае и о царе Михаиле, да о царе Левкасаре» - во второй половине XVII в. в новеллы со сказочными чертами перерабатываются сюжеты из всеобщей истории. Образцами переделок в новом вкусе хронографических повестей являются «Слово о благочестивом царе Михаиле» и «Сказание о древе златом и о златом попугае и о царе Михаиле да о царе Левтасаре». Содержание первой повести составляет рассказ о дворцовом перевороте при византийском императоре IX в. Михаиле III, перевороте, который закончился смертью Михаила и воцарением Василия Македонянина. «Бысть во Цареграде царь Михаил, - говорится в повести, - благочестив и славен зело во всех странах. И родился у него конь велми чуден и грозен, и никто на него не смеяше сесть, царь на нем не ездиле, в железной конюшне стояше, повинных к нему меташа».

⁶⁷ «Повесть о бражнике» - анонимное произведение, созданное, скорее всего, в конце XVI в., известное сейчас в 52 списках XVII-XX вв., представляющих, по последним исследованиям, около 10 разновидностей текста. В существующих западноевропейских версиях этого сюжета в рай попадает крестьянин (французский фавль) или мельник (немецкая новелла), в русской повести главная роль отводится бражнику (пьянице), который, оказываясь перед воротами рая, последовательно вступает в переговоры с апостолами Петром и Павлом, царем Давидом, Соломоном, св. Николаем и Иоанном Богословом (число персонажей может быть меньше), находящимися по другую сторону врат и утверждающими, что «бражником не входимо в рай», ибо «бражники царства небеснаго не наследят». Отстаивая свое право быть в раю, бражник доказывает своим оппонентам, что в земной жизни они были не менее грешны, чем он (аргументы

бражника почерпнуты из Ветхого и Нового заветов. Жития Стефана Первомученика, «некнижного» жития св. Николая...). Решение впустить бражника в рай принимает Бог или, в некоторых редакциях, Иоанн Богослов. Вслед за этим в ряде редакций присутствует эпизод о «лучшем месте», право на которое бражник отстаивает с помощью одного лишь аргумента: «Святити отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!». Цепная организация сюжета позволила ученым соотнести эту повесть с кумулятивной сказкой. К сказочно-мифологической традиции возводят и «реликтовое представление об опасности, возникающей при неосторожном произнесении имени». Жанр однозначно определить практически невозможно. С точки зрения содержания это сакральная пародия (определение, данное в разное время Д. С. Лихачевым и И. П. Смирновым), с точки зрения внутренней организации текста - новелла простой формы (по определению А. М. Панченко). Традиционным является изучение «Повести» в рамках направления демократической сатиры. Однако, как показали последние исследования, своим происхождением памятник вряд ли обязан демократической среде. Широкий круг источников, использованных автором, свидетельствует о хорошем знании им как канонической библейской, так и апокрифической литературы. Свободное владение материалом и сам отбор этого материала говорят о высокой «книжной» культуре автора.

Традиционной является характеристика этого произведения как сатирического, высмеивающего формальное благочестие, произведения, полемизирующего с религиозно-дидактической литературой против пьянства. Однако нельзя не отметить и позитивного, гуманистического содержания как произведения о достоинстве человека, о праве каждого человека, вне зависимости от его социального статуса, на божие милосердие. Гуманистический пафос «Повести» отмечен Ф. М. Достоевским и Н. С. Лесковым.

⁶⁸ «Повесть о царе Аггее» - с греческим книжным источником есть основание связывать появление в русской литературе второй половины XVII в. варианта сказания о гордом царе, под заглавием: «Повесть преславна и душеполезна зело о царе Аггее, како пострада гордости ради». Вероятно предположение, что имя «Аггей» явилось здесь из непереуведенного эпитета к слову царь - греческое «пышный, великолепный», или «гордый». По-

весть о царе Аггее как бы дублирует в русской литературе одновременно явившееся из западного источника сказание о цесаре Иовиниане - одну из повестей сборника «Римские деяния». Обе повести имеют общую схему: царь за свою гордость наказан тем, что его престол занимает ангел, принявший вид царя, а сам царь нищим напрасно старается доказать, кто он; когда кончается срок испытания, ангел возвращает царю его место. Различия есть и в том, за что наказан царь, и в описании его приключений, и в бытовом колорите повестей. В повести об Аггее совершенно отсутствуют черты западного рыцарского обихода, внесенные в версию «Римских деяний», и это позволяет думать, что повесть об Аггее пришла в русскую литературу с византийско-славянской почвы. Уже в конце XVII в. фабула повести об Аггее была пересказана русским книжником, внесшим некоторые новые детали сказочного и бытового характера и озаглавившим эту новую редакцию сказания о гордом царе - «Повесть душеполезная о благоверном князе Дмитрее Римском, яко повелеша божия слова вырезать, что бо есть написано: единым днем царь богат и убог и нищ».

⁶⁹ «Сказка о некоем молодце, коне и сабле» - анонимное произведение XVII века.

⁷⁰ «Сказание о молодце и девице» входит в особую группу повестей, возникших на грани XVII-XVIII вв. или в новых редакциях получивших широкое распространение в письменности этого времени, составляют «Сказание о молодце и о девице», «Повесть о старом муже и молодой девице» и «Слово о мужах ревнивых». Их замечательной чертой, характерной уже для нового времени и новых взаимоотношений между людьми, является интерес к отношениям между полами. Заговорить открыто на эту тему, не сдерживая себя рамками привычной морали ни в форме выражений, ни в содержании, и не преследуя нравоучительных целей, можно было только тогда, когда уже были расшатаны устои старого быта, когда в создании литературы стали принимать участие совершенно новые слои населения и когда поэзия народа получила доступ в рукописную книгу. Среди этой группы произведений, по своим поэтическим особенностям, выделяется «Сказание о молодце и девице». Оно написано в диалогической форме и представляет собою поэтическое изображение сватовства молодца к девице, причем девица некоторое время притворно защищается от притязаний молодца, для

того чтобы разжечь его страсть, а затем соглашается на брак с ним. В языке и стиле «Сказания о молодце и о девице» бросаются в глаза слова и формулы народных песен и былин: «душечка еси ты прекрасная девица» (*Кириша Данилов*: «а душечка удалой доброй молодец»), «ясна сокола очи» (*Кириша Данилов*: «ясны очи, как у сокола»), «черна соболя брови», «борза команя губы», «бела горностая скакание», «павиное поседание», «аки ласка жубреши», «аки соловей щекочеши», «сахарными ествами насыщюся», «лето летовал», «опочин деръжал», «чюжа сторона», «медвяная роса», «серая утица» и т. п. Но «Сказание» не простая запись народно-поэтического произведения: оно хранит на себе явные следы литературной обработки. Она видна, прежде всего, в общей композиции «Сказания». «Сказание» представляет собою художественный диалог, спор молодца и девицы. Любовный диалог-нередкая форма народных песен. Но здесь диалог прерывается чисто повествовательным элементом - обращением девицы за советом к мамушкам и нянюшкам.

⁷¹ «Горе – Злосчастье» - русское повествование XVII века. Написано белым стихом с четырьмя ударениями, что похоже на былины. Дидактическая история показывала, как непослушание молодым человеком родителей, его беспробудное пьянство и хвастовство привели к разрушению его жизни. Его несчастье было персонифицировано в фигуре Горя-Злосчастья. Как отмечает академик Гудзий, Горе-Злосчастье было двойственностью, символизирующей внешнюю силу зла, которое владеет героем, и моральное опустошение его души. Герой в конечном итоге избегает Горя-Злосчастья традиционным путем, уйдя в монастырь. Его двойник, Горе, останавливается перед святыми вратами.

⁷² «Праздник кабацких ярыжек» («Служба кабаку») - демократическая сатира XVII века, состояла из пародий на "малую" и "великую" вечерню с каноном, а в конце имелось и житие пьяницы.

⁷³ Стихира - краткое песнопение, поется на стих псалма.

⁷⁴ Прокимн (прокимен) – церковный стих, выбранный из псалтыри, по приличию, к празднику; поется в церкви перед посланиями.

⁷⁵ Паремия - нравоучительное слово; места из Священного писания, читаемые на вечерии по входе. Паремийник - книга, содержащая праздничные паремии.

⁷⁶ Тропарь - жанр церковной гимнографии. Исходно представлял собой краткое песнопение, музыкально-поэтический комментарий к богослужебным чтениям Ветхого и Нового Заветов. Ранние тропари писались ритмической прозой, в IV - V вв. появились стихотворные тропари. С развитием церковной гимнографии возникло несколько типов тропарей. В настоящее время собственно тропарем называется краткое песнопение, посвященное празднику, святому, данному богослужению и т.п. Мелодия тропарей подчиняется гласам.

⁷⁷ Псалмы – гимны религиозной поэзии и молитвы из Ветхого Завета.

⁷⁸ Канон - (греч. правило) - жанр церковной гимнографии: сложное многострофное произведение, посвященное прославлению какого либо праздника или святого. Входит в состав богослужений утрени, повечерия, полунощницы и некоторых других.

⁷⁹ «Повесть о попе Савве» - произведение демократической сатирической литературы XVII века.

⁸⁰ «Калязинская челобитная» - произведение, исполненное в сатирическом жанре. Оно имеет антиклерикальную направленность и в пародийном ключе описывает порядки монастырской жизни. Под острием гротескной критики оказывается вполне реальный Калязинский монастырь, один из крупнейших монастырей Руси. Сатире приданы форма челобитной, которую иноки адресуют тверскому и кашинскому архиепископу Семиону. Формально объектом критики является настоятель монастыря архимандрит Гавриил, а жалобщиками выступают иноки, которым настоятель мешает вести сытую и пьяную жизнь. Элементарные нормы монастырского общежития авторы челобитной, адресованной высокому церковному начальству, выдают за недостатки. Притесняемые строгим настоятелем иноки жалуются, что их ограничивают в пище, не дают заниматься пивоварением и винокурением, заставляют ходить в храм на службу и т. д. Угрозами покинуть монастырь они пытаются добиться от высокого церковного начальства замены требовательного и жестокого архимандрита. Однако образ Гавриила также не является антитезой пьяному братству. Данный персонаж не лишен греха стяжания и корыстолюбия. Получается, что положительного героя в «Калязинской челобитной» нет вовсе. Такой текст, в котором обличаются и погрязшие в пьянстве монахи, и прижи-

мистый, хотя и строгий настоятель, мог выйти только из среды, крайне неприязненно относившейся к монашеству и церкви вообще. Идеала внутри монастырских стен автор произведения не видит в принципе и тем сильнее звучит ирония, скрытая за циничными домогательствами привыкших к разгулу монахов. Автор не питает иллюзий, что требовательный и корыстолюбивый наставник может навести порядок в обители, а в домогательствах заменить жадного притеснителя на потаковника бражникам просматривается идея ликвидации монастыря как порочного института вообще. Такое крайне негативное отношение к представителям церкви и монашеству было революционным даже на фоне секулярных тенденций XVII столетия.

⁸¹ «Азбука о голом и небогатом человеке» - памятник XVII века - объединяет традиции древнерусской книжности и народной смеховой культуры: в азбучном порядке расположены изречения, характеризующие жизнь главного героя. Герой "Азбуки" обнищал из-за долгов и пристал к "гулящим людям"; его взгляд на устройство общества горестно-ироничен. Не чужда ему и "юродивая" самоирония.

⁸² Андрианова-Перетц Варвара Павловна (1887 -1972) - русский советский литературовед, член-корреспондент АН СССР (1943) и АН УССР (1926). Автор работ по истории литературы Древней Руси, сатирической литературе XVII-XVIII вв., украинской литературе, о взаимоотношении литературы и фольклора.

⁸³ Генрих Вильгельм Лудольф (1655-1712) – выходец из Саксонии, автор - «Русской грамматики» («Grammatica Russica»), вышедшей в Оксфорде, написанной по-латыни и представлявшей особенно большое значение для истории культурных связей Русского государства со странами Европы. Его ранние английские биографы упоминают, что он приобрел некоторые знания русского языка в Англии прежде, чем ему удалось совершить поездку в Россию в начале 90-х годов XVII века. Через несколько лет после своего возвращения в Англию он выпустил свою замечательную книгу в Оксфорде. Книга содержит немало сведений о нравах, природе, хозяйстве и культуре России конца XVII века. Автор разграничивал старославянские и чисто русские элементы в речи. Он обращает внимание, например, на то, что хотя пишется слово *сегодня*, но произносится оно как *севодна*. Языковой материал не исчерпывается грамматической частью: в книгу включены диалоги, главным образом на бытовые

темы, которые представляют собой, как и «Словарь Московитов», и «Русско-английский словарь» Р. Джемса, ценный материал по разговорной русской речи. Заслуживают внимания лингвистические принципы автора: Лудольф настаивает на том, чтобы права разговорного языка были расширены, чтобы он стал употребительным в книгах, заменяя отживающий церковнославянский язык. Генрих Лудольф правильно и прозорливо понял те течения, те изменения, которые происходили в русском языке XVII века.

⁸⁴ Аввакум Петров, Аввакум Петрович (в старом произношении - Аввакум) (1620 или 1621-1682) - один из наиболее выдающихся оригинальных русских писателей, противник реформ патриарха Никона XVII века, протопоп города Юрьевца-Поволожского. Ему приписывают 43 сочинения, в том числе знаменитое «Житие», «Книга бесед», «Книга толкований», «Книга обличений» и др. Его считают родоначальником новой российской словесности, вольного образного слова, исповедальной прозы. Старообрядцы почитают Аввакума мучеником и имеют его иконы.

⁸⁵ Епифаний Славинецкий (?-1675), иеромонах, филолог и проповедник, уроженец Малороссии. Учился в школе Киевского православного братства до преобразования её митрополитом Петром Могиллой, поэтому ему были чужды схоластическая философия и диалектика, хотя современники отзывались о нём как в «философии и богословии изящным дидаскалом, искуснейшим в еллино-греческом и славянском диалектах». Был весьма образованным человеком, знал много языков, особенно древнееврейский, и совершенствовал свои знания за границей. До 1649 преподавал в Киево-Могиланской коллегии, а затем по желанию царя Алексея Михайловича был вызван в Москву («для риторического учения» и для перевода греческих книг) и поселился в Андреевском Преображенском монастыре, где переводил с греческие книги и обучал юношей из дворянских фамилий. Поддерживал реформы патриарха Никона. Позже перешел в Чудов монастырь и здесь за 26 лет, оставаясь иеромонахом, упорным трудом исправил и напечатал: Служебник, Часослов, Псалтирь, Ирмологий, Общую Минею, Правила св. апостолов и соборов, Номоканон Фотия, жития святых и др., а главное - переиздал Новый Завет и Пятикнижие с острожского издания (1674) под наблюдением Павла Сарского. Ему принадлежал целый ряд

предисловий к московским изданиям богослужебных книг, а также перевод нескольких отеческих сочинений (с греческого и латинского) и нескольких светских книг. Переводы Елифания отличаются тяжелым, подчас даже непонятным слогом: он до педантизма придерживался подлинника, не обращая внимания на дух языка. Напротив, в собственных трудах Елифания - довольно чистый и выдержанный церковно-славянский язык. Елифаный составил «Лексикон греко-славяно-латинский» и «Лексикон филологический» - свод объяснений терминов из Св. Писания, извлеченных из трудов отцов церкви. С разрешения Никона он возобновил прекратившийся еще в XV в. на Руси обычай проповеди в церкви. Известны его 50 проповедей, дошедших до нас.

⁸⁶ Братья Лихуды - Иеромонахи Иоанникий (в миру - Иоанн, 1633–1717) и Софроний (в миру - Спиридон, 1652–1730) Лихуды, греки по национальности, потомки византийского княжеского рода царской крови, были родом из Кефалонии. Получили образование в Греции, потом в Венеции и Падуанском университете. По возвращении на родину Иоанн принял сан священника, а Спиридон - монашеский постриг (позднее, овдовев, принял пострижение и старший брат). Затем они несколько лет состояли в Греции учителями и проповедниками. Когда русское правительство задумало завести в Москве высшую школу с именем Академии, царь Федор (1682 год) просил восточных Патриархов о присылке в Москву православных и искусных учителей. Патриархи указали на Лихудов, которые и прибыли в Россию в 1685 году. В следующем 1686 году братья начали преподавать в существовавших уже «законоспасских школах», помещавшихся в Законоспасском монастыре, и в течение восьми лет преподавали, встречая большие препятствия со стороны бывших в то время в Москве ученых из Малороссии. За три года учителя успели пройти целый курс, состоявший из грамматики, пиитики, риторики, логики и физики частью на греческом, частью на латинском языках. Ученики их говорили на обоих языках и перевели несколько книг, а старшие из них начинали и сами заниматься обучением начинающих. В 1688 году Иоанникий в звании русского посла отправился в Венецию, где пробыл около четырех лет. В 1694 году по требованию иерусалимского Патриарха Досифея, недовольного тем, что братья вели преподавание в академии не только на греческом, но и на латинском язы-

ках, оба брата были устранены от преподавания в академии и определены для занятий к московской типографии. В 1697 году указом Петра I им поручено было обучать 55 человек итальянскому языку (из 55 учились лишь 10, остальные отговорились). Их продолжали обвинять то в ересь, то в каких-то политических интригах в Царьграде. В 1701 г. они были сосланы в костромской Ипатьевский монастырь. В 1706 г. новгородскому митрополиту Иову позволено было поручить им устройство в Новгороде славяно-греко-латинской школы по образцу московской. Из Новгорода они снова вызваны были в Москву, для занятий в академии и для участия в исправлении Библии, вначале Софроний в 1709 году, а потом Иоанникий в 1716 году. Около 1720 года, после смерти Иоанникия, Софроний был назначен настоятелем Солотчинского монастыря в Рязанской епархии. Монахи не любили настоятеля-грека, получившего эту должность не по их выбору, а по назначению начальства. Они отказывались подчиняться его распоряжениям, несколько раз держали его под арестом в его келье, покушались даже на его жизнь. Он бежал в Москву, где его жалобы не имели успеха вследствие подкупа судей монастырскими стряпчими, ненавидевшими Софрония за то, что он препятствовал расхищению ими монастырских имуществ. Труды братьев Лихудов еще не получили всесторонней оценки, так как до сих пор не рассмотрены все составленные ими учебники (по грамматике, риторике, логике, физике, математике, психологии, богословию), по которым происходило преподавание в Заиконоспасской академии (они находятся в рукописях в разных библиотеках). Можно предположить, что для этих сочинений Лихуды более или менее воспользовались теми курсами, которые сами слушали в Падуе. Из учеников Лихудов образовалось целое поколение первых собственно русских ученых, каковы Поликарпов, Феолог, Головин, Козма, Иов, Палладий Роговский и другие, отчасти бывшие профессорами академии и ее начальниками, отчасти трудившиеся по исправлению Библии и издавшие ряд ученых сочинений. Лихудам было также суждено сыграть решающую роль в разгоревшемся в Москве споре о времени пресуществления Святых Даров на Божественной литургии, которому предшествовали академические споры Елифания Славинецкого и Симеона Полоцкого (1673 г.). После приезда у Лихудов состоялся спор с Яном Белобочким (1685 г.) В это же время лидер партии

"латинофилов" Сильвестр Медведев издает трактат "Хлеб животный". Лихуды и инок Евфимий Чудовский пишут ряд трактатов, то же делает и Сильвестр ("Книга о манне хлеба животного"). В ответ братья написали сочинение «Акос, или врачевание от угрызений змиевых». Сильвестр издал второе сочинение против них - «Тетрадь на Лихуд»; они ответили книгой: «Диалоги грека учителя к некоему Иисуситу». Хотя полемика по спорному вопросу продолжалась вплоть до начала XVIII в., но именно благодаря Лихудам этот вопрос был бесповоротно решен в пользу православного греческого мнения. Вслед за тем против католичества написаны ими еще два сочинения: «Показание истины» (1689 год) и «Мечец духовный или разговор с иезуитом Руткою в Польской земле». Также ими написаны сочинения против лютеран: «Иоанникия и Софрония обличение ересям Лютера и Кальвина», против раскольников: «Коллурий от лютой страсти очеголения Капитоновского» и «Письмо к императору Петру I о ересях Кальвина и Лютера» (напечатано в журнале «Странник», 1861 г.). Кроме того, известны еще «Философские ответы Софрония» и полный список Библии с исправлениями, сделанными Софронием.

⁸⁷ Секуляризация (от лат. *saecularis* - мирской) - процесс снижения роли религии в жизни общества; переход от общества, регулируемого преимущественно религиозной традицией, к светской модели общественного устройства на основе рациональных (внеконфессиональных) норм. Секуляризация сопровождается отделением религии от государства и школы, признанием права человека на свободу совести. Впервые термин «секуляризация» был применён в XVII веке и означал передачу земельных владений из церковного в светское управление.

⁸⁸ «Великое Зерцало» - русский перевод западно-европейского сборника рассказов религиозно-моралистического характера. Этот сборник относится к эпохе Возрождения. Русское «Великое Зерцало» в полных своих списках представляет собой рукописную объемистую книгу, состоящую из ряда (около тысячи) небольших рассказов, подобранных по темам и заключенных соответствующими нравоучениями. Судя по заметкам на списках «Великого Зерцала», оно было переведено с польской книги по приказанию царя *Алексея Михайловича*, в 1677, в Чудовом монастыре Московского кремля - в книжной школе монаха *Евфимия*, усвоившего западно-европейскую ученость. Великое

зерцало пользовалось в России в XVII-XVIII веках большой популярностью. Былая популярность на Руси западного по происхождению «Великого Зерцала» в крестьянской среде, сохранявшей традиции восточного средневековья, объясняется не столько разнообразием и анекдотичностью его статей или понятностью перевода, сколько тем, что почти все сюжеты его были известны из привившейся у нас книжности, полученной от Византии и южных славян, частью еще в домонгольский период.

⁸⁹ Федор Поликарпов (умер в 1731 году) был широко образованным человеком своего времени. Он известен как поэт, литератор, переводчик, редактор первой русской газеты "Ведомости". Был он и самым квалифицированным справщиком Московского печатного двора, а в 1701 г. стал его начальником, сменив на этом посту Кариона Истомина. Педагогический же талант, направленный его учителями братьями Лихудами (Поликарпов преподавал в Славяно-греко-латинской академии), проявился в создании учебного пособия, полностью соответствующего духу эпохи просвещения Петра I. Началось новое время. Активные сношения с заграницей требовали книг для первоначального обучения грамоте в "приумноженных" латинских школах, готовящих будущих переводчиков.

⁹⁰ Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), русский публицист, критик, поэт, историк, языковед, один из идеологов славянофильства. Сын С. Т. Аксакова, брат И. С. Аксакова. Родился 29 марта (10 апреля) 1817 в с.Ново-Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губ. Детские годы провел в отцовских имениях (в т.ч. в с.Надежино). С 1826 жил в Москве, в 1832–1935 учился на словесном отделении Московского университета (готовился к нему в пансионе М. П. Погодина). Входил в кружок Н. В. Станкевича; в московских салонах сблизился с Н. В. Гоголем, М. С. Щепкиным, А. С. Хомяковым. (1846–1847), (1852), в журналах «Москвитянин» (привлечен как поэт В. Г. Белинским), «Русская беседа». С 1857 негласный редактор газеты «Молва», не раз эпатировавший своими выступлениями в ней московскую дворянскую публику (в т.ч. статьей *Публика в «Московском сборнике»*, где Аксаков так отозвался о полубразованном, по его мнению, дворянстве: «В публике грязь в золоте, в народе золото в грязи»). Автор двух повестей в русле поэтики Э. Т. А. Гофмана (в т.ч. *«Вальтер Эйзенберг»*). Опыт синонимов

(«Жизнь в мечт е»), статей о русских былинах, «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, произведениях И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и др. (при этом выступал против «петербургской литературы» и особенно натуральной школы, назвав ее «раздольем посредственности») и др. Отстаивая идеал монархической государственности, Аксаков в то же время резко критиковал общественно-политическую ситуацию в самодержавной России, писал о «внутренних язвах» российской жизни – крепостном праве и коррупции чиновников, осуждал «иго государства над землею», начало которому было положено, по его мнению, при Петре I.

⁹¹ Яворский Стефан (1658–1722), русский церковный и государственный деятель, богослов. Учился в Киево-Могилянской академии и иезуитских богословских школах Львова и Вильно. Преподавал в Киево-Могилянской академии. Был митрополитом Рязанским и Муромским. С 1702 – местоблюстителем патриаршего престола. В 1721 становится первым президентом Святейшего Синода. Взгляды Яворского представлены в философском курсе *Философское состязание*, прочитанном в Киево-Могилянской академии в 1693–1694. Сформулированные здесь принципы отвечали общему направлению развития католической мысли в эпоху Контрреформации (так называемая «вторая схоластика»). В гораздо в большей степени, чем в классическом томизме, в лекциях Яворского признается «равноправие» материи и формы, последняя, в его трактовке, существует непосредственно в материи. В целом Яворский придерживался умеренного номинализма: «универсалии являются ничем или вторичным». Иерарх был сторонником концепции «двух истин» (богословской и философской). Уже после смерти Стефана Яворского был опубликован его основной труд *Камень веры* (1728). Сформулированные в этом сочинении принципы богословского образования оказали влияние на систему обучения в духовных школах России в 18 в. В общественно-политических воззрениях Яворский был верен идеалу абсолютной монархии, но монархии просвещенной, признающей и охраняющей права всех сословий. Умер Стефан Яворский в Москве 27 ноября (8 декабря) 1722 года.

⁹² Феофан Прокопович (в миру Елиазар (Елисей)) (1681–1736), архиепископ Новгородский, церковный и политический деятель, верный сподвижник Петра I в реформах Русской православной

церкви, писатель и ученый. Родился 8 (19) июня 1681 в семье киевского купца. Воспитывался дядей, Феофаном Прокоповичем, ректором Киевской академии. Учился в Киевской академии; в 1698 отправился в Рим, перейдя в унию и приняв монашество в униатском базилианском (св. Василия Великого) ордене с именем Самуил. В Риме поступил в иезуитскую коллегию святого Афанасия, где прошел полный курс теологических наук. Вернувшись в Киев (1702), вновь обратился в православие (1704), приняв монашеский постриг с именем Феофан. Преподавал в Киевской академии поэтику, риторику, философию и богословие. Привлек внимание Петра I, обратившись к нему с торжественной речью во время посещения царем Софийского собора (1706); произносил также панегирики царю по поводу Полтавской победы в том же Софийском соборе (1709) и в лагере в Яссах (1711). В том же 1711 Петр назначил его ректором академии и игуменом Братского монастыря в Киеве, а в 1715 вызвал в новую столицу. К тому времени Феофан уже был автором учебников поэтики и догматики, философских диалогов и многих проповедей; в его богословии проступили явные инославные, но скорее не католические, а протестантские влияния. Именно последние помогли ему обосновать идею безусловного первенства светской власти (с ее «верховенством над землей») над духовной, которая должна быть преобразована, дабы существовать наравне с любыми другими государственными учреждениями. В Киеве Феофан создал и известнейшее из своих драматических произведений, силлабическую трагикомедию *Владимир* (поставлена 1705), где «равноапостольный» князь, принявший христианство, выставлен как образец просвещенного монарха, одолевшего вековое невежество. В петербургских проповедях (*О власт и и чест и царской* и др.) всячески отстаивал реформы Петра, обличая его врагов. В 1718 был рукоположен в епископа Псковского; с 1720 – архиепископ Новгородский. Участвовал в составлении либо был автором важнейших государственных документов того времени, прежде всего *Духовного регламента* (1720), по сути – закона нового церковного устройства (подписанного Петром в начале 1721), согласно которому упразднялось патриаршество и вводилась всецело подчиненная царю Духовная коллегия (вскоре переименованная в Святейший Правительствующий Синод), где сам Феофан стал первенствующим членом. Кроме *Духовный регламент а*, написал

также введение к Морскому уставу и *Слово похвальное о флоте Российском* (оба 1719), *Розыск исторический* (1721), *Правда воли монаршей* (1722) и другие сочинения, где изъяснял проблемы гражданского и церковного права, а также престолонаследия, утверждая принципы просвещенного монархизма. После смерти Петра I авторитет Прокоповича пошатнулся, усилился ропот духовенства по поводу его далеких от ортодоксии, «лютеранских» взглядов. Однако он упрочил свое положение в 1730-е годы, при Анне Ивановне, расправляясь с противниками посредством доносов в Тайную канцелярию. Достаточно циничный и неразборчивый в средствах как политик, архиепископ Феофан, тем не менее, внес большой вклад в новую, постсредневековую культуру России: он активно способствовал организации Академии наук, как историк (участвовавший, в частности, в написании *Истории Петра Великого*, изданной в 1773) оказал большое влияние на В. Н. Татищева, а как поэт-сатирик – на А. Д. Кантемира. Скончался Феофан Прокопович 8 (19) сентября 1736.

⁹³ Тредиаковский (Тредьяковский) Василий Кириллович (1703-1769) - родился в Астрахани в семье священника. По настоянию отца учился в школе католических монахов-капуцинов, затем служил в церкви. В начале 1720-х, оставив службу в церкви, бежал в Москву, где в 1723 - 26 учился в Славяно-греко-латинской академии. В 1726 отправляется в Голландию, живет в Гааге у русского посла, затем, пешком добравшись до Парижа, в 1727 - 30 учится в Сорбонне. В 1730 вернулся в Россию, где начал активную литературную деятельность: напечатал перевод романа П. Тальмана "Езда в остров Любви" с приложением своих любовных стихов. Написанные самым "простым" слогом, они создали Тредиаковскому популярность. С 1732 он становится переводчиком при Академии наук. В 1735 выступил в Академии с речью о необходимости реформы в русском стихосложении; позднее написал на эту тему трактат "Новый и краткий способ к сложению российских стихов". В нем была изложена новая система стиха - силлабо-тоническая, основанная на регулярном чередовании ударных и неударных слогов, - система поэтических жанров классицизма, приведены образцы сонета, рондо, мадригала, оды. Эта реформа определила дальнейшее развитие русской поэзии. В 1745 стал академиком. Вскоре опубликовал первый в русской науке опыт изучения фонетиче-

ского строя русской речи - "Разговор об орфографии" (1748). В 1752 выходит двухтомный сборник "Сочинения и переводы как стихами, так и прозою", где изложил свои взгляды на теорию поэтического перевода. В это время положение Тредиаковского в литературе и Академии становится все более трудным (в литературных спорах с Ломоносовым и Сумароковым взгляды Тредиаковского на стихосложение и структуру литературного языка не получили признания и поддержки у новых поколений литераторов). Из-за осуждения со стороны Синода за "сумнительность" наиболее значительные поэтические произведения - философская поэма "Феоптия" и полное стихотворное переложение "Псалтыри" - остались в рукописи. Нападки на Тредиаковского усилились после выхода его исследования "О древнем, среднем и новом стихотворении российском", в котором отдавалось предпочтение силлабической поэзии перед новейшей. В 1759 был уволен из Академии, но продолжал литературную работу: завершил переводы исторических трудов. Справедливая оценка деятельности Тредиаковского была дана только позже А. Радищевым, А. Пушкиным. Умер в Петербурге 6 августа (17 н.с.) 1768.

⁹⁴ Ломоносов Михаил Васильевич (1711-1765) – гениальный русский ученый энциклопедист, поэт, просветитель, один из самых выдающихся светил мировой науки.

⁹⁵ Сумароков Александр Петрович (1717-1777) - русский поэт. Родился 14 ноября (25 н.с.) в Москве в старинной дворянской семье. До пятнадцати лет обучался и воспитывался дома. В 1732 - 1740 учился в Сухопутном шляхетском корпусе, где начал писать стихи, подражая Тредиаковскому. Служил адъютантом у графа Г. Головкина и графа А. Разумовского и продолжал писать, в это время испытывая сильное влияние од Ломоносова. Через некоторое время находит собственный жанр - любовные песни, которые получили признание публики и расходились в списках. Он разрабатывает поэтические приемы изображения душевной жизни и психологических конфликтов, позднее примененные им в трагедиях. Лирика Сумарокова была неодобрительно встречена Ломоносовым, сторонником гражданской тематики. Полемика между Ломоносовым и Сумароковым по вопросам поэтического стиля представляла важный этап в развитии русского классицизма. От любовных песен Сумароков переходит к стихотворным трагедиям - "Хорев" (1747), "Гамлет"

(1748), "Синав и Трувор" (1750). В этих произведениях впервые в истории русского театра были использованы достижения французской и немецкой просветительской драматургии. Сумароков соединил в них личные, любовные темы с общественной и философской проблематикой. Появление трагедий послужило стимулом для создания Российского театра, директором которого стал Сумароков (1756-1761). В 1759 издавал первый русский литературный журнал "Трудолюбивая пчела", выступавший на стороне придворной группы, которая ориентировалась на будущую императрицу Екатерину II. В начале царствования Екатерины II литературная слава Сумарокова достигает зенита. Молодые сатирики, группирувавшиеся вокруг Н. Новикова и Фонвизина, поддерживают Сумарокова, который пишет басни, направленные против бюрократического произвола, взяточничества, бесчеловечного обращения помещиков с крепостными. В 1770, после переезда в Москву, Сумароков вступает в конфликт с московским главнокомандующим П. Салтыковым. Императрица приняла сторону Салтыкова, на что Сумароков ответил издевательским письмом. Все это ухудшило его общественно-литературное положение. В 1770-е он создал лучшие свои комедии ("Рогоносец по воображению", "Вздорщица", 1772) и трагедии "Дмитрий Самозванец" (1771), "Мстислав" (1774). Участвовал как постановщик в работе театра при Московском университете, издал сборники "Сатиры" (1774), "Элегии" (1774). Последние годы жизни отмечены материальными лишениями, утратой популярности, что привело к пристрастию к спиртным напиткам. Это и явилось причиной смерти Сумарокова 1 октября (12 н.с.) 1777 в Москве.

⁹⁶ Галломания (от галлов как обозначения французов и мания) - страстное почтение (со стороны преимущественно не французов) ко всему французскому (будь то искусство, литература, история и т. д.), которое выражается в желании всячески подражать быту французов и возвеличивать его над бытом остальных народов. Более слабый и отрицательно не окрашенный вариант - франкофилия. В высших кругах общества Европы XVII-XIX веков (а с первой трети XVIII века и в России) галломания была существенной составляющей культуры. На это оказали влияние культурный и политический расцвет Франции при Людовике XIV, а затем Эпоха Просвещения. осознание близости романских корней. Галломания в наше время также характерна для

элит франкофонного мира (бывших французских колоний), не смотря на деколонизацию.

⁹⁷ Макаронический жаргон (макароническая речь) - сочетание в одной фразе двух и более национальных языков; может создавать комический эффект и служить средством характеристики литературного персонажа.

⁹⁸ Пурист (от пуризм) - [латинское *purus* - «чистый»] - направление в строительстве литературного языка, ставящее своей задачей стабилизацию его лексики, «очищение» ее от всех элементов, осуждаемых литературным канонам, в первую очередь от иностранных слов, и дальнейшее обогащение языка словами, образованными исключительно средствами родного языка.

⁹⁹ Фонвизин Денис Иванович (1745-1792) - родился в Москве. Происходил из старинного дворянского рода (ливонский рыцарь фон Визин был взят в плен при Иоанне IV, затем стал служить русскому царю). С 1755 Денис Фонвизин числился в гимназии при Московском университете, где успешно изучал латинский, немецкий и французский языки и выступал на торжественных актах с речами на русском и немецком языках. В 1760 в числе лучших учеников Фонвизина возили в С.-Петербург для представления куратору университета И. И. Шувалову и «произвели в студенты». На литературном поприще дебютировал как переводчик: перевел с немецкого сборник популярного в Европе датского писателя Людвиг Гольберга *Басни нравоучительные* (1761). Несколько мелких переводов Фонвизина появились в университетских изданиях в 1761–1762 (в т.ч. в журнале М. М. Хераскова «Полезное увеселение», где печатались и стихотворения старшего брата Фонвизина – Павла); перевод трагедии Вольтера *Альзира* (1762) в свое время опубликован не был, но получил широкое распространение в списках (опубл. 1894). Тогда же он начал переводить пространный, в четырех томах авантюрно-дидактический роман аббата Жана Террасона *Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая* (1762–1768). В 1762 Фонвизин ушел из университета и поступил переводчиком в коллегию иностранных дел. В 1763 после коронационных торжеств в Москве вместе с двором переехал в С.-Петербург и до 1769 служил под началом статс-советника дворцовой канцелярии И. П. Елагина, который, являясь управляющим «придворной музыки и театра», покровительствовал начинающим лите-

раторам. Фонвизин вошел в т.н. «елагинский кружок», ки которого (сам Елагин, В. И. Лукин, Б. Е. Ельчанинов и др.) были заняты разработкой русской самобытной комедии. С этой целью переделывались, «склонялись» «на наши нравы» иностранные пьесы (т.е. менялись имена действующих лиц, бытовые реалии и т.п.). Лукин доказывал, что последнее необходимо, поскольку «многие зрители от комедий в чужих нравах не получают никакого поправления. Они мыслят, что не их, а чужестранцев осмеивают». Кроме того, в кружке осваивались традиции мещанской «слезной драмы» (иначе «серьезной комедии»), теоретиком которой выступал Д. Дидро, т.е. допускалось смешение «смешного» и «трогательного» в комедиях. В этом духе Фонвизин и сочинил свою первую, стихотворную комедию *Корион* (1764), взяв за основу драму французского автора Жана-Батиста-Луи Грессе *Сидней*. Действие в ней происходит в подмосковной деревне и заключается в изложении сентиментальной истории влюбленных Кориона и Зеновии, разлученных по недоразумению и благополучно соединяющихся в финале. *Корион*, однако, был лишь пробой пера Фонвизина-драматурга. Вполне самобытным и новаторским произведением стала его комедия *Бригадир* (1768–1769, пост. 1772, опубл. 1786). Это первая в русской литературе «комедия нравов», в отличие от господствовавшей ранее сатирической «комедии характеров», когда на сцену выводились персонифицированные пороки («скудость», «бахвальство» и т.п.). В *Бригадире* пороки, особенности речи и поведения действующих лиц социально обусловлены. Достигается это с помощью «словесных масок». За вычетом речевой характеристики не остается иных, индивидуальных человеческих черт. «Говорение» в комедии преобладает над «действием»: на сцене пьют чай, играют в карты, обсуждают, какие книги потребны для воспитания, и т.п. Герои постоянно «проговариваются» о себе. Объяснения в любви (Советника – Бригадирше, Бригадир – Советнице) не достигают своей цели в силу того, что говорят они, по существу, на разных языках, т.е. возникает «диалог глухих». Объединяет отрицательных персонажей комедии их «глупость», оттененная «благоразумием» положительных – Софьи и Добролюбова, участие которых, однако, сведено к минимуму (они практически ничего не говорят и лишь ругают всех прочих «скотами»). На первый план выдвинута фигура «галломанствующего» Иванушки (отмечалось влия-

ние на замысел «Бригадира» комедии Гольберга *Жан-Француз*), с которым связана важнейшая для Фонвизина тема воспитания дворянина. В 1760-х, в эпоху Комиссии для составления Нового Уложения (1767), Фонвизин высказывался и по волновавшему всех вопросу прав и привилегий дворянства. Он переводит трактат Г.-Ф. Куайе *Торгующее дворянство* (1766), где обосновывалось право дворянина заниматься промышленностью и торговлей (не случайно в *Недоросле* Стародум разбогател как сибирский промышленник, а не придворный). В рукописи распространялась составленная им компиляция из трудов немецкого юриста И. Г. Юсти *Сокращение о вольности и французского дворянства и о пользе третьего чина* (кон. 1760-х). В качестве приложения к переведенной Фонвизиним повести Ф.-Т.-М. Арно *Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность* (1769) было опубликовано одно из немногих его стихотворений *Послание к слугам моим – Шумилову, Ваньке и Пет рушке* (здесь присутствуют элементы антиклерикальной сатиры, навеянные, как полагают, тесным общением Фонвизина с литератором Ф. А. Козловским, известным вольтерьянцем и вольнодумцем). Деятельность Фонвизина как переводчика художественной прозы увенчал перевод повести Поля Жереми Битобе на библейский сюжет *Иосиф* (1769): это сентиментальное, проникнутое лиризмом повествование, выполненное ритмической прозой. Позднее Фонвизин с гордостью писал, что эта повесть «послужила мне самому к извлечению слез у людей чувствительных. Ибо я знаю многих, кои, читая Иосифа, мною переведенного, проливали слезы». В 1769 Фонвизин стал одним из секретарей канцлера графа Н. И. Панина, строившего планы досрочной передачи престола Павлу Петровичу и ограничения самодержавия в пользу Верховного Совета из дворян. Сделавшись вскоре доверенным лицом Панина, Фонвизин окунулся в атмосферу политических проектов и интриг. В 1770-х он лишь дважды выступил как литератор (точнее, как политический публицист «партии Панина», наставляющий монарха, как править на благо нации) – в *Слове на выздоровление Павла Петровича* (1771) и переводе *Слова похвального Марку Аврелию* А. Тома (1777). Письма Фонвизина, написанные во время поездки во Францию в 1777–1778 и адресованные П. И. Панину (брату канцлера), – замечательное по стилю и сатирической остроте описание нравов французского общества накануне революции. После опалы

и отставки Н. И. Панина вышел в отставку и Фонвизин (в марте 1782). В 1782–1783 «по мыслям Панина» он сочинил *Рассуждение о непременных государственных законах* (т.н. *Завещание Панина*), которое должно было стать предисловием к готовившемуся, но неосуществленному Н. И. и П. И. Паниными проекту «Фундаментальных прав, неприменяемых на все времена никакой властью» (т.е., по существу, проекту конституционной монархии в России). Позднее это *Завещание Панина*, изобилующее выпадами против самодержавия, использовали в пропагандистских целях декабристы. Сразу же после смерти покровителя (март 1783) Фонвизин сочинил брошюру *Жизнь графа Н. И. Панина*, вышедшую в С.-Петербурге сначала на французском языке (1784), а затем и на русском (1786). Славу и всеобщее признание Фонвизину доставила комедия *Недоросль* (1779–1781, пост. в сентябре 1782, опубл. 1783). О необыкновенном успехе пьесы при ее первой постановке на придворной сцене на Царицыном лугу свидетельствовал неизвестный автор «Драматического словаря» (1787): «Несравненно театр был наполнен, и публика аплодировала пьесу метанием кошельков». Это «комедия нравов», живописующая домашний быт дикой и темной семьи провинциальных помещиков. В центре комедии – образ госпожи Простаковой, самодурки и деспота в собственной семье и тем более среди своих крестьян. Ее жестокость в обращении с окружающими компенсируется неразумной и пылкой нежностью к сыну Митрофанушке, который благодаря такому материнскому воспитанию растет избалованным, грубым, невежественным и совершенно непригодным к какому-либо делу. Простакова уверена, что может делать что хочет, ибо на это дан указ о «вольности дворянской». Противопоставленные ей и ее родственникам Стародум, Правдин, Софья и Милон считают, что вольность дворянина заключается в праве учиться, а затем служить обществу своими умом и знаниями, что и оправдывает благородство дворянского звания. В финале приходит возмездие: Простакова отрешена от своего имения и брошена собственным сыном (тема жестокого, предающегося своим страстям и губящего подданных тирана сближает комедию Фонвизина с трагедиями А. П. Сумарокова). Современников более всего в *Недоросле* пленяли благоразумные монологи Стародума; позднее комедию ценили за колоритный, социально-характерный язык персонажей и красочные бытовые сцены (часто эти два

плана комедии – идеологический и бытописательный – противопоставлялись, как, например, в эпиграмме И. Ф. Богдановича: *Почтенный Стародум, / Услышав подлый шум, / Где баба непригоже / С ногтями лезет к роже, / Ушел скорей домой. / Писает ель дорогой, / Прости, я сделал то же*). В 1783 княгиня Е. Р. Дашкова привлекла Фонвизина к участию в издававшемся ею журнале «Собеседник русского слова». В первом же номере появился его *Опыт русского словника*. Составленный как будто бы для нужд готовившегося «Словаря Российской Академии наук», фонвизинский *Опыт* ... являлся прикровенной политической сатирой, изобличающей придворные порядки и «бездельничанье» дворян. В том же журнале в 1783 без заглавия и подписи были опубликованы политически острые и дерзкие «вопросы» Фонвизина (в рукописи они озаглавлены как *Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание*), адресованные Екатерине II и снабженные «ответами» самой императрицы, которая поначалу автором «вопросов» полагала И. И. Шувалова. Истина вскоре выяснилась, и таким образом Фонвизин своим «свободоязычием» навлек на себя неудовольствие власти и в дальнейшем испытывал затруднения с публикацией своих трудов. Перевод сочинения И. Г. Циммермана *О национальном лобочестве* (1785), повесть о гонениях, которые терпит мудрец, говорящий правду властителю (*Каллисфен. Греческая повесть*, 1786), и стихотворная басня *Лисица-Казнодей* (1787) были напечатаны анонимно. К 1788 он подготовил свое *Полное собрание сочинений и переводов* в 5-ти томах: была объявлена подписка, однако издание не состоялось, и даже рукопись его теперь утрачена. В том же 1788 он безуспешно добивался разрешения на издание авторского журнала «Друг честных людей, или Стародум» (часть подготовленных Фонвизиним материалов журнала увидела свет лишь в 1830). В последние годы здоровье Фонвизина сильно ухудшилось (в 1784–1785 он выезжал с женой для лечения в Италию) и вместе с тем возросли его религиозные и покаянные настроения. Они отразились в автобиографическом сочинении, написанном «по стопам» *Исповеди Ж.-Ж. Руссо, – Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях* (1791). Сохранившаяся неполностью последняя его комедия *Выбор гувернера* (между 1790 и 1792), посвящена, как во многом и *Недоросль*, вопросам воспитания, однако сильно уступает последней в художественном

отношении. Скончался Фонвизин 1 (12) декабря 1792 в С.-Петербурге после вечера, проведенного в гостях у Г. Р. Державина, где, по отзывам присутствовавших, был весел и шутлив. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

¹⁰⁰ Державин Гавриил Романович (1743 - 1816) - русский поэт, представитель классицизма в русской поэзии. Родился в Казани в семье мелкопоместного дворянина. В 1759 г. поступил в казанскую гимназию, в которой проучился около 3 лет и был в числе ее первых учеников, особенно преуспевая в «предметах, касающихся воображения». В 1762 г. Державин был вытребован в Петербург на военную службу. Последующий двенадцатилетний период мог оказаться гибельным для будущего поэта. Он пристрастился к игре в карты, сблизился с карточными шулерами. Позднее Державин так описывал свою «казарменную жизнь»: «...случалось, не на что было не токмо играть, но и жить, ел хлеб с водой и марал стихи». Спасла будущего поэта врожденная страсть к стихотворству. Начав с «солдатских площадных прибасок», он, «возгнушавшись сам собою», приступает к серьезным стихотворным переводам модных в то время авторов (Клейста, Геллерта, Клопшток и др.). В 1773 г. Державин, незадолго до этого произведенный в офицеры, принял участие в подавлении восстания Пугачева, и играл при этом весьма заметную роль (выполнял секретные поручения командования в Симбирске, Самаре и Саратове). Однако заслуги Державина не были оценены. Пугачевская эпопея закончилась для него большими неприятностями и даже преданием к суду. Причиной тому была отчасти «вспыльчивость» Державина, отчасти недостаток «политичности». Хотя суд над ним и был прекращен, проживать в столице ему было запрещено. В 1777 г. Державину было даровано «высочайшее прощение» (императрицей Екатериной II). Он возвращается в Петербург и получает должность в сенате и одновременно продолжает заниматься поэтическим творчеством. Его стихи охотно публикуют издатели и восторженно принимаются общественностью. Служба Державина в сенате не была продолжительной. В феврале 1784 г. он был вынужден уйти в отставку, но несколько месяцев спустя неожиданно назначен олонекским, а затем тамбовским губернатором. Однако с местными чиновниками у Державина сложились крайне неприязненные отношения. Дело дошло до столицы, и Екатерина II

решила, что «...если Державин уже был удален от должности, то так тому и быть». Опала Державина продолжалась до 1791 г., когда Екатерина II неожиданно назначила его своим статс-секретарем. Но служба и здесь для Державина оказалась неудачной. Он носил императрице целые кипы бумаг, требовал ее внимания к запутанным делам. Своим фаворитам Екатерина II жаловалась, что «... ее статс-секретарь лезет к ней со всяким вздором». Статс-секретарем Державин прослужил менее 2-х лет. В сентябре 1793 г. он был назначен сенатором. Это назначение было почетным удалением от службы при императрице. Но и в сенате неуживчивый характер Державина быстро привел к его отставке. После кончины Екатерины II и воцарения Павла I (1796 г.) Державин вновь подвергся гонениям, но ода «На восшествие на престол императора Павла Петровича» вернула ему милость нового монарха. Он получает место президента коммерц-коллегии, становится кавалером мальтийского ордена, и пишет большое количество стихотворных произведений, особенно увлекаясь подражанием греческим поэтам (Анакреонту, Пиндару и др.). В 1804 г. Державин издает целый сборник «Анакреонтических песен». При Александре I Державин одно время был министром юстиции, но в 1803 г. получил полную отставку. Последние годы жизни Державин провел в деревне Званке Новгородской губернии. Здесь он начинает увлекаться театром и пишет два больших драматических сочинения с музыкой, хорами и речитативами - «Добрыня» и «Пожарский», трагедии «Ирод», «Темный», «Атаболибо», оперы «Дурочка», «Покорение Казани» и ряд других сценических произведений. Театральные опусы Державина были подвергнуты уничтожающей критике (их называли «развалинами Державина»). И, тем не менее, по оценкам современников, Державин оставался до конца своей жизни «первым поэтом России».

¹⁰¹ Новиков Николай Иванович (1744-1818) – русский общественный деятель, мыслитель, писатель, поэт, журналист, издатель журналов и газет, таких, как «Трутенъ», «Живописец» и др.

¹⁰² Радищев Александр Николаевич (1749-1802) – русский поэт, писатель, философ, критик самодержавия, автор оды «Вольность», «Путешествия из Петербурга в Москву», «О человеке, о его смертности и бессмертии»

¹⁰³ Капнист Василий Васильевич (1756-1823), поэт, переводчик, драматург, деятель культуры и просвещения, статский советник

(1801), член Российской академии (1785). Из рода Капнистов. Учился в частном пансионе в Санкт-Петербурге. В 1770 вступил в гвардию (в Измайловском, с 1772 в Преображенском полку), где вошел в кружок поэтов (Н. С. Львов, Г. Р. Державин, И. И. Хемницер и др.). В 1775 получил первый офицерский чин и вышел в отставку. В 1782 избран предводителем дворянства Миргородского уезда Полтавской губернии, с августа 1782 контролер Главного почтового управления (под началом графа А. А. Безбородко). В 1783 оставил службу и уехал на родину (жил в селе Обуховка). С 1784 киевский губернский предводитель дворянства, с 1787 главный надзиратель Киевского шелковичного завода. В 1787 приехал в Санкт-Петербург по тяжбному делу; по ходатайству Л. А. Нарышкина причислен к Дирекции императорских театров на должность «по рассмотрению всех пьес...» (октябрь 1799 - август 1801)). Капнист своей деятельностью способствовал постановке русских пьес, привлек на петербургскую сцену известных актеров (А. Е. Пономарева, Н. Д. Сахарова, Я. Е. Шушерина). Входил в литературный кружок А. Н. Оленина. С 1802 генеральный судья 1-го департамента полтавского генерального суда. Находясь на службе при департаменте Министерства народного просвещения (март 1812 - февраль 1818), Капнист обратился через Министерство народного просвещения А. Н. Голицына с проектом неотложного уничтожения крепостной зависимости. В 1820-1822 полтавский губернский предводитель дворянства. Впервые Капнист выступил в печати в 1774. Известность ему принесла стихотворная «Сатира I» (1780), вызвавшая широкую полемику в связи с колкими замечаниями о современных литераторах. В «Оде на рабство» (1783, опубликована в 1806) выступил против закрепощения крестьян в Киевском, Черниговском и Новгород-Северском наместничествах. Свою «Оду на истребление в России звания раба» (1786, опубликована в 1787; написана в связи с указом императрицы о наименовании просителя не «раб», а «верноподданный») Капнист послал Екатерине II с надписью на обложке: «Освободительнице России». Капнист - сторонник постепенного освобождения крестьян; эти взгляды нашли отражение в «Оде на пиитическую лесть», «К восставшему греческому народу» и др. Автор оперы «Клорида и Милон» (1800), трагедий «Гиневра» (1809), «Антигона» (1814), переводов, в т.ч. комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» (1806). Комедия

«Ябеда» (1798; 1-я редакция под названием «Ябедник», 1793, запрещена цензурой) - острая сатира на бюрократию и суд, запрещенная к постановке после первых спектаклей (1798, запрет снят в 1805, пьеса шла на сцене до 1840). В 1814 участвовал в составлении «Словаря Академии Российской» (Капнисту поручен выбор слов из «Русской правды» и «Слова о полку Игореве»). Почетный член «Беседы любителей русского слова» (1811), в ее «Чтениях» публиковал свои стихи, а также статьи о стихосложении и др. Капнист сотрудничал в «Санкт-Петербургском вестнике» (с 1780-х гг.), «Московском журнале» (1792), «Аонидах» (1796-1797), «Северном вестнике», «Журнале древней и новой словесности», «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и др. Последние годы жизни занимался главным образом переводами произведений Горация.

¹⁰⁴ Дмитриев Иван Иванович (1760-1837) – русский поэт, представитель сентиментализма, баснописец, государственный деятель.

¹⁰⁵ Кармзин Николай Михайлович (1766-1826), российский историк, писатель, почетный член Петербургской АН (1818). Создатель «Истории государства Российского» (т. 1-12, 1816-29), одного из значительных трудов в Российской историографии. Основоположник русского сентиментализма ("Письма русского путешественника", "Бедная Лиза" и др.). Редактор "Московского журнала" (1791-92) и "Вестника Европы" (1802-03).

¹⁰⁶ Вольтер (фр. *Voltaire*; 1694-1778, Париж; урожденный - Франсуа-Мари Аруэ, фр. *François Marie Voltaire*; Voltaire - анаграмма «Arouet le j(eune)» - «Аруэ младший») - один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века, поэт, прозаик, историк, публицист, правозащитник.

¹⁰⁷ Марк Туллий Цицерон (*Marcus Tullius Cicerō*; 106 г. до н. э. - 43 до н. э.) - древнеримский политик и философ, блестящий оратор.

¹⁰⁸ Гай Саллюстий Крисп (86-35 до н. э.). Правильнее - Саллустий, лат. *Gaius Sallustius Crispus*) - римский историк

¹⁰⁹ Гораций Квинт Гораций Флакк (*Quintus Horatius Flaccus*) (65-8 до н.э.). римский поэт. В сатирах, лирических «одах», посланиях философские рассуждения, наставления житейско-философского характера в духе эпикуреизма и стоицизма. Траклат «Наука поэзии» стал теоретической основой классицизма.

Знаменитый «Памятник» Горация породил множество подражаний (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин).

¹¹⁰ Тацит Корнелий (Cornelius Tacitus) (ок. 55 – ок. 117 н.э.), один из величайших историков Древнего Рима. Родился, по видимому, в южной Галлии, в знатной семье. Получил образование, обыкновенное для человека, намеревавшегося посвятить себя государственной службе. Неизвестно, какое личное имя, Публий или Гай, носил Тацит. Первое назначение он получил при Веспасиане. Впоследствии был квестором, претором (в 88, когда его ввели в комиссию чиновников, отвечавших за проведение Столетних игр в память основания города) и в 97 – консулом. Вероятно, управлял какой-то небольшой провинцией в 89–93, а в 112–113 занимал более ответственный пост проконсула провинции Азия. В пору зрелости Тацит считался одним из виднейших римских юристов.

¹¹¹ Николай Иванович Греч (1787-1867, там же) -русский издатель, редактор, журналист, публицист, беллетрист, филолог, переводчик. К заслугам Греча относятся «Практическая русская грамматика» (Санкт-Петербург, 1827; второе издание: Санкт-Петербург, 1834), «Начальные правила русской грамматики» (Санкт-Петербург, 1828), «Пространная русская грамматика» (т. 1, Санкт-Петербург, 1827; второе издание: Санкт-Петербург, 1830) и усилия по унификации русской грамматики.

¹¹² Шевырев Степан Петрович (1806-1864), русский литературный критик, историк литературы и искусства, поэт.

¹¹³ Шишков Александр Семенович (1754-1841) - русский писатель и известный государственный деятель.

¹¹⁴ Плетнев Петр Александрович (1792-1865), поэт и критик, профессор российской словесности, впоследствии - ректор Петербургского университета; друг Пушкина и первый помощник его в литературных делах. Познакомились они еще до окончания Пушкиным Лицея; в годы михайловской ссылки поэт постепенно передал ему посредничество в издании своих произведений. Переписка их насыщена делами литературными, издательскими, финансовыми, практическими и проч. Плетнев, по собственному признанию, был для Пушкина «все: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром». Он выпустил в свет — то есть нашел издатели и книгопродавца, решил типографские, материальные и иные проблемы, более 20 книг Пушкина, причем делал это совершенно бескорыстно. Пушкин на-

зывает Плетнева «кормильцем», «благодетелем» и признается, что независимостью своей он «обязан Богу и тебе». Плетневу посвящен «Евгений Онегин». Трудно более точно определить свойства личности Петра Александровича, чем это сделал Пушкин в «Посвящении», назвав его человеком «души прекрасной, святой исполненной мечты, поэзии живой и ясной, высоких дум и простоты». Дружба их с годами крепла. Живя в Петербурге, они виделись чуть ли не ежедневно, Дружили семьями. Плетнев был «правой рукой» Пушкина в журнале «Современник», а после гибели поэта продолжил издание, по определению И. С. Тургенева, «унаследовав» журнал от Пушкина.

¹¹⁵ Киреевский Иван Васильевич (1806-1856) - один из виднейших представителей *славянофильства*. Родился в дворянской семье. Отец Киреевского был близок к масонским кругам XVIII в.; мать - глубоко религиозная женщина, под влиянием своего родственника — поэта Жуковского, была горячей поклонницей немецкого романтизма. Его отчим, Елагин, являлся почитателем Канта и Шеллинга. К двенадцати годам Киреевский знал в совершенстве немецкий язык, изучал древние языки. С 1822 года слушал лекции в Московском университете, в частности, по философии Шеллинга. С 1824 года Киреевский служил в архиве Министерства иностранных дел, где встретил ряд талантливых молодых людей, вместе с которыми основал философский кружок - «Общество Любомудров». В 1831 году Киреевский предпринимает поездку в Германию, слушает лекции Гегеля (с которым знакомится лично), Шлейермахера в Берлине, потом едет к Шеллингу в Мюнхен. По возвращении в Россию издавал журнал «Европеец» (1832), запрещенный на втором номере. Переходит от западничества к славянофильству. Существенным моментом в этом переходе служило обращение внимания со стороны жены на то, что идеи Шеллинга «давно ей известны - из творений свв. Отцов». И постепенно, как отмечает В. В. Зеньковский, Киреевский стал читать творения свв. Отцов, а затем у него завязались близкие отношения с духовными лицами. Особое значение имела близость имени Киреевского к Оптиной пустыни. «Киреевский в каком-то смысле ближе к Церкви, чем Хомяков, - он находился в постоянном общении с церковными людьми, особенно со старцами Оптиной пустыни. И если у Хомякова центральным понятием (не только в богословии, но и в философии) является понятие Церкви, то для мысли Киреевско-

го таким центральным понятием является понятие духовной жизни. Отсюда исходил Киреевский в своих философских размышлениях; в известном смысле, его главные построения базировались именно на понятии “духовного опыта”. В работах к. 1830-1850-х Киреевский развил философскую и социологическую систему, явившуюся теоретической основой славянофильства. Согласно Киреевскому, существуют две формы познания - отвлеченно-рациональная (свойственная западноевропейскому миру) и полная, “живая”, включающая в себя, кроме рационального, также этический, эстетический и др. моменты. Совокупность моментов этого “живого знания” подчинена высшему познавательному акту — религиозной вере. Эта форма познания в истинном и чистом виде свойственна православно-славянскому миру. Жизнь человека, группы наций основана на религии, которая определяет тип образованности и весь характер общества. Гибель западной цивилизации, пораженной язвой рационализма, неизбежна; ее может спасти только восприятие православно-славянской цивилизации, наиболее полно раскрывающейся в духе русского народа. Славянофильские идеи Киреевского тесно связаны с его учением о личности и с его антропологией (учением о духовной сфере как “внутреннем ядре” в человеке).

¹¹⁶ Надеждин Николай Иванович (1804-1856) (псевдоним Никодим Недоумко с Патриарших прудов) - русский литературный критик 30-х гг. XIX столетия, профессор словесных наук Московского университета. Начало литературной деятельности Надеждина относится к 1828 году, когда он выступил в «Вестнике Европы» Каченовского (№№ 21 и 22) со статьей «Литературные опасения за будущий год». После ряда критических работ он написал диссертацию на латинском языке, отрывки которой известны под названием «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии», получил после ее защиты степень доктора словесных наук и был назначен в Московский университет профессором по кафедре изящных искусств и археологии. Одновременно организовал журнал «Телескоп» и его приложение «Молву». Литературно-критическая деятельность Надеждина продолжалась до 1836 года, когда за помещение «Философических писем» П. Я. Чаадаева «Телескоп» был закрыт и Надеждин сослан в Усть-Сысольск. По возвращении из ссылки занимался этнографическими и историческими исследованиями, в частности историей религии; с 1842 года редактиро-

вал «Журнал Министерства внутренних дел». Являясь одним из ранних сторонников реалистической критики, Надеждин своими первыми литературными выступлениями возглавил борьбу против господствовавшего в то время романтизма. Считая искусство выражением жизни, Надеждин для русской литературы выставил три принципа: естественность, оригинальность, народность. Естественность есть не что иное, как реализм, народность - требование национального искусства. Соответственно этим требованиям основными жанрами литературы Н. выдвигал повесть и роман.

¹¹⁷ Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775-1854), немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма.

¹¹⁸ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Georg Wilhelm Friedrich Hegel; 1770-1831, Берлин) - немецкий философ, представитель вершины немецкой классической философии и философии романтизма.

¹¹⁹ Изоглосса - линия на диалектологической карте, ограничивающая территорию распространения отдельного языкового явления (в лингвистике).

¹²⁰ Подробный разговор о диалектах и жаргонах русского языка пойдет в разделе пособия, посвященном лексикологии.

¹²¹ Фольклор - (англ. *folklore*) - народное творчество, чаще всего именно устное; художественная коллективная творческая деятельность народа, отражающая его жизнь, воззрения, идеалы; создаваемые народом и бытующие в народных массах поэзия (предания, песни, частушки, анекдоты, сказки, эпос), народная музыка (песни, инструментальные наигрыши и пьесы), театр (драмы, сатирические пьесы, театр кукол), танец, архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Народное творчество, зародившееся в глубокой древности, - историческая основа всей мировой художественной культуры, источник национальных художественных традиций, выразитель народного самосознания. Некоторые исследователи относят к народному творчеству также все виды непрофессионального искусства (самодеятельное искусство, в том числе народные театры). Термин впервые был введен в научный обиход в 1846 году английским ученым Вильямом Томсом. В буквальном переводе *Folk-lore* означает: народная мудрость, народное знание. Этим термином сначала обозначали только сам предмет науки,

но иногда стали им называть и научную дисциплину, этот материал изучающую; однако затем последнюю стали называть фольклористикой.

¹²² Брюсов Валерия Яковлевич (1873-1924) - русский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк. Один из основоположников русского символизма.

¹²³ Интердиалект - функционирует наддиалектно, объединяя явления, оцениваемые обществом как «малограмотные», «простонародные». Интеллигентную «ученую» речь можно понимать как койне.

¹²⁴ Щерба Лев Владимирович (1888-1944) русский советский языковед, академик, внесший большой вклад в развитие психолингвистики, лексикографии и фонологии. Один из создателей теории фонемы. Щерба ввел понятие отрицательного языкового материала, а также понятие лингвистического эксперимента. При проведении эксперимента, полагал Щерба, важно не только использовать подтверждающие примеры (*как можно говорить*), но и систематически рассматривать отрицательный материал (*как не говорят*). В этой связи он писал: «особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря, и т. п.»Л. В. Щерба автор фразы «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка».

¹²⁵ Крысин Леонид Петрович (род.1935) – известный отечественный лингвист, профессор, доктор педагогических наук, заместитель директора Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН.

¹²⁶ Узус (от лат. usus - употребление), принятое употребление слов и выражений в противоположность окказиональному (обусловленному специфическим контекстом или индивидуальным вкусом).

¹²⁷ Предикатив - именная часть составного сказуемого. Любое составное сказуемое (то есть, выраженное не просто одним глаголом) имеет глагольную часть и именную (то есть, именно предикатив). Например: «Я стал врачом» (стал - это глагольная часть, врачом - именная часть, предикатив)

¹²⁸ Чернышев Василий Ильич (1867-1949) - русский советский языковед, член-корреспондент АН СССР (1931). Окончил Кир-

жачскую учительскую семинарию (1886). Учитель сельских, уездных, городских училищ (1886-1912). Был привлечен А. А. Шахматовым для словарной работы при Петербургской АН. Основные труды посвящены лексикологии, диалектологии, орфографии и орфоэпии, стилистике и методике преподавания русского языка. Чернышеву принадлежит наиболее полная диалектологическая программа (1900). В литературном языке он видел сложное взаимодействие книжного языка и различных диалектных систем («Правильность и чистота русской речи», 1911). Исследовал язык и стиль Е. А. Баратынского, А. В. Кольцова, В. И. Майкова, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, А. С. Пушкина. Автор ряда учебников и учебных пособий. Один из зачинателей «Словаря современного русского литературного языка», ответственный редактор т. 1-2 (1948, 1950). Ленинская премия (1970, посмертно).

¹²⁹ Сергей Иванович Ожегов (1900-1964) - российский и советский языковед, лексикограф, доктор филологических наук, профессор. Ученик В. В. Виноградова и Л. В. Щербы. Заведующий сектором культуры речи Института русского языка АН СССР (с 1952). Один из составителей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940). Автор однотомного «Словаря русского языка» (1949, 9 изд., 1972). Основные труды посвящены русской лексикологии и лексикографии, истории русского литературного языка, социолингвистике, культуре русской речи, языку отдельных писателей (И. А. Крылова, А. Н. Островского и др.). Редактор «Орфографического словаря русского языка» (1956, 5 изд., 1963), словарей-справочников «Русское литературное произношение и ударение» (1955), «Правильность русской речи» (1962). Основатель и главный редактор сборников «Вопросы культуры речи» (1955—1965). По инициативе Сергея Ивановича Ожегова в 1958 году в Институте русского языка была создана Справочная служба русского языка, отвечающая на запросы организаций и частных лиц, касающихся правильности русской речи.

¹³⁰ Риторика (греч. *rhētorikē* «ораторское искусство»), научная дисциплина, изучающая закономерности порождения, передачи и восприятия хорошей речи и качественного текста. В момент своего возникновения в древности риторика понималась только в прямом значении термина – как искусство оратора, искусство устного публичного выступления. Широкое осмысление пред-

мета риторики является достоянием более позднего времени. Ныне при необходимости отличить технику устного публичного выступления от риторики в широком смысле, для обозначения первой используется термин *оратория*. Традиционная риторика (*bene dicendi scientia* «наука о хорошей речи», по определению Квинтилиана) была противопоставлена грамматике (*recte dicendi scientia* – «науке о правильной речи»), поэтике и герменевтике. Предметом традиционной риторики, в отличие от поэтики, являлись только прозаическая речь и прозаические тексты. От герменевтики риторику отличал преимущественный интерес к убедительной силе текста и лишь слабо выраженный интерес к иным, не влияющим на убедительную силу компонентам его содержания. Методологическое отличие риторики и дисциплин риторического цикла от других филологических наук состоит в ориентации на ценностный аспект в описании предмета и подчиненности этого описания прикладным задачам. В Древней Руси существовал целый ряд синонимов с ценностным значением, обозначающих владение искусством хорошей речи: *благоязычие, доброречие, красноглаголанье, хит рословие, злат оустие* и, наконец, *красноречие*. В древности ценностный элемент включал и морально-этическую составляющую. Риторика считалась не только наукой и искусством хорошей ораторской речи, но и наукой и искусством приведения к добру, убеждения в хорошем посредством речи. Морально-этический компонент в современной риторике сохранился лишь в редуцированном виде, хотя некоторые исследователи предпринимают попытки восстановить его значение. Предпринимаются и другие попытки – определять риторику, полностью удаляя из определений ценностный аспект. Существуют, например, дефиниции риторики как науки о порождении высказываний. Устранение ценностного аспекта исследования речи и текста приводит к утрате специфики риторики на фоне описательных филологических дисциплин. Если задачей последних является создание полного и непротиворечивого описания предмета, которое допускает дальнейшее прикладное использование (например, в преподавании иностранного языка, создании систем автоматического перевода), но само по себе нейтрально по отношению к прикладным задачам, то в риторике уже само описание строится с ориентацией на потребности речевой практики. В связи с этим столь же важную роль, как и научная риторика, в системе риторических дис-

циплин, играет учебная (дидактическая) риторика, т.е. обучение технике порождения хорошей речи и качественного текста. Различия в определении предмета и задач риторики на протяжении ее истории сводились, по сути, к различиям в понимании того, какую именно речь следует считать *хорошей* и *качественной*. Сложились два основных направления. Первое направление, идущее от Аристотеля, связывало риторику с логикой и предлагало считать хорошей речью *убедительную, эффективную* речь. При этом эффективность тоже сводилась к убедительности, к способности речи завоевать признание (согласие, симпатию, сочувствие) слушателей, заставить их действовать определенным образом. Аристотель определял риторику как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета». Второе направление также возникло в Древней Греции. К числу его основателей относят Исократа и некоторых других риторов. Представители этого направления были склонны считать хорошей *богатой украшенной, пышной, построенной по канонам эстетической* речь. Убедительность продолжала иметь значение, но была не единственным и не главным критерием оценки речи. Следуя Ф. ван Эмерену, направление в риторике, берущее начало от Аристотеля можно назвать «логическим», а от Исократа – «литературным». В эпоху эллинизма «литературное» направление укрепилось и вытеснило «логическое» на периферию дидактической и научной риторики. Это произошло, в частности, в связи со снижением роли политического красноречия и повышением роли церемониального, торжественного красноречия после падения демократических форм правления в Греции и в Риме. В Средневековье такое соотношение продолжало сохраняться. Риторика стала замыкаться в сфере школьного и университетского образования, превращаться в литературную риторику. Она находилась в сложных взаимоотношениях с гомилетикой – учением о христианском церковном проповедничестве. Представители гомилетики то обращались к риторике, чтобы мобилизовать ее инструментарий для составления церковных проповедей, то вновь отгораживались от нее как от «языческой» науки. Преобладание «декоративно-эстетического» представления о собственном предмете углубляло отрыв риторики от речевой практики. На определенном этапе сторонники «литературной» риторики вообще перестали заботиться о том, годятся ли их ре-

чи для эффективного убеждения кого-либо. Развитие риторической парадигмы в данном направлении завершилось кризисом риторики в середине XVIII в. Соотношение сил изменилось в пользу «логического» направления во второй половине XX в., когда на смену старой риторике пришла неориторика, или новая риторика. Ее создатели были преимущественно логиками. Они создавали новую дисциплину как теорию практического дискурса. Наиболее весомую часть последней составила теория аргументации. Сферой интереса неориторики вновь была объявлена эффективность воздействия и убедительность речи и текста. В связи с этим неориторику иногда именуют неoarистотелевским направлением. Неориторика не отвергла результатов, полученных в русле «литературного» направления. Более того, некоторые исследователи риторики по сей день уделяют преимущественное внимание эстетическим качествам речи. Сегодня можно говорить о мирном сосуществовании и взаимном обогащении «логического» и «литературного» направлений при доминировании первого. Большинство определений, даваемых риторике различными ее исследователями на протяжении веков, помещают дисциплину в русле одного из двух охарактеризованных направлений. Новые представления о дисциплине отражаются в ряде современных определений риторики. Определения в русле «логического» направления: искусство правильной речи с целью убеждения; наука о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта; наука об условиях и формах эффективной коммуникации; убеждающая коммуникация; наука речевых действий. Определение в русле «литературного» направления: филологическая дисциплина, изучающая способы построения художественно-выразительной речи, прежде всего, прозаической и устной; близко соприкасается с поэтикой и стилистикой.

¹³¹ Якобсон Роман Осипович (Roman Jakobson, 1896-1982) - российский и американский лингвист, литературовед. С 1921 за границей, с 1941 - в США. Своей активной деятельностью в любом месте пребывания (Москва, Прага, Нью-Йорк) организовывал лингвистические кружки, внесшие существенный (а иногда и решительный не только в национальном, но и в общемировом масштабе) вклад в развитие лингвистики как науки. Один

из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении. Некоторые его работы представляют большой интерес для психолингвистики.

¹³² Винокур Григорий Осипович (1896-1947) - российский лингвист и литературовед. Труды по русской литературе, истории русского языка, стиховедению, теории словообразования.

¹³³ Головин Борис Николаевич (1916-1984) - выдающийся отечественный ученый-лингвист, ученик академика В. В. Виноградова, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор. Его многочисленные научные работы по теории языка, общей и русской грамматике, словообразованию и терминоведению, стилелогии и культуре речи при всей тематической широте представляют собой изложение единой лингвистической концепции. Б. Н. Головиным были созданы фундаментальные вузовские учебники: "Общее языкознание" (в соавторстве с Ф. М. Березиным); "Введение в языкознание", выдержавший четыре издания в СССР и переведенный на немецкий и литовский языки; "Основы теории синтаксиса современного русского языка". Ученый умел предвидеть тенденции развития лингвистики, ее актуальные задачи, поэтому не раз оказывался среди первооткрывателей новых научных направлений. В конце 50-х годов профессор Б. Н. Головин одним из первых в стране понял важность и необходимость применения математических методов в языкознании, а в 60-е годы он разработал вероятностно-статистическую методику изучения языковых и речевых явлений, доступную для филолога и необходимую при решении многих проблем лингвистической теории и практики. С именем Б. Н. Головина связано новое научное направление в исследовании стилей языка и стилей речи – стилостатистика. Разработанная ученым методика нашла практическое применение в ряде прикладных областей. Не случайно профессор Б. Н. Головин был одним из организаторов в Горьковском университете отделения прикладной лингвистики. В 70-е годы Б. Н. Головиным был написан ряд основополагающих статей по терминологии. Можно с уверенностью сказать, что профессор Головин создал горьковскую школу терминоведения, ставшую одной из основных в отечественной науке о терминах. Б. Н. Головин, основоположник оригинальной теории культуры речи как учения о ее коммуникативных качествах, разработал

первую вузовскую программу по новой, им же предложенной дисциплине "Основы культуры речи", создал первый в стране учебник по этому курсу.

¹³⁴ Панов Михаил Викторович (1920-2001) - российский лингвист, литературовед, публицист и поэт, доктор филологических наук, один из наиболее значительных представителей Московской фонологической школы. Труды по русской фонетике, орфографии и орфоэпии, а также по русской морфологии и синтаксису, истории русского языка, социолингвистике, стилистике, языку русской поэзии и др. проблемам русистики. Выступал также как успешный пропагандист и популяризатор науки, инициатор и автор лингвистических изданий для детей и нетрадиционных школьных учебников по русскому языку. Активно занимался методической и преподавательской деятельностью. Автор двух поэтических сборников, опубликованных в конце жизни.

¹³⁵ Шмелев Дмитрий Николаевич (1926-1993) - российский лингвист, доктор филологических наук, профессор, академик РАН (с 1987). Труды по лексической семантике русского языка, стилистике и языку художественной литературы; писал стихи и прозу.

¹³⁶ Солженицын Александр Исаевич (род. в 1918 году) - видный русский писатель, публицист и общественный деятель. Диссидент, один из духовных лидеров православно-патриотического движения, получил известность в первую очередь своей борьбой против коммунистической идеологии и советского режима, а также работами о еврейском вопросе в России и СССР. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1970. Лауреат Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности 2006 года. Автор книг «Архипелаг ГУЛАГ», «2Раковый корпус», «В круге первом» и др.

¹³⁷ Тавтология (греч.) - 1) использование близких по значению слов в одном предложении или словосочетании, не прибавляющих ничего нового к общему смыслу этого предложения или словосочетания (например, "истинная правда", "вернее верно-го"). Следует помнить, что тавтология может использоваться сознательно в художественной литературе, в разговоре и т.д.; 2) логический круг (ошибка) в определении какого-либо понятия (например, когда два понятия определяются через друг друга

или когда некоторое понятие определяется через себя самого);
3) тождественно-истинные высказывания (логические законы).

¹³⁸ Фрагмент работы М. М. Лаврентьева «Основные понятия некорректных задач».

¹³⁹ Костомаров Виталий Григорьевич (род. в 1930) - русский языковед, профессор, действительный член (1985), президент (1990-1991) Академии педагогических наук СССР (ныне Российская академия образования); инициатор создания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (1973), директор института. Президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

¹⁴⁰ Пиктограмма (от лат. *pictus* - рисовать и греч. *ὑράγμα* - запись) - схематическое изображение различных предметов и явлений. Обычно пиктограмма соответствует некоторому объекту и используется с целью предоставления более конкретной информации, подчеркивающей его типичные черты.

¹⁴¹ Иероглиф (от греч. *ἱερός*, «священный», и *γραφή*, «резное письмо») - название письменного знака в некоторых системах письма. Иероглифы могут означать как отдельные звуки и слоги (элементы алфавитного и сллабического письма), так и морфемы, целые слова и понятия (идеограммы). Первоначально термин употреблялся по отношению к древнеегипетскому письму. Сейчас кроме этого применяется для характеристики знаков китайского письма, а также знаков кандзи и кокудзи в японском языке и знаков ханчча в корейском языке.

¹⁴² Семиотическая – от семиотика - наука о знаках. Семиотика появилась в начале XX в. и с самого начала представляла собой метанауку, особого рода надстройку над целым рядом наук, оперирующих понятием знака. Несмотря на формальную институционализацию семиотики (существуют семиотическая ассоциация, журналы, регулярно проводятся конференции и т.д.), статус ее как единой науки до сих пор остается дискуссионным. Так, интересы семиотики распространяются на человеческую коммуникацию (в том числе при помощи естественного языка), общение животных, информационные и социальные процессы, функционирование и развитие культуры, все виды искусства (включая художественную литературу), метаболизм и многое другое.

¹⁴³ Транскрипция или практическая транскрипция - передача буквами языка перевода (языка издания), как произносится на языке оригинала неперебиваемое слово; напр., передача буквами русского алфавита, как произносится на англ. языке неперебиваемое с него слово (имя, фамилия, географическое название, термин, не имеющий аналога в русском языке). Транскрипция передает звуки иноязычного слова.

¹⁴⁴ Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845-1924) - крупнейший русский и польский лингвист. Свою научную деятельность он начинал под руководством И. И. Срезневского. В 1875 году ученый стал профессором, а в 1897 году членом-корреспондентом Академии наук. Бодуэн де Куртенэ совершил переворот в науке о языке: до него в лингвистике господствовало историческое направление - языки исследовались исключительно по письменным памятникам. Он же в своих работах доказал, что сущность языка - в речевой деятельности, а значит, необходимо изучать живые языки и диалекты. Только так можно понять механизм функционирования языка и проверить правильность лингвистических теорий. Бодуэн де Куртенэ в течение многих лет изучал разные индоевропейские языки, писал свои научные труды не только на русском и польском, но и на немецком, французском, чешском, итальянском, литовском и других языках. Работая в экспедициях, исследовавших славянские языки и диалекты, он фиксировал все их фонетические особенности. Его открытия в области сопоставительного (типологического) анализа славянских языков предвосхитили появление идей, которые позднее нашли свое отражение в работах выдающегося типолога-слависта Р. О. Якобсона. Эти исследования позволили Бодуэну де Куртенэ создать теорию фонем и фонетических чередований, изложенную в его "Опыте фонетических чередований" (1895). Ее логическим продолжением явилась созданная ученым теория письма. Бодуэн де Куртенэ первым начал применять в лингвистике математические модели. Доказал, что на развитие языков можно воздействовать, а не только пассивно фиксировать все происходящие в них изменения. На основе его работ возникло новое направление - экспериментальная фонетика. В XX веке в этой области ученые добились выдающихся результатов. Работая в Казани в 1874-1883 гг., ученый основал Казанскую лингвистическую школу, в рамках которой расцвел талант выдающегося ученого

В. А. Богородицкого, под его непосредственным влиянием проходило становление замечательных русских лингвистов XX в. Л. В. Щербы и Е. Д. Поливанова.

¹⁴⁵ Графема (от греч. γράφω - пишу и - ема) - единица письменной речи (в алфавите - буква напр., а, б и т. д.; в неалфавитных системах письма - слоговой знак, иероглиф, идеограмма и др.). Графема однозначно отличима от любой другой единицы этой же письменности.

¹⁴⁶ Идеография (греч. Idea - понятие + Grapho – пишу) - система письма, в которой вместо букв, соответствующих звукам, используются знаки (символы), выражающие предметы и понятия. Высшим этапом развития идеографии является иероглифическое письмо.

¹⁴⁷ Пиктография - (от лат. pictus - нарисованный и греч. grapho - пишу), рисуночное письмо, способ передачи сообщения при помощи последовательности рисунков

¹⁴⁸ Авеста - собрание священных книг зороастризма, самой первой из мировых религий откровений, последователи которой проживали в Средней Азии, Иране, Афганистане, Азербайджане, и ряде стран Ближнего и Среднего Востока. Зороастризм до сих пор исповедуют также *парсы* в Индии и *гебры* в Иране.

¹⁴⁹ Умлаут или реже умляут (нем. *Umlaut*) - диакритический знак, указывающий на фонетическое явление умлаута гласных звуков в немецком и некоторых других языках. Обычно изображается в виде двух точек над буквой, в готическом же шрифте традиционно (за исключением последних десятилетий) выглядел как маленькая надстрочная буква е. В немецком присутствует в таких буквах, как Ää, Öö и Üü (называемых «А-умляут», «О-умляут» и «U-умляут» соответственно).

¹⁵⁰ Аванесов Рубен Иванович (1902-1982) - российский языковед, основоположник хронологической школы, один из основателей московской фонологической школы, член-корреспондент АН СССР, профессор МГУ. Основные труды посвящены исторической и описательной русской диалектологии, истории русского языка, исторической и описательной фонетике, фонологической теории, русской орфоэпии и орфографии.

¹⁵¹ Реформатский Александр Александрович (1900-1978) - российский лингвист, доктор филологических наук (1962, без защиты диссертации), профессор (с 1962), один из представителей

Московской фонологической школы. Труды по фонологии, транскрипции, графике и орфографии, морфологии, семиотике, терминоведению, истории лингвистики. Автор классического учебника «Введение в языковедение» (первое изд. 1947).

¹⁵² Зиндер Лев Рафаилович (1903-1995) - лингвист, ученик Л. В. Щербы. Доктор филологических наук (с 1955). Л. Р. Зиндер - автор многочисленных работ в области фонетики, фонологии, германистики, прикладной лингвистики. После смерти Щербы именно он долгое время был хранителем традиций Ленинградской фонологической школы.

¹⁵³ Матусевич Маргарита Ивановна (1895-1979) – отечественный лингвист, исследователь фонетики ряда языков. Организатор так называемых «слуховых семинаров».

¹⁵⁴ Палатографирование - в 70-ые годы XIX в. немецкий физиолог Грютцнер [Grützner 1879] прибегнул к методу, который получил название палатографии. Он с помощью зеркала зарисовывал отпечатки, которые получались при соприкосновении с небом языка, предварительно окрашенного безвредной краской. По таким рисункам – палатограммам – можно судить о полном закрытии ротового прохода или наличии щели и достаточно уверенно определить, какая именно часть языка касалась неба. Этот способ был использован Грютцнером, чтобы определить артикуляцию согласных [s] и [ʃ], относительно образования которых не было единого мнения. В 1880 г. было описано «искусственное небо» - тонкая целлулоидная пластинка, повторявшая форму неба говорящего, которая посыпалась тальком и накладывалась на небо информанта; после произнесения изучаемых звуков искусственное небо вынималось, отпечаток на нем можно было срисовать или сфотографировать [Panconcelli-Calzia 1940]. Палатографией с помощью искусственного неба широко пользовались фонетисты в XIX – XX вв. (в частности, Техмер, Богородицкий, Щерба и многие другие). В конце 80-х гг. Р. Ленц постарался усовершенствовать эту методику. Пользуясь слепком своего собственного неба, он разделил его по средней линии на несколько частей, шириной приблизительно в 1 см, поскольку, по его наблюдению, при смычных согласных язык соприкасается с небом на таком участке. Это позволяло более точно оценивать форму языка, и действительно, предложенные автором схемы положения языка близки к тем, которые получали позднее на рентгеновских снимках. Палатографирование

дало возможность уточнить место артикуляции согласных (и косвенным образом в отдельных случаях – действующий орган); эта методика широко применялась на протяжении XX в. Для исследования артикуляции гласных метод палатографии мало пригоден, так как язык касается неба только при произнесении достаточно закрытых гласных [i, e], поэтому некоторые фонетисты прибегали к прямому измерению расстояний между небом и языком с помощью градуированной картонной полоски; этот метод предложил Ч. Гренджент, его примеру следовали и другие. Форму поверхности языка пытались определить, вкладывая в рот полоску разогретого вулканизированного каучука, которая изгибалась в соответствии с артикуляцией того или иного гласного и, остывая, сохраняла полученную форму. Использовались и более сложные специально сконструированные механические приспособления.

¹⁵⁵ Лингвографирование (от лингвография) – этим термином, появившимся в Казанском университете в 80-х годах прошлого века, можно определить междисциплинарную область языкознания, занимающуюся теорией и практикой составления языковых справочников – лингвариев

¹⁵⁶ Одонтографирование – современный метод медицинской стоматологической (компьютерной) диагностики положения и состояния зубов при произношении отдельных звуков.

¹⁵⁷ Осциллографирование – современный метод исследования преобразований колебаний воздуха в акустический сигнал.

¹⁵⁸ Спектрографирование – современный метод лингвистических исследований, позволяющий представить полную акустическую картину состояния звука.

¹⁵⁹ Интонографирование – один из современных методов фиксации, изучения и исследования интонационного построения и образования звуков речи.

¹⁶⁰ Альтернатия (*лат.* alternatio – чередование). То же, что чередование звуков (чередование в широком смысле слова).

¹⁶¹ Дивергенция – (от средневекового лат. *divergo* – отклоняюсь), в биологии – расхождение признаков и свойств у первоначально близких групп организмов в ходе эволюции. Понятие дивергенции введено Ч. Дарвином для объяснения многообразия сортов культурных растений, пород домашних животных и биологических видов. В широком смысле употребляется для характери-

стики расхождения первоначально заведомо близких признаков и свойств предметов, явлений и пр.

¹⁶² Бопп Франц (1791-1867) – немецкий ученый, филолог и лингвист, один из родоначальников сравнительно-исторического метода изучения мировых языков.

¹⁶³ Раск Расмус (1787-1832) – датский ученый, исследователь германских и скандинавских языков.

¹⁶⁴ Востоков Александр Христофорович (1791-1864) - (Востоков - псевдоним, настоящая фамилия - Остенек) - выдающийся славист, историк языка, поэт и исследователь русского стихосложения. С 1826 года Востоков состоял членом Российской академии и членом-корреспондентом Академии наук, в 1841 году был избран академиком. Ему принадлежат труды по сравнительной грамматике славянских языков, лексикографии церковнославянского и русского языков, палеографии (в 1843 году он осуществил первое научное издание "Остромирова Евангелия" - уникального древнерусского рукописного памятника). В "Рассуждениях о славянском языке" (1820) Востоков впервые описал существование носовых гласных в старославянском языке, доказал, что буквы ѣ и ѣ в славянских рукописях обозначали гласные звуки. Ученый много работал над составлением и редактированием словарей: ему принадлежит "Словарь церковнославянского языка" (1858-1861), под его редакцией вышел "Опыт областного великорусского словаря" (1852), а в 1831 году была опубликована его "Русская грамматика". Особенностью этого исследования является то, что оно основано на изучении и описании фактов живого разговорного языка и языка литературного, преимущественно языка Пушкина. Благодаря Востокову он закрепился как норма, как образец. Только в XIX в. эта грамматика переиздавалась более 12 раз, а всего до настоящего времени выдержала 28 изданий. Востоков впервые выделил в русском языке существительные *singularia tantum* и *pluralia tantum*, определил существительные общего рода. Как написал о нем другой выдающийся филолог - историк языка И. И. Срезневский: "Востоков сделал ряд открытий, которые должны были изменить понятия о славянском языке, дотоле господствовавшие... Своими взглядами на судьбы славянского языка, сошедшими с последовавшими открытиями западноевропейских филологов, Востоков положил прочное основание славянской филологии".

¹⁶⁵ Русская экспериментально-фонетическая школа известна своими достижениями во всем мире. Основателем школы был выдающийся лингвист И. А. Бодуэн де Куртене. Первое экспериментально-фонетическое исследование системы русского вокализма принадлежит главе и основателю Ленинградской фонетической школы Л. В. Щербе. Московская фонетика связана в первую очередь с именами А. А. Реформатского, Р. И. Аванесова, П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова. Мощный импульс для своего развития получила экспериментальная фонетика с развитием современной компьютерной техники, которая позволила фонетисту-исследователю иметь в своем распоряжении целую экспериментально-фонетическую лабораторию на одном персональном компьютере.

Русские языковеды внесли большой вклад и в изучение истории развития фонетической системы праславянского и древнерусского языков (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев), русской диалектологии и диалектной фонетики (Н. Н. Дурново, А. А. Шахматов, Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов).

¹⁶⁶ Редуцированный – сведенный к чему-нибудь, от слова редукция (лат. *reductio*) – логический прием преобразования каких-либо данных к более удобному с какой-либо точки зрения виду. Здесь – изменение звука – его долготы и пр. параметров.

¹⁶⁷ Крушевский Николай Вячеславович (1851-1887) – видный лингвист XIX в., специалист в области сравнительной грамматики индоевропейских и славянских языков, предвосхитивший в своих исследованиях ряд магистральных направлений развития языкознания, один из основателей Казанской лингвистической школы.

¹⁶⁸ Бельчиков Юлий Абрамович (1928) – доктор наук, профессор МГУ, известный отечественный лингвист, специалист по лексике и лексикографии.

¹⁶⁹ Франс Анатоль (фр. *Anatole France*; настоящее имя *Жак Анатоль Франсуа Тибо, Jacques Anatole François Thibault*; 1844 – 1924) – известный французский романист и литературный критик. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1921 год.

¹⁷⁰ Таксон – группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков и благодаря этому дающих основание для присвоения им определенной таксономической категории. Выделение таксона может опираться на

разные свойства и признаки объектов (общность происхождения, строения, состава, формы, функций и т.д.), но при этом в каждом случае набор признаков и свойств должен быть необходимым и достаточен для того, чтобы данный таксон занимал единственное место в системе и не пересекался с другими (а это на практике почти не решаемая задача). Примеры таксонов разного уровня ранга (подвид, вид, род, семейство и др.).

¹⁷¹ Фердинанд де Соссюр (фр. *Ferdinand de Saussure*, 1857-1913) - швейцарский лингвист, создатель Женевской лингвистической школы и структурализма, один из самых влиятельных гуманитарных учёных XX века. Основная работа - «Курс общей лингвистики» (фр. *Cours de linguistique générale*), опубликованная посмертно в 1916 Шарлем Балли и Альбером Сеше на материале университетских лекций Соссюра.

¹⁷² Гульянов Иван Александрович (1789-1841) – русский лингвист, дипломат, историк, египтолог.

¹⁷³ Роже Питер Марк (1779-1869) - врач по специальности, в 1852 году Роже опубликовал первое издание своего «Тезауруса английских слов и выражений», над которым работал около 50 лет. Выдержав немало успешных переизданий, «Тезаурус Роже» стал классическим справочником по английскому языку. Это свод английских синонимов, составленный так умно, что за минуту можно отыскать синонимы любого слова, если они вообще существуют. Создал также логарифмическую линейку в ее современной форме и изготовил первые карманные шахматы.

¹⁷⁴ Шанский Николай Максимович (1922-2005) - крупнейший специалист в области русского языкознания и лингводидактики, доктор филологических наук, профессор, действительный член Российской академии образования, автор более 500 публикаций, в числе которых научные исследования, учебники и учебные пособия для студентов и школьников, научно-популярные работы для учителей, учащихся и всех любителей российской словесности. Его многочисленные ученики и последователи успешно трудятся в вузах, школах, научно-исследовательских заведениях России и зарубежных стран. Заметный след в науке о русском языке оставил классические труды Н. М. Шанского "Основы словообразовательного анализа", "Очерки по русскому словообразованию и лексикологии", "Лингвистический анализ художественного текста", "Фразеология современного русского языка", "Этимологический словарь русского языка" (при соав-

торстве, редактировании и общем научном руководстве Н. М. Шанского опубликованы выпуски от А до Л), а также "Лексикология современного русского языка", одно из первых монографических описаний номинативной системы русского языка, во многом определившее построение и содержание последующих учебных пособий других авторов, которые стали активно создаваться после выхода книг Н. М. Шанского.

Борис Рувимович Мандель

**Современный русский язык: история, теория
практика и культура речи**

Книга I

**Иллюстрированный учебник
для студентов высших учебных
заведений гуманитарного
направления
(бакалавриат)**

Ответственный редактор *Н. Соломадина*

Корректор *С. Мартынович*

Верстальщик *С. Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru